

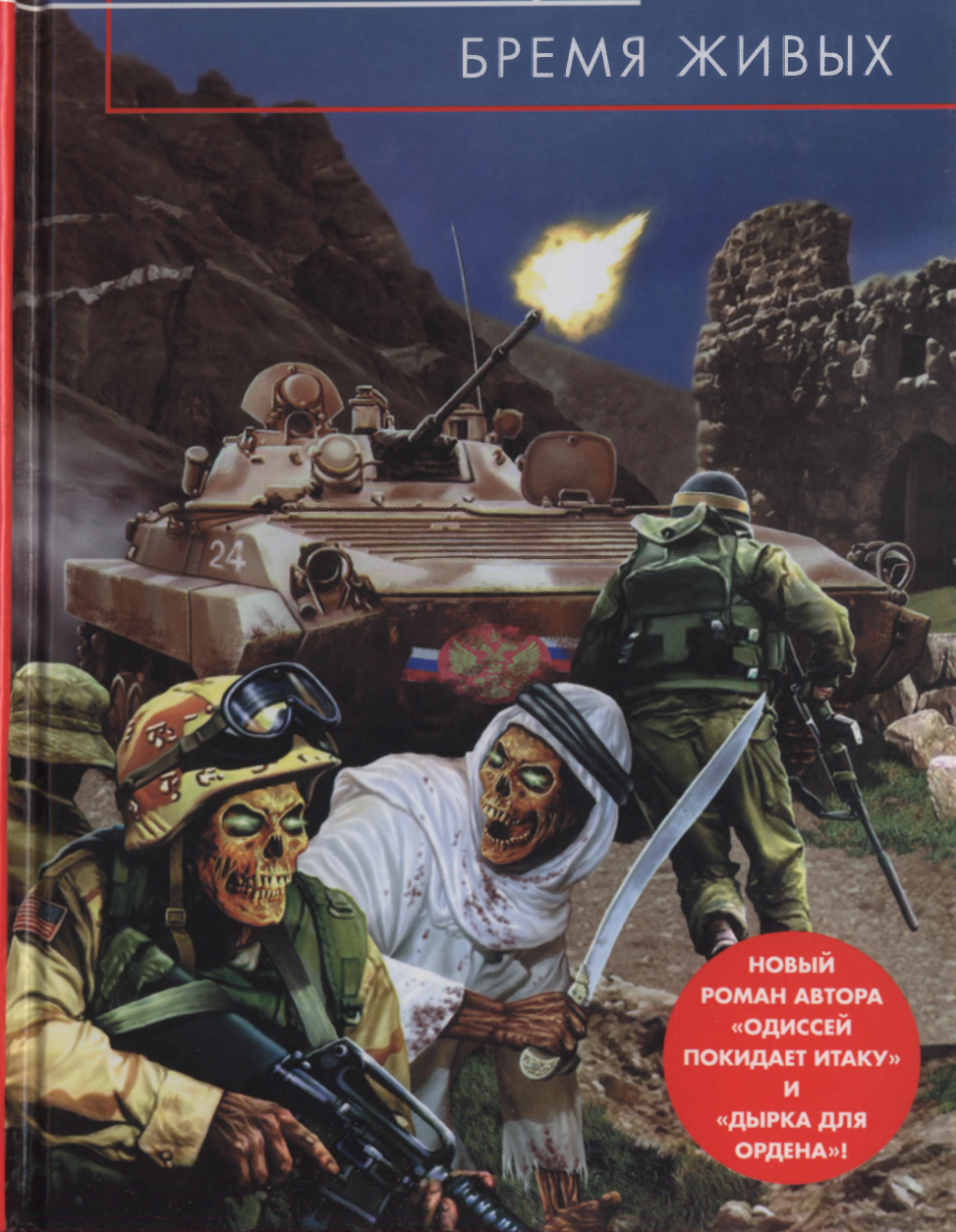
ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

БРЕМЯ ЖИВЫХ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

БРЕМЯ ЖИВЫХ

НОВЫЙ
РОМАН АВТОРА
«ОДИССЕЙ
ПОКИДАЕТ ИТАКУ»
И
«ДЫРКА ДЛЯ
ОРДЕНА»!

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ
ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА
БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

БРЕМЯ ЖИВЫХ

ВАСИЛИЙ --- ЗВЯГИНЦЕВ

БРЕМЯ
ЖИВЫХ

МОСКВА
«ЭКСМО»
2004

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3 45

Оформление серии художника *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В.Д.

3 45 **Бремя живых: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 512 с. — (Русская фантастика).**

ISBN 5-699-06820-1

Бои «на том свете», в мире «бокового времени», не проходят даром для их участников. Только Вадиму Ляхову и в меньшей степени Сергею Тарханову удастся сохранить самообладание и разработать план действий, цель которых — вернуться в свою реальность со славой для себя и пользой для Отечества, где, в свою очередь, начинают набирать темп драматические события. Беспорядки в Польше грозят перерасти в Мировую войну, двоевластие в России доживает последние часы, и тем, кто взял на себя ответственность за судьбу страны, предстоит выбор: демократия или монархия, поражение или победа. Времени до часа икс остается все меньше.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Несите бремя белых —
Пошлите сыновей
В изгнание, на службу
К врагам страны своей.

Несите бремя белых —
Далек покоя миг,
Усталость задушите,
И ропот свой, и крик.
Несите бремя белых.

Все, что свершить смогли вы,
И все, что не смогли,
Пристрастно взвесят люди,
К которым вы пришли.

Редьярд Киплинг, 1892 г.

ГЛАВА 1

Псле утомительного марш-броска по пересеченной местности маленькая колонна из двух грузовиков и МТЛБ¹ «Тайга» остановилась на привал в виду маленького городка Хасрун, от которого оставалось каких-то сорок километров до портового города Триполи.

Вечерело. Подсвеченная быстро скатывающимся к горизонту солнцем панорама вся, кроме ближайших окрестностей, сливалась в размытую синеvато-розовую акварельную дымку. Наподобие театрального задника, исполненного кистью Мане. Или Моне. Ляхов всегда их путал. В общем, того, кто любил рисовать туманы над Темзой.

Горный массив Ливанского хребта начинал отсюда свой спуск к приморским долинам. Не слишком разбитая, шоссированная местным щебнем дорога спускалась вдоль широкого распадка, и уже завиднелись далеко внизу рощи вечнозеленых деревьев, а среди них там и тут крыши то бедных домиков, то вполне приличных коттеджей.

¹ Многоцелевой транспортер легкобронированный.

Еще немного — судя по карте, только пересечь долину и подняться на следующий горный отрог — и развернется перспектива бескрайнего моря и небоскребов на его берегу.

Ну, не в полном смысле небоскребов, однако десяти-пятнадцатизэтажные дома в Триполи имелись. Особенно в районе порта. Если сейчас прибавить скорость, прокатиться с ветерком по серпантину, то уже часа через полтора можно добраться до места и разместиться на отдых в любом, самом шикарном отеле по выбору.

Однако Тарханов медлил. Непонятно отчего.

Сидел на краю конической броневой башни, водил биноклем по ближним и дальним окрестностям, поигрывал желваками скул, думая какую-то свою, высокую командирскую думу, а весь личный состав — в количестве четырех человек — толпился рядом.

Над закатным пейзажем сгустилась непонятная тишина, слегка нарушаемая щелчками и потрескиваниями, исходящими от только что заглушенного, перегретого дизеля. Именно что непонятная, поскольку народ тут подобрался разговорчивый, любящий как задавать, так и активно обсуждать даже риторические вопросы. И вдруг...

Может быть, на каждого по-своему повлияло все случившееся в течение дня — долгий марш по горам, встреча со странным чеченцем, старшим сержантом «Советской армии», его смерть и торопливые похороны.

На Ляхова и Майю вдобавок особое впечатление произвела заметка из израильской газеты на русском языке, в которой сообщалось об очередной приграничной стычке, состоявшейся годом раньше, где пропали без вести два русских офицера с фамилиями Ляхов и Тарханов, теми же инициалами, но несколько другими воинскими званиями. Из чего можно было предположить, что речь шла об их двойниках из параллельной реальности, а можно — что имело место обыкновенное, хотя и редкостное совпадение. Или же — провокация

неких тайных, а то и потусторонних сил, преследующих собственные, но вряд ли добрые цели.

Этот странный текст, подчиняясь не совсем понятному, суеверному чувству, они решили пока никому больше не показывать. И без того психологическая атмосфера в их дружном, спаянном коллективе как-то не приметно начинала портиться.

Может быть, все дело в огромной эмоциональной и физической перегрузке. Даже и сильным людям трудно пережить, не сломавшись, все, что с ними случилось за последние дни. Да и весь предыдущий год выдался уж очень непростым. Но как-то выдержали, дотянули, наконец, до отпуска с долгожданными пикниками, рыбалкой, прочими радостями жизни, и на тебе — случилось вдруг такое¹.

Известно, что, когда нагрузки на психику становятся невыносимыми, наступает так называемое запредельное торможение. Не хочется уже ничего: ни думать, ни говорить, ни действовать.

А если командир, полковник Тарханов, еще в состоянии руководить и принимать ответственные решения — пусть он это и делает.

— В город не пойдем, — огласил наконец итог своих размышлений Сергей и пояснил: — Скоро стемнеет. Обстановка по-прежнему неясна, источник угрозы неизвестен. Судя по тому, что Гериев даже в агонии пытался предупредить — «гранатомет — хорошо», возможна встреча с вражеской бронетехникой или чем-то подобным. Хотя, чтоб мне век генеральских погон не видеть, представить не могу, откуда здесь еще чья-то бронетехника...

Он спрыгнул на землю.

— Короче, в любом случае подставляться нецелесо-

¹ См. роман «Билет на ладью Харона».

образно. Знаем, видели... Будем ждать утра. Место для ночевки — здесь.

Тарханов указал на довольно глубокую выемку в откосе слева от дороги, окруженную с трех сторон колючим кустарником. В ней вполне могли поместиться все машины отряда.

Что ж, так, значит, так. Решение командиром принято, спорить или сомневаться оснований нет. Девушки, конечно, слегка загрустили, они уже давно настроились на то, что вскоре примут душ, переоденутся. Может быть, даже прогуляются по городской набережной и лягут спать в нормальных постелях, на чистых простынях. А теперь, значит, опять костер, консервы, спальный мешок, под которым в самый неподходящий момент обязательно вдруг обнаружится удивительно жесткий камень.

Грузовики загнали вглубь, до упора бамперами в откос. Транспортёр, развернув башню в поле, перекрыл въезд на стоянку. Будто вагенбург¹ времен среднеазиатских походов Скобелева.

Никакой охранной техники, вроде детекторов массы, тепловизоров или радиолокаторов, на «Тайге» не имелось, и Тарханов, как это делалось в войсках последние пять тысяч лет, назначил часовых, исходя из наличного мужского состава, — дежурства по два часа через четыре.

После погрузочных работ, боя (ну, пусть не боя, перестрелки), более чем полусуточного марша всем хотелось только спать. Ужинали наскоро, почти молча, ограничиваясь лишь самыми необходимыми словами.

Смена Ляхова начиналась в час ночи, после дежурства Розенцвейга, и выспаться он вполне успел. То есть Вадим, конечно, с удовольствием придавил бы и еще ми-

¹ Вагенбург — полевое укрепление из составленных кольцом или квадратом телег, фугонов.

нут триста, но уже так, в охотку, а чувствовал он себя вполне нормально. Хотя и слегка подзамерз.

Девушки-то ночевали в кузове «Опеля», утеплившись, вдобавок к спальникам, верблюжьими одеялами, а офицеры, чтобы быть в полной боеготовности, ютились на узких откидных скамейках в десантном отсеке «Тайги», рядом с бойницами и башенным пулеметом. А температура ночью в этих горах всегда падала ниже нуля, хотя и ненамного.

Заводить же дизель для обогрева на ночевке любой толковый вояка отучается на первом году службы. Если хочет дожить до следующего утра.

Розенцвейг сдал пост, утрируя повадки адепта¹ Устава караульной службы:

— Так что позвольте доложить, за время моего дежурства ничего не случилось. Техника в целости и сохранности, слева горы, справа море, на небе луна в третьей четверти. Выданные в количестве тридцати штук патроны — вот они. Командир спит и во сне время от времени скрипит зубами и нецензурно выражается. Одним словом, бригадный генерал Розенцвейг пост сдал.

— Полковник Половцев пост принял. Не изволите ли, Григорий Львович, коньячку по глоточку, а то дрожь меня чтой-то на ветерке пробирает...

— С нашим удовольствием. Глотнем, перекурим вот тут, за машиной, чтоб не демаскироваться, а то ведь огонь зажигалки за сколько ночью виден, за версту или дальше?

— Зависимо от рельефа местности. Только сомнительно мне, что есть кому этот огонь заметить. От могилы нашего Гериева мы уже полста с лишним километров по прямой проскочили, а по счетчику больше сотни набирается. Мы с вами сейчас как та пуганая ворона, любого куста боимся...

¹ Адепт — ревностный сторонник какого-либо учения, идеи.

— Рад бы не бояться, только жизнь уж больно наглядно нас последнее время учит. И мой чересчур, к сожалению, обширный опыт подсказывает, что от излишней осторожности куда меньше людей пострадало, чем от противоположной черты характера. В общем, спасибо за угощение, Вадим Петрович, пойду-ка я свои пару тройку часиков доберу, а там уже и утро.

Ляхов остался один.

Два длинных глотка выдержанного французского коньяка и крепкая турецкая сигарета окончательно прогнали сон.

Тишина воцарилась вокруг оглушительная, как только Розенцвейг закончил возиться внутри транспортера. Почти полная луна освещала дорогу, создавая декорацию совершенно лермонтовскую: «...кремнистый путь блестит... пустыня внемлет богу, и звезда с звездою говорит».

Ежели б не все привходящие обстоятельства, чего сейчас не радоваться жизни, не любоваться освещенным призрачным светом библейским пейзажем, не рисовать в уме план дальнейших скитаний по необъятной земле, лежащей вокруг?

Он вправе выбрать свой путь, по крайней мере, в течение ближайшего полугода. Впервые в жизни Вадим лично свободен, и рядом с ним, кроме надежных друзей — очаровательная женщина, интереснее и эффектнее, чем любая из его предыдущих подруг и приятельниц. (Хотя, как говорил один неглупый товарищ, свобода с женщиной — это все равно, что свобода передвижения, если тебя привяжут к паровозу.) Ну да бог с ним, армейским остряком, Майя свободы Ляхова пока не ограничивала сверх той меры, на которую явно или неявно соглашался он сам.

Сейчас же он чувствовал ограничители, вроде бы внутренние, то есть не слишком обязательные, но на са-

мом деле куда более жесткие, чем любые, действующие извне.

А именно?

Ляхов забрался на несколько метров вверх по откосу, устроился в тени куста с плотными кожистыми листьями, на ощупь будто смазанными парафином, оперся спиной о плоский кусок песчаника, еще хранивший, казалось, остатки солнечного тепла. С этой позиции ему виден был и порядочный кусок дороги выше и ниже стоянки, и вся техника, и противоположный склон, гораздо более пологий, откуда мог бы подобраться гипотетический враг.

Но врагом и не пахло, в буквальном и переносном смысле.

Вадим, слегка манкируя¹ уставом, опять закурил в рукав, пуская дым между коленями, на которых лежал взведенный автомат.

«Я отчего-то не очень люблю усложненные ситуации», — иногда он, в соответствующем настроении или когда обстановка требовала предельной ясности, начинал думать не смесью образов, эмоций и обрывков фраз, как это делает большинство людей, а четким и связным текстом, который сразу, без заминок и поисков нужного слова, можно было бы диктовать стенографистке. За неимением таковой он укладывал свой внутренний монолог в специально отведенную ячейку памяти. Откуда мог его извлечь в неповрежденном виде и через месяц, и через год.

«И вообще привык, что в каждый данный момент человек должен решать одну проблему. Почему мне и нравилось больше всего работать гражданским врачом на станции «Скорой помощи». Там уж точно — в каждый конкретный момент проблема только одна. Получил вы-

¹ Манкировать — небрежно относиться, пренебрегать чем-либо (фр.).

зов, поехал, не важно, зимой или летом, по асфальтированной улице в центре города или по занесенному снегом проселку в отдаленную деревню. Важно главное: пока не сделал это дело (любой сложности) — другого не возникнет. Ну, если только по пути не попадется случайно сбитый машиной пешеход или не вынесут к обочине внезапно роженицу.

Сделаешь, что нужно, и до следующего вызова снова свободен. Довез пациента живым до больницы, сдал в приемный покой — твой долг исполнен. И, в отличие от обычного врача, можешь больше о судьбе больного не заботиться. Если уж только совсем какой-то особенный случай подвернется...

Однако предпочел столь приятную и «спокойную» жизнь сначала хлопотной должности военного врача, а потом и слушателя Дипломатической академии. Ради чего? Следуя принципу: «Всякий человек настойчиво стремится к пределу своей некомпетентности»? Ну вот, ты его, кажется, достиг.

Обстановка для меня до предела непонятная и как минимум дискомфортная. В совершенно антисанитарных условиях приходится думать сразу о трех проблемах, и каждая — весьма жизненно важная. В том смысле, что если я во всем происходящем разберусь, то, наверное, сумею сделать правильные выводы и дальше жить, как подобает белому человеку.

Проблема первая: как мы сюда попали и как выбираться в нормальный, человеческий мир?

Оставаясь реалистом, думать об этом, по большому счету, сейчас просто незачем. Поскольку, что бы я ни придумал, реального значения это не имеет, так как проверить свои гипотезы до возвращения домой нет никакой возможности. Вернуться же либо удастся, либо нет. Посему следует эту страничку перелистнуть, оставив закладку, и думать дальше.

Проблема вторая: что такое Татьяна? Вроде бы ме-

лочь, ну, девушка и девушка. По-своему странная, живущая по собственному плану.

Здесь надлежит, не подавая вида и никак не форсируя событий, просто наблюдать, слушать и сопоставлять факты, пока очередной (не имею понятия, какой именно) ее поступок не прояснит ситуацию. Поскольку заслуживающих внимания гипотез только две. Или Татьяна обычная девушка, попавшая в необычные условия и ведущая себя в меру своего разума, а все странности в ее поведении — кажущиеся в силу моего болезненно развитого воображения и глупой подозрительности.

Или она же — агент (вариант — посланец вольный или невольный) ТОГО, кого мы с Майей днем вообразили и кому приписали режиссуру данной истории. Демиурга, допустим, хотя демиург — не менее сомнительная должность, чем обычный командир батальона. По всем признакам — большой начальник, а на деле — никто. Сверху зависишь от командира полка, снизу — от ротных, сам же, по сути, тот самый ноль без палочки.

Проблема третья: кто я вообще такой и какое отношение имею к себе самому или к тому человеку, о котором написано в еврейской газетке?

Остальное не слишком существенно, поскольку является просто набором производных от всего предыдущего. Как и любая человеческая жизнь. Обычная жизнь, я имею в виду, жизнь человека, не склонного к такой дурацкой привычке, как рефлексии. Естественно, кому в здравом уме придет в голову задавать вопросы типа: «Я в этот мир пришел, иначе стал ли он? Уйду, великий ли потерпит он урон?»

Ага!

Оттого и сейчас мне поговорить о волнующих вещах не с кем, разве что с Майей, а по-серьезному — и с ней незачем. То есть в ходе своих размышлений я пришел к самому естественному для большинства «нормальных людей» выводу. Не забивай себе голову вещами, в кото-

рых ты ничего не смыслишь и повлиять на которые не имеешь ни малейшей возможности. То есть живи, как живется.

И того же Тарханова с Розенцвейгом такими вопросами не обременяй. Захотят — сами скажут или спросят, нет — дай им бог здоровья.

Сократа бы мне в собеседники, вот с ним мыслью потешиться... Но Сократа рядом нет и не предвидится, отравили его за излишнюю склонность к словоблудию, посему придется разбираться самому.

Любой партнер способен только запутать ситуацию серией собственных домыслов. В том числе и Майя. Хотя порассуждали мы с ней славно.

Но я решил совершенно здраво, когда сказал ей после прочтения заметки: «Никому ничего пока говорить и показывать не будем. Поехали, а то командир волноваться станет».

Майя не поняла, почему я не захотел, чтобы о факте потрясающего совпадения между нашей историей и случившимся год назад с офицерами, носящими наши имена и фамилии, узнал хотя бы мой ближайший друг. Лицо, что ни говори, заинтересованное! Не говоря уже о Розенцвейге — человеке тертом, эрудированном, с громадным, нам и не снилось, жизненным опытом борьбы и выживания в среде, гораздо более агрессивной, чем соляная кислота. И при этом веселом и способном на глубокие умозаключения.

— Ничего особенно интересного во всем этом не вижу, — ответил я. — Разумного объяснения все равно не предложишь. Мы с тобой прочитали — и ладно. Зачем людям мозги засорять? Сергей человек обстоятельный, реалист и рационалист. Начнет задумываться, в меланхолию впадет... Пользы ему от подобной информации все равно никакой, потому что в немедленные действия ее нельзя воплотить, а вред быть может. Пусть даже и правда все это.

Ты посуди сама. Ну, жили в том мире наши двойники, с теми же фамилиями, погонами и профессиями, служили в том же самом месте, ввязались в один и тот же бой. Потом пропали без вести. Я согласен допустить даже, что это именно мы пропали там и появились здесь. Только возникает вопрос — что и где мы делали целый год? Были похищены инопланетянами, проходили курс спецподготовки и приспособления к новой реальности?

— А что, если наоборот, если они эту реальность к вашему приходу приспособляли? — с замирающим от сладкого ужаса сердцем предположила Майя. — Представляешь, как здорово! Ровно год им потребовался, чтобы кропотливейшим образом создать ваши новые биографии, внедрить в память сотен людей все необходимые сведения о встречах с вами, все задокументировать, изготовить фотографии, письма...

— Здорово, — согласился я с Майей. — Только зачем? — При этом сама идея показалась мне достаточно безумной, чтобы претендовать на истинность. На самом деле, стоит только допустить присутствие в мире, в нашем конкретном или шире — во всей так называемой Галактике или даже Вселенной, сил, не богов даже, а просто существ во плоти и крови (пусть и зеленой), превосходящих нас интеллектуально или технически не так, чтобы и очень. Ну, как мы в сравнении с кроманьонцем времен раннего неолита... И даже в этом варианте сколько всяких сверхъестественных чудес и фокусов могли бы мы исполнить, к священному восторгу нашего отдаленного предка!

— Как это зачем? Чтобы с вашей помощью захватить власть над Землей!

— Не сходится, — с сожалением вздохнул я. Сама по себе игра (а только ли игра?) мне нравилась. И Майя как раз подходящий партнер для интеллектуальных упражнений.

— Сложно очень и бессмысленно. Если они в со-

стоянии таким образом замотивировать появление в мире двух новых персонажей, то с гораздо меньшими затратами могли бы перепрограммировать любое количество исходных, коренных жителей. Которым не нужно придумывать биографий и легенд.

Но если все же допустить — мы с Сергеем на самом деле не более чем специально сконструированные аналоги тех Тарханова и Ляхова, и не более того? Тогда вопрос остается. Зачем? Зачем копировать именно нас? Чем мы принципиально отличаемся от прочих шести миллиардов людей? В чем функция, которую способны исполнить только именно вот эти артефакты, обязанные прикидываться такими, и только такими людьми? Не проще ли допустить, что параллельный мир просто существует, и все. Примем как данность. В чем-то он чрезвычайно нам близок, в чем-то — далек. Возможно, там и твоя копия есть, и многих других, лично нам знакомых людей, тоже. И в силу невероятного совпадения, в какой-то момент они и мы оказались в одной точке пространства и времени.

Наложились, если угодно, друг на друга. Случилось нечто вроде короткого замыкания, пробоя между соседними витками обмотки трансформатора, который все остальные восприняли как взрыв. А может быть, взрыв на самом деле был. Аннигиляция. Те ребята испарились, а мы выжили.

И этим взрывом миры вновь разнесло в стороны. Не только в пространстве, но и во времени. Отсюда и разница в целый год... — Я похлопал пальцем по карману, где лежало единственное материальное подтверждение этой гипотезы.

— Возможно, — кивнула Майя. — Только моя версия интереснее. И отчего, в таком случае, ровно через год, по времени этого мира, не нашего, вы снова оказались в том же самом месте? День в день совпали так называемые реальности.

Майя, как я помню этот разговор, выглядела азартно-возбужденной, но при этом вполне нормальной, адекватной положению, в которое мы с ней попали. Ответы возникали в моей голове практически мгновенно. Да такие убедительные, почти непротиворечивые.

— А эти миры, они — как теннисные мячики. Ударился, отскочил, снова вернулся в ту же точку, но уже с несколько меньшей энергией и амплитудой. Отсюда и некоторая разница. Ты обратила внимание: ведь не точно в первое января мы попали, а недели на две позже...

— Значит, следующее столкновение произойдет в будущем году, но уже феврале, марте и так далее?

— Вот это — не могу знать. Сюда б Максима Бубнова или Маштакова-профессора, они бы в два счета амплитуду вычислили. Но главное, не размах амплитуды, главное — совсем другое, — продолжал я импровизировать. И в некий момент мне показалось, что не шутиливой болтовней с подружкой занимаюсь, а делаю нечто очень важное. Может быть, именно то, ради чего все и было затеяно неведомо кем.

Какой-то философ позапрошлого века писал: «Человеческий разум есть инструмент, с помощью которого материя познает самое себя». Так или приблизительно так.

— Знаешь, Май, я что подумал? Если мы, совершенно неподготовленные люди, так здорово вдруг начали разбираться в тайнах мироздания, буквально за несколько дней, располагая только обрывками фактов, так кто-то же ведь наверняка занимается тем же профессионально не один год и, может быть, не один век. В нашем мире, в другом или в третьем. Имея теорию, чертову уйму экспериментального материала...

— И сейчас он экспериментирует над нами? — догадалась подружка.

— Над нами или над судьбами вселенных, а мы так, песчинки, попавшие в часовой механизм, или...

— Или дрожжевые грибки — в молоко!

— Это зверски тонко, — не мог не признать я совершенно искренне. Очень четко придуманный ею образ ложился на общую картину случившегося.

Случайно мы с Тархановым оказались втянуты в историю тем ярким новогодним утром или некая сила сознательно избрала нас для особой миссии — дело темное. Но вполне очевидно — с того момента, как прозвучал первый выстрел на перевале, «молоко» начало превращаться в какой-то другой продукт.

И пока ехали до самого этого привала, с помощью Майи я восстанавливал и выстраивал заново всю цепочку событий в свете приоткрывшейся нам истины. Как дети, выкладывающие мозаику, мы веселились и радовались, если удавалось приспособить к месту вроде бы незначительный с виду факт, найти аналогию между событиями, якобы только что не имевшими между собой никакой связи.

И попутно начали, тоже вроде бы в шутку, придумывать характер и облик того, кто руководил нашими судьбами и вообще событиями мировой истории все последнее время. Но это, конечно, был уже чистый цирк, способ и повод уйти от пугающей серьезности фактов.

А вот сейчас вдруг, как-то враз, меня осенило. Не треп у нас с ней происходил, не досужие фантазии от скуки. Так оно все и обстоит на самом деле.

Строго в рамках уже намеченной гипотезы исследования. Спорить с тем, что двойники наши (или аналоги, как угодно) имели место, было глупо. Поскольку существует параллельный мир, а он существует, что подтверждается теорией Маштакова, двумя умозрительными (или — нет?) проникновениями туда Тарханова и нынешним полноразмерным экспериментом, в ходе которого мы стали обладателями действующих образцов чужой техники, обмундирования, продовольствия, прессы и всего такого прочего.

Включая сначала какое-то время живого, а потом сразу мертвого Руслана Гериева с его «Военным билетом», обретались там и капитан Ляхов за компанию с майором Тархановым. И чеченец меня там видел, и неведомый израильский газетчик факт боя подтвердил. Да ведь я и сам все это понимал практически с самого начала. И даже вслух и Сергею, и Розенцвейгу почти впрямую это говорил. Мол, и интуиция у меня появилась, которой раньше не было, и вспоминаем мы то и дело что-то из не нашей истории, включая никому не известную, никогда не бывшую «Вторую мировую войну», и, похоже, даже как-то на внешние по отношению к нам события воздействовать можем.

Тарханов, к примеру, сам признался, что Татьяну свою то ли случайно встретил, то ли как бы воображением визуализировал и материализовал...

Говорили, говорили мы об этом, еще прошлой зимой в Москве с Сергеем говорили, а вот последние сутки словно память отшибло. Будто враз все ранее случившееся ушло куда-то, растворилось, подобно забытому через секунду после пробуждения сну.

Отчего я так Майиной газетке поразился, будто откровение какое на меня снизошло, а потом вдруг фантазировать начал, как пацан бессмысленный?»

Ляхов действительно чувствовал себя не то ошеломленным (в буквальном смысле слова — ударенным мечом или булавой по шлему), не то контуженым. Медленно выплывающим из тумана полубеспамятства.

Никаким механическим воздействиям он за последние сутки не подвергался, химическим, пожалуй, тоже. Кроме определенной дозы спиртного. Но ведь давно известно: алкоголь в умеренных дозах полезен в любых количествах. И скорее способствует обострению мысли, чем наоборот.

Кстати — его собутыльники никаких неприятных или странных ощущений вроде бы не испытывали. Хотя — кто их тестировал? Если человек сохраняет способность без промаха бить из автомата и вести машину — это еще не значит, что он полностью здоров и адекватен. Тогда, может быть, воздействие пресловутого хронополя? В сочетании со ставшими ему вдруг известными фактами?

Конкретно предположим — никуда их двойники не аннигилировали. Те самые Тарханов и Ляхов, жившие и служившие в ином измерении, на самом деле полностью наложились на своих аналогов здесь (или — там) под воздействием пространственно-временного совпадения плюс удара посредством «Гнева Аллаха». Как там в физике или математике это называется, конгруэнция?¹

«А уж отчего ведущими в данном гибриде стали именно наши, а не их личности... Это к Маштакову вопрос, не ко мне. Или психика наша с Сергеем оказалась сильнее, или просто таковы свойства хронополя, что реципиентами оказались именно мы. В случае если бы наоборот, данный вопрос задавал бы просто другой Вадим Ляхов в своем коммунистическом мире другому Тарханову. А меня бы это никаким краем не интересовало, как не интересуют мои проблемы моего нерожденного младшего брата».

Вадим почувствовал, что его заносит слишком уж далеко.

То есть думать о подобных парадоксах естествознания можно, но следует либо не придавать им самодовлеющего² значения, либо заниматься оными в келье

¹ Конгруэнция — совмещение предметов или фигур при наложении (лат.).

² Самодовлеющий — самодостаточный. Автор считает своим долгом указать, что вопреки распространенной практике словоупотребления «довлеть» по-русски означает — «быть достаточным». Отнюдь не «давить» или «нависать»!

православного схимника или в буддийском монастыре. В реальном же мире нужно просто жить и исполнять свои обязанности. Кем бы тебе ни довелось быть в предыдущей или в параллельной реинкарнации.

Утомленный собственными мудрствованиями, Вадим посмотрел на светящийся циферблат армейского «Павла Буре».

Срок его караула заканчивался, два часа пролетели совершенно незаметно, разве только ноги затекли и спина замерзла.

Увлеченный трансцендентного¹ плана теориями, он, грубо нарушив устав, не удосужился хоть раз обойти по периметру вверенную территорию. Но все равно ведь ничего за это время не случилось, и свободно можно позволить себе еще пару глотков из фляжки. Исключительно для поддержания физического и нравственного здоровья.

Пора было будить Сергея, а зачем, собственно? Сна ни в одном глазу, минут через сорок начнет рассветать, так чего же не дотянуть до утра? Пока дровишек подсобрать, костер распалить, воды для чая-кофея согреть...

Закинув автомат за спину, Ляхов пошел вокруг лагеря по расширяющейся спирали, подсвечивая под ноги фонариком в поисках подходящих сучьев и хвороста.

ГЛАВА 2

Какой-то неприятный шорох послышался Вадиму, когда, обойдя расположение по широкой дуге, он перешел на правую сторону дороги. Даже здесь, почти в субтропиках, зимними ночами высокая трава успевала схватиться морозцем, поэтому под ветром шелестела

¹ Трансцендентный — выходящий за пределы рассудка, жизненного опыта (лат.).

жестко и тревожно. А уж если по ней идти... Пусть очень осторожно, индейским шагом, в мягких мокаси-нах, все равно.

Как уже было ранее сказано, любой в меру способ-ный человек за время службы в Экспедиционном кор-пусе мог научиться многому. Вадим же Ляхов, боец с врожденными способностями, свирепо тренированный зверюгами-вахмистрами на летних лагерных сборах в Академии (где не все и строевые офицеры выдержи-вали), получив зачет с отличием, немногим уступал в бое-вой подготовке кадровым горным егерям второго-третьего года службы. Пусть и не поднялся до тарханов-ского класса.

Но то, что выжить в «суровом и яростном мире» можно, только умея реагировать на изменение ситуа-ции на подкорковом уровне, он усвоил. Это официально признали все работавшие с ним инструкторы, выставив блестящие или близкие к ним оценки. Потому и мысль о присутствии «чужих и страшных», которых вспоминал сержант Гериев в том состоянии, когда уже не врут, си-дела в нем глубоко. Как и предупреждение, что выстре-лов из винтовки «чужие» боятся, а пистолет, например, их «не берет».

С собой у Ляхова был как раз пистолет-пулемет сла-бенького останавливающего действия, поэтому он, при-сев, начал осторожно оттягиваться к МТЛБ, где оружия более подходящего типа и калибра было достаточно. Включая четырнадцатимиллиметровый башенный пу-лемет.

Двигался он легко, подобно бегущему за отливной волной крабу, сторожко слушая нарастающий шум, ко-торый, окончательно, не мог быть не чем иным, как зву-ком многих десятков, а то и сотен ног, шагающих нагло и ничего не опасаясь. Рота идет, если не две.

Тресь-тресь, хрум-хрум...

Страшно ему вдруг стало до чрезвычайности. Куда

страшнее, чем даже перед боем на перевале. Во время самого боя страшно почти не было, потому что некогда под огнем бояться. Там дело делать надо. А вот сейчас жутко. Ну, прямо как в детстве, слушая страшилки у скаутского костра. Потому ведь, что совершенно непонятно, что там такое надвигается на тебя из темноты и, главное, как от него можно оборониться.

Глазами он не видел пока ничего, поскольку луна уже давно свалилась за горизонт и предрассветная тьма сгустилась до чрезвычайности. А прибор ночного видения, имевшийся в снаряжении машины, он захватить просто не догадался. Но все ж таки на расстоянии нескольких десятков метров по прямой мрак был заметно плотнее, чем левее и правее.

Интересно, что лучше — начать стрелять прямо сейчас, подняв звуками выстрелов товарищей и дав им время подготовиться к бою, или самому добраться до пулемета, оставив возможного противника в неведении о готовности объекта атаки к сопротивлению?

Вадим выбрал второе.

Даже полный магазин выпущенных наудачу пистолетных пуль врага вряд ли остановит. Двух-трех убьешь, столько же ранишь, остальные рассеются, залягут. А если имеют, из чего ответить, тут тебе и конец. Причем зряшный. Тарханов с Розенцвейгом за несколько секунд вряд ли смогут от сна воспрянуть, в обстановке сориентироваться, позицию занять и конкретно его от неведомого врага прицельной стрельбой отсесть. Нет уж, парень, сам себе ты предоставлен, делай что можешь, а там...

Меж тем темная вражеская масса приближалась быстрее, чем хотелось Ляхову.

Хорошо хоть, никаких моральных и тактических сомнений Вадим не испытывал. Сразу стрелять, мол, в неизвестно зачем здесь гуляющие личности или сначала

предложить поговорить, уточнить позиции. Жизнь научила такому нравственному релятивизму.

Грубо говоря — у каждого свои проблемы. По мне — хорошие люди по ночам толпами к другим хорошим людям не подкрадываются. Нужно вам от меня что-то — высылайте парламентариев, излагайте вопросы или претензии. Тем более что нормального биоценоза, включая разумных обитателей, этот мир не предполагал по определению. А вот предупреждение о присутствии в нем нешуточной, пусть и неназванной, опасности имелось.

Спиной Вадим чувствовал, что до «Тайги» оставалось метров десять. До хрустящей травой и щебенкой толпы, которая начинала приобретать оформленные очертания, — ненамного больше. И никаких признаков, что эта масса, распространяющая вокруг себя ощутимую ауру угрозы, разумна.

Ляхов, будучи медиком, значит, в какой-то степени и биологом, да еще, как известно читателю, обладая некоторыми, не вполне проясненными паранормальными способностями, воспринял выходящими за пределы обычных пяти чувств рецепторами, что на него надвигается нечто вроде колонии микроорганизмов, или амёб, но никак не группа отдельных разумных особей.

За стеной мрака шевелилось нечто, слитое воедино бессмысленным, однако крайне агрессивным влечением. Даже поток огненных муравьев из южноамериканской сельвы ощущался бы как-то иначе. Понятнее, если угодно.

Вот Вадим уже коснулся спиной острых гребней гусеничных траков. Но надо ведь еще успеть повернуться, подпрыгнуть, нащупать руками десантные скобы и край башенного люка, скользнуть в него ногами вниз. И ухитриться в темноте не ткнуться копчиком в казенник пулемета или любую торчащую железяку. Только после этого...

Нет, не успеть!

А умирать не хотелось, хотя накатывающаяся на Ляхова волна холодного ужаса путала мысли и деформировала волю гораздо сильнее, чем когда-то толпа феодалов на перевале. Неудержимо тянуло сдаться, забыть себя, распластаться на земле, и черт с ним со всем, что случится дальше. Примерно так не слишком опытный, а главное — слабохарактерный водитель в острой ситуации бросает руль и закрывает голову руками, когда вывернуться еще свободно можно. И даже с запасом.

Характера Вадиму было не занимать, и бойцовские рефлексy тоже действовали, отчего единственно, наверное, верное решение пришло помимо разума.

Рывком взлетая на башню, из просторного кармана на правом бедре он одновременно выхватил круглую гранату в металлокерамической рубашке, насеченной на сотню убойных ромбиков, зубами выдернул чеку. Слава богу, взрыватель был заранее установлен не на время, а на удар. Швырнул, замахом из-под плеча, целясь как раз в границу просто темноты, и темноты абсолютной. И тут же следом — вторую, чтобы — наверняка. Секунды до взрыва как раз хватило. Он распластался на огороженной низкими броневыми бортиками крыше боевого отделения.

Полыхнуло ослепительным желтым пламенем, ударило волной горячего воздуха, над головой проныли срикошетировавшие от наклонных стальных листов и конуса башни осколки.

А вот положенной реакции со стороны нападающих не донеслось. Ни испуганных криков, ни возгласов боли — ничего. Хотя ударная волна и туча разлетающихся на две сотни метров осколков непременно нанесла бы столько ранений и травм, что глас вопиющих достиг бы не только ушей Вадима, но и самого неба. Но уж в эти психологические тонкости Ляхову вникать было совершенно недосуг. Выиграл момент — и спасибо.

В узкий люк он провалился рекордно быстро, тяже-

лая крышка захлопнулась на пружинах, не прихватив пальцев и не достав по затылку, что нередко случалось с бойцами даже и в менее острых ситуациях. При свете бледно-синей контрольной лампочки Вадим с лета поймал изогнутые рычаги пулемета и попутно щелкнул тумблером сдвоенного башенного прожектора. Сто тысяч свечей галогенового света невыносимой яркости столбом легли на древнюю палестинскую землю.

Упершись бровями в губчатую резиновую рамку прицела, Ляхов увидел через мгновенно затемнившуюся оптику картинку, одновременно страшную и удивительную. Более всего она походила на посещавшие его время от времени ночные кошмары, связанные с воспоминаниями о сортировочной площадке полкового медицинского пункта — как она выглядит во время тяжелого оборонительного сражения.

Когда раненых подвозят и подвозят, а врачей из штатных четырех в лучшем случае два, и уже фельдшера ставишь к перевязочному столу, хотя у него совсем другие обязанности. А сам — то работаешь по специальности, то мечешься от телефона до въездного шлагбаума, откуда видно полевую дорогу. Смотришь, скрипя зубами и давясь табачным дымом (больше ведь покурить тоже некогда), в безнадежно пустую даль. Бессмысленно материшься на своих санитаров и санинструкторов, поминая попутно начальника медсанбата, зампотыла и зампотеха¹ дивизии, всех на свете шоферов и господ бога в его трех лицах.

А потом, торопясь к перевязочному столу, опять видишь раненых бойцов, стонущих, плачущих и умоляющих о спасении. Жить они хотят, и каждый пытается в те несколько секунд, пока ты пробегаешь мимо, объяснить, почему именно ему это совершенно необходимо.

¹ Заместители командира дивизии по тылу и по технике, в распоряжении которых находятся обеспечивающие медслужбу подразделения.

А шоковые молчат, погруженные в себя, но от этого не легче. И рвешь себе душу, понимая, что помочь сможешь едва ли каждому третьему-пятому, а остальные, которые вполне могли выжить, если бы только вовремя подошли машины из медсанбата и госпиталя (а их все нет и нет, и вовремя уже точно не будет), умрут. И, значит, нужно вытягивать только тех, кому можно помочь именно сейчас, а прочих придется оставить умирать просто потому, что ни рук, ни сил, ни жалких собственных ресурсов на них не хватит.

Вот и сейчас, казалось, восстав со своих носилок, на которых Ляхов приказывал отнести их в тень ближайших деревьев, чтобы, получив свою дозу промедола или морфия, они могли отправиться в «страну удачной охоты» без лишних физических и нравственных мучений, не дождавшиеся помощи солдаты шли к нему.

Сотни людей, одетых в рваную, грязную униформу бог знает каких армий, со следами всех мыслимых ранений окружили вход в лощину и начали втягиваться в нее в тяжелом молчании. Многие из них были вооружены разнообразными видами легкого стрелкового оружия — навскидку и не поймешь, какого именно, но разного...

Одни держали его как следует, стволом вперед, прикладом к себе, вроде бы готовые к стрельбе. Другие — ровно наоборот. Кто-то тащил винтовки и автоматы на плечах, как лопаты, иные просто волокли их за ремни по земле, отнюдь не озабоченные общепринятыми правилами эксплуатации и сбережения оружия. Но много было и совсем безоружных.

Короче, Босх и Дали отдыхают.

Удивительным было еще и то, что бьющий в глаза то ли призракам, то ли зомби прожекторный свет не заставлял их даже поморщиться, хотя нормальному человеку способен был на таком расстоянии выжечь глаза.

Трудно сказать, подумал ли Вадим о чем-то радио-

нальном (а возможно ли это вообще за пару секунд?) или двигал им исключительно мистический страх, а скорее всего — те же солдатские рефлексy, но он одновременно на правой рукоятке КПДТ¹ вдавил гашетку электроспуска, а на левой — микрометрического хода башни.

Никому не пожелал бы наблюдать, как работает тяжелый пулемет по сплошной массе людей с дистанции в двадцать метров.

Хорошо отбитая и отточенная коса кладет траву ровно и бесшумно, а здесь приемник со страшным грохотом втягивал в себя стальную ленту с патронами размером почти в городошную чурку, а через долю секунды тяжелые трассирующие пули разбрасывали по сторонам руки, ноги, головы, прочие фрагменты того, что только что было человеческими телами.

И машина трясется и дергается, и пороховой дым бьет в нос и глаза из казенника.

Вадим не мог и не собирался считать, сколько секунд потребовалось Тарханову, чтобы проснуться, перебросить тело из десантного отсека через спинку водительского сиденья, завести дизель, глянув в триплекс, оценить обстановку и бросить транспортер вперед. Но, наверное, не больше десяти, судя по первой поступившей команде.

— Отставить огонь, «ствол» сожжешь! — едва разобрав Ляхов сквозь рев и грохот надсаженный голос товарища. — Шлемофон надень!

Команда прозвучала вовремя, еще чуть-чуть, и пулемету пришел бы конец. Из приемника торчал жалкий хвостик ленты, патронов на десять. Просто чудо, что «ствол» не потек гораздо раньше. Наверное, изготовлен был из особого жаропрочного металла, а вернее — лен-

¹ КПДТ — крупнокалиберный пулемет Дегтярева танковый.

ту в коробку прежние владельцы заправили укороченную, из трех звеньев, а то и двух.

Пока Ляхов натягивал шлем и включался в ТПУ¹, Тарханов бросил транспортер вперед, на полном газу и второй передаче. Броневая машина прошла остатки ужасной толпы насквозь и теперь, развернувшись, металась по дороге, сгребала и отбрасывала еще двигающиеся тела в кюветы и на прилегающее плато. Полковник, вряд ли успев толком понять, что именно происходит, словно боевой робот, выполнял одну из заложенных в него программ. «Отражение внезапной атаки больших масс пехоты на огневую позицию».

Люди, романтически настроенные, эрудированные, но не слишком знакомые с сутью дела, считают, что стратегия и тактика — занятия по преимуществу творческие, и побеждают там гении комбинаторики. Ну, как Капабланка² в шахматах. На самом же деле чаще выигрывает, условно выражаясь, Ласкер³. Тот, кто наизусть подкоркой и спинным мозгом затвердил все партии, ранее сыгранные предшественниками, великими и не слишком. На десять ходов вперед знает, что делать в той или иной позиции, и двигает фигуры автоматически, не тратя мыслей и нервов попусту. И лишь когда настанет нужный момент, включает творческое мышление.

Для чего и заучивают в военных училищах и академиях Боевые Уставы и многотомный труд «Тактика в боевых примерах». Именно наизусть. Чтобы в условиях, когда думать некогда, не тратить время и силы на изобретение велосипеда.

Тарханов виртуозно работал рычагами и педалями, «Тайга» то бросалась вперед, то крутилась на месте, и

¹ ТПУ — танковое переговорное устройство.

² Капабланка, Хосе Рауль — чемпион мира по шахматам (1921—27 гг.), гений комбинаторики.

³ Ласкер, Эммануил — чемпион мира по шахматам (1894—1921 гг.), доктор философии, основатель позиционной школы.

★ Ляхову, которого швыряло силами инерции от борта к борту, и только вовремя надетый шлемофон спасал голову от травм, несовместимых с жизнью, казалось, что он слышит громкий хруст и треск костей, сочное чмоканье раздавливаемой плоти и вопли ужаса.

Что, конечно, было иллюзией. Семисотсильный дизель, разделяющий места командира и водителя, ревет так, что и попадание вражеского снаряда в броню можно угадать скорее по сотрясению корпуса, а уж услышать, что творится за бортом, совершенно нереально.

Сзади, через спинку сиденья, в отсек просунулась голова Розенцвейга, который уже совершенно ничего не понимал.

Ляхов пальцем указал ему на командирскую башенку с перископом кругового обзора и на висящую рядом гарнитуру переговорного устройства.

Закончилось все достаточно быстро. Стрелять уже было практически не в кого. Кем бы ни оказались нападавшие, что-то вроде разума или хотя бы инстинкта самосохранения, который даже муху заставляет улетать подальше от мухобойки, у них наличествовало, и та часть «войска», которая не попала под гусеницы и пулеметный огонь, осознав тщету своей акции, рассеялась во мраке за пределами досягаемости прожекторов.

— Н-ну, бля!.. — выдохнул Тарханов, задним ходом возвращая транспортер на исходную позицию. Заглушил дизель, стянул с головы шлем, вытер рукавом мокрое от пота, выбитого нервным напряжением, лицо.

— Н-ну, — повторил он, и хоть не служил на флоте, но выдал загиб, что и не всякий забор выдержит. — Это ж оно что получается? Не сбрыхал чечен?

— Выходит, что так, — согласился не менее возбужденный Ляхов. — И страшные они, правду сказал, и что пистолетной пулей их вряд ли возьмешь. Лично я пробовать не стал...

— Он еще говорил — «тоже стреляли». Эти — не

стреляли, — память у Тарханова была, похоже, абсолютная. Как и у самого Ляхова.

— Но кто они? — вмешался в разговор Розенцвейг, который успел увидеть в оптику не слишком много, однако для незабываемых впечатлений — достаточно.

— Будем разбираться, — ответил Вадим, понимая, что разбираться придется именно ему. — А вы девчат успокойте, ну и... По обстановке, значит.

— Только далеко от машины не отходи.

— Да уж воздержусь...

Отойти от транспортера дальше досягаемости светового луча не заставила бы его почти никакая сила на свете. Запрыгивая в «Тайгу», Ляхов бросил свое оружие снаружи, и сделано это было по обстановке правильно, но теперь вылезать наружу с голыми руками было неуютно.

Хорошо, в отсеке имелся настоящий штурмкарбин, немецкий «МП-44», под мощный промежуточный патрон, с подствольным гранатометом — оружие самообороны экипажа, а к нему укладка из шести ребристых магазинов и двух десятков осколочных и противотанковых гранат.

...Такого смрада Вадим давненько не ощущал. Запашок, сравнимый с тем, что присутствует при эксгумации солнечным августовским днем недавних братских могил. Не зная об аналогичном, но куда менее масштабном приключении коллеги Максима, Ляхов тоже был поражен фактом так называемого «ураганного гниения» вроде бы обычной человеческой плоти.

Пока еще не догадываясь ни о чем сверхъестественном, Вадим, на уровне мышления обычного человека, вообразил, будто действительно столкнулся с толпой беглецов из концлагеря или каких-то лечившихся в тай-

ном госпитале палестинских или иных террористов. Сократников и соотечественников сержанта Гериева.

Ладно, раненых, битых, получивших плохую или вообще никакую медицинскую помощь. С похожими случаями ему приходилось знакомиться при изучении тридцатитомного «Опыта российской медицины в Мировой и последующих войнах», являвшегося чуть ли не библией для студентов медицинского военфака.

Однако сейчас...

Ладно, не будем фиксировать внимание неподготовленных читателей на неаппетитных деталях. Все равно ничего подобного большинству из вас увидеть не придется. И слава богу.

Процентов семьдесят трупов и их обрывков, через которые приходилось Ляхову переступать, были не сегодняшнего происхождения. То есть не им приведенные в данное состояние. Некоторые выглядели чуть посвежее других, но все равно убиты они были не десять минут назад. А как минимум вчера-позавчера. И ранее. Даже те, по которым прокатились гусеницы транспортера, представляли собой печальное, но не трагическое зрелище.

Нет, о случившемся еще надо думать и думать. Но без надрыва. Мир, куда им довелось попасть, обладал собственными свойствами, иногда неприятными, иногда непереносимыми, однако здесь — объективными.

А значит, чтобы ухитриться выжить, требовалось хоть как-то его понять. Причем Ляхов знал из личной практики и прочитанных книг, что гипотетическая, наскоро построенная модель окружающего мира в целом или отдельных его частях совсем не обязательно должна быть истинной. Совсем нет. Необходимо лишь, чтобы по ряду параметров она позволяла принимать практические решения.

Как, например, совершенно ненаучные представления древних медиков об этиологии и патогенезе боль-

шинства известных им болезней отнюдь не мешали добиваться выдающихся успехов в терапии, даже хирургии и ортопедии. Так и сейчас, нужна более-менее адекватная конструкция, позволяющая выработать правильную стратегию поведения в предложенных обстоятельствах.

Что мы имеем в наличии?

Определенное количество субъектов, по всем признакам (соответствующим «обычной», или «исходной», реальности) явно мертвых, но тем не менее сохраняющих подвижность и способность к действиям, в первом приближении выглядящих разумными. Или — направляемых инстинктами, достаточно сложными, чтобы создавать иллюзию целенаправленности и осмысленности.

К тому же указанные «объекты», будучи изначально мертвыми, но активными, в то же время, так сказать, вторично смертны.

Пока что первое и единственное предположение, которое пришло в голову Вадиму, заключалось в том, что в этом мире, представляющем собой способ, научно выражаясь, инобытия материальных, изначально неживых объектов за пределами «естественного» времени, его законы распространяются и на людей. Точнее, на то, во что превращается человек в момент смерти. Когда от него отлетает «душа».

Как атеисту, материалисту и медику, такая постановка вопроса Ляхову казалась странной, но по тем же самым основаниям он не видел причин не верить собственным глазам и прочим органам чувств.

Есть то, что есть.

Покойники «живут» и движутся, но, по не познанным пока законам, при соответствующем механическом воздействии умирают еще раз, и теперь уже окончательно.

Впрочем, последнее утверждение истиной может и не являться. Вполне допустимо, что они опять переходят

в следующую фазу. Какого-нибудь «эфирного тела», или как там у знатоков называются иные, чем «способ существования белковых тел», формы жизни.

В полусотне метров за левым плечом Ляхова послышался звук заводимых моторов, загорелись фары обоих грузовиков, сначала бившие в стену, а после разворота осветившие всю прилегающую окрестность куда более слабым, чем танковый прожектор, но зато равномерным светом.

Вадим представлял, что там сейчас происходит, и радовался, что не ему приходится успокаивать перепуганных женщин и изобретать какие-то объяснения вполне невероятных фактов. Пусть уж мужики постарше и попроще, в смысле эмоциональных реакций, занимаются практической психотерапией.

Лично он сознавал в себе некоторую ущербность и слабохарактерность. Ему проще было ходить в бой, чем сообщать глаза в глаза родственникам, что в их случае медицина оказалась бессильна. И от подобных миссий он в меру возможностей уклонялся.

И всегда завидовал находчивости и выдержке других. Был, помнится, у них в полку случай, когда командир саперной роты не справился с миной, установленной на неизвлекаемость. Начштаба, которому довелось сообщать о происшедшем жене старшего лейтенанта, начал беседу философски: «Ну, вы, наверное, знаете, что человеку свойственно ошибаться...»

А уж зрелище стремительно переходящих в иную ипостась трупов мы как-нибудь перетерпим. Тем более что во фляжке еще осталось. И порядочно. Глотка на три душевных.

Послышавшееся в десятке шагов шевеление его в очередной раз насторожило. Удобный для резких ситуаций автомат легко повернулся в сторону звука.

Уже слегка начало светать, но не так еще, чтобы отчетливо видеть окружающее. Подвешенный на левом

плечевом ремне аккумуляторный фонарь осветил две человеческие фигуры, прижавшиеся спинами к косому склону, образованному выходами пластин белого камня. Одеты они были в почти новые кителя цвета «фельдграу»¹ и сами выглядели удивительно живыми.

Если не считать нескольких опаленных пулевых пробоин в районе нагрудных карманов кителей. И странно отрешенных лиц. Лиц людей, которым все окружающее не слишком интересно. Бьющий в глаза свет, наставленный ствол автомата...

На погонах того, что справа, Ляхов увидел знаки различия капитана, а у другого — штаб-ефрейтора Армии обороны Израйля.

Если бы вдруг с их стороны проявилась хоть какая агрессивность, Ляхов готов был пресечь ее в корне. Пальцы лежали на спусках и пулевого «ствола», и гранатомета.

Но никаких угрожающих телодвижений уже однажды кем-то расстрелянные незнакомцы не делали. Скорее, они казались основательно контуженными. Возможно, и тем, что здесь творилось совсем недавно. Но дырки на их мундирах никак не могли быть от пулеметных пуль. В противном случае «их бы тут не стояло».

— Эй, вы кто? Откуда здесь? — спросил Вадим слегка подсевшим голосом. — Живые или как? — Вопрос по определению звучал бессмысленно, но в данной обстановке — верно.

Израильский капитан ответил сипло, натужно, покашливая через слово, что неудивительно при характере ранений. И — тоже на русском, пусть и не слишком хорошо.

— Теперь не знаю. Что живой — не думаю. Нас расстреляли сирийцы уже после капитуляции. И не мерт-

¹ Фельдграу — полевой серый, стандартный цвет формы строевых пехотных частей немецкой и израильской армий (нем.).

вые, тоже нет. Все очень странно, но мы ведь разговариваем, если я не брежу... И вы — русский офицер?

Тут же он начал сбивчиво и торопливо говорить на идише, и хотя Ляхов худо-бедно нахватался бытовой фразеологии, сейчас не понимал почти ничего.

— Подожди, товарищ, сейчас я позову вашего, кто язык знает...

Стараясь не выпускать из поля зрения и прицела странную пару, Ляхов посигналил в сторону машин фонариком и вдобавок крикнул, перекрывая голосом гул автомобильных моторов:

— Розенцвейг, сюда, быстрее!

Бывший майор, а ныне бригадный генерал услышал его сразу. И, не мешкая, тут же и появился, придерживая локтем болтающийся на сильно отпущенном ремне автомат.

— Слушаю вас, Вадим, что случилось?

— Да вот... Не знаю даже. Люди мне попались непонятные. Но — из ваших. Побеседуйте, а то я не врубаюсь...

Розенцвейг смотрел на соотечественников с понятной оторопью.

Ляхов заметил, что ефрейтор уже несколько раз сделал попытку шагнуть вперед, и каждый раз капитан удерживал его за рукав, молча и сохраняя по-прежнему отстраненное выражение лица и глядя куда-то поверх голов его и Розенцвейга.

— Подождите, Львович, я только один вопрос задам, а потом уж вы... — сказал Вадим, потому что какая-то очень важная, как ему показалось, мысль пришла в голову.

— Скажите, капитан, вашему товарищу куда-то очень нужно? Если да, так мы не против. Пусть идет.

— Не надо. Вы не понимаете. Мы еще немного чувствуем себя людьми. И не можем сразу... Но если дадим себе волю... Нет, я не хочу... — капитан почти закричал,

но — шепотом. Ляхов не понял ничего, однако опять страшно ему стало. Куда сильнее, чем в любом бою. Страшно было смотреть в лицо мертвого офицера, страшно — вообразить, что он подразумевает, а уж совсем страшно — представить себя на его месте.

— Поговорите с ним, Григорий Львович, я — не могу. Словарного запаса не хватает, — таким деликатным образом он попытался выйти из положения, иного выхода из которого не видел.

Кроме одного — стрелять! Очень легкое решение, кстати, чтобы ликвидировать саму причину своего напряжения, а потом — забыть, передернув затвор и вставив новый магазин для следующих подвигов во славу...

Лязгая траками, «Тайга», ведомая Тархановым, приблизилась на самой малой скорости и, словно случайно, вдвинулась углом корпуса как раз между непонятными израильтянами и Ляховым с Розенцвейгом. Так, что наклонный лобовой лист даже чуть ткнул Львовича в бок, заставив его невольно сделать шаг вперед.

И тут же ефрейтор метнулся вперед с такой нечеловеческой энергией, что кожаный ремень, за который его попытался в последний миг удержать капитан, лопнул, словно бумажный.

Вадим, совершенно инстинктивно чувствуя, что выстрелить уже не успевает — «ствол» ушел слишком далеко вверх и в сторону, — шагнул напересечку его броска, махнул автоматом, как дубиной. От плеча, слева направо и вверх, надеясь попасть по шее. Ефрейтор добавил к отчаянному удару Ляхова еще и всю кинетическую энергию своего броска.

Но вместо ожидаемого толчка в ладони, хруста, предсмертного вскрика случилось другое. Будто тело мертвеца оказалось состоящим не из нормальных костей и мышц, а — из глины или мягкого пластилина.

Дико было наблюдать Ляхову, как голова ефрейтора странно легко отлетела в сторону, а тело повалилось на

землю, несколько раз вскинулось, подергав ногами, — и замерло.

— Что такое, капитан? — едва удержавшись на ногах, ошарашенный случившимся, вскрикнул Ляхов, но автомат четко перевернул в руке, готовый к выстрелу.

Розенцвейг же вообще застыл, как соляной столп, в который превратилась его соотечественница, жена Лота.

Был бы израильский офицер хоть немного нормальным человеком, он просто подсознательно, увидев гибель товарища, сделал бы малейший защитный или просто выражающий отношение к трагическому происшествию жест. А он — Вадим готов был поклясться — смеялся. Но тоже — странно. Одним ртом.

— Видите — я еще немного себя контролирую. Значит, несмотря ни на что, дух сильнее плоти. Вот этой... — с выражением не то брезгливости, не то суеверного страха, он указал рукой на останки ефрейтора. — Но ближе — не подходите... Не могу ручаться...

— Граница — здесь? — вступил в разговор Розенцвейг, обретший самообладание быстрее, чем можно было ожидать от непривычного к общению со смертью и кровью человека. Он указал пальцем на то место, откуда прыгнул безымянный ефрейтор.

— Примерно... — кивнул капитан.

— Тогда сядьте, пожалуйста, там, где стоите, и — руки за спину, если не трудно, — предложил Розенцвейг. — Так будет лучше, если вдруг и вы с собой не сумеете совладать. И — рассказывайте. Я — ваш соотечественник. А нас так мало, что если вы назовете фамилию и должность, скорее всего, я вас вспомню.

— Я был командиром роты шестого батальона бригады «Катценауген»¹. Имя — Микаэль Шлиман. Личный номер такой-то. 13 января мы штурмом взяли Эль-Кусейр и замкнули кольцо окружения вокруг последней

¹ Катценауген — кошачий глаз (*uguih*).

боеспособной сирийской танковой дивизии. Война была окончена. По радио мы слышали, что арабы уже признали поражение. Но мне не повезло. В переулке гранатометчик поджег мой «Бюссинг», я выскочил, и тут же меня скрутили. Наверное, зная о капитуляции, их солдаты были особенно злы.

Меня допросили, но совершенно формально. Им нечего было спрашивать, а главное — уже незачем. Потом толстый усатый полковник ударил меня по лицу и сказал, что хоть одно удовольствие в жизни он себе еще может позволить. Лично расстрелять еврея, который опять его унизил. Я не понял, чем его унизил именно я. Тут же оказалось, что удовольствие можно удвоить. Рядом со мной поставили штаб-ефрейтора Биглера. И полковник своими руками разрядил в нас полный магазин своего «сент-этьена»¹.

Капитан поморщился.

— Это было очень больно, но совсем не страшно. Пока у вас перед глазами размахивают пистолетом и орут угрозы — все время кажется, что этим и кончится. Тем более что уверен — проигравшему противнику куда выгоднее иметь запас пленников для торга, для обмена... А потом «ствол» поворачивается прямо на тебя и начинает вскидываться вверх при каждом выстреле. Звук выстрела и не слышишь. Боль раздирает грудь, потом — темнота...

Ляхов подумал, что даже в своем нынешнем качестве убитый капитан владеет искусством слова. Очень все конкретно, емко и убедительно.

Не «Смерть Ивана Ильича»², конечно, но впечатляет.

— И что дальше? — деликатно спросил Розенцвейг. Ему рассказ капитана тоже показался заслуживающим

¹ Французский пистолет не слишком удачной конструкции.

² Рассказ Л. Толстого, где подробно описан процесс умирания главного героя.

особого внимания. Впрочем, скорее по профессиональным причинам. И некоторое время он, как кадровый разведчик, расспрашивал Микаэля по известным только ему параметрам. Возможно, соотносил с чем-то, известным только ему. Или — собирал материал на будущее.

Пока Розенцвейг допрашивал, а Ляхов с болезненным интересом слушал, Тарханов, который в принципе знал идиш куда лучше Вадима и мог сам поучаствовать в допросе, проявлял демонстративную незаинтересованность.

У него словно были свои дела. Он вернулся к грузовикам, что-то там делал, потом поочередно выгнал их на дорогу мимо транспортера. Девушкам из кабины выходить запретил, оберегая их ранимую психику. И они его послушались беспрекословно, что вряд ли случилось бы, если б вместо него взялся командовать Ляхов.

Что значит харизма...

Теперь отряд был готов к движению, осталось только закончить разговор с мертвым капитаном и решить, что делать с ним дальше.

— Ничего особенного, — Шлиман снова улыбнулся одними губами. — Я пришел в себя так же, как просыпаются после наркоза. Естественно, подумал, что, как всегда, все обошлось, что сириец стрелял холостыми, поскольку ничего не болело и голова работала нормально.

Я помнил все... Встал. Почти одновременно со мной поднялся с земли и ефрейтор. Мы осмотрелись и не увидели ничего и никого. То есть абсолютная пустыня во круг, ни одного человека. Мимо безлюдных домов вышли на окраину поселка. Там тоже... только масса подбитой и брошенной техники, нашей и арабской. И тут же пришло ощущение... Я не знаю, как его передать. Вы не поймете. Сон не сон, явь не явь. Но я уже понял, что я не живу. Как раньше понимал, когда сплю, когда нет.

— И?... — с жадным любопытством спросил Розенцвейг.

— Не расскажешь. Я понимал, что не живу я только там, у вас, а здесь снова... Существую. Вот еще что нужно отметить — голод. Совершенно необычный, но в то же время острый голод...

Шлиман вдруг прервался. Снова огляделся по сторонам с каким-то странным выражением.

— А как вы думаете, зачем я все это вам рассказываю?

— Ну, не знаю, — слегка растерялся Розенцвейг. — Наверное, есть такая потребность, раз вы по-прежнему ощущаете себя человеком...

— Да, — с невыразимой тоской сказал капитан, — именно поэтому. Кроме всего прочего, я ведь офицер запаса, а в мирной жизни — доцент по кафедре биологии Хайфского университета. И еще магистр философии Гейдельбергского. Я умею думать. И думаю уже, наверное, недели две. А вы первые «живые» люди, которых я увидел. Сегодня какое число?

— Понятия не имею, — ответил Розенцвейг. — По моим прикидкам — примерно четырнадцатое—шестнадцатое января 2005 года.

— Странно, — сказал Шлиман, — а я думал — двадцатое — двадцать пятое. Но это не так и важно. Вы сами здесь откуда? Вы же не мертвые, я чувствую.

— А как вы это чувствуете? — вмешался Ляхов. — Я тоже биолог и врач, мне интересно. Я вам сочувствую, но все равно ведь ничего не изменишь. А с научной точки зрения... Оказались вот вдруг коллеги там, где не могли и помыслить встретиться, но ведь размышляли об этом и вы, и я в прошлой жизни.

— Еще бы. Наверное, поэтому я и сохраняю еще некоторое человекоподобие. Вы как думаете, зачем ефрейтор на вас бросился?

— И зачем?

— Голод, я же вам уже сказал. Элементарный, хотя и не ваш. Он ВАС употребить в пищу хотел, поскольку... аура от вас такая исходит! Как запах парного мяса для голодного хищника. Я понимаю — это запах живого, и если бы... Если бы я тоже напился от вас жизненной силой, смог бы долго существовать здесь... Я еще не пробовал, но откуда-то знаю, что это так, — в голосе капитана прозвучала такая тоска, сопряженная с неожиданной твердостью, что мурашки у обоих офицеров по спине побежали.

— И что же? — подавляя собственный гуманизм, продолжил Ляхов.

— Вы ведь знаете, что бывают случаи, когда единственное спасение от смерти — людоедство? Я, например, слышал о фактах; когда даже собственных детей употребляли в пищу, чтобы продлить свое существование. И в то же время всегда встречались люди, которые любимую собаку или кошку продолжали кормить крошками пайка, на котором и одному выжить невозможно. Вам, русскому, это должно быть известно даже лучше, чем мне.

Вадим не мог не согласиться, что так оно и было на протяжении почти всей человеческой истории. В том числе и отечественной. Например, в Гражданскую войну.

— Ефрейтор оказался примитивным существом. Мне его жаль, но... Да и я не знаю, сколь долго сам смогу подавлять первобытные инстинкты. Поэтому — уезжайте.

Помолчал и добавил с невыносимой, можно бы сказать — смертельной болью в голосе, если бы это слово имело здесь прежний смысл: — А хотелось бы и посмотреть, что там будет дальше, узнать, как вы сюда попали... Живые к мертвым. А вдруг есть и обратный путь?

— Послушайте, Микаэль, — вдруг воскликнул Розенцвейг, — а мы вам помочь не можем?

— Чем? — искренне удивился капитан. — Пожертвуете мне фунт собственного мяса, как в той сказке?

— Отнюдь. Но у нас есть э-э... продукт из того, человеческого мира. Ну, как мне кажется... Оно тоже не живое, конечно, но вдруг поможет?

Ляхов, уже сообразив, о чем говорит Розенцвейг, метнулся к машине, сдернул из кузова ящик консервов, даже не консервов, просто свежего, парного мяса в вакуумной упаковке, способного сохранять свои свойства годами. Взятый еще на первой израильской базе, то есть тоже «сбоку» от этого времени.

А вдруг действительно?! Ему страшно хотелось, чтобы этот капитан жил, точнее — существовал, еще хоть сколько-то дней, чтобы с ним можно было разговаривать, узнавать о загробной жизни и, возможно, понять что-то и в прежней.

Он вспорол штык-ножом килограммовую банку телятины и протянул Шлиману, остерегаясь, впрочем, подходить слишком близко. Вдруг и у него, несмотря на принципы, близость живого тела сорвет крышу. Как в русских сказках у Бабы-яги.

Капитан втянул носом запах и действительно не смог совладать с собой. Только агрессия его была направлена исключительно на продукт. Давясь, задышав и хлюпая, он сглотал содержимое буквально за минуту.

— Еще — можно?

— Без вопросов! — Вадим уже видел, что, кажется, удалось. Хотя бы на первое время.

Второй килограмм капитан съел куда медленнее, раздумчивее, но все равно до луженого доньшка банки, и Вадим все время поражался, как столько может поместиться в обычный человеческий желудок. Ах да, не в обычный, конечно.

Напитавшись, покойник (Ляхов даже в мыслях избегал назвать его как-то иначе, чтобы беды не накликать, что ли?) умиротворился и посоловел.

— Пожалуй, на этом я смогу прожить еще немного. Увы, совсем немного. Знаете, друзья, это примерно как

★ хлеб из опилок. Создает иллюзию насыщения, но в то же время... Только где же взять достаточно даже и такой пищи? И вообще, откуда она? Здесь мне попадались продовольственные лавки, но то, что я в них видел, воспринималось не иначе, как картонные муляжи на витрине плохого магазина. Мне и в голову не приходило...

— Нет, вы рассказывайте дальше, пищей мы вас снабдим, — перебил Вадим возможные слова Розенцвейга, которые могли и не попасть в его схему.

Он уже видел этого Шлимана неким Вергилием, который может сообщить Данте сокровенные тайны загробного мира. И ведь как хорошо написано аж шестьсот лет назад: «Земную жизнь пройдя до половины, я оказался в сумрачном лесу». Жаль, что наизусть он больше не помнил ни строчки из «Божественной комедии». Однако все остальное подходило к месту безупречно.

— С удовольствием. Только — вы уж простите за бестактность — на какой срок здешней жизни (существования) я могу рассчитывать? То есть сколько у вас этих консервов, хоть как-то прогнавших невыносимый, нечеловеческий голод? Вы, коллега, должны понять. Раковому больному, привыкшему к морфию, анальгин тоже может снять боль. Но на сколько? И все же это лучше, чем ничего...

— Давайте вместе экспериментировать, коллега. Засекаем время. Сейчас пять тридцать. Как только ваш голод снова станет совершенно нестерпимым, скажете. Тогда и рассчитаем наш резерв.

А в это время у Вадима возникла еще одна идея, которая могла значительно расширить пространство маневра. Но — подождем, обмыслим, чтобы не возбуждать безосновательных надежд. Ни у себя, ни у капитана. Но, если получится, полгода жизни Шлиману они подарят. И тут же вспомнился мало кому известный персонаж из старинного романа, который сказал своему младшему

партнеру: «Но имейте в виду, Шура, за каждую скормленную вам калорию я потребую массу мелких услуг!»

Именно так он намеревался поступить и с Михаэлем, что бы там ни придумали Тарханов и Розенцвейг. Вадим спинным мозгом почувствовал, что, кажется, он в очередной раз может выиграть по-крупному.

Не зря же в Академии лучшие преподаватели, отнюдь не навязывая и даже не афишируя своей цели, вскрывали латентные способности к стратегическому мышлению. У кого не окажется — не беда, так и быть, хороший зам начальника штаба дивизии по разведке в любом случае получится, а уж в ком обнаружится божья искра — все пути открыты, вплоть до начальника Генерального штаба.

От машин подошел Тарханов, обтирая руки куском ветоши:

— Что вы тут возжаетесь, может, объясните?

— Пока не объясню, — ответил Вадим. — Но толк, похоже, будет. И солидный. А ежели к маршу готовы, так поехали. — Повернулся к Шлиману: — Капитан, нам в дороге что-то угрожать может еще?

— Не думаю. Зона последних боев осталась там, — он показал пальцем через плечо. — И со всеми, кто «сорганизовался», вы более-менее разобрались. Других «организованных» здесь быть не должно. Разве только естественным путем кто-то из местных жителей скончался. Да и в любом случае...

Смысл его слов был Вадиму понятен.

— В общем, ты с девушками езжай на «Тайге», — сказал он Сергею, — Львович за тобой, а мы с капитаном замыкающими.

Тарханов, доставая папиросу, незаметно для окружающих поманил Ляхова мизинцем левой руки.

★ Словно желая прикурить от его зажигалки, Вадим подошел, наклонился.

— Ты соображаешь, что делаешь? — Вопрос был хотя и задан вполне в двусмысленной форме, Ляхов понял его однозначно.

— Соображаю, Серега. И польза от моих действий может пристоить громадная...

Тон у Ляхова был настолько убедительный, что Тарханов ничего больше не сказал. Такие у них сложились отношения, что верили они друг другу безоговорочно. Что Вадим Сергею на перевале, что Сергей Вадиму сейчас. А как же иначе? Иначе это уже не мужская солдатская дружба, а черт знает что! Сплошной салон мадам Шерер!

— А он тебя не сожрет там по-тихому? Даже, предположим, против собственной воли...

Опаска, разумеется, у Ляхова по отношению к столь сомнительному знакомцу, как более-менее подвижный покойник, проще говоря зомби, сохранялась. Ну а как же без риска, ежели выигрыш светит удивительный? Кто не рисковал, тот в тюрьме не сидел.

А на всякий случай еще пару банок консервов в кабину он возьмет, и как водка с «нашей» стороны на Шлимана подействует, тоже можно будет в пути проверить. Главную же надежду он возлагал на другое.

Насчет языковой проблемы Ляхов не сомневался. Капитан русский в принципе знал, что неудивительно для жителя Хайфы, где треть населения — российско-подданные, а остальные связаны с ними по службе или дружбе. А раз он еще и в Гейдельберге учился, так о чем речь? Немецкий Вадим знал ненамного хуже русского, просто разговорной практики не хватало, а и Клаузевица, и Гейне, и Ремарка спокойно читал без словаря.

Договоримся.

Перед началом движения Вадим буквально на пару

минут задержался с Майей возле распахнутой кормовой двери «Тайги».

Что там рассказывал девушкам Тарханов о случившемся, расспрашивать было недосуг. Да и смысла большого тоже. Достаточно, что подруга сохраняла приличествующую выдержку, несмотря на окружающий пейзаж и мало выносимый запах.

— За тебя можно не опасаться? — спросила Майя.

— На сто процентов. Как будто еще не убедилась. Сама там поаккуратнее, в том числе и с Татьяной.

— Об этом я и хотела. Согласовать позицию. Я так понимаю, подозрения у тебя в отношении нее сохраняются?

— Да, но вполне неопределенные. Причем наибольшие сомнения вызывает именно пятигорский отрезок. Начиная с момента их встречи. Поэтому насчет чеченца и ампулы даже не заикайся, забудь, как ничего и не было. А скорее всего, и на самом деле не было. Зато про все остальное — прокачивай, крайне осторожно, исключительно в плане бабского любопытства...

— Кого учишь, — Майя, бодрясь, улыбнулась как можно безмятежнее, привстала на цыпочки и коснулась губами его щеки.

Несколько неожиданно, исходя из обстановки, но Вадим вовремя заметил краем глаза, что на них смотрят. Из кабины «Опея» — Розенцвейг, из командирской башенки «Тайги» — Татьяна.

Потому, демонстрируя, что невинного поцелуя в щеку ему мало, он обхватил Майю за талию, вскинул вверх, на свой уровень, припал губами к ее губам. Как и следовало поступить в подобной ситуации. Да и на самом деле ему очень захотелось.

Чем круче закручивалась пружина сюжета, тем роднее становилась ему эта девушка, в которой все меньше оставалось от той Майи, львицы московских салонов, соблазнившей его такой далекой уже февральской но-

чью до сих пор длящегося года. Вполне условно, впрочем, длящегося, поскольку какой сейчас год на самом деле, не разберет и пресловутый черт.

— Ты, как в броник сядешь, сразу шлемофон надевай и в сеть включайся. Только обрати внимание, чтобы на ТПУ командирский тумблер был выключен. Сможете с Татьяной откровенно и комфортно беседовать, а если что — голова целой останется. Нет, чисто в физическом смысле, трясет там здорово...

Майя кивнула и, уже садясь в машину, вдруг шепнула:

— Ляхов, а я тебя на самом деле люблю! Не так, а на самом деле...

Услышать это было неожиданно и тем более приятно. Даже горло слегка сжало. Сколько у них было постелей и самых разных слов, но подобного Майя не говорила еще никогда.

«А чего бы вдруг — именно сейчас? — промелькнула подозрительная мысль. — Вариантов не осталось и надежд на возвращение?»

Но тут же он устыдился собственного цинизма, пусть и чисто внутреннего. Скорее, все наоборот. Именно потому, что шансов на возвращение, да и на выживание тоже, не так уж много, она и решилась это сказать. Вроде как сжечь мосты на любой мыслимый случай.

Не дав Вадиму ничего сказать в ответ, Майя, пригнувшись, скользнула внутрь броневой коробки.

Колонна пошла, и Ляхов пристроил ей в хвост свой грузовик.

ГЛАВА 3

Великий князь Олег Константинович после известных событий удалился в свой охотничий замок, расположенный всего в полусотне верст от Москвы, но в таком месте, что создавалось впечатление полной уеди-

ненности и оторванности от мира. Словно не ближе Подмоскovie здесь, а какой-нибудь Урал. Или хотя бы глушь Мещерских лесов. Потому и именовалась эта усадьба «Берендеевка», в память сказочного царства царя Берендея.

Домики прислуги и охраны были ловко упрятаны среди холмов и местами сосновой, местами еловой чащобы, чтобы совершенно не мозолить глаза и не отвлекать князя и его гостей от государственных дел, а чаще — от простого пасторального отдыха.

В собственно княжеский дом, просторное и одно- временно простое двухэтажное строение, сложенное из розовой, прочной, как камень, лиственницы, с широкой верандой внизу и несколько более узким балконом над ней, не имел права входить никто, кроме особо приближенного камердинера, да и то лишь по вызову.

Олег Константинович желал, чтобы даже случайный скрип половицы не отвлекал его от дум или просто от возможности посидеть с книгой, слушая шум ветвей над головой, от созерцания плывущих над близкой рекой облаков.

А уж насчет шума ветвей все обстояло отлично. Множество реликтовых пицундских сосен было высажено здесь еще в его ранней молодости, и вот прижились, вымахали, будто на картинах Шишкина, образовали такой приятный для глаз и души уголок, что иногда слезы наворачивались на глаза от умиления.

Теперь он приехал сюда, чтобы окончательно осмыслить судьбы мира. Пусть для кого-то и прозвучит это слишком напыщенно, а деться ведь некуда. Если даже поступок простого обывателя способен изменить настоящее и будущее, так что говорить о человеке, по определению поставленном держать равновесие российской Ойкумены?

Авторитет у него был изначальный, собственными трудами значительно подкрепленный, в распоряже-

нии — войска, очень неплохие, нужно заметить, почти сто тысяч солдат и офицеров. И функция, прописанная в Конституции, исполняемая им с должным усердием.

Но это ведь все ерунда, если вникнуть, рябь на поверхности старого пруда, который никогда не станет морем, смотри ты на него, не смотри... До тех пор, пока не будет принято некое решение. Способное изменить ход истории самым фактом своей окончательности, почти независимо от последствий практической реализации.

Так, Петр Великий ничего не знал в 1689 году, затеяв разборку с сестрицей Софьей за верховную власть. Куда оно и как повернется. То ли грудь в крестах, то ли голова в кустах. Но что российская жизнь уже никогда не останется прежней, он наверняка ощущал. Государевым инстинктом.

Верный пес, громадный, раза в полтора больше стандартной немецкой овчарки, золотисто-рыжий с черными подпалинами красавец Красс, ему не мешал. Он лежал на выскобленных досках веранды, положив тяжелую голову на могучие когтистые лапы, лишь изредка пошевеливая ушами и приоткрывая то один, то другой глаз — мол, все ли в порядке в окрестностях? И снова начинал придремывать, готовый тем не менее в любую секунду исполнить могущую прозвучать команду.

А если что — принять и самостоятельное решение, по обстановке.

Князь листал страницы нашумевшего некогда, а теперь почти забытого публикой труда американской профессорши Барбары Такман «Августовские пушки».

Более всего Олега Константиновича сейчас занимали первые главы, повествующие о днях, непосредственно предшествующих началу Мировой войны. О том, как сцепление закономерностей и случайностей, горячность одних политиков и непростительное тугодумие

других привело к глобальной, величайшей в истории человечества катастрофе.

«Опыт 1914 года приводит к печальному заключению о том, что государственные деятели, в стрессовых ситуациях размышляющие о подлинных или мнимых интересах своих стран, не видят возможности изменить собственную политику, но считают, что перед противником буквально неограниченное количество альтернатив. В 1914 году они забыли, что в неприятельских столицах действовали столь же мощные ограничения на свободу выбора, как и в собственной. Каждая сторона торопилась действовать, дабы предотвратить гипотетическую реакцию или действия другой, мало представляя себе связь причин и следствий. В то же время тщетное ожидание «разумных» шагов противника укрепляло подозрения в его дьявольской скрытности, маскировавшей лютую агрессивность. Коль скоро проблеска разума по ту сторону не наблюдалось, то повинен здесь-де только злой умысел, а это лишь ускоряло скатывание к войне»¹.

Да, именно так все обстоит и сейчас. Ситуация внутри России и за ее пределами пугающим образом напоминает события ровно девяностолетней давности.

Возможно, думал князь, век — это именно тот исторический отрезок, потребный, чтобы люди успели забыть все. Реальность происходившего, слезы, лишения, боль и страдания. Живое ощущение протекающей жизни, вкус вина и кальвадоса, чесночный запах иприта. Умерли участники событий и их дети. А внукам и правнукам уже не то чтобы неинтересно анализировать прошлое, примеривая его к настоящему, они просто уравнивали в памяти Мировую с какой-нибудь Тридцатилетней или Северной войной. То есть, проще говоря, вычеркнули из разряда подлинности, переведя в горизонт мифов и легенд.

¹ Такман Б. Августовские пушки. М., 1972. С. 10.

Но, возможно, в чем-то это и к лучшему.

Его нынешние партнеры, соперники и противники — политики — подобны бабочкам-поденкам. С коротенькими мыслями и жизненным опытом не длиннее избирательного срока. Без воображения, без способности воспринимать четырехсотлетнюю историю Романовской династии как неотменяемую часть собственной биографии.

Весь их идейный багаж — вроде новомодного плоского портфельчика с несколькими деловыми бумажками, таблетками от запора и морской болезни и набором кредитных карточек, с которым стало принято лететь хоть через океан. Потому что все остальное на том берегу (и в их жизни) такое же точно, от носков до рубашек, книг, идей и мыслей. Проще купить, взять в аренду, чем везти с собой.

А раньше люди отправлялись в путешествие на пароходе, а то и в караванах, отягощенные несколькими неподъемными сундуками, позволявшими комфортно чувствовать себя хоть в Сиаме, хоть в Тимбукту. Не просто комфортно, но сохраняя неповторимость и адекватность личности.

Отсюда — он просто обязан переиграть своих соперников, и прежде всего — премьер-министра Каверзнева, возомнившего себя спасителем Отечества и Демократии от посягательств узурпатора.

Премьер — с головой, набитой обрывками партийных программ и ничего не значащими фразами насчет «прав и свобод человека», «угрозы жестокого авторитаризма», «скатывания к полицейскому государству». Он оказался сейчас в положении тех самых Пуанкаре, лорда Грея, Николая, Вильгельма, Франца-Иосифа и их министров¹.

¹ Имеются в виду премьер-министры и монархи великих держав, начавшие Мировую войну 1914—1918 гг.

Бойтся сделать решительный шаг и в то же время бессмысленно надеется, что, при проявлении должной твердости, а еще точнее — агрессивной наглости, противник в последний момент пойдет на попятную, сбросит карты на стол, оставив на нем все ставки.

«Я бы с тобой, дураком, в покер сел бы сыграть. Но у нас сейчас не покер... — так подумал князь, раскуривая очередную сигару. — У нас сейчас миллионы человеческих жизней на кону. И судьба как минимум России, если не всей европейской цивилизации».

А так ведь, по сути, и было. Сделай сейчас Местоблюстителю опрометчивый шаг, причем все равно, в какую сторону, поспешив или помедлив сверх допустимого, и заполыхает новая Гражданская война, пользуясь которой разом поднимутся все те, кто давно уже ждет хоть малейшего сигнала, намека, проявления слабости, что наконец-то пробил их час. Что теперь — можно. Все!

Лицемерные союзники, приграничные враги, вожди «Черного интернационала», сепаратисты и ирредентисты¹ всех мастей. Просто толпы жадных мародеров-гиен, мечтающих, когда лев отвернется, ухватить свой кусок вкусных потрохов и прянуть в заросли...

Только прояви намек на слабинку, и мало никому не покажется.

Все и вся пронзал и пропитывал дешевый практицизм, потерявшая разумные границы страсть к комфорту и наслаждениям.

Только ведь никуда не делась сущность человеческой природы и непреложные законы истории, в которые князь верил не меньше, чем в законы физические. Что такое восемьдесят лет безмятежно-спокойной жизни и процветания в сравнении с тысячелетиями, демонстри-

¹ Ирредентисты — сторонники вооруженного присоединения соседних территорий, населенных соплеменниками или единоверцами (итал.).

★ ровавшими единообразие и непреложную повторяемость людских страстей, мотиваций и побуждений.

Сказано ведь, что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «Смотри, вот это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас.

Олег Константинович всю сознательную жизнь, то есть лет с пяти, самостоятельно научившись читать, предавался этому занятию с пугающей родителей и наставников страстью. Книги он читал всегда, и любые. Уединялся в Кремлевской библиотеке, насчитывающей около ста тысяч томов, любовно собиравшихся поколениями предков, хранивших на полях пометки и комментарии всех трех Александров, обоих Николаев и десятков Великих князей, из тех, кто был не чужд интеллектуальных увлечений. (После основания Местоблюстительства новая власть позволила забрать из Питера и вывезти в Москву все, что являлось личной собственностью Романовых. Кроме, разумеется, музейных собраний.)

Бывало, днями напролет карабкался по лестницам-стремянкам, добираясь до восьмых и десятых ярусов открытых дубовых стеллажей, с замиранием сердца извлекал пахнущие пылью и старой бумагой тома, многих из которых уже по веку и больше не касалась ничья рука. Открывал и начинал читать, сидя на опасно раскачивающейся лесенке. Нравилось — забирал с собой, нет — заталкивал на место и искал что-нибудь более подходящее возрасту или настроению.

В итоге к нынешним своим летам и положению Олег Константинович имел все основания считаться одним из наиболее эрудированных людей своего времени, в общем-то, к универсализму и абстрактным размышлениям не склонного.

Еще до заступления в должность Великий князь на-

писал книгу, так до сих пор и не опубликованную, поскольку предназначал он ее только для себя и своих ближайших соратников и преемников. В этой книге он в хронологическом порядке осуществил параллельный анализ исторических событий, происходивших на протяжении трех тысяч лет в самых удаленных друг от друга областях «цивилизованного мира», и тем самым укрепился в мысли, что с определенным временным лагом везде происходило одно и то же.

Если отвлечься от некоторых экзотических деталей религиозного и культурологического планов, даже личности, двигавшие исторический процесс что в Китае V века до н. э., что в Киевской Руси, что среди ацтеков и каких-то всеми забытых хеттов, вполне могут быть признаны двойниками и аналогами друг друга.

Эта затянувшаяся интерлюдия¹ потребовалась здесь, чтобы отчетливее подойти к мысли, давно уже определявшей поступки и поведение Великого князя.

Суть ее заключалась в следующем. Успешная контрреволюция, осуществленная российскими генералами, оказавшимися куда более эффективными и дальновидными политиками, чем профессионалы социал-демократических партий разного толка, кадеты, октябристы и совсем уже крайне правые, отнюдь не отменила того, о чем писал основоположник так называемого «исторического материализма» Ф. Энгельс.

Классовая борьба, или борьба представителей различных страт и сословий, никуда не делась и деться не могла. Как не устранили межнациональных, межрасовых и междивизиационных противоречий, вражды и просто биологической несовместимости все пакты, договоры и конвенций, заключенные между «великими» и не очень великими державами, основанные на итогах

¹ Интерлюдия — небольшая вставка между частями произведения, обычно — музыкального (лат.).

Мировой войны и собственных представлениях об исторической и социальной справедливости.

Олег Константинович без ложной скромности считал себя одним из самых глубоких политических мыслителей современности, и что за беда, если он не выступал в Организации Объединенных Наций с собственными планами мирового переустройства, как Вудро Вильсон или Франклин Рузвельт, не публиковал скандальных трактатов, подобно благополучно забытым Рудольфу Гессу и Альфреду Розенбергу, не предсказывал «конца истории», как японский император Хирохито.

Зато он отчетливо сознавал, что взрывной потенциал человечества, хотя бы его наиболее цивилизованной части (что понимать под цивилизованностью — разговор отдельный), не реализованный после Мировой войны, продолжает копиться. Совершенно как напряжение земной коры на границах тектонических плит, как бурлящая лава в недрах Везувия и Этны. Землю потряхивает время от времени, сквозь трещины исходят сернистые газы, вьется дымок над кратерами.

Ведь та, Великая война, начавшаяся в четырнадцатом году, не имела никаких вроде бы объективных причин и предпосылок.

Сиял ведь на исходе девятнадцатого и в начале двадцатого века истинный Полдень человечества! Расцвет техники, искусств и наук, всеобщее (в определенном, конечно, смысле, для каждого сословия свое) благоденствие.

Любая приличная валюта была абсолютно конвертируемой во всех концах света. Так, моряки Тихоокеанских эскадр на пути из Кронштадта в Порт-Артур или Калифорнию за бумажный рубль покупали ананасы и живых обезьян в немыслимых количествах. Ни у кого из белых людей не спрашивали ни паспортов, ни виз, даже и в формально недружественных странах.

Оружие, и то было одновременно высокотехнологич-

ным и гуманным. Трехлинейная винтовка, легкая скорострельная пушка, броненосец, наконец. Аэропланы хоть и летали, но невысоко и недалеко, занимались все больше разведкой, а вражеские пилоты падали друг в друга при встрече из наганов и браунингов. Плененным бойцам платило жалованье одновременно и свое, и вражеское правительство.

Живи и радуйся.

Нет, дурацкие амбиции взяли свое. Ради никому, по сути, не нужных Босфора или Эльзаса четыре года проливали кровь, изобрели ядовитые газы, концлагеря, «Большие Берты» и прочую пакость. Разрушили великие, пусть и не очень совершенные, но культурные империи, убили десять миллионов человек, и буквально всем стало только хуже. Никому не стало лучше от той войны, никому!

А истинная причина? Не только ведь несоответствие занимаемым должностям тогдашних правителей. Нет. Это было бы слишком просто. И в девятнадцатом веке воевали, но не до такой же степени озверения!

Накопился в многомиллионных массах людей страшный разрушительный потенциал. Когда нечто подобное случается у леммингов, они просто массами кидаются с обрыва в море.

Мы же так не можем, хотя как здорово, если бы могли. Нам потребна идеология, любая: марксизм, национализм, освобождение Гроба Господня.

Ладно, повоевали, ужаснулись, десять лет отстраивали разрушенное и придумывали сами себе оправдание. Написали тысячи книг. Сначала — покаянных, вроде «На Западном фронте без перемен» или «Прощай, оружие!». Затем пообвыкли. Что ж мы, мол, так вот зря умирали? Надо бы объясниться. Объяснились, и снова пошла полоса очередной, тоже великой литературы. Но уже с обратным знаком. Что явилось первым намеком

на то, что творится сейчас. Да и новые игроки начали выходить на мировую арену.

Князь, надеявшийся успокоиться, отдохнуть, помедитировать, в конце концов, встал и раздраженно ударил кулаком по перилам.

Ну, вот всегда так!

Что за жизнь, если, о чем ни вздумаешь подумать, придется к тому же самому?

А вот простые люди ей радуются, веселятся, строят термы и колизеи, совершенно не замечая, что на автостраде, по которой они носятся каждый день, то и дело попадают дорожные указатели: «Геркуланум — 15 км налево», «Помпеи — 10 км прямо», «Содом и Гоморра — вправо по объездной».

И только он один догадывается о предстоящей участи. Нет, ну пусть не один, есть и еще теоретики, пишущие нечто подобное, а моментами даже куда более мрачные сценарии.

Но они — просто писаки, зарабатывающие на хлеб, неважно, чем именно, или — оторванные от жизни теоретики.

Местоблюститель же Российского престола — единственный, кто не только знает, но и Может!

Может вскрыть зреющий нарыв, пока он еще не отравил организм своими гнилостными ядами. И организм этот — Российская империя. О прочих подумаем позже, по мере созревания их собственных фурункулов и проблем.

Да что говорить, разве последние события на Кавказе (особенно они, потому что подобных событий с каждым днем случается все больше и больше по границам Периметра, взять хоть и недавнюю арабо-израильскую войну, но России напрямую пока не касавшихся) не извещают о том, что Армагеддон приближается с пугающей быстротой?

Одна беда — у князя до сих пор катастрофически

мало сил. Против всего вздымающегося вала «Черного интернационала», а также стран и народов, пока нейтральных, но наверняка желающих присоединиться к тому, кто покажется им сильнее, у князя всего лишь четыре боеспособные дивизии и весьма скромные мобилизационные возможности Московского округа.

Впрочем, разве у Чингисхана или, что ближе, у генерала Корнилова поначалу было больше? Известно ведь, не в силе бог, а в Правде!

Зато у Олега Константиновича имелась четко проработанная стратегическая позиция.

А в запасе — еще и не доступная никому, кроме него, оперативная территория, «параллельный» или «боковой» мир.

Если верить в то, что было на днях доложено.

А если не верить? Самому сходить туда, что ли?

Кстати, почему и нет? В молодые годы он проехал на коне, с винтовкой за плечами и в сопровождении всего восьми верных казаков всю Маньчжурию, кишевшую хунхузами, и ничего. Проехал и привез великолепный этнографический и разведывательный материал.

Разумеется, соваться в параллельный мир страшно — не просто в военном смысле, как, например, опасно бывает вторгнуться в страну с неизвестными ресурсами и качеством вооруженных сил.

Тут страх совсем другой, высшего, если можно сказать, порядка, иррациональный, связанный с проникновением в области, для человека запретные.

Ну, вроде вызывания нечистой силы и подписания договора с дьяволом.

Поэтому Великий князь, поручив службе Чекменева изучать и прорабатывать связанные с этим делом вопросы (как бы на всякий случай), сам занимался делами реальными и практическими. Как честный человек, он предпринял все, от него зависящее, чтобы порешить дело миром. А уж если не прислушается премьер к голосу

разума, тогда — аккуратно и грамотно довести господина Каверзнева до такой кондиции, чтобы вынудить его к действиям безрассудным, тщательно демонстрируя при этом собственное миролюбие и законопослушность.

А когда события окончательно выйдут из-под премьерского контроля, сокрушенно развести руками и начать действовать так, как позволяет и даже требует от Местоблюстителя Конституция. И — Народ! Который не всегда умеет сформулировать свои истинные интересы, но великолепно отличает истину от лжи в словах профессиональных радетелей за его, народное, благо.

Хотя на дворе стоял только еще сентябрь, погода вела себя не по сезону. Бабьего лета, считай, и не случилось. Как-то рановато в этом году подкрадывалась зима. Листья на деревьях пожелтели сплошь и в одночасье, по утрам чуть ли не через день ударяли заморозки, и при синем, все еще ярком небе с севера тянуло пронзительным, знобящим ветром.

И сегодня солнце совсем не грело, вдобавок его начали затягивать пока еще бледные, прозрачные, как кисея, облака. А как географ, Олег Константинович знал, что буквально в считанные минуты они могут сгуститься до непроницаемости, пролиться холодным дождем, а то и просыпаться снегом.

Князь почувствовал, что замерз, несмотря на теплую шерстяную куртку, наброшенную поверх белой форменной рубашки.

Сейчас бы камин растопить, смешать в высоком стакане ирландский виски с некоторым количеством ключевой воды и продолжить размышления, не отвлекаясь на суетные мысли об особенностях теплообменных процессов организма с окружающей средой.

Он свистнул Крассу и направился в дом, на второй этаж, в малую гостиную.

Хоть и называлось это строение, по неизвестно кем заведенной традиции, замком, в отличие от королевских и рыцарских замков Европы все здесь было выдержано в стиле русских княжеских теремов XII—XIII веков.

Стены из выскобленных до медовой желтизны бревен, полы из дубовых плах, потолок — белая березовая доска.

Тяжелая и одновременно изящная деревянная мебель. Резные переплеты оконных рам остеклены ромбом и квадратом размером чуть больше ладони, других в Средневековье на Руси делать не умели. Вдоль стен книжные полки до потолка и ружейные пирамиды.

Руки изысканного краснодеревщика здесь не чувствовалось, но видна была работа уважающего себя столяра, для которого главный инструмент — топор, рубанок и собственный глаз-ватерпас.

Охотничьих ружей и винтовок у князя было много, около полусотни, лучших отечественных и иностранных фирм, от первых льежских патронных двустволок и штуцеров четвертого калибра для охоты на слонов до новейших «меркелей», «ижевок» и «тулок».

Из стиля выбивался только камин.

Данное отопительное устройство потомки Рюрика за века, протекшие с восьмьсот какого-то года, натурализовавшись, освоившись с окружающей средой и нравами аборигенов, успели подзабыть за ненужностью. На просторах Владимиро-Суздальской Руси таким термодинамическим прибором не обогреешься. При пятимесячных зимах, буранах, сорокаградусных морозах хоть весь окрестный лес сруби на дрова...

А у князя камин был, и вполне приличный, в рост человека, выложенный из моренных¹ валунов, с начищенным бронзовым прибором.

¹ Морены — скопления валунов и иных обломков горных пород, оставленных ледниками Великого оледенения (фр.).

Камердинер, наверняка обладавший некоторыми теплотическими способностями, заблаговременно распорядился выложить под его сводом колодец из хорошей охапки березовых дров, подготовить нужное количество бересты для растопки.

За что, собственно, князь его и держал при себе третий десяток лет, удостоил придворных чинов шталмейстера и обер-егермейстера. Согласно Табели о рангах равняется армейскому подполковнику.

Оставалось только чиркнуть специальной каминной спичкой, в четыре вершка длиной и с серной головкой размером в вишню.

Тяга была хорошая, и дрова разгорелись сразу.

Верный Красс остановился напротив кресла, задумчиво глядя на хозяина. Его янтарные глаза словно спрашивали: «Волнуешься, нервничаешь? Может, я тебе могу чем-то помочь? Ты только скажи. Хочешь, пойдем и порвем их всех? Запросто!»

Мысль была хорошая. А главное, с помощью Красса вполне исполнимая. Как он, еще в реинкарнации одноименного (Марк Лициний Красс) римского полководца, разделался с бандами пресловутого Спартака!

— Итак, о чем бы мы хотели сейчас порассуждать? — вслух обратился сам к себе, а может быть, к меньшому брату и другу, князь.

Пес опять насторожился и поднял уши. Выражением глаз дал понять, что, честно сказать, рассуждать ему не очень-то и хочется. Гораздо лучше было бы, хозяин, сейчас переодеться тебе в высокие непромокаемые сапоги, соответствующий костюм, широкополую шляпу, с которой будут скатываться капли дождя, закинуть за плечо ружье двенадцатого калибра, на случай если встретится заяц или тетерев, а то и случайный медведь, и отправиться в ближний бор поискать грибы.

Но в чем и разница между частным человеком и регентом. Станет он царем — снова станет делать то, что хочет сам, а то и Красс, явно более умный, чем многие царедворцы. Текущие же дела они передоверят государственным министрам, сенату, земству. А сейчас, братец, — увы.

Пес протяжно зевнул, изобразив согласие с данной, пусть и отдаленной, перспективой, уронил голову на лапы. Предварительно передав импульс мысли: «Но хоть час-другой ты еще вправе принадлежать только себе, хозяин?»

— Пожалуй. Эх, псина, один ты меня понимаешь, но человеческие дела требуют совсем другого...

Олег Константинович устроился поудобнее в кресле напротив камина, положил на колени двухпудовый «Атлас офицера», содержащий в себе карты собственного и всех окрестных государств в любом потребном масштабе.

Цыганки на картах гадают, офицеры над ними размышляют.

Картина складывалась более чем интересная. Премьер Каверзнев допустил огромную промашку, потребовав от князя переброски гвардейских дивизий на приграничные территории. Теоретически он был, возможно, прав, если бы действительно руководил всей Россией и полностью контролировал внешнюю и внутреннюю политику. А так получалась глупость.

Интересно, кто выступал его военным советником? Неужели тайный сторонник монархии, до сих пор остающийся неизвестным? Ну уж никак не военный министр Воробьев и не начальник Генерального штаба Хлебников. Те, как представлял себе князь, поостереглись бы так дестабилизировать обстановку. А с другой стороны, отчего и нет? Распространенная ошибка — считать противника умнее себя. Переоценить зачастую намного опаснее, чем недооценить.

Значит, что мы имеем?

Премьер через соответствующие военные структуры предложил князю выдвинуть свои войска на территории, где общенациональная армия свои задачи выполнить якобы не могла.

По разным причинам, достаточно убедительно изложенным Каверзневым в личном письме князю, не могла. Боеготовность не в полном порядке, проблемы пополнения маршевыми батальонами частей, разбросанных от Петропавловска, Порт-Артура, Кушки до Ардагана, Баязета и Кишинева с Ревелем. И Дума выделяет кредиты на перевооружение войск крайне нерегулярно. Только-только удастся жалование платить, а на закупку оружия и техники уже и не остается.

Поверить в это можно. Что там за армия, набираемая по призыву из числа тех, кто не умел вовремя от этой повинности уклониться? Ну и что, что четырехмиллионная, воевать-то она не умеет по определению, во всех серьезных конфликтах давно уже участвуют только добровольцы. Экспедиционный корпус, солдаты российского контингента Объединенных сил Тихоокеантического союза, а срочники-территориалы просто отбывают номер.

Призвались, походили строем по плацу, отстреляли неперенные «три пробных, десять зачетных», научились что-то там крутить и настраивать в пушках и танках, дождались увольнения, вот и все.

То есть у Каверзнева армии по-настоящему и нет.

Разумеется, шесть-семь полков и подполков отдельных батальонов, дислоцированных в Питере и окрестностях, будут ему верны, равно как и полиция, и охранные отряды его партии, но это ведь не то.

Зато посланные по его же приказу от имени Центрального Правительства три гвардейские дивизии, если грамотно все рассчитать, растянутся через всю российскую территорию.

Проще говоря — батальон со всеми необходимыми припасами и средствами усиления грузится в четыре пятнадцативагонных эшелона, полк — в двести сорок вагонов, дивизия требует для перевозки около тысячи.

Время прохождения через перевалы и станции, с учетом графика мирного времени, позволит тянуть составы месяца, а если надо — и больше.

И все это время каждое подразделение, от роты до батальона, высаженное в нужном месте, сможет решить любую поставленную задачу. Как в 1918 году Чехословацкий корпус, которому было оставлено оружие, продвигающийся по однокорейной дороге якобы для посадки на пароходы во Владивостоке, без труда захватил реальную власть над всей российской, а на самом деле — ничейной территорией от Самары до Иркутска.

Так не глуп ли господин Каверзнев?

Князю вдруг стало скучно.

Он ведь ощущал себя совсем другим человеком. Власть ему была совершенно не нужна. Он думал о ней и готовился ее взять просто из чувства долга, сознавая, что никто другой не распорядится ею лучше, чем он. А на самом деле...

Жить бы, как хочется, благо возможность есть! Мир — вот он, распахнут перед тобой. Только забудь об имени и должности. Отрекись в пользу одного из племянников, найдутся среди них совсем неплохие кандидаты. А сам стань вновь географом, исследователем. Вспомни про неоконченные труды и книги, отправляйся в Сиам или в ту же Маньчжурию. Лет на пятнадцать хватит и здоровья, и интереса.

У князя не было ни жены, ни детей, ни даже постоянной любовницы. Все это он считал излишним, хотя сексуальной ориентацией обладал правильной, то есть — обыкновенной. Просто слишком много было интересного в жизни и без того, чтобы заикливаться на женщинах.

«Господи, дай ты мне забыть о своем титуле, отпусти с должности, предложи замену, и я уйду. И покажу окружающим, как надо жить. Люди слишком уж изнежились за восемьдесят лет беспросветного мира, потускнели, привыкли к благоустроенности. Теплые квартиры, усадьбы, поместья, автомобили, рестораны, обед или ужин по телефонному заказу через двадцать минут в любой конец Москвы. Два раза в день меняемые крахмальные рубашки, личные портные и сапожники, косые взгляды сотрапезников на неподходящий к теме застолья цвет галстука.

Как все это надоело!

Нет, дайте мне винтовку в руки, безграничный простор и необъятную ширь горизонта, и я пушусь на поиски того, что стоит искать!»

Разумеется, Олег Константинович понимал, что внезапный взрыв эмоций вызван дозой старого и очень хорошего виски. И огнем в камине, и сигарой.

Но ведь, с другой стороны, невозможно и литром спирта пробудить в человеке то, чего в нем нет от природы.

Пес, ощутив тревожное настроение хозяина, опять привстал, зарычал тихонько, с вопросительной интонацией. Он не представлял, что существуют проблемы, в которых нельзя разобраться с помощью хозяйского ума, его, Красса, жертвенной отваги и крепких зубов.

Князь успокаивающе кивнул, улыбнулся, и друг снова опустил голову на лапы.

Вообще-то, думал Олег Константинович, если иметь определенный запас имморализма¹, терзаться мыслями вообще не стоило бы. Послать десяток подготовленных офицеров, организовать ликвидацию Каверзнева, хоро-

¹ Имморализм — теоретически обоснованное отрицание морали как философской категории.

шо ее замотивировав трагической случайностью, а дальше — дело техники.

Сославшись на сложность внешнеполитической обстановки, отложить на неопределенный срок выборы нового правительства, назначить «временный кабинет» — и все!

Но заставить себя пойти по этому пути князь не мог. Мешал тоже совершенно иррациональный моральный императив, и он это хорошо понимал.

Здесь — смерть одного человека, возможно, и не заслуживающего ее лично, зато решающая множество проблем.

Там — если позволить себе плыть по течению — неизбежные сотни и тысячи смертей в процессе политического конфликта. Солдат, офицеров, совсем не причастных к господским играм гражданских людей. Так почему же он готов принять на свою совесть те многие жизни и не хочет одну — эту?

Разве только оттого, что здесь будет, как ни крути, цинично спланированное убийство именно конкретного человека, а в другом варианте — «естественные» потери как следствие чужих поступков и решений. В том числе и грядущих «невинных» жертв.

Действительно, Каверзнев может и не посылать своих людей в бой, они, в свою очередь, могут предпочесть собственные интересы правительственным, отправиться не на фронт, а в ближайший кабаk. Махнуть рукой, сами, мол, начальнички, разбирайтесь, или дружно, с восторгом, присягнуть новому царю. Тем самым сохранить «на земле мир и в человецех благоволение». Так, что ли?

Выходит, что так.

Князь поморщился. Такие выводы в чем-то главном тоже не выглядели нравственно безупречными. Но решить как-то иначе он все равно не мог.

★ Глотнул из стакана и волевым усилием заставил себя думать о другом.

Не о высоких идеях и принципах, а о скучной прозе политической жизни.

И вдруг пришло в голову решение. Совершенно нестандартное, как и должно быть у настоящего Вождя нации. Которое либо позволит разом решить абсолютно все проблемы, либо освободит его от бессмысленных терзаний.

ГЛАВА 4

Чекменев, которого князь не приглашал на беседу (деликатное название для доклада, не предполагавшего разноса за истинные или мнимые упущения) уже около недели, получил возможность поработать по собственному плану.

Оно, конечно, хорошо, когда начальство не дергает по пустякам, но в то же время и тревожно — вдруг твои инициативы, которые казались очень умными и своевременными, на самом деле сочтены неуместными, а то и вредными. Оттого тебя и не зовут, давая время прочувствовать. Ничем серьезным это, разумеется, не грозило, не те времена и не тот начальник, но все равно неприятно, если хотя бы движением щеки будет выражено высочайшее неблаговоление.

А поводы для этого есть, чего уж прятать голову в песок.

Поиск группы Тарханова в параллельном мире, с использованием даже самолетов дальней разведки, результатов не принес. Сигналы, которые Маштаков считал имеющими смысл, оказались фоновыми, непонятного происхождения, никаких физических объектов, способных быть их источником, не обнаружено.

Печально, конечно, однако списывать ребят рано.

Что там за математика с физикой, Чекменев не слишком понимал, однако верил профессору, пусть и иррационально. В любой момент они как исчезли, так и могут появиться.

Собственный многолетний опыт тоже подсказывал генералу, что поминки заказывать рано. Разведгруппы возвращаются и через два месяца, и через три после того, как пройдут все сроки. Это подводные лодки имеют непререкаемый запас автономности, да и то... Если сумеют найти подходящий остров в океане, так могут опровергнуть все ожидания. Вроде немецкого крейсера «Кенигсберг», который почти полтора года скрывался от англичан в дельте реки Руфиджи¹.

Насчет покойников, существующих в параллельном мире, Чекменев тоже не беспокоился. Смысл данного феномена поручено выяснить специалистам по биологии, медицине и на всякий случай — оккультным наукам. Вот пусть и занимаются. Разрабатывают теории и методики, ищут, ловят, допрашивают. Каждому своя работа. Будет что — доложат. Генералу достаточно знать, что в случае необходимости маневра через «Ад» помешать странные мертвецы не смогут. Танками, бомбами, огнеметами — прорвемся.

А вот обыкновенная, ничуть не мистическая политика Игоря Викторовича интересовала чрезвычайно. Будучи реалистом, он не верил ни в «бога из машины»², ни в «Вундерваффе»³. Устранение с политической арены господина Каверзнева с его бестолковой Государствен-

¹ Описание судьбы рейдера смотри в любом труде, посвященном истории боевых действий на море в Первой мировой войне.

² «Бог из машины» — в древнегреческой драматургии внезапное появление потусторонней силы, позволяющее автору достичь желаемого финала безотносительно к развитию сюжета.

³ В у н д е р в а ф ф е — чудесное оружие — нечто такое, что якобы может решительно изменить ход войны и привести к победе помимо объективных факторов (нем.).

★ ной думой двадцать пятого созыва должно быть обеспечено здесь, сейчас и наличными средствами.

Военная часть программы его (по умолчанию) не касалась, на то имеются специальные люди в Главном штабе, а вот организационно-политическое обеспечение смены государственного устройства — да. Это — его епархия.

И здесь, кажется, все идет как задумано и согласовано. Доктор Бубнов, отважно, хотя и безуспешно поучаствовав в поисках группы Тарханова—Ляхова, переключен обратно на программу «Верископ».

Ему поручено — ввиду дефицита времени — подобрать сотню-другую исполнителей среднего звена и попутно, пусть в первом приближении, дать заключение по кадровому резерву высших должностей.

Чекменев, в меру собственных возможностей и понимания проблемы, набросал для Бубнова инструкцию общего рода. То есть — сосредоточиться (пока) на исследовании принципиальной готовности кандидатов исполнять порученные (конкретно еще не определенные) обязанности в системе монархического проекта. Если человек разделяет главную идею, согласен посвятить ей жизнь и не предаст даже под угрозой гражданской или физической смерти — он подходит.

Это нечто вроде присяги, только на подсознательном уровне. Если аппарат покажет вероятность пригодности к предполагаемой функции 70—90%, человек используется немедленно или определяется в резерв первого разряда, 60—70% — разряд первый-второй, зависимо от привходящих обстоятельств. Ниже этого рубежа — претендент остается на реально занимаемом месте, но в личном деле ставится понятная лишь посвященным отметка. В смысле — выдвижения не заслуживает, нуждается в негласном надзоре.

Никаких санкций, естественно, такая отметка не предполагает, возможно, в будущем человек себя еще

проявит, иногда — в совершенно неожиданной области, подобных случаев в истории сколько угодно, но на данном этапе ставка будет сделана на других людей.

Ну, попутно чиновники, еще не допущенные до сути проекта, однако сведущие в кадровой работе, ведут предварительную разбивку всех возможных претендентов (уже прошедших предварительный отбор и только готовящихся к нему) по вакансиям, подлежащим замещению и сегодня, и завтра.

Однако у Игоря Викторовича были и другие заботы, неотложные, чисто практические, требующие немедленных решений, независимо от того, что творится в высокоумных штабах и лабораториях. Именно здесь он и ощущал себя как рыба в воде, здесь находил душевное отдохновение от скуки придворно-канцелярских забот. Совершенно так не терпел и избегал этих забот и полковник Тарханов, что было прямо написано на его лице, как только Сергей появлялся в конторе.

Ну вот сегодня, где бы он ни был, полковник может быть доволен. Сбежал. И весь воз вынужден тащить на себе он, Чекменев.

Только сейчас Игорь Викторович в полной мере осознал, как не хватает ему этих людей: и Тарханова, и Ляхова. Казалось бы, познакомились при странных обстоятельствах меньше года назад, и вдруг эти никому не известные офицеры стали буквально незаменимыми сотрудниками. Чисто случайно.

А если все пойдет как надо, проект «Верископ», глядишь, поможет поставить на поток подбор ничуть не худших, а то и значительно лучших соратников.

Вот где найти еще одного Розенцвейга — вопрос сложнее. Тут, пожалуй, и «Верископ» не поможет.

Ну, в очередной раз успокоил себя Чекменев, еще не вечер. Очень хотелось верить, что выкрутится Григорий Львович и тут, вернется живой и здоровый, да еще и с очередной бесценной информацией о загробном мире.

Заставив себя смотреть на жизнь легко и оптимистично, он вызвал Максима Бубнова и распорядился подготовить то самое помещение на острове, где две недели назад уже допрашивали турецкого эмиссара Фарид-бека, он же майор Карабекир, он же русский купец Насибов.

— Но только сделай, чтобы все точно так было, как тогда, уловил? Ему это очень должно поспособствовать к дальнейшей сговорчивости.

— Будет сделано, Игорь Викторович! — со вкусом прищелкнул каблуками Бубнов.

После пережитых приключений, получив подполковничий чин, покомандовав и повоевав, в том числе и с покойниками, Максим будто забыл о своем недавнем интеллигентном прошлом. И мундир он носил с удовольствием, и отвечал старшим начальникам четко, оставляя собственные рефлексии при себе. Если и не всегда, то до последней крайности.

Замысел Чекуленева был ему вполне понятен. Хотя, конечно, генерал не совсем разбирался в психологии, в ее новейших достижениях. Ничего такого специального для Фариды не требовалось. Сломан турок был окончательно.

«Казалось бы, — тут же одернул себя Максим, — не раз уже приходилось встречаться со случаями, когда люди умели прикидываться так, что и в голову не придет».

Кто-то из знакомых докторов, работавших в тюремной системе, рассказывал, что единственный способ сохранить там положение и должность, а то и вообще выжить — не верить преступникам никогда и ни в чем. Какую бы слезу они ни пускали, как бы убедительно ни рассказывали о несправедливости полицейских, прокуроров и судей, ввергнувших их в узилище, — не верь. Даже если сотрудничает, стучит, приносит ценнейшую информацию — все равно.

А иначе своей головой ответишь за доверчивость и гуманизм.

Сдавшиеся и перевербованные шпионы ничуть не лучше. Даже хуже, поскольку уголовники — при любом стаже и количестве ходок — все-таки любители, специальных училищ и академий не кончали.

Сделал он все абсолютно так, как приказал генерал. И обстановку кабинета восстановил, что было совсем не трудно, и человека, отдаленно напоминающего Ляхова, нашел на роль фельдшера-оператора, одел его в медицинский халат и посадил на то же место. Осталось только позвонить и сообщить, что все готово.

...Чекменев, стараясь держаться подобно Тарханову при прошлом допросе, пусть и не надеясь оказаться на него похожим (тут ведь дело не в физическом подобии, а в общем совпадении антуража), расплылся в улыбке, увидев появившегося в кабинете турка.

Тот по-прежнему был одет в не способствующий самоуважению наряд военнопленного без статуса. Несмотря на искреннюю готовность сотрудничать, проявленную после первого и последующих допросов, подтвержденную сотнями страниц наговоренных на диктофон текстов чистосердечных признаний, никакого послабления в режиме содержания ему сделано не было. Рановато как бы.

— Итак, уважаемый, вот мы и снова встретились, — изображая радушие, сказал Чекменев, делая три шага навстречу Фариду.

— Извините, что-то не припоминаю, — осторожно ответил турок. — Возможно, память подводит...

— Да уж скорее всего. Однако суть не в этом. Разговаривать будем по старой схеме. Доктор, обеспечьте... — Игорь Викторович указал на хорошо знакомое Фариду кресло.

— Может быть, не надо? — страх на лице пленника был совершенно ненаигранным. — Я и без этого обещал полное содействие.

— Пустяки. У нас же все давно договорено. Вы не врете, машинка вас не наказывает. А прочее просто на всякий случай. Если у вас вдруг возникнут сомнения в необходимости полной искренности, так чтобы далеко не ходить... Вы же помните, честность — лучшая политика.

Чекменев подымял папироской, деликатно пуская дым в сторону, потом тоном, не предполагающим ответа со стороны подсудимого, спросил, как бы к слову:

— Господин Катранджи, его костоломы и вы лично по отношению к объектам воздействия всегда снисходили к их естественным мольбам о гуманности?

Это — подействовало. Даже лучше, чем Игорь Викторович ожидал. Похоже, пациенту было что вспомнить.

— Ну, хорошо, хорошо, тогда единственно прошу — задавайте свои вопросы, не торопясь, и давайте мне возможность обдумывать ответы. А то вдруг сорвется что-то машинально...

— Да, тогда вам не позавидуешь, — сокрушенно-сочувственно покивал Чекменев головой. — Однако приступим, — тут же продолжил он с улыбкой, которую один из классиков российской литературы определил бы как «негодяйскую».

Вид сломленного человека, даже если это жестокий враг, всегда был генералу неприятен. Чисто эстетически. Потому он надеялся, что турок не сломлен. Исходя из того, как он юлил на предыдущих допросах и пытается юлить даже сейчас, выторговывая себе хоть минимальную степень свободы для маневра. Да и то, что удалось узнать о характере этого человека из подробного досье, составленного по данным своей разведки и «дружест-

венных» спецслужб, отнюдь не предполагало легкой победы.

Просто человек в тяжелой ситуации пытается жить любым доступным способом. Хотя бы «теряя лицо». Да и то, «потеря лица» — категория относительная. Иезуит, к примеру, имел право, в интересах дела, даже публично отречься от истинной веры и перейти в мусульманство, всего лишь прошептав: «Ад майорем Деи глориам!», то есть «К вящей славе божьей!» — и все, и греха на тебе нет.

Да и окончательно сломленный Карабекир Чекменев был не нужен. Проигравший и униженный разведчик, «опущенный», выражаясь языком преступного мира, но оставленный в живых, рано или поздно найдет способ отомстить, подчас не считаясь и с собственной судьбой. Подобные случаи давно и хорошо известны.

А генерал имел на майора виды, предполагающие вполне равноценного и адекватного партнера. Поэтому сейчас он ограничился допросом беглым, вполне формальным, касающимся, по преимуществу, лишь некоторых подробностей личной и трудовой биографии майора Карабекира.

Осциллограф показал несколько всплесков, намекающих на то, что пациент либо испытывал некоторые сомнения по форме своего ответа, либо колебался, не слишком надеясь на собственную память. Все это было извинительно, тем более что Чекменев предварительно болевой эффе́ктор все-таки отключил.

— Хорошо, уважаемый. Считаем, что данный сеанс мы закончили. — Генерал снова закурил сам и протянул папиросу турку. Папироса, кстати, была именно турецкая, и из самых дорогих. — Сейчас вас отвезут в тюрьму и таких уже не предложат. Пользуйтесь моей добротой.

Пока Максим отстегивал контакты и датчики, Чекменев сидел с совершенно стертым выражением лица. Никаким.

Будто тракторист на пашне, закончивший борозду и, перед тем как погнать обратно, бездумно дымящий махорочной скруткой, глядя на соседнюю лесополосу и совершенно ее не замечая, поскольку примелькалась она, за двадцать прогонов туда-сюда, до полной неразличимости.

Фарид встал с кресла с явным облегчением, и видно было, что ничего ему так сейчас не хочется, как вернуться в свою камеру, ставшую ближе родного дома, съесть тюремную пайку, поскольку передач ему получать неоткуда было, вытянуть кружку чифиря, растянуться на койке и радоваться, что еще один день прожит без существенного ухудшения положения. А завтра — оно завтра и будет.

Встал из-за стола и Чекменев.

Держать паузу — главное умение не только для актера театра Вахтангова, но и для специалиста смежной, так сказать, профессии.

Фарида конвоир повел на выход.

Генерал, отпустив их шагов на пять, двинулся следом.

И уже в прихожей, откуда дугообразная лестница уходила на второй этаж, в мезонин, а входная металлическая дверь распахнулась, открывая путь к ждущему пассажира чреву тюремной машины, Чекменев сказал негромко в спину конвоиру-автоматчику:

— Отставить. Веди обратно. Туда.

Турок обернулся, спинным мозгом почувствовав, что судьба еще раз меняется.

Гяур, который умеет быть коварнее, чем любой мусульманин, именно потому, что не сдерживают его ни адаты, ни шариат, и вообще их исторический опыт на тысячу лет длиннее, улыбался, демонстрируя большую часть своих зубов.

— Туда, — повторил Чекменев, указывая солдату на лестницу, похлопал себя по карману, будто проверяя, на месте ли пистолет, и радушно предложил Фариду: — А вы идите, идите, хуже не будет...

Многие считают, что пресловутые «театральные эффекты» — это плохо. Неизящно, мол, не соответствует тонкому вкусу, высоким эстетическим принципам, и вообще.

А на самом деле — именно примитивные, театральные, мелодраматические, вышибающие слезу у неискушенной публики штуки обычно достигают цели убойно и с минимальными затратами интеллектуальной энергии.

Вот и сейчас. Что более всего способно произвести впечатление на тюремного сидельца? Не тупого бандита с большой дороги, а человека, пусть и азиата, но имеющего понятие о европейской культуре и успевшего пожить приличной, цивилизованной жизнью. Судя по принадлежавшим ему домам и магазинам в Киеве и Петрограде, счетам в банках и многом другом, о чем имелись достоверные сведения... Готовившегося ухватить христианского бога, а если повезет — и самого Аллаха за бороду, а вместо того ввергнутого в гнусное узилище. Где только одна остается светлая надежда, что не переведут в общую камеру, густо населённую уголовниками. О такой возможности, кстати, ему время от времени намекал корпусной дежурный.

И вот вдруг последний тычок автоматным стволом в поясницу, шаг через порог, а за ним...

Длинная, с тремя окнами по каждой из сторон, комната. Посередине — стол, на котором приборы, обещающие нечто лучшее, чем стандартная тюремная пайка. Приятные запахи от индийских курительных палочек. Мягкие кресла у дальнего торца стола, напротив друг друга. И еще кое-какие приятные детали и подробности интерьера.

Так бы могла выглядеть столовая в доме не слишком богатого, но радушного помещика Вологодской или, допустим, Костромской губернии, где гости редки и принимать их хочется получше. Тепло, тихо, за стеклами раскачиваются от ветра ветви обсыпанной малиново-алыми гроздьями калины.

— А теперь, Федор Михайлович, господин Насибов, купец второй гильдии, поговорим без церемоний, а главное — без дураков?

Чекменев снова выдержал паузу, дождался, когда гость, не имея иного выхода, глубоко вздохнул носом и кивнул, признавая, что условия игры принимает.

— Отлично. Тогда — выпейте для разгона, только немного, поешьте, как следует, и обсудим кое-что. Это, смею заметить, ваш последний приемлемый шанс. Все другие — врагу не пожелаю. Точнее, пожелаю, конечно, и постараюсь сделать, чтобы врагу было как можно хуже, но на вас это мнение пока еще не распространяется. Уловили, оценили?

Чекменев всегда все рассчитывал тщательно. Самое время устроить узнику маленький праздник. Три недели — как раз подходящий срок, чтобы человеку смертельно надоела тюремная пища, но он к ней еще не приспособился настолько, чтобы мечтать отнюдь не о ресторанных разносолах, а просто о лишнем черпаке перловой каши и пайке ржаного хлеба.

Для вящего эффекта прислуживал им не денщик обыкновенный, а соответственно выглядевший лакей, с льняной салфеткой через локоть. Он подкатил сервировочный столик, из одного пышущего жаром судка разложил по тарелкам бефстроганов, из другого отсыпал картофельной соломки, в отдельных соусниках подал густую подливу. Второй служитель, на вид рангом выше, в коротком красном переднике поверх ливрейного костюма, подкатил тележку с напитками. Чекменев пальцем указал на бутылку красного сухого вина. Тонкая струя с приятным журчанием потекла в тюльпановидные бокалы.

Пока Фарид ел, чересчур, может быть, жадно и торопливо для истинно светского человека (да и где ему было научиться приличному поведению, не в Турции же,

где плов едят руками, а насытившись, звучно рыгают, чтобы сделать приятное хозяину? А благоприобретенные европейские привычки тюрьма отбивает очень здорово), Игорь Викторович, откинувшись на спинку кресла, неторопливо и со смаком курил.

На этот раз — трубку, снятую со специальной подставки, где расположились, как шлюпки на кильблоках, десятка три самых разных — вересковых, вишневых, пенковых, фарфоровых, с гладкими и бугристыми чашками, прямыми и изогнутыми мундштуками.

Не сказать, чтобы Чекменев был таким уж поклонником трубок, но в полдюжины ролей, которые он для себя давным-давно сочинил и отрепетировал, входила и такая.

В данный конкретный момент он продолжал играть намеченную роль доброго помещика, слегка расслабленного сибарита, обожающего трубки, домашние настойки на плодах, ягодах и травах, карты, ружейную охоту и рыбалку.

Были у него и другие варианты работы с клиентами, для них — другие служебные дома и квартиры. Зависимо от замысла. Могло ведь потребоваться место, где нужно обсудить насущные вопросы со сторонниками протопопа Аввакума или секты турбореалистов.

И везде Игорь Викторович ухитрялся выглядеть совершенно конгениально¹. А что поделаешь, работа такая, он уже успел и забыть о своих естественных вкусах и привязанностях.

— Итак, Федор Михайлович, — сказал Чекменев, когда пациент насытился и в меру захмелел, поскольку виночерпий подливал ему ненавязчиво, но постоянно и в нужном темпе. — Надеюсь, вы на подчиненных мне людей не в обиде?

¹ Конгениальный — совпадающий, соответствующий по духу, образу мыслей, дарованию (лат.). Напр.: «Работа режиссера конгениальна сценарию». Остап Бендер в известном романе употреблял этот термин неправильно.

— Да что уж там, господин Чекменев, какие обиды, — совершенно без всякого акцента ответил Фарид. — Работа у нас такая.

То, что Карабекир, он же Насибов, несмотря ни на что, сохранил здравость мысли, узнал его в лицо и дословно повторил недавно мелькнувшую в мозгу у генерала фразу о работе, неприятно царапнуло. Ну а с другой стороны... Специалист, что возразишь!

В плюс ему запишем, лишним бокалом вина вознаградим, а заодно и себя рюмочкой. Все же умный турок сидит перед ним в качестве пленника, совсем не наоборот. Это — утешает и проясняет, кто есть кто на самом деле.

— Раз не в обиде, то начинаем говорить по делу. Как вы, надеюсь, успели осознать и продумать, того, что вы нам наговорили в ходе допросов, хватит, чтобы любой ваш хозяин и куратор намотал вам кишки на шомпол. Так?

— Да, скорее всего. В отличие от вас, европейцев, мои соотечественники и единоверцы гораздо менее толерантны к объективным обстоятельствам.

— Рад, что вы это понимаете... — Чекменев расплылся в самой располагающей из своих улыбок. Но с легким подергиванием щеки. Знающий его близко человек мог бы и испугаться.

Если бы... Если бы ему только было позволено, он показал бы, чего на самом деле стоит его «цивилизованная толерантность». Как цивилизованный человек может (должен) обращаться с подобной Фариду сволочью. Эх, Алексей Петрович Ермолов, куда ушли ваши времена? Но нет, прочь подобные мысли. Мы по-прежнему будем улыбаться и делать вид, что помним о собственной европеизированности и каких-то там конвенциях. До нужного момента...

— Да, — легонько постучал он трубкой о край пепельницы, стряхивая лишнюю золу, — мы, увь, толе-

рантны настолько, что способны не только понимать вас, грязных азиатских дикарей, но и прощать.

Мне, разумеется, жаль мирных людей и бойцов, что погибли в ходе вашей, вполне дурацкой по замыслу и гнусной по исполнению, пятигорской акции... Однако естественное чувство негодования значительно смягчается тем, что единственный наш офицер поставил раком всю вашу кодлу, а указанная поза, особенно если доведена до логического конца, вроде бы должна покрыть позором не только вас лично, господин майор, но и многочисленных потомков ваших.

К сожалению, у нас уже забыта традиция сочинять былины и песни, восхваляющие наши подвиги, но уж в обычной журналистике, а там и в беллетристике все это будет изложено как надо. Со вкусом.

Аналога графа Толстого с его «Хаджи-Муратом», где он, на мой взгляд, впав в старческий маразм, проявил недопустимую терпимость и сочувствие к врагам Отечества, у нас, по счастью, на сей день не просматривается. Дешевые продажные писаки не в счет. Зато уж расписать все случившееся в Пятигорске с должным надрывом смогут многие.

Особенно если мы попросим сделать так, чтобы тексты апеллировали больше к иностранному читателю, нежели к отечественному. И были оснащены массой цитат из ваших добровольных и заверенных подписью показаний. С упоминанием самых нелестных ваших характеристик в адрес господина Катранджи, известных нам обоим имен руководящих лиц ведущих европейских держав и... еще кое-чего. Так что готовьтесь, коллега.

Кроме того, я не по должности, а просто от природы — циник. Ибо это самая естественная реакция мыслящего человека при созерцании происходящего вокруг. Потому вашим родственникам вряд ли понравится то, что после некоторых ваших высказываний в адрес

Корана, Пророка и веры подумают и сделают муллы. Про судьбу Сулеймана Бушби помните?

— Позвольте! — вдруг вскинулся Фарид. — Уж это — прямая, гнусная ложь! Я мусульманин! И на такие темы разговоров вообще не было!

— Да не позволю, не позволю, все равно вы снова врете, пользуясь отсутствием здесь милейшего доктора с его «Верископом». Какой вы на хер мусульманин? Вам что, прямо сейчас начать цитировать Священные тексты и все заветы, которые вы нарушили, не имея на это никакого права? И ваши слова, записанные на магнитофон, что при современном развитии техники будут звучать стопроцентно подлинно. А вы в ответ зачитаете мне Нагорную проповедь, положения которой я тоже нарушаю? Кончайте дурака из себя строить, Федор Михайлович. Или мы с вами сейчас договоримся, как два нормальных человека, озабоченных прежде всего собственными интересами, или...

Ну, вы, наверное, уже поняли, что в моих устах означает это «или». У вас же, в свою очередь, никакого «или» для меня нет. Так что, еще дурака поваляем? Пожалуйста. Но ровно столько времени, которое потребуется, чтобы я выпил эту рюмку.

— Я вас слушаю, Игорь Викторович.

То, что собеседник понял его правильно и, значит, партию он свою провел с блеском, Чекменева порадовало. Кто-то скажет, что никакой тут нет особой доблести — напугать и привести к покорности находящегося в полной твоей власти пленного врага, и будет не прав.

Нужно же ведь заодно сообразить: а отчего же это вдруг, в силу каких причин он у нас в плену оказался, а отнюдь не наоборот? А если бы пришлось нам поменяться местами, какой бы в этом случае состоялся разговор?

Вопрос, большой вопрос: сумел бы Фарид сломать Чекменева столь же быстро или даже вообще сумел бы?

Исторический опыт бесчисленных русско-турецких войн, да и среднеазиатских экспедиций показывает, что по какой-то малопонятной рационально мыслящим людям причине, до глупости с врагом гуманные, русские солдаты в боях стояли до конца, а будучи захваченными в плен, переносили бессмысленно жестокие пытки, даже и на кол садились, не дрогнув. Перекрестившись напоследок, крикнув, если было кому: «Прощайте, братцы!» А если нет, так прошептав: «Ну что ж, не мы первые, не мы последние».

А в гораздо менее острой ситуации до невозможно-сти отчаянные и столь же жестокие башибузуки, янычары, шахиды¹ ползали на коленях и целовали пыльные сапоги тех же самых, не успевших попасть им в руки русских солдат, вымаливая пощаду любой ценой.

Конечно, не будем обобщать и делать далеко идущие выводы, но ведь тенденция, однако!

Чекменев, по крайней мере, был уверен, что он бы так легко не сдался.

Да хотя бы именно сейчас, придись ему поменяться местом с Фаридом в этой вот ситуации, он, не шевельнув лишний раз лицевыми мускулами, огляделся бы по сторонам, якобы любясь обстановкой, и прыгнул бы вбок — назад, опрокидывая ногами стол на собеседника, сорвал со стены одно из крестообразно повешенных охотничьих ружей и — с размаху, прикладом по голове уверовавшего в свою полную моральную победу врага!

А уж дальше — как выйдет. Уйти живым вряд ли удастся, но шороху наделал бы знатного. Наша ведь поговорка: помирать, так с музыкой!

— Нет-нет, Игорь Викторович, не ждите от меня никаких неожиданностей, — с обезоруживающей ухмылкой сказал турок. — Я прекрасно догадываюсь, о чем вы

¹ В общем смысле — бойцы за веру. Заведомо готовые к героической смерти.

сейчас думаете. Я очень неплохо разбираюсь в идеомоторике и в вашей психологии тоже, все-таки почти десять лет прожил в России, и ведь не просто так прожил, как разведчик прожил. А вот хотите, проверим? Вы позволите?..

Не успел Чекменев кивнуть, как Фарид встал, подергал висящие на стене ружья. Ни одно из них даже не шелохнулось. Кроме довольно хлипких на вид кронштейнов, на которых ружья лежали, они были прихвачены к стене почти незаметными, но прочными стальными шпильками, пропущенными сквозь антабки.

— Зачем же мне нужно было дергаться, рискуя тем, пусть пока и слабым, авторитетом, что я успел у вас завоевать? Тем более...

На пороге родного дома я, без сомнения, дрался бы с вами насмерть, а здесь-то зачем? Работал я всегда исключительно за деньги, поскольку идеи пантюркизма или там исламской солидарности меня и в самом деле не волнуют... — Он вполне естественно рассмеялся. — Со времен Ататюрка прошло восемьдесят лет, а мы так еще и не сумели собственную страну обустроить на средневропейский манер. Зачем нам что-то еще?

Поэтому поверьте мне, Игорь Викторович, никаких я больше тайных замыслов не лелею. Обошлись вы со мной по-человечески — я это понимаю и ценю. Спасибо вашему полковнику, что не оставил меня в Пятигорске. Там разговоры были бы другие. Говорите, чего вы от меня хотите сейчас...

«Что ж, слава богу», — подумал Чекменев. В своих расчетах он не ошибся. Чуть не так собирался построить разговор, но итог в принципе тот же.

Однако даже в мелочи дать противнику почувствовать свое превосходство или хотя бы равенство с «хозяином положения» было нельзя.

— Что ружья закреплены — догадаться нетрудно. Но вы ж могли и креслом мне голову раскрыть, и этой,

например, бутылкой, очень неплохо могло получить-ся, — с этими словами генерал налил чарку себе и немного плеснул Карабекиру. — А насчет порога собственного дома, вы уж извините и меня тоже — это дешевый треп. Офицер, который не хочет при первом удобном случае отомстить за оскорбление своей чести, и свой дом вряд ли сумеет защитить...

Поднял рюмку на уровень глаз, кивнул Фариду, но чокаться не стал. Одним глотком выпил.

— Но я же не русский офицер, — мягко улыбнулся турок. — И даже совсем не офицер сейчас. Я знаю, как следует поступать в соответствии с вашей славянской натурой, и смог бы симитировать соответствующую реакцию, но — зачем? У меня же менталитет совсем другой. Вот и останемся каждый при своем. Говорите, что вы хотели мне сказать, Игорь Викторович.

И только после этих слов выцедил рюмку.

«Пожалуй, да, заболтались, — подумал Чекмев, — но все равно этот разговор на пользу. И мне, и ему. В рассуждении будущего. Работа ж не сегодня кончается».

— Ладно, значит, переходим непосредственно к баранам. Все, что я от вас хочу, это чтобы с данного момента вы согласились работать непосредственно на меня. Ни на Российскую империю, ни на Великого князя, которому, как вы знаете, я служу, ни на господина Катранджи, а только на меня. Я вас хочу нанять на работу как своего личного агента. Проверку, в том числе и последнюю, именно сейчас вот, вы выдержали. Осталось сойтись в цене.

— Может, прежде чем говорить о цене, стоит упомянуть о круге задач и обязанностей? — деликатно осведомился Фарид.

— Когда джентльмен нанимает слугу, он обычно не распространяется о мелких деталях. Если вы согласны воспринимать меня именно как работодателя, то долж-

ны сообразить, что грабить на большой дороге или убивать старушек-процентщиц я вас вряд ли пошлю. А самое главное — альтернатив вам абсолютно никаких не остается. Отсюда вы выходите либо на свободу, чтобы заняться опасным, не скрою, делом, но заработным и в целом вам привычным. Либо...

До настоящего времени вы были в предварительном заключении, в случае отказа попадете в окончательное. В почти аналогичном случае один мой пациент, для утешения, попросил в камеру роман «Граф Монте-Кристо». Том первый. До второго он дожить не планировал. Вам я тоже не посмею отказать. Хотя, может быть, турецкая литература имеет свою классику подходящего содержания? Только скажите. Хотя, конечно, вряд ли узники ваших зинданов имели время и условия, чтобы мемуары писать...

С удовольствием, которое пусть и в небольшой степени, но компенсировало Чекменеву неприятности последних дней, он всматривался в лицо противника, который, пусть и не слишком заслуженно, как бы сосредоточил в себе все, что нервировало генерала, как застарелая зубная боль.

Держится в принципе нормально, в пределах предварительного прогноза. Если согласится, работать будет. Деваться ему все равно некуда. Разумеется, под контролем, кто ж его из-под контроля-то выпустит?

— Так что, Федор Михайлович, да, нет?

— Скорее, да.

— Тогда продолжим... В самую суть стоящих передо мной проблем я вас посвящать не буду. Чтобы голову не перегружать. А вот чего я хочу от вас, сейчас и конкретно. Я хочу, чтобы вы более или менее забыли о том, что случилось, начиная от печального для вас утра нападения на Пятигорск и до сегодняшнего момента. То есть эмоционально имеете право помнить, что вам угодно. Только в реальную жизнь эти воспоминания перено-

сить не нужно. Это я вам как психоаналитик говорю. Тем более, к вашему удивлению, я вас попрошу делать исключительно то, что и без моей просьбы входит в круг ваших, уже оплаченных господином Катранджи обязанностей...

Вот тут турецкий майор слегка растерялся. И правильно.

Он-то наверняка ждал совершенно противоположного. К примеру, задания вернуться домой, проникнуть в окружение Ибрагима Катранджи, суметь как-то замотивировать провал и последующее возвращение, легализоваться по новой и вести там смертельно опасную работу на грани ежедневного провала.

— Придется вам поехать не в Стамбул и не в Бейрут, а совсем даже в Варшаву. Разыскать там господина, известного нам под кличкой «Станислав», и приступить вместе с ним к реализации того, зачем эфенди Ибрагим послал этого молодого человека на его историческую родину.

— А вы знаете, для чего он его туда послал?

— Как же иначе? Восстановить сильно нами порушенную сеть «Армии Крайовой» и «Народовых сил збройных», активизировать контакты с литовским и галицийским подпольем, забыв о прошлых обидах, в удобный момент поднять мятежи в Варшаве, Вильно, Львове. Что-то я такое слышал насчет очередного плана возрождения Великопольши, пусть и не от моря до моря, но в достаточно протяженных границах. И вроде бы даже державы — члены нашего Союза — обещали сепаратистам с пониманием отнестись к их притязаниям, если, разумеется, успех будет впечатляющим, а Россия по какой-то причине не успеет или не решится на интервенцию.

Там ведь в чем весь фокус — на Западе привыкли думать, что принадлежащая России бывшая польская территория ею как бы оккупирована, а та, что к Германии и

Австрии отошла, — та вернулась в лоно европейской цивилизации. И ежели Восточная Польша восстанет против угнетателей, да под девизом воссоединения и возрождения — мировое общественное мнение отнесется с пониманием. Совершенно как в 1863 году. Только что на коленях государя нашего австрийский император умолял помочь, а как помогли, тут и поднялся крик! Жандарм, мол, Европы, душитель свобод... нарушение границ... Я правильно все понимаю? Нынешняя цель ваших хозяев и работодателей — такая же?

Карабекир не мог не признать, осведомлен господин генерал вполне достаточно.

— Вот вы и приложите все свои силы и способности, чтобы наилучшим образом выполнить свое задание. Ну, на Кавказе немного не получилось, зато там должно получиться. Все понятно? Оперативное сопровождение вы получите первоклассное. Средства, как я понимаю, у инсургентов имеются, а с приобретением оружия, вербовкой «национально мыслящих» представителей муниципальных и уездных властей поможем в меру сил...

Чекменев ждал только одного. Какой следующий вопрос задаст ему Карабекир. От этого зависело многое.

— Так, Игорь Викторович. Это мне понятно. Я в Киеве не зря учился. И украинские диалекты знаю, и польский язык более или менее. Одно остается уточнить. Сумма гонорара и гарантии безопасности.

Чекменев рассмеялся облегченно. Так, чтобы это было заметно — облегчение. Но заметно только очень внимательному человеку. У которого жизнь и свобода на кону. Мол, чуть-чуть потерял над собой контроль вербовщик, а что удивительного, слишком много нервов ушло на предыдущую игру. И тут же взял себя в руки, замаскировал один вид смеха другим, тоже чуть-чуть, но издевательским.

— На слишком большой — не рассчитывайте. Один раз вы уже получили. Сколько сумеете присвоить из сумм, принадлежащих конфиденстам, — только от вашей ловкости зависит. Ну а я заплачу по средним ставкам за такого рода работу. Масштаб цен вы представляете. Торг, может быть, и будет уместен, но позже, позже... Когда какой-то результат проявится.

Карабекир кивнул. В смысле, что данный вариант его устраивает.

— Но второе, Игорь Викторович, — гарантии безопасности. С ними как?

Тут уже ничего имитировать и не нужно было.

Посмеялся Чекменев от души, даже, кажется, слезы вытер в уголках глаз. Снова закурил, подвинул турку рюмку, в какой-то незамеченный момент наполненную лакеем, умевшим появляться и исчезать так, что о каких-то еще собственных неосторожных движениях Фариду следовало окончательно забыть.

— Вы, когда к Ибрагиму подряжались, надеюсь, такого вопроса не задали? Или все же?.. Тогда вы очень смелый человек, майор. Гарантии — ваша ловкость, ум и благоразумие. Знаете, не помню, кто это сказал: «Дай мне бог сил изменить то, что я в силах изменить, терпения — перенести то, что я изменить не в силах, и мудрости — вовремя отличить одно от другого». Ничего сверх этого я вам пожелать не могу. Зато могу гарантировать, что, если мудрости вам не хватит, на мою снисходительность вы можете рассчитывать в самую последнюю очередь. На этом теоретическую часть нашего разговора я считаю законченной. А к практической перейдем завтра утром. Ну, как это водится, подработаем легенду, наметим этапы ее реализации, пароли, явки и все такое прочее. Мы же с вами специалисты как-никак.

Князь возвращался из «Берендеевки», окончательно укрепившись в мысли, что, только осуществив задуманное, пусть и с риском для собственного реноме и политической позиции, он сможет с чистым сердцем действовать дальше. Тогда уж его не сможет упрекнуть никто — ни история, ни собственная совесть.

За рулем он сидел сам. Вождение машины по лесным дорогам очень способствует снятию нервного напряжения.

Автомобиль, «Руссо-Балт 3500 С», построенный более сорока лет назад по личному заказу позапрошлого предшественника на посту Местоблюстителя, приходившегося ему двоюродным дядькой, Павла Кирилловича, по-прежнему работал на уровне лучших образцов «Роллс-Ройса».

А отчего бы и нет? Двухтонная машина рамной конструкции, собранная на специальном стенде самыми квалифицированными рабочими Риги, из лучших деталей, каждая из которых прошла особый отбор по всем техническим стандартам и материаловедческим экспертизам, могла ездить по замыслу практически вечно.

Разумеется, при должном уходе и обслуживании. И что такое пройденные четыреста тысяч километров, если именной сертификат, подписанный начальником спеццеха и главным технологом, гарантировал миллион до первого капремонта.

Уже, наверное, ни их, ни большинства мастеров и в живых не осталось. А автомобиль — как новенький.

К услугам князя имелся обшитый натуральной кожей салон, с мягкими пружинными диванами, хрустальными пепельницами, баром и подобающим его должности радиооборудованием, мягко покачивающийся на великолепных рессорах и масляных амортизаторах. Первый хозяин «Руссо-Балта», большой любитель и ходок

по женской части, очень уважал приглашать в этот бу-
дуар на колесах дам, претендующих стать фаворитками,
и большую часть цифр на одометре накрутил именно в
таких кургузых поездках.

Олег же Константинович, из собственным образом
понимаемого снобизма, обычно садился «на облучок»,
место шофера, полностью изолированное от пассажир-
ской каретки и по дизайну повторяющее стиль двадца-
тых годов прошлого века.

Легко придерживая ладонью массивный деревян-
ный руль с надраенными бронзовыми спицами, привыч-
но управляясь с чрезмерным, по нынешним временам,
количеством рычагов, педалей и тумблеров, Местоблю-
ститель любовался сквозь открытые оконные проемы
одновременно грустной и настраивающей на приподня-
то-оптимистический лад увядающей осенней красой
ближнего Подмосковья.

Не так уж часто выдается время для чистой эстети-
ки. Вот будь он японским императором, круглые сутки
созерцал бы сады камней, скрюченную пятисотлетнюю
сакуру на фоне полной луны, описывая впечатления в
изысканных хокку. Увы — не дано.

Но, как выражаются в народе, за неимением гербо-
вой пищи на клозетной. Сейчас, например, чтобы слег-
ка отвлечься от предстоящих очень нелегких забот и ре-
шений, князь обдумывал, как бы пример везущего его
автомобиля следовало бы распространить на подвласт-
ную ему территорию, а в перспективе, конечно, и на
 всю империю.

Сохранность, надежность и не подверженная зигза-
гам моды красота машины отлично демонстрирует не-
нужность так называемого технического прогресса.
Ложно понимаемого. Он еще допустим, скажем, в об-
ласти военной техники, если приходится участвовать в

гонке вооружений с вероятным противником. А в остальной жизни — зачем? Способны ли принести счастье или пользу невиданная ранее форма кузова, фар, материал обивки салона или увеличенная вдвое мощность двигателя. Деда-прадеды вон ездили на двадцатисильных «Фордах» — и ничего, добирались куда надо и вовремя.

Следует, пожалуй, принять закон, запрещающий какие-либо технические изыски в бытовой сфере. Мебель там, радиоаппаратура, стиральные машины, холодильники, автомобили et cetera¹.

И напротив, обязывающий изготавливать указанные предметы из максимально долговечных материалов. Ведь любому понятно, что машина на раме, с корпусом из двухмиллиметрового металла, луженого или оцинкованного, прослужит в двадцать раз дольше, чем таковая же из полумиллиметрового. Соответственно, экономия материалов и трудозатрат будет также в двадцать раз больше. А империя сможет использовать и материалы, и рабочее время подданных на более важные цели.

В конце-то концов, каково назначение автомобиля: доставить владельца и пассажиров из пункта А в пункт Б с гарантией и возможным комфортом. Дизайнерские изыски на эту задачу никак не влияют.

То же касается мебели из прочных пород дерева, черепицы как материала для крыш, ламповых радиоприемников и многого, многого другого. Нет, ну о чем спорить? Олег Константинович уже больше четверти века носил ручной работы шевровые сапоги с прокладкой из рыбьей кожи, лишь время от времени меняя стирающиеся стальные подковки и кожаные подметки, и они с годами становились только мягче и удобнее. А сколько заводской обуви из дешевых кожзаменителей пришлось бы купить за тот же срок?

¹ Et cetera — и прочее, и так далее (лат.).

Князь сделал в памяти зарубку. Следует поручить специалистам рассчитать данные соображения применительно к масштабам страны и оценить предполагаемый экономический эффект. Нет, если такового не обнаружится, он настаивать не будет, он же не догматик.

Но интуиция подсказывает.

Это как с оружием. Сколько раз ему уже говорили, что пора отказаться от «безнадежно устаревших» дегтяревских автоматов и пулеметов, перейти на более современные образцы. Как вон на Западе.

И что? Поощряли изобретателей, назначали конкурсы, проводили испытания, оценивали боевую эффективность. Платили серьезные деньги, кстати.

Оказалось — убить неприятеля можно одинаково, что из старого, что из суперсовременного оружия. Если вообще умеешь целиться и нажимать на спуск. И что толку, если техническая скорострельность и прицельность из автомата того же Николаева, скажем, выше, чем у «ППД», на 20 процентов? Так это же — при стрельбе в тире, кадровым офицером-испытателем.

Рядовые солдаты в поле мажут и из того, и из другого практически одинаково. При полуторном перерасходе патронов. Зато стоимость перевооружения армии, организации производства нового оружия и боеприпасов составляет семизначное число. Так зачем? Дать кое-кому заработать? Обойдутся.

Куда дешевле на пару месяцев удлинить срок стрелковой подготовки солдат.

Собственная рассудительность князю понравилась. Так он и будет организовывать жизнь всей России, когда получит соответствующую возможность. Рациональность и разумная экономия во всем! Откуда и вырастет столь нужная русскому народу стабильность и вера в будущее.

Вот англичане этим чувством обладают в полной мере. Заседают в парламенте, которому семьсот лет, сле-

дуют еще более древним законам, когда судья судит по прецеденту тысяча триста какого-то года, живут в домах, построенных дедами прадедов, едят с тарелок эпохи Тюдоров. Это же чудесно!

И россиянам бы пора начинать жить традициями. Пусть и с автомобилями это начнется, раз уж именно «Руссо-Балт» послужил толчком... Сколь полезно для развития чувства стабильности и укорененности в жизни, если сын унаследует машину, которую отец купил в его раннем детстве. С которой связаны все самые яркие впечатления: запах бензина, лака, кожи сидений, семейные выезды на природу, путешествия по стране, первая попытка тронуть машину с места, первая поездка без инструктора на правом сиденье... А потом этот же автомобиль, привычный и родной, обросший тысячами воспоминаний и легенд, перейдет и к внукам...

За мыслями, вроде бы и легкими, поверхностными, но несущими в себе нешуточный задел на будущее, когда князь действительно сможет определять образ и направление жизни своих подданных (к лучшему, разумеется — только к лучшему), время прошло незаметно. Машина въехала в Москву со стороны знаменитой Владимирки, тракта, по которому две сотни лет гоняли этапы каторжан, обреченных на сибирские рудники. Показалась по протяженному шоссе, редко застроенному коттеджами и виллами причудливой архитектуры, через Измайловский парк, Таганку, через Солянку до Лубянской площади.

Этот неспешный, со скоростью до сорока верст в час проезд по вверенному его попечению городу тоже очень способствовал полету державной мысли. «Взяв в удел» древнюю столицу, его предшественники сумели не допустить никакого архитектурного модернизма и волюнтаризма, сберегли Москву такой, как приняли в далеком 1920 году.

Благоустраивали, да, сносили ветхие и не представ-

ляющие ценности строения, расширяли улицы, озеленяли. Но то, что делало Первопрестольную именно этим, единственным в мире городом, культивировали и сохраняли, грамотно реставрировали и приумножали. Строили много, как же без того, но исключительно по согласованию с Историко-архивным департаментом, в который сами же и внедрили до удивления лютых ревнителей московской самобытности. А возглавлял его, вплоть до своей безвременной кончины в девяностопятилетнем возрасте не кто иной, как сам Владимир Гиляровский.

Отчего город к началу нового тысячелетия получил-ся уникальный и чудесный. Куда там пресловутому Парижу!

Внутри Садового кольца — почти полностью свободный от частного автотранспорта. Внутри Бульварного — исключительно пешеходный. Не считая, разумеется, густой сети трамваев и станций метро чуть не через каждые полверсты.

Несколько десятков квадратных километров бульваров, аллей, скверов. Первые этажи домов — магазины, художественные салоны, кабаре и варьете. В теплое время года — кафе, трактиры, ресторанчики выставляют столики на тротуары. Антиквары, старьевщики, букинисты торгуют с лотков и вразнос всем, что только можно вообразить.

Олег Константинович сам регулярно выходил «на охоту» за раритетами по расходящимся от Кремля радиусам: по Арбату, Петровке, Неглинной, Сретенке, Мясницкой. И почти всегда возвращался с интересной добычей. Иногда это был подлинник стенограммы заседания 9-го съезда РКП(б), исторического, проходившего уже под грохот пушек Кронштадтского восстания, отпечатанный на машинке «Ремингтон» непривычно крупными буквами и с рукописными пометками тогдашних вождей. Иногда — с обколотой эмалью значок бойца

Русской Особой бригады, защищавшей Париж в 1915 году, а то и просто граненая стопка мутного зеленого стекла с пузырьками воздуха внутри, изготовленная аккуратно перед наполеоновским нашествием.

Короче — жить в этой Москве было приятно и интересно. А кому не нравятся наши обычаи и привычки — скатертью дорога.

Подлинно деловая инициатива, в том числе и архитектурные изыски любителей небоскребов и новомодных «гипермаркетов», всячески поощрялась. Но — не ближе двух верст от линии Окружной железной дороги. Помимо всего прочего, это разгружало центр от транспорта и излишнего населения, поскольку очень приличная квартира на Воробьевых горах или за Останкином стоила раз в десять дешевле, чем на Бульварах.

Отчего всякие Мытищи, Химки и прочие прилегающие городишки и поселки давно стали аналогами Манхэттена, Бирмингема и Детройта, зато центр — сиял, как заново выскобленное стеклышком, отлакированное и обтянутое ручной работы шелком полукресло работы мастера Гамбса (1865 г.).

Машина развернулась по кругу вокруг фонтана на Лубянской площади, и мысли князя приобрели новый поворот. Наверное, ни в одном городе мира не было такого количества церквей и соборов: и пресловутых «сорока сороков», которыми Москва славилась еще в XVIII и XIX веках, и добавившихся в XX веке, если можно так сказать, во время «Православного Ренессанса», начавшегося как реакция на вспышку кровавого дурмана, внезапно накрывшего Россию в недолгие, к счастью, годы «советской власти». Нация словно испугалась того, что с ней случилось (ну, как жуткий запой с дикими бесчинствами, в который впал по непонятной причине до того благопристойный и в общем-то добрый человек), и истово принялась замаливать свои и чужие грехи.

Уникальной особенностью города стала нигде более

не виданная архитектурная доминанта. На любом перекрестке, куда ни повернешь, взгляд упирался в замыкающую перспективу каждой более-менее значительной улицы, проспекта, бульвара вертикаль. Будь то звонница скромной, но удивительно праздничной церквушки где-нибудь в Зарядье, построенная попечением купца второй гильдии такого-то по случаю благополучного избавления от долговой ямы, или пятидесятисаженная колокольня Храма Всех Новомучеников Российских, вознесшаяся на площади Брестского вокзала, симметрично поддержанная аналогичными «высотками» на Пресне, Сухаревке, Смоленской площади.

Чем-то эта градостроительная изощренность напоминала идею японских Садов камней. Только там один из камней всегда не виден, а здесь — строго наоборот. Всегда увидишь больше, чем ожидаешь.

Еще одной и главной, по сути, особенностью Москвы, привлекающей сюда ежегодно миллионы туристов из самой России и стран Союза (по преимуществу, хотя приезжали богатые люди и из-за Периметра), был также широчайший диапазон развлечений, от высокоинтеллектуальных до самых примитивных. Кому — музеи, библиотеки, картинные галереи, тайны кремлевских подземелий, самые интересные в Европе, а то и в мире по составу своих «постояльцев» мемориальные кладбища. К услугам иных — игорные дома всех видов, свободные от ограничений, принятых в более «цивилизованных», а точнее — ханжеских странах. Отважные, пресыщенные африканскими сафари люди могут встряхнуть эндокринную систему экстремальной охотой: с борзыми на волков, с рогатиной на берложного медведя или с луком — на степного полуторатонного тура. И многое, многое другое.

При этом для всех — тысячи ресторанов, трактиров, кабаков и харчевен, угощавших блюдами и напитками всех стран и народов.

В итоге бюджет «Великого княжества московского», как полушутливо, полузавистливо называли прочие граждане России подведомственную Олегу территорию, а в особенности оборот наличных денег моментами был сравним с российским государственным бюджетом. Поскольку деловые люди, из чистой благодарности и альтруизма, кроме положенных законами налогов отчисляли в великокняжескую казну четкую «десятину» своих доходов. И более могли не заботиться ни о чем. Административный произвол тем самым был сведен к нулю, а с неорганизованной преступностью законопослушные граждане могли расправляться по собственному усмотрению. Кто победнее — носили при себе пистолеты и револьверы, побогаче — нанимали охранников или держали собственные вооруженные дружины. Как в Великом Новгороде Средних веков.

Разумеется, подобное положение не могло не вести к перманентным конфликтам с центральным правительством. Но старое правило действовало четко: «С Москвы выдачи нет!» В том смысле, что экстрадиция по обвинениям в хозяйственных делах не практиковалась. По уголовным — с нашим удовольствием.

Само собой, петроградская власть относилась к Москве примерно так, как московская к Новгороду шестьюстами годами раньше.

История, она же ведь развивается по спирали, как говорил один немецко-еврейский философ позапрошлого века, тем более, по его словам, вроде бы сначала в виде трагедии, а второй раз — фарса.

«Дурацкая, кстати, формула, — подумал князь. — Скорее наоборот, поскольку даже якобы дословное повторение прошлых событий через век-другой, за счет нового качества военной техники и вовлеченных в ситуацию людских масс, оказывается куда более кровопролитным и трагическим. То же «восстание декабристов» стоило обеим сторонам пары десятков погибших

и казненных, а вот за «ноябрьский путч» большевиков Россия заплатила полутора миллионами только убитых, а умерших от болезней и сопутствующих причин вообще никто не считал. Так где трагедия, а где фарс?»

Вот теперь и приходится признаться, что главной, а то и единственной мечтой князя как раз и было, получив всю полноту государственной власти, аккуратно, но решительно привести всю Россию к нынешнему московскому состоянию.

Он, имея великолепное европейское образование, будучи убежденным англоманом во всем, что касалось политического устройства и образа жизни, почетный доктор Кембриджа и лауреат Золотых медалей Британского географического общества, для своей страны тамошний образец жизнеустройства категорически отрицал.

Совсем не потому, что принижал соотечественников по отношению к изобретателям «Хабеас корпус акта», «Хартии вольностей», Парламента и всего такого прочего. Отнюдь. Просто время было упущено.

Если бы представилась ему возможность поруководить Новгородской республикой того же десятого или даже двенадцатого века, да, желательно, с нынешним пониманием смысла истории, тогда, конечно. Где бы была та Англия и тот Ганзейский союз.

А сегодня, господа, на дворе двадцать первый век, пусть и в самом начале. И страна за стенами Кремля такая, какая есть. И народ соответственный. С индивидуальным историческим опытом. И в условиях международной обстановки, такой, что, поразмыслив, и Ивану Грозному позавидуешь.

Следовательно, максимум того, что можно этому народу предложить в качестве «модус вивенди»¹, — неко-

¹ Модус вивенди — образ жизни, способ существования (лат.).

торый аналог идеального гвардейского полка конца XIX века. Кавалергардского там или Конногвардейского (читайте воспоминания графа Игнатьева, «50 лет в строю»). Командир полка умен, добр и справедлив. Все 24 часа суток посвящает службе и заботам о благоденствии своих подчиненных. А также поддержанию должной боеготовности и образцового внешнего вида. Слуга царю, отец солдатам. И офицерам тоже.

Если надо идти в бой — так пошлет коня шенкелями впереди всех, вздымая палаш и не кланяясь пулям. Прочие же члены полковой семьи должны быть дружны, связаны корпоративной дружбой и круговой порукой, четко следовать правилу: «Наше дело — воевать и помирать, когда приказано. А за что и почему — господин полковник скажет».

Если жизнь мирная — рачительно ведет полковое подсобное хозяйство, никого не обходит крестиком или чином. Когда корнет или поручик подает рапорт с просьбой о разрешении жениться, тщательно изучает досье невесты, знакомится с ее родителями (если не знал их раньше), перед тем как ответить «да» или «нет».

Крестный отец почти каждого родившегося в полку младенца. Не брезгует на Пасху расцеловаться с последним из новобранцев.

Если сочтет нужным — не побоится перед царем заступиться за своего подчиненного. Но и службу спросит до донышка, а придется — сам осудит и сам отправит на каторгу.

И ведь что самое удивительное с точки зрения европейских демократий — именно такого «отца-командира» любят и за него на смерть пойдут, а не за патлатого интеллигента «со взором горящим», который возбужденно призывает к «свободе, равенству, братству» вкупе со «всеобщим, равным, тайным и прямым голосованием».

Если обратиться к мирной жизни — таков же образ

идеального помещика, знаменитого Костанжогло, которого вознамерился воплотить Н.В. Гоголь во второй книге «Мертвых душ». Да вот беда, воображения и знания реальной жизни не хватило. А чего здесь сложного? Рачительного крестьянина — приласкай. На легкий оброк отпусти, где тот сможет, при наличии разворотливости и таланта, миллионером стать. Сколько их было! Елисеевы знаменитые, Морозовы. Живи, богатеи, открывай магазины и фабрики, кто же мешает? Хозяину только в радость.

А ежели слаб умом и духом — оставайся в деревне. Работай, земельку паши. Не уродит земелька — община поможет или барин рупь с полтиной на прокорм детишек от щедрот подаст.

Запьянствуешь — не взыщи, батога — тоже воспитательное средство.

Само собой разумеется, ничего подобного в своей державе Олег Константинович в прямой постановке вопроса возрождать не собирался, все ж таки далеко политическая мысль шагнула после тысяча восемьсот шестьдесят первого года¹. Однако постулат о том, что люди изначально не равны по огромному числу параметров, и равны быть не могут, считал верным абсолютно. И что всеобщее избирательное право нонсенс — тоже был уверен. Нет, на самом деле, господа, никому же в голову не приходит, что членов университетского ученого совета и академиков должны выбирать равноправно пятнадцать профессоров и двести истопников и дворников. Хотя и служат те и другие в одном заведении не один десяток лет, и каждый по-своему талантлив. Вот именно — по-своему.

¹ 1861 г. — если кто не помнит, год отмены крепостного права в России.

★ Однако ректора истопникам выбирать не дозволяется, а главу государства — пожалуйста! Нонсенс!

Отчего так и восхитил его проект Ляхова—Бубнова насчет гарантированного способа отбора государственной элиты. Уж очень здорово это ложилось на его исконные идеи и замыслы.

Последние несколько кварталов до Кремлевских ворот князю даже слегка пришлось пожалеть о своей демократической привычке. И его автомобиль, и его самого мгновенно узнавали многочисленные прохожие. Офицеры отдавали честь, рядовые и юнкера становились «во фронт», штатская публика тоже всеми доступными способами пыталась изобразить уважение и почтение к высочайшей особе.

Несомненно, это было приятно, поскольку никаким образом заранее не организованные проявления народных чувств следует считать искренними.

Благополучно миновав Никольские ворота, Олег Константинович остановил «Руссо-Балт» у Красного крыльца, бросил кожаные перчатки и фуражку на сиденье, быстрым шагом поднялся по лестнице мимо двух постов дворцовых grenадер в свой кабинет.

Думалось, что просто так, на минуточку, чтобы проверить почту и записать в дневник некоторые из пришедших в голову мыслей. Однако адъютант, не имевший права потревожить князя на отдыхе, тут же подал ему массивный бювар, в котором содержалась телеграмма на бланке премьер-министра. Со всеми подobaющими протоколу формулировками господин Каверзнев приглашал Местоблюстителя принять участие в экстренном заседании Государственного Совета, имеющем быть завтра в девятнадцать часов в Таврическом

дворце. Повестка дня будет сообщена непосредственно на заседаниях.

Олег Константинович едва только успел рассеянно кивнуть дежурному капитану, соображая, что же там у них в Питере вдруг случилось, как зазвонил телефонный аппарат на отдельном столике. Тот самый, прямой государственной связи.

— Переключите, — указал князь движением подбородка и прошел к себе.

Премьер-министр говорил крайне вежливо и любезно, совершенно как старый приятель, озабоченный возникшими независимо от воли высоких договаривающихся сторон проблемами.

Князь охотно такую форму общения поддержал. Оно и в принципе полезно — дружить со всеми, кто изъявляет к этому желание, но даже если чувствуется в поведении партнера некая неискренность, так лучше дать ему свободу действий. А самому до последней крайности оставаться в белом фраке.

— Владимир Дмитриевич, — своим мягким, обволакивающим баритоном отвечал на дежурные любезности князь, — разумеется, я прибуду, а ваше предложение найти время и до начала заседания поговорить наедине мне льстит чрезвычайно.

Мне, простите, моментами кажется, что и ваши и мои подлинные чувства и намерения кем-то злокозненно искажаются. Особенно если почитать выходящие в Петрограде газеты. Это же я прямо не знаю, как и называть.

Свобода слова, разумеется, однако если вам регулярно докладывают экспозе только из этого ряда — это даже непорядочно. Я и сам бы, наверное, очень быстро вышел из себя. А вам ведь куда труднее, исходя из вашего положения публичного политика.

★ Так что непременно нам нужно встретиться и поговорить «антр ну»¹. Очень много сомнений можно снять.

— Так ведь и я о том же, уважаемый Олег Константинович! («А титула, подлец, не назвал», — подумал князь.) Я уверен, что нас намеренно ссорят. Такова жизнь, увы. Так я вас жду и встречу прямо на вокзале. Со всеми положенными протоколом почестями. Вы когда выезжаете?

— Вот прямо вечером и выеду. Я на подъеме легкий. Литерным поездом. Когда пройдем Бологое, вам, несомненно, сообщат с дистанции о точном времени прибытия в Питер, на Николаевский вокзал.

Здесь следует несколько приподнять завесу тайны над интригой, почти уже целый год разыгрываемой двумя могущественнейшими персонами государства Российского.

Тот разговор, что только что прозвучал, пусть и по защищенной специальной связи, вполне мог быть подслушан, ибо самая совершенная техника обслуживается людьми, а почти любой человек слаб и в силу тех или иных причин вполне способен на нарушение служебного долга ради неких личных интересов, в чем бы они ни выражались.

Поэтому слова, которыми обменялись князь с премьером, не могли сообщить противнику абсолютно ничего сверх того, что было сказано.

Подлинный же смысл «сговора», если можно так выразиться, был совсем иным.

Где-то в конце прошлого года Олег Константинович, весьма тщательно относящийся к исполнению своих должностных обязанностей, окончательно понял, что политическая ситуация в России все-таки зашла в тупик, из которого почти что и нет рационального выхода.

¹ Между нами, с глазу на глаз (*фр.*).

Две власти, из которых одна обладала всеми признаками государственной легитимности, а вторая таковой не обладала, но зато пользовалась в обществе огромным моральным авторитетом (причем этот авторитет удивительным образом возрастал по мере удаленности от места ее фактического пребывания), в буквальном смысле «уперлись друг в друга лбами». Подобно известным баранам из сказки.

По окраинам империи ходили легенды о прекрасной, богатой, справедливой жизни на территории «Московского княжества», тем более что любой россиянин, имеющий возможность приехать в Москву, убеждался, что все именно так там и обстоит. И мечтал либо в этот земной рай переселиться, либо о том, чтобы тамошние порядки распространились на все остальное государство.

Само собой, такие настроения никак не могли прибавить симпатий к Великому князю и его «уделу» у огромного числа лиц, причастных к центральной власти, а особенно — у «широких кругов демократической общест-венности».

Что самое интересное — при предшественниках Олега Константиновича ничего подобного не наблюдалось. И факт существования столь архаической должности, как «местоблюститель императорского престола», ни у кого отторжения не вызывал, и пресса посвящала данному вопросу едва ли больше одной-двух статей в год.

Одним словом, не вдаваясь в подробности и тонкости политической жизни предшествующего описываемому периода, остается сказать только одно: со свойственной ему государственной мудростью князь понял, что крайне неприятные события не за горами.

Или правительство совместно с Государственной думой предпримут попытку устранить его с политической арены тем или иным способом, или его собственное

★ ближайшее окружение учинит нечто вроде военного переворота.

Бесконечные намеки со стороны членов личного его императорского высочества кабинета, создание Клуба ревнителей военной истории «Пересвет», непрерывное, все возрастающее давление со стороны Игоря Чекменева приводили князя к мысли, что рано или поздно эти ребята могут вообразить, что обойдутся и без него.

Следовало немедленно принимать контрмеры. Разумеется, чтобы никоим образом не спровоцировать при этом своих верных слуг на опрометчивые, несвоевременные действия.

Им он предоставил полный карт-бланш на разработку идей, планирование конкретных операций, даже формирование разного уровня «теневых кабинетов». Лишь бы не торопились. Здесь нужно вмешиваться очень аккуратно, когда сдерживать, когда поощрять, подкидывать интересные идеи, требуя их тщательной проработки.

В общем, осуществлять классическую стратегию «непрямых действий», маскируя истинные замыслы даже от ближайших соратников. Даже в том случае, если сам еще не до конца понимаешь, какой же результат желаешь получить на «выходе процесса».

А в один прекрасный, как принято говорить, день все вдруг стало ясно Олегу Константиновичу.

И он послал в Петроград, непосредственно к господину Каверзневу, доверенного офицера. Никак не связанного с заговором, не участвующего ни в каких «клубах» поручика. Просто курьера.

Премьер-министр вскрыл пакет, как и требовала приложенная к нему записка, наедине с офицером.

«Милостивый государь Владимир Дмитриевич, — было отпечатано изящным шрифтом на листе хорошей бумаги, но без всяких грифов и водяных знаков. — В полной мере учитывая Ваше удивление при получении данного письма, в первых же строках желаю преду-

предить от неправильного понимания как причин моего личного к Вам обращения, а также и от естественного желания отнестись к нему обычным в демократическом государстве образом. То есть поставить в известность о факте приближенных к Вам лиц, и в особенности свободную прессу.

Делать этого не следует ни в коем случае.

Прежде всего, я хочу вступить с Вами, Владимир Дмитриевич, в личную, строго конфиденциальную переписку по вопросам, касающимся исключительно нас двоих. Как это и было принято в не столь далекие периоды истории между особами, ощущающими персональную ответственность за судьбы вверенного им дела.

Если мое предложение Вас по какой-либо причине не устраивает, Вам достаточно будет возратить это письмо передавшему его офицеру. С мотивацией или без оной.

В противном случае оставьте его у себя. Немедленного ответа не жду, но если таковой последует, буду очень рад.

Еще раз прошу извинить за обычную в моем положении предосторожность. Письмо подписано моей собственной рукой, однако до принятия Вами окончательного решения подпись эта сохранена быть не может, как Вы, несомненно, понимаете».

И в самом деле, Каверзнев видел прекрасно ему знакомую подпись князя, выведенную густыми черными чернилами, со всеми росчерками и завитушками, которая через несколько секунд начала бледнеть и полностью исчезла, не оставив ни малейших, пригодных даже и для самой тщательной экспертизы следов.

А без нее, разумеется, эта бумажка не имела никакой цены. Ни исторической, ни сиюминутной.

Посланник спокойно ждал, не проявляя никаких

эмоций. Скорее всего, он просто был не в курсе происходящего. Однако все-таки был.

Потому что, когда премьер-министр сложил письмо и спрятал во внутренний карман визитки, после чего несколько растерянно спросил, каким образом он может ответить автору, поручик слегка прищелкнул каблуками штатских ботинок. Он вообще был одет в гражданский, неприметный костюм и явился к премьеру под личиной курьера министерства финансов, доставившего первый вариант проекта годового бюджета. И облик имел банальнейший из банальных, ровно так выглядели девять из десяти чиновников подобного ранга. Разве что глаза время от времени посверкивали несколько иначе, чем у человека, проводящего дни в лабиринтах канцелярий.

— Если вашему превосходительству угодно, то вот...

Офицер протянул дорогую автоматическую ручку Подольского завода с золотым пером. А затем узкий и плотный даже на вид конверт.

— Написанное этим пером и заклеенное в конверт письмо сохранится необходимое время. После прочтения текст исчезнет в течение двадцати минут. Его императорское высочество гарантирует это своим честным словом... Ручку оставьте себе на память или — до следующего письма.

Так и началась их личная переписка, в ходе которой они, постепенно доверяя друг другу все больше, обменивались самыми сокровенными мыслями по поводу происходящих событий.

Подобные случаи конфиденций уже имели прецеденты в истории, хотя и не слишком частые. Но, кажется, все они относились к взаимоотношениям предводителей независимых, суверенных держав, а чтобы таким образом общались руководители одного и того же государства, сразу и не вспомнишь.

Доктор Максим Бубнов, военврач третьего ранга, то есть, по знакам различия, армейский капитан, с некоторого времени получивший погоны подполковника гвардии из рук генерала Чекменева, привычным образом грустил, глядя в окно.

Жил он еще несколько месяцев назад размеренно до безобразия, серьезных проблем только и было, как довести до ума и запатентовать свой прибор для определения генетических возможностей организма, позже названный «верископом», а также сообразить, где и с кем провести очередной вечер. Скучная жизнь, кто бы спорил, так хоть понятная.

А с какого-то момента она вдруг понеслась вскачь. Да не так, если сам прищипоришь коня, а как несет карету тройка, с испугу потерявшая разум. Остановить невозможно ни вожжами, ни кнутом. Или прыгай, рискуя сломать шею, или жди, чем все это кончится.

Небогатый выбор.

И связывал он все нынешние жизненные проблемы с появлением в его врачебном кабинете полковника Вадима Половцева (позднее оказавшегося Ляховым), в котором с первой буквально минуты Максим распознал незаурядного человека. Просто по выражению лица, глаз, манере говорить и держаться. Потом эту незаурядность подтвердил и «верископ».

Подружились они тоже совершенно неожиданно, поскольку с первых минут знакомства Максим испытал к новичку настороженность, если не неприязнь. Чувства были несправедливы, зато оправданны.

Вошел в кабинет этакий бравый красавчик. (Максим с детства не любил мужчин, внешностью похожих на популярных киноактеров, чьи открытки продаются на каждом углу. Наверное, потому, что нравившиеся ему девушки покупали эти открытки на сэкономленные от

школьных завтраков деньги, вместо того чтобы смотреть на ребят, которые рядом. И ничуть не хуже.)

Вошел, поулыбался, будто не врач напротив него сидит, которого любому нормальному пациенту, прибывшему на медосмотр, следует опасаться, а специалист по отбору кадров рекламного агентства. С той же усмешечкой бросил несколько слов, долженствовавших обозначить его уверенность в себе, сел в кресло, ничуть не подзревая, что сейчас подвергнется глубокому зондированию характера по разработанной Бубновым методике. И с первых же кривых на экранах осциллографа и энцефалоскопа заинтересовал. Поначалу — чисто профессионально. Странную картинку показывал «верископ». Разговорились. Половцев — из обычной общительности, Максим — пытаясь понять, что же пациент собой представляет в общем плане личности. Выходило, слишком молодой для своего чина полковник заслуживает дополнительного тестирования.

Прошел он и его с еще более странным, плохо поддающимся формализации результатом, но зато доктор почувствовал, что с этим парнем хочется дружить. И без всяких дополнительных условий. Так и получилось.

Вадим совершенно естественным образом стал его соавтором в работе над конструкцией прибора, а главное — над стратегией и тактикой его применения. Здесь, Максим признавал, без Половцева ему до многого сроду бы не додуматься, поскольку и существовали они, и мыслили в разных, получается, плоскостях этой жизни.

А дальше мелкие и более значительные события, ничего особенного по отдельности собой не представляющие, все цеплялись и цеплялись друг за друга, пока в один то ли прекрасный, то ли нет момент Бубнов не сообразил, что оказался он так далеко от привычной и на годы вперед расчисленной директории своей жизни, что дух захватило.

Оно, на первый взгляд, и хорошо, великолепно даже.

В тридцать лет оказаться вовлеченным в события, от которых непосредственно зависят судьбы империи (так он по примеру Ляхова и его друзей привык называть Россию), близко познакомиться со значительными и очень значительными людьми, заслужить чин, до которого в других условиях еще тянуться и тянуться, решить почти все свои финансовые проблемы.

Пожалуй, впервые в жизни он перестал прикидывать, хватит ли жалованья до очередной получки, и это тоже было приятно, даже не так, приятно — не то слово. Он начал чувствовать себя уверенно, вот!

Однако и минусы тоже накапливались с пугающей быстротой.

Максим перестал быть хозяином самому себе. Раньше как? Отработал положенное в лазарете — и все, свободен. Хочешь, сиди дома, рисуй, паяй и перепайвай схему «верископа», читай книги, выпивай с приятелями или в одиночку, если угодно. Никому всерьез ты не интересен (что плохо), но никому зато ничего и не должен (что, в свою очередь, хорошо). Теперь же совсем не то.

Максим с сомнением посмотрел на телефонный аппарат. Хоть и выдернул он его шнур из розетки, чтобы до утра не тревожили, а все равно. Сильно будет нужен, и по выключенному сумеют дозвониться. Есть у службы безопасности соответствующие устройства, так что выдернутый шнур — это способ избежать нежелательных звонков только от простых смертных, с городских аппаратов.

Автоматически мелькнувшие в голове слова насчет «простых смертных», самые обычные в обычном контексте, тут же повернули мысли доктора в другую колею. Как переведенная железнодорожная стрелка.

Вот-вот, простые смертные. А ему тоже ведь благодаря знакомству с Вадимом и всей его компанией пришлось узнать, что бывают смертные и не простые. Или, еще лучше сказать, «простые не-смертные»!

★ Максим вдруг поежился от пробежавшего между лопатками неприятного, щекочущего холодка, словно бы паучок какой спустился вдруг за воротник. Мнительность в нем появилась последнее время. По ночам, правда, покойники не снятся, есть проверенный способ психологической защиты, а вот наяву — бывает.

Когда окажешься один в темном переулке или в пустой квартире, как вот сейчас.

Он вышел в прихожую, внимательно посмотрел на головку французского замка. Замок был хороший, с тремя длинными ригелями из легированной стали, заходящими в гнезда тоже стальной дверной рамы. Плюс еще надежная задвижка, абсолютно недоступная воздействию извне.

Дверь и замок ставил его брат, которому принадлежала квартира и который до того, как уехал с семьей в Австрию, имел серьезные основания озаботиться собственной безопасностью. У Максима таких оснований вроде бы не было, однако убедиться, что с этой стороны он защищен надежно, было приятно.

С остальных, впрочем, тоже.

Дом на Второй Мещанской, где он сейчас обитал, был построен в девяностых годах позапрошлого века, и его четвертый этаж равнялся нынешнему шестому как минимум. До крыши было еще три таких же, и поблизости от окон квартиры не имелось ни пожарной лестницы, ни даже водосточной трубы. То есть неприступная крепость в чистом виде. Чувствовать себя обитателем неприступной крепости, конечно, приятно. Неприятно, что возникла вдруг такая потребность.

Что, первые признаки паранойи? Как у капитана второго ранга Кедрова? Тот вообще погоны снял и в монастырь подался. Грехи замаливать, или просто толстые стены обители показались надежнее казарменных?

Максим всегда считал себя здравомыслящим человеком. Невропатолог, опять же. Реальные покойники

его почти не испугали, а вот остаточные эффекты, получается, себя проявляют? Двери заперты им лично, в трезвом еще сознании, а вот все время убедиться тянет, так ли это? Вообще-то, в медицине это называется — «невроз навязчивых состояний».

Максим хмыкнул, выругался в голос, просто чтобы рассеять неприятную тишину, вернулся в кухню. Остатки остывшей яичницы на сковороде, три малосолевых огурца, купленных по дороге со службы на Рижском рынке, рижский же хлеб с тмином, на треть опустошенная бутылка водки.

Кто-то, кажется, говорил, что пить в одиночку — плохой симптом. А он и не пьет. Он просто ужинает с вином. А это — большая разница.

Наливая очередную стопку, Максим подумал, хватит ли ему характера остановиться, скажем, ровно на половине? Или так, между прочим, и вытянет всю бутылку до донышка?

Пока что перебирать норму он не собирался, а там кто его знает. Если только прямо сейчас не выбросить «Толстобрюшку»¹ в мусоропровод.

Ему, специалисту, после успокаивающих и одновременно растормаживающих фантазию ста пятидесяти граммов очень было интересно понять: неужели же именно встреча с «неживыми» вторую неделю держит его в странном, маниакально-депрессивном состоянии, когда чрезмерная интеллектуально-деловая активность вдруг сменяется подавленностью и черной меланхолией.

Сейчас он успел ухватить фазу депрессии в самом начале и счел, что клин надо непременно выбить им же.

Вот выпил, скоро в организм пойдет адреналин, под действием алкоголя в мозгу активизируется выработка эндорфинов и прочих нейромедиаторов, и из темных

¹ Сорт белого хлебного вина, настоянного на кореньях и травах, из модельного ряда заводов Шустова.

★ глубин подсознания начнет карабкаться вверх, на свет разума, словно подводник по скобтрапу из центрального поста на площадку рубки, тот самый, другой Максим, родной и любимый, которым он всегда хотел бы быть наяву.

Тогда они и поговорят по душам, внешний Максим Бубнов с внутренним, куда более эрудированным, решительным и остроумным. Последнее время «внутреннее Я» ему заменял Половцев, но сейчас его не было. И будет ли он когда-нибудь еще? Потому он сейчас и пьет, чего от себя-то скрывать? С Вадимом они, случилось, красиво выпивали, а сейчас он пьет от тоски и безнадёжности.

Пропал Вадим, «заблудился в дебрях времен», и найти его все никак не удастся. Несмотря на все попытки, предпринятые на грани, а кое-где и за гранью возможного.

Князь приказал, и они с Чекменевым на двух «Святогорах» — самолетах, оборудованных для дальней радиоразведки, — в сопровождении роты десанта и специально настроенного Маштаковым на поиск группы ментаскопа вновь отправились в такой похожий на настоящий, но самой своей аурой бесконечно чуждый мир.

Впрочем, насчет ауры Максим, наверное, придумал.

Просто слишком сильно на него повлияли события, за несколько часов перевернувшие все представления о действительном и возможном. Стоившие не только утраты мировоззрения, но и жизни шести бойцов. Сами по себе потери не так уж и велики (но для элитных штурмгвардейцев все же чрезмерны), страшен способ, которым люди погибли.

Бубнов еще нашел в себе силы после бессонных и слишком уж нервных суток поучаствовать в работе судмедэкспертов, исследовавших тела вступивших в непосредственный контакт с покойниками солдат.

Первое впечатление подтвердилось. Люди были не убиты, они были буквально «выпиты». В сосудах крови

не осталось. Причем и кровь — не самое главное, все их ткани были, можно сказать, «лиофилизированы»¹.

Никаких медицинских или хотя бы паранаучных объяснений такому явлению придумать было невозможно.

То есть просто не бывает способов в полевых условиях довести живую ткань до состояния тщательно выделанной мумии.

Ни один из участников экспертизы, от убежденного, как говорится, профессора, отпрепарировавшего десятки тысяч трупов, и свежих, и эксгумированных, до молодого ассистента, не мог даже приблизительно придумать, каким образом все это было исполнено.

Только получив все положенные подписи на актах исследования (чтобы чистота эксперимента была полная), Максим пригласил коллег в соседнюю аудиторию.

Там, продолжая изысканно материться по-латыни, неизвестно с чем споря и в чем друг друга убеждая, они известным способом использовали полагающиеся на каждое вскрытие двести грамм «спиритус вини ректификати» (а таким образом его все судмедэксперты и патанатомы используют последние полтора столетия). Поскольку вскрытий было шесть, продукта должно было хватить на всю научную компанию почти в избытке.

Бубнов, предварительно поручившись своим честным словом, рассказал, как оно все было на самом деле. Так, мол, и так, господа коллеги, по лично мной проведенным наблюдениям данные бойцы пали жертвой вампиров. Причем вампиров, во-первых, реально существующих, во-вторых, куда более зловредных и опасных, чем они описаны в легендах.

Естественно, разразилась сцена, крайне напоминающая ту, что описана у Конан Дойла в «Затерянном

¹ Лиофилизация — способ обезвоживания и консервации живых тканей с помощью сверхнизких температур (жидкий азот, гелий и т. п.).

мире», когда профессор Челленджер огласил итоги своего путешествия на плато Мепл-Уайта.

Ну, может, не столько было криков, свиста и хохота, так только потому, что люди здесь собрались русские, а не старорежимные англичане. Да и спирт... Почему, вы думаете, доктора предпочитают употреблять его не по тому назначению, что имели в виду авторы санитарных норм?

Пришлось предъявить отпечатки с пленки фотопулеметов, которые не забыл включить один из самых хладнокровных вертолетчиков.

Вот это впечатление произвело. И тут же началась научно-производственная дискуссия, каким именно образом можно отловить хоть один экземпляр вполне активного и дееспособного покойника, чтобы допросить и провести комплекс совершенно необходимых научных экспериментов.

Как раз этот вопрос тогда перед Бубновым не стоял, и он передал тему по принадлежности.

Не остыв от горячки событий, он ощущал себя преимущественно боевым офицером. И лететь в «потусторонний мир» в компании Чекменева собирался совсем не для того, чтобы заниматься некромантией. Кстати, «потусторонний» — ему понравилось куда больше, чем «параллельный», «боковой», «альтернативный». Гораздо точнее отражает реальность...

Но — сейчас мы о другом, сказал сам себе Максим, потушив в кухне свет и снова подойдя к окну. Вид отсюда был весьма близок к тому, что мог бы открываться с донжона средневекового замка.

Далеко-далеко внизу, на дне каньона, проползали автомобили. Редкие прохожие сквозь завесу тумана, в желтоватом свете уличных фонарей выглядели мелко, казались странно деформированными и напоминали пластилиновых персонажей мультфильмов. Никто из них не сумеет вскарабкаться сюда или метко выстрелить снизу вверх.

Настроение ожидаемым образом постепенно стало улучшаться. Вещи, только что вызывавшие мутную тоску, начали приобретать иной оттенок. О чем горюем, господа?

Вон кадровый офицер, десантник и «волкодав», как они там выражаются, капитан второго ранга Кедров необъяснимым образом сломался, повстречавшись, и даже не слишком близко, с обитателями того мира. А что уж такого особенного он увидел? Если отвлечься от медицинских подробностей, случилась простая стычка десантного взвода с превосходящим противником. Какая разница, в чем превосходящим? В танках, в гранатометах, в боевом азарте, в конце концов! Максим слышал, в том числе и от Ляхова, каково приходится на фронте, когда вдруг...

Ну, как тогда, в ущелье: их двое, моджахедов — пятьсот! А уж живые ли они изначально или мертвые или живые станут мертвыми через минуту или полчаса — существенно ли это?

Ему же, книжному червю, интеллигенту в пятом поколении, который и погоны на кителе менял только тогда, когда непосредственный начальник намекал: пора, мол, уж, доктор, а то смотреть тошно, как они у вас измялись и засалились, все происшедшее понравилось до чрезвычайности.

Все вместе. И то, как боевые поручики внимали его советам и командам, и как приятно чувствовать в руках дергающийся от выстрелов автомат, и, самое главное, как благотворно действует на закисший в тиши кабинетов и библиотек организм толчками вбрасываемый в кровь адреналин. Раньше он этого не понимал. Сейчас — понял. Примерно, как поняли это герои Джека Лондона Хэмфри ван-Вейден¹ и Кристофер Белью².

¹ См. «Морской волк».

² См. «Смок Белью», «Смок и Малыш» того же автора.

Так, значит, что?

Чтобы ответить на этот вопрос, Максим налил себе еще одну рюмку, выцедил сквозь зубы, как густойликер. Было у него такое свойство, тоже врожденное, несомненно, сколь бы много он ни выпил, даже если уже и на ногах стоял еле-еле, но определенным участком мозга умел наблюдать за собой со стороны, если и не контролировать, то здраво оценивать все свои слова и поступки. И побуждения тоже. Счастья ему это не прибавляло, скорее напротив, но зачастую уберегало от крупных неприятностей.

Вот и сейчас.

Отчего так и приглянулся ему Вадим Ляхов, что увидел в нем Максим именно то, чего тогда не хватало ему самому. И пусть, конечно, далеко ему еще до товарища, с его чинами, наградами и приключениями, но первые шаги сделаны, и при встрече стыдно уже не будет.

Именно поэтому доктор даже с некоторым восторгом занял место во втором «Святогоре», взгромоздившись на подвесное сиденье башенного стрелка, чтобы одновременно видеть и землю и небо через прозрачный блистер, и огромный объем самолетного брюха, где просторно разместилась полурота порученных его попечению стрелков вместе с боевой техникой.

Его настроение ощутимо контрастировало с эмоциями вверенного подразделения. Солдаты успели не только выслушать инструктаж и боевой приказ, но и тесно пообщаться с вышедшими из боя товарищами.

Тут у Максима возникли сомнения, стоит ли такое позволять? Оно, с одной стороны, полезно, чтобы люди знали, куда и зачем идут, а с другой — какая-то предварительная деморализация получается. Тем более что Чекменев счел необходимым включить в состав отряда группу добровольцев из тех, кто уже соприкоснулся с, деликатно выражаясь, артефактами.

Сам-то он охотно взял с собой в качестве заместите-

ля подпоручика Сашку Колосова, которому совсем недавно предсказал, что за привычку болтать лишнее выше штабс-капитана ему чин не светит. А вот оказался парень и хватким, и психически устойчивым, чего о других не скажешь. И главное — что совсем уж неожиданно — умным и тактичным. Он новичков не пугал, а, напротив, успокаивал. Не то что другие, побывавшие за «последним пределом». Те с каким-то болезненным удовольствием фиксировали внимание «салаг» на таких подробностях, что и в натуре не было.

А черт его знает, может, и это на пользу.

Максим тогда не стал вдаваться. Летят — и ладно. Оружие на боевом взводе — хорошо. А уж что произойдет на земле, если опять придется встретиться с неведомым — тогда и думать будем. Если до боя себя терзать мыслями: а чем он закончится лично для тебя — так лучше заранее стреляться или в бега подаваться.

Впрочем, о сражениях с ордами покойников речь пока не шла. Вряд ли у них здесь имелась хоть какая-то организация, хотя вообразить подобное было бы интересно.

Загробный мир, возглавляемый неким аналогом бога-царя Плутона и его жены Прозерпины. Это было бы даже логично, не зря же абсолютно у каждого народа, независимо от степени его цивилизованности, существовали подобные легенды или даже стройные, глубоко проработанные идеологические системы. Некоторые — очень даже симпатичные, как, например, у древних славян или скандинавов. Или, напротив, беспросветно мрачные, как у греков с их Аидом, и, наконец, бесконечно чуждые разуму и чувствам европейцев воззрения тибетских лам и южноамериканских индейцев.

Но все равно были.

Не просто же на пустом месте родились такие представления? Отчего не допустить, что на протяжении тысячелетий какие-никакие контакты между соприкасающимися мирами имели место, люди проникали туда, по-

★ койники, в свою очередь, ухитрялись вернуться сюда неизвестным способом и с непонятными целями.

Задачей нынешнего рейда были поиски Ляхова и Тарханова со спутниками. По основной легенде. Чекменев, безусловно, преследовал и еще какие-то цели, да и странно было бы, если б нет. Человек государственный непременно должен был искать в каждом новом открытии государственный же интерес. А уж с таким открытием за последние полтысячи лет и сравнить нечего.

Так и что в результате?

Летали-летали широкими галсами, почти на полный радиус действия самолетов, то есть часов шесть в один конец, прошли даже и над Черным морем, пока не показали вдали рыжие анатолийские берега. Локаторы Маштакова с высоты полета доставали прямым лучом еще километров на двести дальше, но ничего, хоть отдаленно напоминающего по характеру сигналы, могущие исходить от человеческого мозга (примерно такие, как записывались при последних экспериментах), обнаружить не удалось.

Кое-что приборы, конечно, ловили, но все это напоминало отдаленные грозовые разряды или просто фоновые помехи.

Обойдя по широкой дуге южное побережье моря, полюбовавшись в оптику на горловину Босфора, которая здесь и теперь была полностью открыта, и можно было хоть завтра приступать к воплощению вековой мечты российской геополитики — оккупации Царьграда. Только вот это как раз было Максиму совершенно неинтересно.

На обратном пути, в виду больших городов — Варны, Одессы, Екатеринослава, Харькова, Орла — снижались моментами до бреющего полета. Исключительно, чтобы осмотреть близлежащие кладбища, как понял Максим. А что еще смотреть здесь, в пустом и унылом мире?

Чекменев, разумеется, мыслил примитивно. Раз бы-

ли покойники, так, значит, главное их место — кладбище. А вот и нет. Это Максим потом уже осмыслил, а до этого просто интуитивно ощущал. Какого, извиняюсь, им делать в местах собственного вечного упокоения? Раз уж они жаждали «энергии» и тянулись к попавшим в их поле «зрения» живым людям, то при их отсутствии чего ловить? Нечего. Да и в могилах им, то есть тем, с которыми пришлось встретиться, тоже делать нечего.

Поскольку Бубнов уже давно сообразил, что если «загробная жизнь» начинается именно с момента биологической (а для кого-то, возможно, и клинической) смерти, то и могилы здесь, соответственно, должны быть пустыми. Памятники стоят, как чисто архитектурное изделие, под ними же — никого.

А по «параллельной» земле бродят или даже и не бродят, а занимаются чем-то другим, то ли вправду покойники, то ли существа, которые следует называть как-то иначе. Артефакты, фантомы или вообще «неопознанные псевдобиологические объекты».

Короче, тайна сия велика есть, и за пару суток ее разрешить. Тут впору создавать специальный научно-исследовательский институт. Или — «не научно».

Зато невыносимо горько было, что друзей так и не нашли. И следовало, трезво размышляя, признать, что и впредь не удастся. Если даже они и живы, то так и останутся там, где оказались, а если вдруг и вернутся, то с тем же успехом и через год, и через десять, а то и сто лет. В общем, на войне как на войне.

Полковник такой-то не вернулся с задания и признан без вести пропавшим с сохранением оклада жалования вплоть до истечения определенного законом срока, когда безвестно отсутствующий начинает считаться безусловно погибшим. Тоже со всеми вытекающими...

Но для успокоения совести и чтобы не упустить самого последнего шанса, по всему маршруту, через каждые сто километров, сбрасывали на парашютах порта-

★ тивные светорадиомаяки, излучающие мощный, практически всеволновой радиосигнал, который возьмет любой приемник, от автомобильного до армейского, километров на двести. Так что все они работали с двойным перекрытием. А еще по ночам с получасовыми интервалами выдавали по три серии длинных и коротких вспышек, соответственно через две, четыре, шесть секунд.

Что-то на коде разведчиков это значило, но Максим не вникал. Главное, что в мертвом, допотопно темном мире этот сигнал должен быть заметным не меньше чем километров на двадцать, а если с отражением на облака, так и дальше. Батарей в маяках хватит как минимум на полгода. И еще в каждом были оставлены записки.

Пожалуй, это все, что можно сделать для друзей, если они еще существуют где-то поблизости. Так сбрасывают последний контейнер десанту, с которым потеряна связь. И переходят к текущим делам.

Проскользнув в разделяющий миры проем пространства-времени, «Святогоры» приземлились на аэродроме, где их не встретил никто, кроме обычной команды обслуживания.

— А ты что же, думал, их высочество будет целый день здесь сидеть, с нетерпением ожидая нашего возвращения? — желчно поинтересовался Чекменев, когда Максим осторожно выразил некоторое недоумение по этому поводу. — Запомни, господин подполковник, на будущее: то, что лично тебе кажется невероятно важным, другие воспринимают совершенно иначе. И тем более иначе, чем больше должностных ступенек вас разделяет.

Генерал пояснил свою мысль извилистым движением ладони снизу вверх.

Бубнов эту максиму¹ знал по личному опыту и без

¹ Максима — логический или этический принцип, выраженный в краткой, иногда афористической форме.

специального разъяснения, но на эмоциональном уровне все равно казалось, будто окружающие должны быть более чутки, особенно в вопросах жизни и смерти.

— Не горюй, парень, что уж теперь поделаешь, — некоторую чуткость Чекменев все же проявил, — искать ребят мы, конечно, не перестанем. Вот сегодня же напрягу Маштакова так, что мало не покажется. А пока поехали ко мне. Посидим, как водится. Досталось тебе крепко, особенно с непривычки. Да и у меня годы, видать, уже не те, чтобы по три дня не спать и в небесах по восемь часов трястись. Устал как собака...

— Кстати, Игорь Викторович, — спросил Максим, чтобы разрядить обстановку, — почему критерием усталости вы выбрали собаку? Лошадь, по-моему, куда больше устает...

Чекменев улыбнулся слегка.

— Да кто ж его знает. Говорят так. Наверное, собака просто гораздо нагляднее умеет демонстрировать усталость. Набегается, язык вывалит, дышит тяжело и смотрит жалобными глазами. А лошадь, да, конечно...

Генерал, кстати, сейчас действительно больше напоминал измученную собаку. Само собой, досталось ему. И физически, и в еще большей степени морально. Ответственность, куда денешься. Кроме того — возраст! Разницу в пятнадцать лет доктор воспринимал пока что очень серьезно.

Поехали, к удивлению Максима, не в тот особнячок, который Чекменев занимал на базе, а в его городскую квартиру. Такое как-то не было принято в кругах старших офицеров Управления. Время проводили или в Собрании, или в заведениях, считающихся подходящими для дружеских застолий, а домой обычно не приглашали.

Хотя, конечно, дом у генерала был вполне условный, то есть ни жены, ни детей, ни домочадцев Максим там не увидел. Да и были ли они вообще у Игоря Викторовича?

А в качестве помещения, в котором можно провести

★ время, — вполне прилично. В одном из арбатских переулков стоял очень не рядовой конструкции особнячок, наверняка выстроенный между 1890 и 1910 годами. Окруженный высокой железной оградой, с контрольно-пропускным пунктом у ворот. За ними, на территории, — длинная аллея к крыльцу, заросли туй и сосен по бокам, клумбы с уже отцветающими гладиолусами и флоксами. Тихо, спокойно, будто и не центр города рядом. Умеют люди устраиваться.

Чекменев опять легко понял настроение доктора.

— Что, нравится? А только так и можно жить. Когда за бортом сплошные треволнения, ощутить пусть и относительную, а все же надежность очень по делу. Хотя ни от чего, на самом деле, это не спасает. От себя же не убежишь, так?

— Да как вам сказать. Мне до последнего момента убежать и не требовалось. Это когда с вами начал серьезно взаимодействовать, подобные мысли появились.

— Ладно, уел, уел, молодой, — похлопал его по плечу Чекменев, доставая из кармана брюк длинный ключ от входной двери. Швейцара почему-то здесь не было. Этакого с бородой и нашивками за двадцать пять лет беспорочной службы на рукавах ливреи. Что Максиму показалось странным.

— Однако хоть и уел, а не прав ты. Ни одному человеку извне навязать невозможно ничего. Хотел бы ты жить жизнью тихого пейзажника или даже доктора в серьезном заведении, вроде медсанчасти Академии, ею бы и жил. Ни я, никто другой тебя бы не тронул. Остальные-то твои коллеги как жили, так и живут, нет? Кто на госслужбе, кто частной практикой удовлетворяется.

Максим был вынужден согласиться, что да, именно так дела и обстоят.

— И Вадима никто за ворот не тянул, вполне мог тоже простым армейским доктором остаться...

Хоп! Бубнов дернулся внутренне, но сумел промолчать.

Вот оно как, оказывается? Вадим тоже армейский врач? И ни разу не проговорился? То есть моментами его познания в некоторых специальных вопросах казались слишком уж...

Но Максим все списывал на общую эрудицию. Теперь многое становилось на свое место. Нет, но все же...

А с другой стороны, наверное, так и нужно.

— Короче, так, доктор, — сказал Чекменев, действительно легко себя здесь чувствующий. Он бросил на вешалку в прихожей китель, потянул Максима за рукав в маленькую уютную комнату, вторая дверь слева по коридору.

— Короче, так. Поминать мы никого не будем. Выпьем, чтобы ребята вернулись живыми, здоровыми и поскорее. Я в это верю, понимаешь, верю, — сказал он с излишним, пожалуй, нажимом. Но и с такой степенью убежденности, что Максиму тоже захотелось забыть обо всех своих черных мыслях и тоже искренне поверить.

— На задании люди, а с заданий, знаешь, часто возвращаются, когда никто и не ждет. Я сам, думаешь, так генералом и родился? Я тоже на таких делах бывал... И, заметь, всегда возвращался.

Но дело даже не в этом. Ты давай, закусывай, закусывай, у нас с тобой разговор долгий предстоит, и я тебя до последнего момента желаю в полной кондиции видеть. Когда все обсудим, разрешу напиться до поросычьего визга и тут же спать уложу...

Что же касается моего дома — плохим был бы Чекменев разведчиком, если бы не заметил взгляда, которым ты тут все обшарил, тщательно делая вид, будто ничего тут для тебя нет нового и интересного. Ну да, люблю я это дело, и не я один. Какую уж тысячу лет люди главным для себя считают достойное жилище. Осталь-

ное — приложится. Да, зарабатываю я неплохо, и уже давно. Вот и выстроил себе... У тебя, кстати, все впереди. Ты успел сделать шаг в нужном направлении. И ежели ничего неприятного не случится, в ближайшее время можешь начинать себе строить фамильное гнездо. И жалованье позволит, и с кредитами поможем, и подрядчика посоветуем, который и дело знает, и сверх допустимого не украдет. Однако это тоже лирика. А сейчас говорить будем про другое.

А из «другого» следовала вещь в принципе простая, Максиму уже и раньше как бы очевидная, только впервые сейчас произнесенная вслух и человеком, из уст которого воспринималась как данность и почти как приказ. Пусть и не облеченный именно в эту форму.

После исчезновения Ляхова доктор Бубнов остался единственным организатором и исполнителем программы «Верископ». Впрочем, теперь она имела и другое кодовое название и именно сейчас приобретала решающее значение. Даже потерю Тарханова Чекменев мог восполнить гораздо быстрее и проще.

— А тебе, доктор, придется отныне быть, аки господу богу, единым в трех лицах. И главным теоретиком, и главным конструктором, и администратором высшего класса.

Некого, понимаешь, просто некого больше к этому делу подключить. Моих инженеров ты знаешь, того же Генриха, они в твоём распоряжении. Любые производственные мощности, само собой. И вообще полный карт-бланш в пределах программы. Моим конкретно именем, а потребуется — и Великого князя. Соответствующие бумажки ты получишь. О средствах — никаких ограничений. Но и вся ответственность на тебе. Раскрутишься, тем же самым способом себе помощников найдешь — твоё счастье. Срок же на все — месяц.

— На что — месяц? — удивился Максим. — На изготовление и налаживание аппаратуры?

— Не понял, — с долей сожаления сказал генерал. — Ты меня не понял. На всю программу — месяц. То есть, — он мельком взглянул на часы, поддернув манжет рубашки, — пятнадцатого октября сего года мы должны завершить подбор кадров. Согласно спецификации... — Игорь Викторович извлек из нагрудного кармана футлярчик с кристаллом внешней памяти для вычислительной машины.

Максим протянул руку, но Чекменев с невозмутимым лицом опустил его обратно в карман.

— Через неделю доложишь мне о готовности механической, скажем так, и организационной части, тогда и получишь. «Не умножай сущности сверх необходимого».

А теперь слушай, как я все это себе представляю. Считай, это последний дружеский инструктаж. Дальше все переходит в малоприятную область боевых приказов и, соответственно, вытекающей отсюда ответственности. Причем, к твоему глубокому сожалению, момент, когда возможно было соглашаться или отказываться от предложенной чести, давно миновал. Так что теперь только — или грудь в крестах, или голова в кустах.

Как это ни показалось бы Бубнову странным еще несколько месяцев назад, столь жесткая, хотя и облеченная в максимально вежливую форму, постановка вопроса особого внутреннего протеста у него не вызвала.

Он уже начал понимать, что такое служба. Настоящая, не медицинская, где ты самый умный, а прочие начальники, с другими погонами, верят тебе на слово.

Не сам ли он недавно в гораздо менее деликатной форме разговаривал с вверенными его руководству офицерами?

— Так что, продолжим? — как ни в чем не бывало потянулся к бутылке Чекменев.

— Извините, господин генерал, — неожиданно для самого себя ответил Максим. — При данной постановке вопроса я предпочел бы поехать домой, отдохнуть, поду-

★ мать. А с утра приступить к работе. Где прикажете разворачивать лабораторию?

— А где бы ты хотел? Тот домик, где ты уже работаешь, тебя не устраивает? — Чекменев, как показалось Максиму, посмотрел на него с уважением.

— По площадям и масштабу предстоящей работы — нет. Мы же на поток дело ставим. У вас на базе, в Синем доме, кажется, есть своя медчасть?

— Разумеется. И довольно приличная.

— Вот я и хотел бы, чтобы мне выделили примыкающие к ней помещения. Комнат двадцать. Оборудовать аналогично. Ну, прикажите командиру или начмеду, они знают, как без больших трудов и затрат создать нужное впечатление у простых пациентов. Кушетки, столы, шкафчики с инструментами, разные картинки и таблицы на стенах. Я потом подкорректирую в соответствии с легендой. Завтра же в районе полудня мне потребуется не менее пяти большегрузных машин и взвод бойцов, обученных переноске хрупких и взрывоопасных изделий. Заявку на дополнительное оборудование позвольте вручить вам или уполномоченному вами лицу послезавтра.

Все это Максим говорил официальным голосом, уже стоя. Чекменев наблюдал за ним с благодушным удивлением.

— И самое главное, господин генерал, в полное мое распоряжение потребуется откомандировать человек двадцать слушателей пятого-шестого курса Военно-медицинской академии. Лучше, конечно, под благовидным предлогом направить предвыпускной курс целиком, якобы для прохождения медицинской и мандатной комиссии для отбора кандидатов на какую-то специальную службу. Вещь почти обычная. Вот их я и прогоню на аппаратуре, подходящих возьму себе в непосредственные помощники, часть использую как ассистентов, втемную, а заодно и узнаем, на что годятся и остальные.

Чекменев встал из-за стола, посмеиваясь глазами, хлопнул Максима по плечу.

— Молодец, что скажешь! А некоторые со мной спорили. Нет, я в людях разбираюсь. Шашкой махать — это одно, а вот угладеть нужного человека и без всякого «верископа» сообразить, на что он годится, и делегировать ему ответственность в самых широких пределах — совсем другое. Теперь вижу — все у нас получится. Раз ты так живо в должность входить начал — не смею задерживать. Сегодня отдохни напоследок. Тебя отвезут. Домой? Или другие пожелания имеются?

— Сегодня — домой, — ответил Максим. У него действительно было такое ощущение, что только дома, в своей чуть ли не «башне из слоновой кости» он сумеет отдохнуть.

«Напоследок», — промелькнула мысль.

Отдохнуть, еще раз, будем надеяться, окончательно привести в порядок мысли, очистить совесть, если удастся, а уж завтра...

«Эй, вперед, труба зовет, черные гусары, впереди победа ждет, наливай, брат, чары...»

— Домой, конечно, Игорь Викторович. А уж утром, извольте, машину к подъезду, часиков этак в девять, раньше не нужно.

Чекменев посмотрел на него с тем выражением, с которым, наверное, смотрит художник на холст, где давно задуманная картина уже, считай, готова, осталось нанести буквально два-три завершающих штриха. Вроде ничего принципиально не добавляющих, но на его взгляд мастера — решающих. Окончательных. Без них — хо-рошо, но все равно не то.

— Я вас понял. Езжайте, Максим, отдыхайте. И все будет сделано в полном соответствии. Боюсь взглянуть, хоть и не слишком суеверен, но если у нас получится... А!

Генерал махнул рукой с тем веселым отчаянием, с

которым, по образцу всем известного поручика Ржевского, ставят на кон родовое имение. Никогда, впрочем, ему не принадлежавшее.

ГЛАВА 7

Литерный поезд князя, состоящий из мощного паровоза с прицепленными к нему двумя вагонами, доедет до Петрограда за шесть часов вне всяких графиков.

Паровоз — отнюдь не снобизм, а тоже расчет. Случись вдруг «непредвиденная» поломка на электростанции или в контактной сети, паровоз все равно доедет, даже если придется топить его заборами придорожных домов и старыми шпалами.

Полная автономность обеспечена, а скорость все равно диктуется исключительно состоянием путей, а не мощностью и современностью локомотива.

Под стеклянные своды вокзала литерный втянулся в шесть часов утра секунда в секунду.

На перроне, застеленном вишневой ковровой дорожкой, Олега Константиновича встречал караул премьерской церемониальной роты, одетый, на взгляд князя, безвкусно. Не бойцы, а какие-то кухаркины дети. Одни брюки навыпуск чего стоят!

Вы можете представить себе в парадном строю солдата в штанах навыпуск, полуботинках и кителе без ремня? А уж тем более — офицера.

Это почти то же самое, что встретить на улицах Москвы в ненастную погоду гвардейского полковника в галяках и под зонтиком. Демократия, мать вашу!

Сам он вышел для приема положенных почестей в закрытом кителе того цвета, что официально назывался «царский зеленый», в узких синих бриджах с красными кантами, высоких лакированных сапогах, левой рукой

придерживая наградную шашку с анненским темляком¹.

Стараясь скрыть безразличную улыбку, прошел вдоль строя роты, держащей винтовки с примкнутыми штыками «на караул», нарочито резко ставя каблуки на перрон. При каждом шаге вызывающе звякали серебряные шпоры.

Оркестр играл встречный «Грибоедовский» марш. Как положено, мелодия оборвалась на полутакте, и князь принял рапорт совсем молодого подполковника, тянущегося из последних сил и слишком форсирующего голос. Похоже, тот тоже понимал вопиющее несоответствие своего и великокняжеского мундиров.

Одним взглядом, как он это умел, Олег Константинович бросил офицеру посыл: «Подожди, мол, парень, все очень быстро изменится в нужную сторону!»

И тот, похоже, намек уловил. По крайней мере, нечто такое в его лице мелькнуло.

Хорошо, значит, еще одним союзником больше. Да и как же иначе?

Господин Каверзнев, ждавший на четыре шага правее начальника Почетного караула, расцвел любезнейшей из своих улыбок. Ну просто изнывал он последние полгода, лишенный возможности лицезреть лучшего друга.

Так и мы же не против.

Сначала они обменялись рукопожатиями, а потом и приобнялись. Невзирая на оговоренную конфиденциальность, из свиты премьера сверкнули несколько фотографических вспышек.

Да и пусть, невредно, если утром появится в газетах документальное подтверждение нерушимого единства московской и питерской властей.

¹ Анненский темляк — малиновый шнур на эфесе шашки или кортика, обозначающий, что владелец является кавалером ордена Святой Анны 4-й степени «За храбрость». Обычно первая и весьма почетная офицерская награда.

Кортеж автомобилей, совершив полукруг по площади, понесся вдоль Невского с подобающей скоростью, но через пару кварталов неожиданно свернул вправо, на Литейный, в сторону от обычного маршрута.

— Это так, для пущей безопасности, — пояснил премьер, — тот путь слишком уж наезжен. Если кто-то нашими планами сверх меры интересуется, пусть задумается, в Мариинский мы направляемся или сразу в Таврический¹, а то и на острова. У вас там, кажется, дача?

Князь усмехнулся в бороду. Это «кажется» — просто великолепно.

— Да какая там дача, Владимир Дмитриевич, вы же знаете. Так, домик, фамильное имение. Остановиться иногда, в случае частной поездки. Вас я туда, например, пригласить просто не могу. Стыдно. Поэтому давайте прямо в «Англетер».

Домик у князя на Крестовском острове, на берегу Невской губы был отнюдь не так уж плох, но ехать туда он не собирался. Опять же по дипломатическим причинам. В Петрограде он действительно не более чем гражданин Романов, вряд ли имеющий протокольное право приглашать к себе на квартиру самого премьер-министра великой державы.

А «Англетер» — гостиница высшего разбора, выходящая фасадом на Исаакиевский собор, памятник Николаю Первому и тот же Мариинский дворец. До сих пор знаменитая по преимуществу тем, что в первые послевоенные годы в ней повесился очень популярный тогда российский поэт. И, как некоторые национал-патриоты считают, не сам он повесился, запутавшись в алкогольно-матримониальных делах, а был злодейски убит агентами мирового сионо-коммунизма, не простившими его перехода на сторону законной власти. Ибо несколько

¹ Мариинский дворец — резиденция премьер-министра и правительства, Таврический — место заседаний Государственной думы.

ко ранее поторопился присягнуть Ленину — Троцкому и всей их камарилье, публично заявив: «Мать моя Родина, я — большевик!»

Но, как бы там ни было, гостиница настолько повысила свою популярность, что за право переночевать в пресловутом номере до сих пор берут аж сто рублей! Зато — с вручением томика стихов и альбома последних фотографий. Причем около десятка поклонников таланта пытались приспособить веревку к той самой трубе парового отопления, к которой она уже однажды была привязана их кумиром. С аналогичной целью.

Но и в администрации «Англетера» не дураки сидят.

Чтобы не портить реноме гостиницы и сберечь некоторое количество жизней чересчур экзальтированных особ, роковая труба еще в 1926 году была заменена на мягкую гуттаперчевую, потом — на пластмассовую.

Вешайся, не хочу! В худшем случае — мордой об пол. А отопление перевели на обходную схему.

А вновь отделанное, специальное крыло гостиницы издавна предназначалось для размещения прибывающих в Петроград на заседания и иные церемонии членов Государственного Совета и прочих особо важных персон.

Князь также имел там постоянно закрепленные за ним апартаменты, оплачиваемые из казны.

— И давайте не спешить. Время совсем еще раннее. По набережным проедем, по мостам, на Васильевский остров, потом обратно. Давно я Питера так вот, будто турист, не видел...

— Как вам будет угодно, Олег Константинович, — согласился Каверзнев, а сам, кто там его знает, вдруг да догадался, что князю перед решающими событиями захотелось полюбоваться красотами города, который воздвигали и украшали десять поколений его державных предков, а теперь он принадлежит выскочке, парвеню, адвокатишке...

Скорее всего, эта мысль была слишком уж вычурна, и ничего подобного премьер себе и вообразить не мог, поскольку большая часть стоящих перед ними вопросов уже была согласована путем личной переписки, и сейчас оставалось только эти договоренности соответствующим образом оформить, глядя друг другу в глаза, а не прячась за безответственными буквами на листе бумаги.

Но Местоблюстителю вдруг представилось, что такая фантазия вполне могла бы прийти ему в голову. Все ж таки эти гражданские, выборные политики не могут в глубине души не мучиться комплексами, пусть и тщательно скрываемыми от самих себя. Поскольку сам князь именно из этих соображений решил совершить круг по Петрограду. Чтобы укрепить себя в намерениях, если угодно.

Пока ехали, Каверзнев рассказывал князю все больше о работах по дальнейшему благоустройству Северной столицы. Олег Константинович слушал благосклонно, посматривал по сторонам, любясь державным течением серо-зеленой Невы, фасадами дворцов, перспективами проспектов и улиц.

Слева промелькнул массивный серый корпус броненосца «Цесаревич», поставленного на вечную стоянку перед Николаевским мостом. Этот старый корабль, ветеран Русско-японской войны и герой боев за Моонзунд, в самый решительный момент штурма Петрограда подошел из Гельсингфорса с экипажем, на две трети состоящим из флотских и армейских офицеров, сохранивших верность присяге.

Он, пожалуй, и решил исход Гражданской войны (а по большому счету — судьбу нынешней России), потому что силы пехотных штурмовых отрядов «белых» уже иссякали и генерал Юденич готов был отдать приказ об отходе.

Но возникший из-за завесы дождя броненосец бег-

лым огнем прямой наводкой, практически в упор, из громадных пушек главного калибра, смешал в кровавую кашу позиции большевиков у Стрельни и Красного Села. Потом, рискуя сесть на мель, вошел в устье Невы, шрапнелью своих шестидюймовок буквально вымел с Васильевского острова и плацдарма между устьями Фонтанки и Мойки отряды мадяр и латышей — личной гвардии Троцкого. И тут же с эсминцев «Орфей» и «Забияка» прямо на Садовую и набережные высадились десантные партии «ударников» и Георгиевских кавалеров, причастившихся перед последним боем Святых Тайн, поклявшихся умереть, но не отступить.

После страшного рукопашного боя между Апраксиным и Гостиным дворами началось паническое бегство красногвардейцев, вождей «Петрокоммуны», всех «граждан», чересчур рьяно кинувшихся служить новой власти. Обвешанные гроздьями людей поезда и дрезины отползали с Московского вокзала, толпы и толпы рвались на Охту, откуда, по слухам, буксиры и баржи отправлялись вверх по Неве, к Ладожскому озеру. На борт принимали по предъявлении партийного билета или за очень большие деньги.

После полудня 13 июля Петроград был полностью очищен от скверны.

«Надо будет, когда все кончится, приказать полностью отреставрировать «Цесаревич», ввести его в строй и причислить к Гвардии. В качестве учебного корабля Морского корпуса. Потомству в пример», — мельком подумал Олег Константинович и тут же задвинул эту мысль подальше в запасники памяти. Чтобы не сглазить и чтобы сейчас на лице ничего не отразилось.

Когда машины въехали под арку и остановились во внутреннем двореке, напротив крыльца, по обеим сторонам которого уже стояли офицеры его конвоя, князь посмотрел на часы.

— А что, Владимир Дмитриевич, может, так вот, экс-

протом, возьмем и пошлем протокол ко всем чертям? До заседания еще целый день впереди. Посидим, поговорим. Попросту. Как там, в европах, говорят: «встреча без галстуков»? Заодно и водки выпьем. С дороги, погвардейски. Вы же, помнится, тоже служили?

Это был светски тонкий ответ на «кажется» по поводу дачи, заодно рассчитанный на возможность подслушивания. Автомобиль-то был чужой, из правительственного гаража, и кто там мог насовать в него микрофоны — не угадаешь. Каверзнев намек князя понял.

— Как же я мог не служить, если иначе нельзя занимать государственных должностей? Правда, не в гвардии, всего лишь в армейской артиллерии.

— Вот и хорошо, Владимир Дмитриевич. Вообразим себя частными лицами. Старыми бойцами на покое. Странно, что раньше не удосужились.

— Дела, ваше высочество, дела. Текучка, как мои чиновники выражаются. Протокол, опять же. Ну так давайте это упущение исправим! Часа на два-три я совершенно свободен. Почему и не посидеть? Заодно и повестку дня согласуем.

— Тогда — прошу. Поручик, — обратился князь к офицеру свиты, присланному сюда еще вчера в качестве квартирьера, — проводите нас. Я понимаю, что многим это может показаться... как бы это сказать... нетривиальным, — продолжал Олег Константинович, — а в чем-то будет и хорошо. Ваши политические противники да и некоторые союзники, мне кажется, сильно будут фраппированы...¹ Как там у нас с вами сложится — не важно, а лишний туз в рукаве вы иметь будете.

Князь знал свои способности к неожиданным для собеседника психологическим эскападам и пользовался ими в самые вроде бы неожиданные моменты.

¹ Фраппировать — неприятно удивлять, раздражать, шокировать (производное от франц. *frapper*).

— Пожалуй, вы правы, ваше высочество, — после едва заметного колебания ответил Каверзнев.

Апартаменты на пятом этаже «Англетера» были подготовлены для князя в соответствии с уставными требованиями безопасности, но прежде всего — его личными вкусами.

Разумеется, туда вел отдельный лифт, медленный, стилизованный под механизм еще XIX века, дверь которого открывалась прямо в комнату охраны.

— Извините, Владимир Дмитриевич, я покину вас буквально на пару минут, — князь свернул в коридорчик, ведущий в личные покои, а один из его адъютантов тут же указал премьеру на глубокое кресло в просторном эркере, прямо под которым скакал на лихом коне государь император, очевидно, спеша вовремя попасть на Сенатскую площадь.

Рядом с креслом — журнальный столик карельской березы, на нем пепельница и сигарный ящик, под глухой верхней крышкой которого имелась еще одна, прозрачная, ниже — шесть отделений для разных сортов и еще циферблаты термометра и гигрометра. Чтобы, значит, потребитель не сомневался, что все кондиции выдержаны.

Каверзнев про себя выругался. Само собой, средства и ему позволяли такое-всякое. А вот и в голову не приходило тратить деньги подобным образом. И счел он, вопреки намерениям хозяина, такую демонстрацию снобизма не знаком уважения, а, напротив, как бы намеком на разделяющую их социальную грань.

Увы, науки семантика¹ и семиотика² вообще не относятся к числу распространенных в обществе, а уж разработкой их взаимовлияния и взаимопроникновения

¹ Семантика — наука о смыслах слов, поступков, действий.

² Семиотика — наука о языках (в широком смысле), знаках и знаковых системах.

вообще занимаются считанные единицы узких специалистов. Вот и здесь получилось такое недоразумение.

Сигару Каверзнев все же взял, наугад, какая подвернулась, излишне резко щелкнул гильотинкой, вместо того чтобы насладиться ею, удобно утнездившись в кресле, вышел на лоджию, где принялся ее курить, будто какую-то пятикопеечную папиросу.

В это же время гостиничные официанты во фраках, до того обученные и опытные, что могли с равной сноровкой обслуживать «ин леге артис»¹ сибирского золотопромышленника-старообрядца, африканского принца или собственного премьер-министра вкупе с Местоблюстителем, накрыли стол для завтрака на двоих и исчезли, будто тут их никогда и не было.

Оставаясь при этом настолько рядом, что и оброненная невзначай вилка не успела бы до полу долететь.

Вообще-то господин Каверзнев был человек до чрезвычайности умный, хваткий и проницательный. Иначе каким же образом мог бы он сколько уж лет занимать свой пост, на котором практически ежедневно приходилось лавировать и маневрировать между членами кабинета министров, Государственной думой, в которой большинство почти постоянно принадлежало его противникам, и многочисленной и агрессивной «внесистемной оппозицией».

Кроме того, он лично руководил деятельностью министерства иностранных дел, а также успешно (как ему казалось) удерживал в предписанных Конституцией рамках того самого Местоблюстителя, с которым сейчас придется говорить.

Сам по себе такой разговор должен был состояться, рано или поздно.

Прежде чем заговорят пушки.

¹ По всем правилам искусства (лат.).

До этого они играли, как шахматисты по переписке, не видя глаз друг друга, и от хода до хода проходило много времени, что позволяло обдумать позицию, посоветоваться с секундантами, полистать соответствующую литературу. Какое-то время это было допустимо и даже удобно. Но последние месяцы и дни события в стране и в мире словно понеслись вскачь, цейтнот приближался с пугающей скоростью, и выбора не было. Либо встретиться и расставить все по своим местам, либо... Додумывать до конца не хотелось, а надо.

Либо все случится само собой. Как в 1914 году.

Премьер, как ни удивительно совпадение, тоже не раз и не два за последнее время обращался к событиям того рокового года и думал: «А вот если бы монархи и главы правительств демократических держав нашли в себе силы и до объявления войны встретились хоть на полдня на нейтральной территории для личной беседы? Поговорили, поторговались, высказали взаимные претензии, да просто соотношение сил и последствия прикинули... Как бы сейчас выглядел мир?

А вдруг сегодня та же самая ситуация и от результатов их с князем завтрака зависит не меньше? Господи, вразуми, дай сил...» — прошептал почти неверующий Каверзнев. И неожиданно для себя перекрестился. Некое чувство, на грани интуиции и суеверного страха, подсказывало, что разгорающийся за окнами день может стать воистину судьбоносным.

— Владимир Дмитриевич, — звучный голос князя отвлек его от тревожных мыслей. — Что-то вы слишком задумались. Я уже давно за вами наблюдаю, а вы — ноль внимания... Прощу к столу.

— Ох, извините, Олег Константинович, действительно задумался. К вашим услугам. — Премьер бросил едва до половины докуренную сигару в цветочный горшок, не потрудившись поискать глазами урну или пе-

пельницу. Похоже, это было сделано специально. Как ответный жест.

За несколько минут князь успел побриться и умыться с дороги, sprysnutyся суховато пахнущим одеколоном, но переодеваться не стал, просто снял китель, оставшись в белой крахмальной рубашке с расстегнутым воротником. И повертел сапогами под щетками чистящей машинки, отчего они вновь сияли, как у юнкера на построении по случаю производства в офицерский чин.

Широким жестом указал премьеру на кресло у пиршественного стола, сам сел напротив.

— Начнем, пожалуй...

Пить водку в половину восьмого утра было Каверз-неву не слишком привычно, однако какая в принципе разница? Что экстренное заседание кабинета с полуночи до полудня, что перелет через десять часовых поясов в самолете, когда вместо отдыха приходится заучивать наизусть тщательно подготовленные экспромты для пресс-конференции в Нью-Йорке или Канберре. Неизбежные издержки профессии. Так что данный вариант — даже лучше.

А Олег Константинович был совершенно в своей тарелке. Романовы с подобными застольями всегда были на короткой ноге.

И разговор почти сразу пошел впрямую, оставляя за кадром положенные дипломатические обороты речи.

— Мне кажется, у нас с вами, дорогой друг, — сообщил князь, благодушно улыбаясь, — сейчас сложилась великолепная и, боюсь, последняя возможность решить крайне неприятную, более того, опасную ситуацию полюбовно. Не столько для нас с вами, ибо что мы, по большому счету, такое? Люди, оказавшиеся в данное время в данном месте, чтобы исполнить миссию, возложенную на нас историей и нацией. Поэтому о собственных амбициях и самолюбии следует забыть.

— Насчет последнего — не могу возразить, — согла-

сился Каверзнев. — Но все же поясните, что уж такого опасного вы видите в ситуации? Все, что случилось в последние две недели на наших южных границах, и даже прискорбная арабо-израильская война, неприятно, да, однако разве так уж выходит за пределы, уже привычные?

Князь достаточно четко и емко объяснил, что да, именно эти события, взятые сами по себе, ничего чрезвычайного не представляют. И не такое видали.

Но! Если господин премьер достаточно пристально отслеживает внешнеполитическую обстановку в целом, в ее, так сказать, историческом развитии, он не может не признать, что общемировая напряженность растет, как пропущенная через мощный трансформатор.

Тут и бразильско-аргентинская война (непонятно почему неупомянутая), и многое другое. Но даже это не вызвало бы слишком уж большой тревоги, а вот события внутренние...

И, не обращая внимания на протестующий жест премьера, князь налил еще по рюмке, буквально гипнотизируя собеседника взглядом.

Тот выпил, в свою очередь рассчитывая, что Местоблюстителю, наверняка не спавший ночь в поезде, готовясь к этой встрече, и успевший пропустить между делом чарку-другую с адъютантами и советниками, быстрее потеряет самоконтроль и византийское чутье.

— За то, чтобы события внутренние никак не омрачали... — произнес Владимир Дмитриевич и тонко улыбнулся.

— Наши отношения, от коих в огромной степени зависят судьбы Отечества! — с подъемом завершил тост князь.

Закусив ломтиком паштета под соусом «кэрри», Олег Константинович начал рассуждать, что Россия стоит перед очередным вызовом и от того, как она на него сможет отреагировать, зависит очень и очень многое.

Каверзнев не мог на этот анализ ничего дельного возразить, поддакнул сочувственно и добавил несколько собственных и очень неглупых соображений, но касающихся по преимуществу угрозы с южных пределов державы. Хотя, на взгляд князя, западная угроза была куда серьезнее, просто в глазах коренного петроградца Каверзнева юг (сиречь — Кавказ и Закавказье) казался неким экзотическим местом, окутанным романтическим ореолом легенд и мемуаров участников бывших Кавказских войн.

Этакий коктейль из Лермонтова, Бестужева-Марлинского, Ермолова, Дюма, Толстого и Шамиля.

Жара, горы, пыль и самум, из которого вырываются дико визжащие всадники, размахивающие кривыми саблями и готовые без привалов дойти до Москвы и Последнего (т. е. Балтийского в данном случае) моря.

А вот всякие там финны, курляндцы, лифляндцы и ливонцы¹ вкупе с поляками и галичанами для премьеры — нормальные цивилизованные люди, лояльные подданные, с которыми на тех или иных условиях можно договориться.

Рассеивать заблуждения Каверзнева сейчас в задачу князя не входило.

А хотелось сказать ему просто, по-солдатски, что игры в дурной парламентаризм, попытки маневрировать между политическими противниками, союзниками по ситуации и просто союзниками, для того чтобы ценой не только его, Олега Романова, головы, но и ценой судьбы самой России еще какое-то время удержаться на катящейся под гору бочке, из последних сил перебирая ногами, — не только глупость, но и историческая подлость.

И чувствовал он, что говорить этого сейчас и в такой прямолинейной форме — нельзя.

¹ Тогдашнее наименование эстонцев, латышей, литовцев и иных, проживавших на территории нынешней Прибалтики племен.

Хотя вроде бы все это более или менее было уже обкатано в их переписке, но каждому ведь понятно: «в письмах все не скажется и не все услышится. В письмах все нам кажется, что не так напишется».

Последние слова — как последний выстрел. Подошли к барьеру, и обратной дороги нет. Даже замаскированное выстрелом вверх извинение не спасет, как не спасло оно Лермонтова.

Все, что нужно, сказано будет, но немного позже.

Будто бы просто так, размышляя вслух, готовясь к выступлению на Государственном Совете, который как раз и должен был обсудить некоторые вопросы, связанные с предложением о введении в стране «Подготовительного периода к объявлению Чрезвычайного положения», князь изложил Каверзневу почти все, что хотел.

По поводу действительной обстановки в стране, международного положения России, как оно выглядело на самом деле, а не на уровне обычной риторики, а также реальный (с точки зрения князя) путь выхода из прогнозируемой ситуации.

— Понимаете ли вы, Владимир Дмитриевич, что вся идея нашего Тихоатлантического Союза, вполне рациональная в день его создания и оправдывавшая себя следующие полсотни лет, на данный момент себя полностью изжила? Он превратился в аналог Священного союза периода революций, происходивших между Наполеоновскими войнами и Крымской войной. Если помните, те события доказали эфемерность монархической солидарности. И что? Чем это закончилось для России, с полной искренностью и простодушием исполнявшей взятые на себя обязательства? Всеобщим предательством, репетицией Мировой войны, когда большинство бывших союзников напали на нас в Черном, Балтийском, Белом морях, на Кавказе и на Камчатке! Нет, я не спую, мы сейчас живем якобы спокойно, более того, про-

цветаем, как не процветала ни одна известная в истории империя...

— Тут я могу с вами не согласиться, — вставил Каверзнев. — В корректном пересчете, с учетом исторических и экономических реалий, Римская империя нас во многом превосходила.

— Тем более, — обрадовался князь. — Значит, моя теория еще более верна. Мощь Объединенных наций кажется безбрежной, а после чрезвычайно оживившейся за последние годы деятельности «Черного интернационала» проявилась якобы и суммарная воля, совмещенная с решимостью. Соблазн нанести упреждающий удар, раз и навсегда уничтожить врага в его логове, обретает все больше сторонников. Общественное мнение почти готово аплодировать тому, кто произнесет роковые слова и найдет в себе смелость сделать решающий шаг. Но, встав на этот путь, Союз неизбежно приговорен историей разделить судьбу всех бывших претендентов на имперское всевластие.

Думаю, вы достаточно образованный человек, чтобы помнить элементарные вещи.

Во-первых, все империи, пытавшиеся вести политику активной самообороны на своей периферии (а именно эта идея со странным напором и согласованностью муссируется в прессе), неизбежно были вынуждены переносить (в конечном счете) поле битвы на территорию самой метрополии. Современная технология не позволяет герметично закрыть ее границы. Это так, поверьте мне как специалисту.

Во-вторых, предвосхищающие удары оказываются в конечном счете контрпродуктивными, поскольку их следствием становятся бесконечная череда конфликтов на имперских окраинах, восстания в прежде замиренных регионах, растущее недовольство как сателлитов, так и благожелательно нейтральных стран.

В-третьих, даже в зоне испытанных привилегирован-

ных союзников использование вооруженной силы грозит крушением имперских основ. Номинально независимые страны тем или иным способом постараются обозначить свое сопротивление диктату.

В результате не нужно даже смотреть в магический кристалл, чтобы предсказать катастрофическое нарастание проблем, отнюдь не их смягчение.

Бросим взгляд на не очень далекую историю. Как писал Джек Снайдер из Института войны и мира Колумбийского университета, «чтобы гарантировать свои европейские владения, Наполеон пошел маршем на Москву и был поглощен русской зимой. Германия кайзера Вильгельма попыталась предотвратить свое окружение союзниками посредством неограниченной подводной войны, что направило против нее всю мощь морских держав. Имперская Япония, завязнув в Китае и встретив нефтяное эмбарго Америки, попыталась пробиться к нефтяным месторождениям Индонезии через Сингапур. Все хотели обеспечить свою безопасность посредством экспансии, и все закончили имперским коллапсом».

Будет ли Союз отчаянно стоять на нынешних, вроде бы морально и стратегически оправданных позициях или сумеет мирно сдать их? История учит, что односторонние действия не спасли колоссальную Испанскую империю в XVII веке (герцог Альба в Нидерландах), не помогли Людовику XIV сохранить французское преобладание в Европе в начале XVIII века (маршалы «короля-солнца» на Рейне), не укрепили мир Наполеона (московская экспедиция Великой армии), не помогли кайзеру и Микадо (план Шлиффена и план «Тора»).

А на то, чтобы сейчас (и это еще довольно подходящий момент) начать новую тотальную войну, причем не против регулярных армий тех или иных государств, а в буквальном смысле тотальную контрпартизанскую войну, у нашей Цивилизации не хватит...

— Сил и ресурсов? — подсказал Каверзнев, кото-

рый устал слушать монолог князя, больше напоминавший доклад на очередном сборище «пересветов».

— Нет. Характера и воли. Это в Мировую войну миллионные армии французов, русских и немцев еще умели ходить в бесконечные штыковые атаки, глотать иприт и думать, что умирать за что-то такое, возвышенное, необходимо. Нынешних европейских лавочников, призванных в ряды и наряженных в военную форму, вы уже не подвигнете на новый Верден. Или — на поход к «Последнему морю», на битву у Рагнаради!¹

Тут глаза князя подернулись романтическим туманом.

— А как бы мне этого хотелось... Вы только представьте!

Премьер-министр, скорее всего выросший не на Киплинге, а на трудах Адама Смита, Тойнби и Леонтьева, этого не понял.

— Но разве вы видите какой-нибудь другой выход из обрисованной вами картины? — осведомился Каверзнев.

— Да, вижу! Немедленное восстановление в России монархии, разумеется, с полным учетом предписанных в Конституции процедур, после чего — пересоздание всей структуры власти. Назначение нового правительства, естественно. Которое сможет с полным основанием денонсировать все ранее принятые международные соглашения, в чем-то ущемляющие интересы уже новой России.

— То есть — выход из Союза? — с некоторым священным трепетом спросил Каверзнев. Для него это было подобно революции, произведенной князем Владимиром в 988 году. Свержение Перуна, крещение Руси и все с этим связанное.

¹ Битва людей и богов перед концом света, согласно скандинавской мифологии.

— Так точно. Выход из Союза, объявление приоритета национальных интересов над международными обязательствами. И начать внешнюю политику с чистого листа, опираясь, безусловно, на ныне занимаемые российскими войсками позиции, наш экономический и военный потенциал, способность, в крайнем случае, перейти и к полной автаркии¹.

Очевидно, такого уровня откровенности Каверзнев все же не ждал. Что-то близкое по смыслу он готов был услышать, но тщательно упакованное в паутину слов, округлых формулировок, предписанных политкорректностью периодов. Речь, позволяющую при необходимости отречься почти от всего сказанного, истолковать многое прямо противоположным образом, остальное же подать как исключительно риторические фигуры.

Сейчас же выбор позиции премьера был жестко ограничен.

Либо категорическое «нет», с мотивировками, а то и без оных, но тогда в данном контексте это будет означать прямое объявление войны, причем войны именно гражданской, пусть поначалу она будет касаться только них двоих.

Либо такое же «да», причем тональность ответа оставит возможность торга, но только по отдельным позициям и деталям соглашения. Ни предложение «вернуться к этому вопросу позже», ни выдвижение альтернативного проекта на условиях Каверзнева в означенном раскладе шансов не имели.

Именно по причине разницы в их легитимности и политическом весе.

Оставаясь в рамках Конституции и законности, премьер и правительство устранить Местоблюстителя с его

¹ Автаркия — политика полного хозяйственного и политического обособления страны.

поста не могли. Князь же, при всей юридической сомнительности процесса, такую возможность все-таки имел.

— Вы понимаете, перед каким выбором ставите меня и в конечном счете Россию? — слегка охрипшим от волнения голосом спросил Каверзнев.

— А вы предполагаете, что нет? Сгоряча такие вещи не делаются. Понимаю, выбор труден. Но на то мы с вами и политики. Думаю, не стоит объяснять вам, чем отличается политик от политикана? Первый думает о судьбах Отечества и способен мыслить в масштабах столетий. Второй — только о собственной судьбе на предстоящих выборах...

Хорошо, хорошо, — заметил он протестующий жест премьера, — пусть даже о судьбе собственной партии и партийной программы. Но в любом случае — «Après nous le deluge»¹. А вы взгляните чуть-чуть шире. Да просто обратитесь к классическим примерам. Только те люди вошли в историю, которые в критический момент (сколь бы на самом деле они ни были себялюбивы и озабочены собственными проблемами) все-таки имели достаточную способность взглянуть туда, за горизонт повседневности!

Широким жестом князь указал за окно, где сверкал купол Исаакиевского собора, а правее серебрились под утренним солнцем волны Невы.

Сейчас бы можно начать сыпать громкими именами таких именно личностей, приводить яркие и убедительные примеры. Но Каверзнев и сам был человек начитанный. Все мемуары великих и труды по политической истории человечества проштудировал, несомненно. Так что время обмениваться мнениями на отвлеченные темы у них еще будет. Сейчас же от премьера требовался четкий и однозначный ответ. Но Владимир Дмитриевич не

¹ После нас хоть потоп (фр.). — Афоризм, приписываемый фаворитке Людовика XV мадам де Помпадур.

был бы самым собой, если бы так сразу пошел на поводу у своего соперника. Да уже, пожалуй, и не соперника.

Взгляд выдал Каверзнева. Но Олег Константинович ни малейшим движением лицевых мышц не позволил догадаться, что ответ уже, в общем, ему и не требуется. Напротив, изображая волнение, он принялся раскуривать погасшую сигару, чего никогда не позволил бы себе в нормальной обстановке.

— Ну а если, предположим, я все-таки в состоянии заглянуть за горизонт? — после долгой, на грани неприличия, паузы тихо спросил Каверзнев.

— Тогда я еще раз повторю свою мысль, уже как единомышленнику. Перед Россией стоит исторический вызов. В своем нынешнем состоянии и качестве ответить на него она не готова. Должным образом ответить, я имею в виду.

Более полутора веков назад Чаадаев писал: «Чрез исторические события должна нитью проходить мысль или принцип, стремясь осуществиться. Именно этой истории мы и не имеем. Настоящая история нашего народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить. Россия призвана решить в этом мире большую часть проблем социального порядка, ей предназначено быть настоящим совестным судом по многим тяжбам, которые ведутся перед великими трибуналами человеческого духа и человеческого общества».

Я думаю примерно так же. До тех пор, пока мы вовлечены в исторический процесс на общих, так сказать, основаниях, мы не имеем никаких преимуществ перед нашими «друзьями», которых от того, чтобы вонзить нам кинжал в спину, удерживает пока что лишь относительная мощь нашей армии и флота. И их собственные шкурные интересы. Через десять-двадцать лет все может радикальным образом измениться. Но уже катего-

рически не в нашу пользу. Именно этого развития событий я и надеюсь не допустить.

Вы поняли — через десять-двадцать лет. А не в пределах вашего избирательного срока.

Каверзнев, слегка задумавшись, возразил, что при всем уважении к позиции Олега Константиновича нет никаких оснований к приписыванию себе, то есть себе как нации, каких-то особых нравственных свойств, мессианских черт и права выступать в качестве общечеловеческого арбитра. В том числе не стоило бы вспоминать и о так называемом «естественном верховенстве России в «славянском мире».

— Следующие слова Чаадаева из цитируемого вами «Письма» были ведь именно такими, если я не ошибаюсь?

«Умен, шельма, и начитан, в чем я и не сомневался», — подумал князь.

— И все же я буду настаивать, что единственный выход для России в исторической перспективе — сосредоточиться исключительно на собственных интересах. Просвещенный изоляционизм. Тем более что именно сейчас у нас появилась великолепная возможность поиграть с отличными шансами на противоречиях между Союзом и «Черным интернационалом». Ибо кое-какие мысли его лидеров использовать в своих, и только своих целях можно и должно. Сколь бы они ни были лично мне отвратительны.

В конце концов, за истекшие 80 лет «цивилизованный мир» некоторым образом выдохся и даже начал вырождаться. Не может быть единственной целью цивилизации лишь сохранение статус-кво и приумножение тех материальных богатств, что были достигнуты не нами и в совершенно другую эпоху. Даже в чисто военном смысле — самая надежная и прочная оборона непременно будет прорвана, если предоставить врагу полную свободу действий за пределами крепостных стен. Но

опять же подробно на эти темы мы сможем говорить только тогда, когда придем к соглашению в главном.

Пауза снова была длинной. Но теперь — вполне оправданной.

Человек делал выбор. Не только за себя. На самом деле — за всю многовековую историю российской, европейски ориентированной «демократии». Берущей начало еще от пресловутого князя Курбского через Радищева, декабристов, Герцена с Огаревым, Бакунина, Плеханова, Милюкова и т. д. И заканчивающуюся, получается, на нем, Владимире Дмитриевиче Каверзнев. Премьер-министре последнего правительства парламентского большинства, лидере партии социалистов-революционеров (правых), сохранявшей это потерявшее всякий реальный смысл название как знак своего исторического предназначения.

Князь понимал его чувства. И не хотел бы оказаться на его месте.

Генералу Корнилову было куда легче. Пусть он и менял пост Верховного Главнокомандующего Российской армией, сопряженный, даже и в большевистской России, с квартирой, пайком и теплым кабинетом, на тяжелую солдатскую винтовку, заплечный мешок с сухарями и пятисотверстный пеший поход через зимнюю кубанскую степь.

В сорок восемь лет это тяжело. Если отсутствует идея, по сравнению с которой личное благополучие, а также и существование — ничто.

— Так на что могу рассчитывать лично я? — осведомился Каверзнев и тут же, выждав немного, но не увидев на лице собеседника ожидаемого выражения, уточнил: — Естественно, имеются в виду права и возможности самостоятельно и творчески осуществлять ту часть нашего общего проекта, реализация которой будет возложена на меня.

— Наконец-то начинается мужской разговор. Не по-

★ требовать ли по этому случаю шампанского? — Князь понял, что победил. Детали — это всегда детали.

— Еще минуточку, если позволите. Я жду вашего ответа.

— Ради бога. Думаю, о том, что мне положено занять престол, спора не возникнет, поскольку из нас двоих только я — Романов. Так было задумано еще Учредительным собранием «на всякий случай». Считаю, этот случай настал.

Вы же станете... — Князь с улыбкой, но теперь уже — явного превосходства, развел руками. — Да кем хотите. Великим визирем или лордом-протектором, председателем Боярской Думы, Всероссийского Собора! Не суть важно. Придумайте себе любую должность и ее наименование, и я словом своим, честью своей поручусь, что так оно и будет. Никакого умаления своих интересов и прав вы не понесете, а возможности самореализации возрастут несравненно!

И наследственные уделы вы получите, и потомки ваши будут носить достойные титулы, и до века сидеть на почетном месте по правую руку от царей и императоров всероссийских...

Изо всех сил князь старался, чтобы слова его звучали значительно и серьезно, чтобы, не дай бог, не провалилась хоть ноткой таящаяся в глубине души издевка.

— Есть же разница — избранный волею охлоса премьер, который сегодня есть, а завтра на выборах не задалось, и снова в присяжные поверенные подавайся, или же — первый помощник и ближний боярин кого?

«Божьей поспешествующей милостью, Императора и Самодержца Всероссийского, Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского; Царя Казанского, Царя Астраханского, Царя Польского, Царя Сибирского, Царя Херсонеса Таврического, Царя Грузинского; Государя Псковского и Великого Князя Смоленского, Литовского, Волынского, Подольского и Финляндского;

Князя Эстляндского, Лифляндского, Курляндского и Семигальского, Самогитского, Белостокского, Корельского, Тверского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского и иных; Государя и Великого Князя Новгорода низовские земли, Черниговского, Рязанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Белозерского, Удорского, Обдорского, Кондийского, Витебского, Мстиславского; и всея Северные страны Повелителя; и Государя Иверского, Карталинского и Кабардинской земли и области Армейской; Черкесских и Горских Князей и иных Наследного Государя и Обладателя, и прочая, и прочая, и прочая»¹.

Князь одним духом выговорил это титулование, ни разу не сбившись и не запнувшись, и Каверзнев, еще минуту назад скептически крививший губы, вдруг осознал, что так ведь оно и есть.

Вот сидит перед ним человек, обыкновенный, казалось бы, ну, умный, воспитанный, с располагающей внешностью, однако правом, обычаем и собственной волей достойный возродить и унаследовать этот титул. И он его все равно возьмет и на себя возложит. Как бы там ни сопротивлялись некоторые свободомыслящие граждане, с таким поворотом событий не согласные.

А чем сопротивляться? Силой? Вооруженной или идейной? Ну, пусть кто-нибудь предложит, где взять эту силу и эту идею! Ему же, премьер-министру одной из сильнейших мировых держав, противопоставить силе, только что о себе заявившей, нечего.

А если прийти к доброму между ними согласию, тогда он, Владимир Каверзнев, получит все, что Олег Константинович пообещал, пусть и с прорывающейся моментами иронией. Но не в его личный адрес, а, похоже, ситуации как таковой. Уж это он уловить сумел.

¹ Полный, утвержденный в 1815 году, титул российских императоров.

★ Так что толку биться лбом в стену, делая при этом значительное лицо? Мы, конечно, гордые, а все равно бедные.

— Хорошо, ваше высочество. А каким образом наше «сердечное соглашение» может быть юридически оформлено? Чтобы завтра или через десять лет не случилось так, как уже многократно случалось в истории?

Ответ у Олега Константиновича был готов.

— Единственно — Поместным Собором. Соберется он с согласия и под контролем Думы и при моих гарантиях. Там все и утвердим. В том числе и Жалованную Грамоту. Я в ней изложу все, о чем мы с вами договорились, касательно статуса вас и ваших потомков на весь период правления Династии. Естественно, минуя некоторые штрихи и детали, но всему остальному будут приданы гарантии конституционного уровня. Мы же с вами цивилизованные люди, люди чести. Двадцать первый век на дворе. Утвердим, подпишем, Государственный Совет своим рескриптом гарантирует, Конституционный суд предусмотрит санкции за нарушение условий, о чем еще речь?

Да, действительно, сомневаться Каверзневу было не в чем. Таким образом оформленное соглашение желаемые гарантии обеспечивало. Правда, оставались и еще кое-какие тонкости.

— А как, простите за любопытство, ваше высочество, вы думаете обеспечить такую вот передачу власти? Как это будет выглядеть со стороны, и что должен, на ваш взгляд, сделать лично я в ближайшее время?

После того как сложнейшая партия борьбы за власть была выиграна легко, невероятно легко, можно сказать, князь позволил себе расслабиться. На самом деле — натуральный поединок Давида и Голиафа. Один тренировался, качал мышцы, надрывался со штангой, фехтовал с лучшими тренерами. Второй вышел, посвистывая, и, не дав хоть раз прицельно замахнуться мечом, залепил камнем из пращи между глаз. Вот и весь поединок.

— Не надо вам ничего делать, Владимир Дмитриевич. Делайте исключительно то, что делали всю вашу предыдущую службу на этом посту. Лучше, если бы вы немедленно забыли вообще о нашем разговоре. Ну, встретились, ну, посидели, водки выпили. И разошлись.

Оставайтесь самим собой. Даже можете на сегодняшнем Госсовете проявить особую агрессивность в моем отношении, но тоже в рамках своей партийной программы. Я, в свою очередь, тоже в долгу не останусь. Изложу кое-что из того, что вам уже сказал, в специальной редакции, для общего употребления пригодной. Поспорим, поругаемся да и разойдемся. Заодно расклад ваших и моих сторонников в Госсовете узнаем. Спешить-то нам особенно некуда, это историческое время не терпит, а обычное — пока еще вполне. Пресса пусть по поводу текущего момента и наших разногласий пошумит. Запросы парламентские пойдут. Запад как-то отреагирует на экстремистскую позицию лишенного реальной власти и тешащегося безответной болтовней Регента. Да и стихнет все помаленьку.

Там, глядишь, кризис какой-нибудь правительственный сам собой назреет. Кабинет в отставку подаст, а то вдруг повод и Думу распустить появится. Вот тогда...

А пока время есть, вы, конечно, набросайте полный список вопросов, которые нам следует решить. И людей, лично вам полезных, припомните, их ведь тоже устроить и обласкать нужно будет. Всегда, знаете, неприятно, когда между партнерами в серьезном деле вдруг всплывают непростые проблемы...

ГЛАВА 8

Ляхов удивлялся сам себе, но никаких негативных или же суеверных чувств по отношению к сидящему рядом с ним в просторной кабине существу он не испытывал. Или просто концентрация невероятностей достигла

предела насыщения и реагировать на дополнительные не было уже физиологической возможности, или, что проще, он просто в глубине души не верил в происходящее.

Мертвый капитан, в свою очередь, уважая чувства соседа, отодвинулся в самый угол, оставляя между ними более чем метровое свободное пространство.

Рассвет только-только начал разгораться над извилистой грядой гор и холмов, и лицо Шлимана было почти неразлично. Что, скорее всего, и к лучшему. Пока говоришь в темноте, можно считать собеседника нормальным человеком.

Врожденная деликатность боролась в Вадиме с интересом разведчика, медика, простого обывателя, наконец.

Кому еще, кроме персонажей сказок, легенд и фантастических романов, приходилось встречаться наколотке с обитателями загробного мира?

Причем что интересно: чем выше качество указанных произведений, тем меньше накал страстей.

Вот, насколько помнится, тот же Данте Алигьери к совершенно неживому, умершему за тысячу лет до того Вергилию не испытывал никаких негативных эмоций. А в многочисленных книжках в мягких обложках на ту же приблизительно тему что ни покойник, так монстр, один ужаснее другого.

Однако для подкрепления сил Вадим все-таки хлебнул как следует, из фляжки того самого, неизвестно откуда взявшегося и куда девшегося Семы Бримана, которую по праву первооткрывателя взял себе. Хороший сувенир будет, если выберемся.

— Не желаете ли, Миша? — упростил он для удобства трудное в произношении имя Микаэль и показал на фляжку. — Я врач, спирт пить привык, вы, биолог, тоже, наверное, не чужды этого чистейшего из продуктов.

— Увы, не испытываю ни малейшего желания. Хотя раньше, вы правы, не чурался. Наверное, биохимия из-

менилась. Да какая тут, к черту, биохимия! — вдруг взорвался капитан. — Я не понимаю, вы действительно настолько толерантный тип? Я сижу сейчас в вашей машине и неизвестным устройством, что заменяет мне мозг и нервы, пытаюсь выработать сколько-нибудь приемлемую схему наших отношений, а вы так вот... просто. Не желаете ли водки выпить? Вы что, на самом деле воспринимаете меня как равного?

— Почему и нет? — спросил Ляхов, переключая скорость, потому что дорога резко пошла под уклон, а он с детства помнил правило: «Спускайся на той же передаче, на которой будешь подниматься». — Я, помнится, читал как-то фантастический рассказ, где вся интрига построена как раз на том, что один из друзей остался человеком, а другой, после какой-то аварии, сохранив лишь мозг, оказался пересажен в железную банку, снабженную глазами, синтезатором речи и манипуляторами, вроде клешней краба.

И вот тот, первый, не желая считать второго за подлинного человека, очень крупно проиграл. Поэтому лично я предпочитаю воспринимать любого, вас в том числе, за полноценного партнера, несмотря на некоторые привходящие обстоятельства.

— Да, интересная точка зрения. Наверное, дело не только в том, что вы врач. Тут еще и национальный характер. Русские всегда удивляли меня тем, что будто нарочно выбиваются из любых схем. Даже нам, евреям, с вами бывает трудновато, представляю, каково остальным, более склонным к упорядоченности и стабильности народам.

— Ага. Немцам в особенности.

Шлиман кивнул.

— Да, пожалуй. А окажись сейчас на вашем месте немец, не думаю, что этот разговор вообще состоялся бы. А общаясь с вами, я тоже начинаю снова ощущать себя... живым.

Капитан мельком взглянул на часы, так и оставшиеся у него на запястье с еще прошлой жизни.

— Что, уже? — спросил Ляхов, имея в виду — не проголодался ли новый знакомец и не появились ли у него по этому поводу превратные мысли.

— Еще нет, — понял, о чем говорит Вадим, Шлиман. — Но меня эта тема очень занимает. Чем позже, тем лучше, вы понимаете, о чем я?

— Еще бы. Это и в моих интересах. Нам отсюда выбираться надо, а вы — некий дополнительный шанс. Есть такой армейский способ ориентирования и изучения обстановки — «путем опроса местных жителей». Вы — какой-никакой, а все же местный.

— Знаете, Вадим, если бы я был в состоянии испытывать человеческие эмоции, я бы сказал, что вы мне нравитесь. Есть в вас некоторое простодушие и одновременно ум и искренность. Не лицемерите, что думаете, то и говорите.

— А вы на самом деле никаких эмоций не испытываете? Как это возможно?

— Да вот так и возможно. Я помню, что, когда был человеком, те или иные слова, поступки, обстоятельства вызывали у меня соответствующую реакцию, которая могла быть описана в категориях: приятно, неприятно, радостно, печально, больно, страшно и так далее... Я помню, что каждая из категорий означала. К одним я стремился, других избегал.

Сейчас же ничего этого нет. И передать то, что есть, — я просто не в состоянии. Вы упомянули человека, ставшего роботом. Я, наверное, сейчас на него похож. У меня сохранилась память в полном объеме, но и только.

Вот, разговаривая с вами, я пытаюсь понять: завидую ли я вам, сожалею ли о том, что меня убили? И понимаю, что мне это совершенно безразлично.

Я помню, что «там» у меня остались жена и двое детей, мне хочется их пожалеть, представить, как они за-

плачут, получив сообщение о моей геройской гибели в боях за Родину, и — не получается.

Меня это не трогает, так же как не трогает плохо написанная книга. И в то же время я уверен, что в случае необходимости смог бы все подходящие к случаю эмоции воспроизвести достаточно убедительно.

Разговор все более увлекал Ляхова. Ему всегда было страшно интересно проникать в тайны неведомого и недоступного.

В свое время он и психиатрией взялся было заниматься, потому что ему казалось очень заманчивым проникнуть во внутренний мир маньяков, на полном серьезе воображающих себя гениальными писателями, царями и пророками. Или шизофреников, одновременно являющихся крупными учеными и искренне убежденных в реальности «голосов», диктующих им совершенно абсурдные вещи, разубедить в абсурдности которых невозможно. Даже ссылками на их собственные научные труды.

Правда, очень скоро убедился в наивности своих надежд.

А сейчас ему представилась куда более грандиозная возможность попытаться разобраться в психологии самого натурального покойника. Если, впрочем, он является таковым, а не порождением его собственного поврежденного разума.

Само собой, Ляхову никогда еще не встречался душевнобольной, способный к рефлексии по поводу своих недугов. Но ведь психиатрия — наука неточная, и отсутствие описания какого-то факта и даже синдрома отнюдь не означает, что подобное проявление душевного нездоровья на самом деле не имеет места.

— Жаль, Михаил, что отсутствует у человечества некая единая теория загробного мира и посмертного существования. Каждая религия и каждая этническая общность имеет на этот предмет собственные, иногда диа-

метрально противоположные взгляды. Вы, кстати, в философии какие проблемы разрабатывали?

— Вас это в самом деле интересует или проверяете степень сохранности моей личности? — осведомился капитан.

Вадим отметил некоторую странность, заключенную в его словах.

Эмоций Шлиман якобы не испытывает, отчего же мимика его в целом соответствует каждой данной ситуации? Механическая память мышц, или все-таки нечто другое? Может быть, он еще способен к восстановлению, то есть посмертный шок потихоньку проходит, хотя бы от энергетической подпитки и общения с живым человеком? Пребывания в его ментальном поле.

Так он и спросил: не располагает ли коллега информацией или хотя бы догадкой, в чем смысл такой вот его «жизни» и чем она, по идее, может закончиться?

Иначе в чем вообще смысл столь странной затеи неизвестно каких сил или законов природы? Стоит ли, мол, сначала умирать «там», а потом столь же бездарно — здесь, но с определенным временным лагом?

— Я еще понял бы, если бы здесь вас, ну и нас, конечно, в свое время ждал «Страшный суд» или, напротив, «ни слез, ни воздыханий, а жизнь вечная», а так — для чего же? Побродить в поисках пищи, которую добыть здесь нельзя по определению, ибо кто же мог рассчитывать, что мы с товарищами сюда случайно попадем? Причем тоже не в некоем экзистенциальном¹ смысле, а в качестве предполагаемого продукта питания. А если даже и попали в силу странного стечения обстоятельств, так «высший разум» должен был учитывать, что за себя постоять мы сумеем.

¹ Экзистенциальный — вытекающий из «экзистенциализма», идеалистического философского учения о духовном смысле существования человека.

Не странно ли, опять же, что нам, «живым», в этом мире предоставлены все возможности и для выживания, и для самообороны, вам же — ровно ничего?

Вы же биолог и знаете, что абсолютно везде должен существовать определенный биоценоз, вполне конкретная пищевая пирамида. Кого-то едите вы, кто-то, в свою очередь, должен съесть вас... А так вот... Наверное, мы чего-то пока не уяснили.

И где, кстати, посмертные тела зверей, птиц и прочих насекомых?

Эта простейшая в принципе догадка только что пришла ему в голову и заинтересовала чрезвычайно.

Шлиман ответил вполне достойно своего и первого, и второго образования.

В том духе, что вопрос «для чего?» реального содержания не имеет, ибо телеология¹ — очередное заблуждение человеческого разума. И если нечто и случается, то, скорее всего, просто так. В силу непреодолимых законов природы или случайного сцепления необязательных обстоятельств.

Не имел же Везувий, извергаясь в 79 году (н. э.) целью непременно уничтожить Геркуланум и Помпеи, а тем более, засыпав их пеплом, сохранить подробности подлинного римского быта на радость грядущим археологам и туристам.

Явления же, пусть и природы (в широком смысле), нами изучены настолько слабо, что попытаться в течение нескольких часов, пусть даже суток, найти ответ на вопросы, над которыми человечество бьется тысячелетиями, — напрасная затея.

С этим Ляхов не мог не согласиться, ибо идеалистом не был по определению, однако его материализм инте-

¹ Телеология — идеалистическое учение, согласно которому все в природе устроено целесообразно и всякое событие является осуществлением заранее predeterminedных целей.

ресным образом работал в пользу враждебного учения, поскольку предлагал принять даже абсолютную мистику как факт, если реальность ее очевидна.

Альтернативой было только признание собственно глубокого безумия, но в таком случае тема теряла всякий научный интерес, да и имелось у Вадима немало способов, позволяющих достаточно надежно отличать самый правдоподобный (точнее, убедительный) бред от яви. Пусть и самой невероятной.

И тут же его предыдущие слова породили у него очередную забавную мысль.

— А таки знаете, Миша, — одесский стиль тоже прорезался у него как-то сам собой, — телеология телеологией, но что-то тут не так. Мы и сами, по-хорошему сказать, не пойми кто. Или собственные реинкарнации, или вправду Орфеи пополам с Данте, путешественники в страну мертвых, или...

Последнюю мысль договаривать вслух не хотелось. Потому он вернулся к первой.

— Одним словом, очень мне кажется, что некий умысел в нашей с вами встрече присутствует, и самое правильное — поверить или сделать очень убедительный вид, что верим, и все у нас получится. Как в детстве на Лиговке принято было клясться — «зуб даю». И до тех пор, пока лично мы с вами не исчерпаем некую функцию, ничего с нами не случится. Вот вы еще «есть» не захотели... — констатируя факт, уверенно сказал Ляхов.

— До сих пор нет, — снова прислушавшись к собственным ощущениям, ответил Шлиман с достаточной долей удивления. — Похоже, что действительно нечто такое происходит. Я вам говорил, что, когда ел ваши консервы, чувствовал, что жую суррогатный хлеб, что насытиться им просто невозможно. Набить желудок на какое-то время, и все. А сейчас я сыт настолько, что ни о какой вообще потребности в еде нет и мысли. Эта тема меня просто не интересует.

— Вот! — почти торжествующе воскликнул Ляхов. — Нечто подобное я и предполагал. Но на всякий случай приготовил для вас еще один гостинец. Нате, попробуйте.

Он протянул капитану нечто похожее на сложенную в несколько раз кремовую салфетку.

— Что это?

— Да попробуйте, попробуйте. Вдруг да понравится...

Шлиман с некоторым сомнением откусил угощение с уголка. Внимательно разжевал, уподобляясь дегустатору.

— Что ж, неплохо. Напоминает шоколад. Причем скорее не вкусом, вкус тут непонятный, а именно ощущением...

Откусил еще, разжевал несколько быстрее, проглотил. Почмокал губами.

— Очень недурно. Питательно. Оставляю на потом. Сейчас правда больше не хочется. И что это было? Какая-то пастила или высокопитательный концентрат для разведчиков? Вы же российская войсковая разведка, я догадываюсь. И каким-то чудом оказались вдруг здесь. Вместе с нашим человеком... Отчаянные вы люди. Впрочем, я всегда был самого высокого мнения о русских солдатах. Надо пойти в ад — и в ад пойдете... Уже пришли.

— Спасибо на добром слове, Михаил. И что «концентрат» понравился, очень рад. Поскольку это не что иное, как витаминизированная гемостатическая губка. Приготовлена из плазмы и форменных элементов натуральной крови, предназначается для закрытия обширных кровоточащих ран и дефектов кожного покрова. Уж простите, что сразу не предупредил...

— Из чего она сделана, мне безразлично, — ответил Шлиман. — Эмоции, как я уже сказал, у меня отсутствуют. А вот как пищевой продукт, в случае если у меня еще возникнет потребность в пище, гораздо приятнее сырого мяса.

— Отлично! — со всей искренностью выдохнул Ляхов. — Значит, без проблем. Этого добра у меня целый ящик. Прихватил на всякий случай, потому что в таком путешествии, как наше, в случае чего — незаменимая вещь. Хотя именно ваш случай я в виду не имел...

Таким образом, главный вопрос, каким образом и на какой срок удастся поддерживать существование капитана, был снят надолго.

И можно было, не отвлекаясь, заняться проблемами мировоззренческого характера. Не опасаясь, что у соседа в самый неподходящий момент, невзирая на всю его интеллигентность, вдруг возобладает склонности вампира. Физического или духовного — не суть важно. Теперь же — человек как человек сидит рядом с ним в кабине. Не курит, не пьет — ладно, такие и среди людей встречаются. Зато мозги вполне сохранили исходные свойства и качества.

Тем для обсуждения было много, но, оставаясь разведчиком, не имея никакого представления, сколько еще может продлиться их общение, Вадим предпочел выяснить некоторые жизненно важные в их положении вопросы. Например — способ, которым покойники ухитряются ощутить присутствие поблизости живых людей.

— Вы ведь раньше ни с чем подобным не сталкивались? Что за локатор в вас сработал?

— Не сталкивался. Да у меня и времени не было. Слишком недавно я перешел в означенное состояние. Что же касается способа, его тоже как бы и не было.

В полном соответствии с мифологией Шлиман с ефрейтором достаточно бессмысленно бродили по унылой и пустынной местности, ни о чем друг с другом не разговаривая и не имея никакой конкретной цели. Впрочем, припомнил капитан, что-то такое у него мелькнуло. Что можно бы направиться к побережью, прийти к себе домой, посмотреть, как там обстоят дела. Известно же, что некоторое время после смерти мертвые держатся по-

близости от своего дома, имеют возможность видеть и слышать все, что там происходит, как и что о них говорят, как поминают...

Но постоянно нарастающее чувство голода...

— Нет, — поправился Шлиман, — все-таки это был не просто голод. Гораздо больше похоже на приближение гипогликемического¹ приступа. Сосущее ощущение пустоты не только в желудке, а во всем организме сразу, приступы слабости, дрожь в конечностях...

Потом его властно потянуло на северо-запад, хотя совсем недавно он намеревался идти в противоположном направлении, и на этом пути им все чаще стали попадаться мертвые арабы, бредущие туда же. Соотечественников он отчего-то не заметил среди них, возможно, из-за ночной темноты, пусть видел он сейчас гораздо лучше, чем в прошлой жизни, а может, и потому, что танкисты в своих подбитых гранатометами и ПТУРСами машинах, как правило, сгорали до головешек и пепла. Нечему там было ходить.

Через час или два тупого, безмолвного, но целенаправленного марша все густеющей толпы они наконец дошли. По мере приближения к непонятной, но невероятно манящей цели скорость шага убыстрялась, покойники начали возбуждаться, возникло некое роеподобное движение, когда каждая особь, ненавязчиво и негрубо, но целеустремленно отталкивает, оттесняет других, чтобы оказаться как можно ближе к объекту вождения.

То, что Шлиман с ефрейтором оказались не столь активными, их и «спасло». Под шквальный пулеметный огонь они не попали и под гусеницы транспортера тоже. Но как пчелу или комара, стремящегося к добыче, мож-

¹ Гипогликемия — резкое снижение уровня сахара в крови. Вследствие болезни (диабет) или тяжелых физических нагрузок. Может привести к коматозному состоянию и смерти.

но убить, но нельзя просто отогнать, так и они, уцелевшие, продолжали стремиться вперед. Только увидев живых людей, капитан словно очнулся, к нему вернулся «разум», и он понял, что именно происходит.

— Дальнейшее вы знаете. Ефрейтор оказался существом гораздо более примитивным.

Эти увлекательные, этнографические, можно сказать, то есть посвященные нравам и обычаям покойников, разговоры (познавательные, кто же спорит) поселяли в душе Ляхова все больше и больше сомнений. В довершение всего случившегося, хотя бы только на протяжении последних трех дней. Даже не касаясь всего предыдущего.

Он еще что-то говорил, параллельно ведя внутренний диалог с самим собой и с Майей тоже, а где-то совсем с краешка еще и прикидывая, как и о чем стоит поговорить при первом же удобном случае с Татьяной.

Очень уж запутанной оказывалась эта история. Жутко нелогичная, несогласованная даже внутри предложенных обстоятельств, которые и сами по себе весьма абсурдны.

В общем, что-то здесь не так, не выстраивается, хоть ты лопни.

В Триполи (он же по-арабски Тарабулус-эш-шам) — достаточно большом портовом городе с трехсоттысячным населением, стоящем на самой границе Израиля с Сирией, — Ляхов был только один раз.

Там располагалась операционная база Средиземноморской эскадры Черноморского флота, обслуживавшая дивизион боевых катеров и тральщиков.

Основные силы — четыре тяжелых крейсера, эсминцы, танкеры, транспорты и прочее — стояли в Хайфе, и однажды приятели из медсанупра эскадры устроили Вадиму двухдневную экскурсию в Триполи под бла-

говидным предложением участия в комиссии по обмену каким-то опытом.

О городе как таковом он получил крайне поверхностное впечатление, на знакомство с достопримечательностями удалось выкроить всего часов около трех. В памяти остались только Большая мечеть (перестроенная в XIII веке турками из византийской православной церкви Богородицы), оригинальной архитектуры мечети Буртасия, Тейлан и Сакракия (все — XIV века, то есть когда турки уже укоренились и начали строить сами), несколько действующих христианских церквей, где молились в основном арабы-марониты, а также громадный и по-настоящему восточный базар.

Несмотря на административную принадлежность к Израилю, в Триполи исторически жили почти исключительно арабы и некоторое количество европейцев, так что колорит «Тысячи и одной ночи» и сказок Гауфа сохранился в неприкосновенности.

Ляхов приобрел в лавках тамошних ремесленников несколько экзотических и, похоже, подлинных вещей для подарков родителям и друзьям.

Но главное, что требовалось сейчас: он запомнил планировку территории военно-морской базы, где не бывал не только Тарханов, но, что удивительно, и Розенцвейг тоже. Впрочем, как объяснил Григорий Львович, работал он по другим направлениям, и флот в круг его интересов не входил.

После того как они остановились на въезде в город со стороны поселка Зегарта и обсудили дальнейшие действия, Вадим возглавил колонну, а Тарханов, наоборот, перестроился замыкающим, чтобы, в случае чего, обеспечить огневую поддержку по всем азимутам.

На улицах вражеского города боевой устав предписывал действовать именно так. Пусть и невелик риск, а вдруг какой-то отморозок, хоть живой, хоть мертвый, например из банды, к которой принадлежал Руслан Ге-

риев или аналогичной (наличия других живых в этом мире априорно исключать было нельзя), вздумает высунуть из окна одного из тесно стоявших по сторонам проспекта домов трубу гранатомета.

Снова всплыли слова чеченца: «Гранатомет, «муха», хорошо». Да уж, особенно в упор, в моторный отсек.

Ляхов на узких средневековых улицах сумел выдерживать направление, что было не так уж и трудно, потому что море то и дело проблескивало в просветах между домами, а скоро стали видны и мачты кораблей, обозначая тем самым близость порта.

Российская база располагалась левее торговой гавани, на самом мысу, напротив которого на небольшом расстоянии виднелись три скалистых островка. Названный их Вадим не запомнил, но знал, что на одном из них помещаются склады топлива и боеприпасов, а на двух других — позиции береговых и зенитных батарей, не только прикрывающих подходы с моря, но и могущие, в случае необходимости, держать под огнем весь Триполи, его ближайшие окрестности и ведущие к городу дороги.

Ехал Вадим не торопясь, поскольку и вообще спешить было некуда и чтобы не влететь за любым из многочисленных поворотов в неожиданное препятствие.

А таковых здесь хватало. Припаркованные вдоль тротуаров автомобили, стоящие перед светофорами на перекрестках и прямо на проезжей части, создавали местами почти непреодолимые заторы.

То есть так, как их застал момент...

А какой, кстати, момент? — снова задал себе Ляхов сакраментальный¹ вопрос.

Тот ли, в который совершился их переход в мир бокового времени, или данный конкретный? Скорее, все-

¹ Сакраментальный — традиционный, а также имеющий отношение к религиозным культам (лат.).

таки первое, то есть мы как бы имеем перед собой моментальную фотографию трехдневной давности.

Вот как сработал в тот миг затвор объектива, так все и застыло. Иначе машины и прочие предметы возникали бы перед ними непрерывно, в соответствии с тем, как они перемещаются в том, нормальном мире. Объяснить, почему именно так, он не мог, и капитан Шлиман тут был не помощник.

Впрочем, очередной парадокс взаимодействия миров для «нормальной» жизни, то есть их, протекающей сейчас здесь, был удобен. Кстати, и новых покойников тоже видно не было. А ведь в городе с таким населением ежедневно умирает несколько десятков человек, и все они непременно должны были таскаться по улицам.

Как говорят бухгалтеры: «с нарастающим итогом».

А так их было сравнительно немного. Мелькали время от времени в перспективе улиц в той или иной мере одетые или раздетые фигуры, но скоплений не создавали и агрессивности не проявляли. Скорее всего, просто не успевали сообразить, что поблизости от них движется столь желанная «пища». Один только раз Вадим испытал острое потрясение.

На очередном перекрестке, у раскрытых дверей старинного, серо-черного от времени трехэтажного дома, сооруженного чуть ли не во времена Гарун-аль-Рашида, стоял и натуральным образом плакал ребенок лет четырех-пяти. С темными кудрявыми волосами, одетый в длинную белую рубаху на голое тело.

Ляхову и сердце сжало, и горло перехватило. На миг вообразилось, что ребенок этот — живой. Просто потерялся, заблудился в жутком, пустом городе мертвых. Стоит, не понимает, что происходит, плачет и зовет папу с мамой, бабушку или бабушку...

Нога сама дернулась к педали тормоза. Нет, это представить только...

— Проезжайте, Вадим, — ровным голосом сказал за-

метивший его движение капитан. — Этот мальчик такой же, как все... мы. Он тоже умер. Не знаю, только что или вчера. Как все мы, хочет есть. Но понять вообще ничего не в силах. А что плачет... У детей в этом возрасте эмоции преобладают над разумом. Вот они и действуют.

Вадим выругался, как редко себе позволял, вдавил акселератор, машина рванулась, на вираже отбросила бампером перегородившую полосу легковушку.

Сзади длинно засигналил Розенцвейг.

— Да пошел ты... — еще раз грубо и неостроумно загнул Ляхов, словно дудел ему в спину под светофором нетерпеливый водитель.

— Что теперь ругаться, — почти без интонаций продолжил Шлиман, — вы уж лучше его родителей пожайте. Они-то там, у вас, — он мотнул головой, — по-настоящему сейчас плачут.

Вадиму эту тему продолжать не хотелось, и он ничего не ответил, хотя и подумал, а что, если бы все же остановиться, покормить ребенка гемостатиком, утешить? И дальше что? Усыновить, сделать «сыном полка»?

Через два квартала «Опель» выкатился на набережную, и он увидел красно-желтый павильон конечной остановки городского автобуса, а за ней знакомую улицу, ведущую к воротам базы.

Ворота, стандартного синего цвета, с золотыми двуглавыми орлами и скрещенными Андреевскими флагами, были, как положено, заперты, но, пока остальные машины подъехали, Вадим уже успел перемахнуть через забор. Тело, затекшее от долгого сидения за рулем, требовало активных движений. Да и не только тело.

В караулке на специальном щите висели в должном порядке ключи, и через минуту он уже распахивал створки, широким жестом приглашая товарищей внутрь. Вслед за грузовиком Розенцвейга и «Тайгой» двинулась и его машина.

Шлиман продолжал ввергать в недоумение. Все еще

похожий на экземпляр из музея восковых фигур, он тем не менее держал руль уверенно и поставил машину ровно рядом с остальными.

«Черт его знает, — подумал Ляхов, — может, он на самом деле постепенно опять человеком становится? При помощи кровавой пищи или просто усилием воли и, если так можно выразиться, обратного прогресса? Раз вдруг ему за рулем посидеть захотелось или просто мне приятное сделать. Что ни говорите, а это симптом...»

С тем же удивлением смотрели на капитана Тарханов с Розенцвейгом. Только девушки приняли происходящее как данность. Вернее, им просто было непонятно, в чем тут фокус. Они ведь со Шлиманом в его исходном виде и не общались.

— Так, команда, — подчеркнуто бодрым голосом объявил Ляхов. — Приветствую вас на отечественной территории, предлагаю разместиться в офицерской гостинице, вон она, третий отсюда домик с плющом по фасаду. Насколько помнится, там около десятка двухместных номеров и два адмиральских люкса на втором этаже. Предлагаю их и занять. Умыться, побриться, переодеться, после чего и совет держать будем. Возражения есть?

Возражений, естественно, не было.

— А вы, Миша, что же? — спросил Ляхов, обернувшись, когда увидел, что капитан за ними не идет.

— Ничего, ничего, Вадим, занимайтесь своими делами, а я пока так, на солнышке погрюсь...

На губах его снова скользнуло подобие улыбки, то ли естественной, то ли изображенной специально для него.

— Воля ваша.

Спорить действительно было бы глупо.

...База была как база, интернационального образца. Но все равно отечественная, родная. И надписи все на русском языке, и общая, не передаваемая на семантиче-

ском уровне атмосфера. Одним словом, здесь они чувствовали себя не в пример спокойнее и привычнее, чем в любом другом месте до этого.

По отработанной уже схеме наладили систему жизнеобеспечения, привели себя в порядок, девушки в своем жилом блоке, офицеры — в соседнем.

С продовольствием тоже был полный порядок.

В ожидании, пока появятся дамы, мужчины вышли на балкон. С него видна была вся территория базы, а также часть внутреннего рейда и ближние пирсы.

Ляхов, как старожил, всем все показывал и объяснял, попутно вспоминая, как именно и где они с флотскими развлекались, присовокупляя к своим личным впечатлениям услышанные из уст признанных специалистов флотской травли¹ забавные истории, связанные именно с этим местом и служившими здесь людьми.

Друзей он повеселил, сам же, хоть и смеялся иногда громче и раньше всех, не мог избавиться от мысли, что знакомые ему ребята и сейчас находятся рядом, возможно, проходят насквозь их виртуальные тела...

Прямо перед ними, пришвартованные борт к борту, стояли у пирсов корабли. Совсем так же, как прошлый раз, только поразительным выглядело безлюдье на них и вокруг. Корабль без людей на палубе выглядит куда мертвее, чем любое другое творение человеческих рук. Отчего так — не совсем понятно.

Вадим, чтобы отвлечься, начал называть их поименно, как запомнил из объяснений гостеприимных хозяев базы, а также основываясь на собственных познаниях, почерпнутых из громадной отцовской библиотеки по кораблестроению и военно-морской истории.

¹ Травля — специфический вид флотского фольклора, умение рассказывать анекдотические, но более-менее достоверные истории из военно-морской жизни.

Среди стоявших у стенок боевых единиц внимание Тарханова более всего привлекли большие мореходные торпедные катера типа «Страшный».

По сравнению с совсем маленькими «Г-15» прибрежного действия, больше похожими на прогулочные глисеры, и сторожевиками «дивизиона плохой погоды», традиционно называемыми «Буря», «Тайфун», «Туман» и так далее, по тоннажу почти уже эсминцами, для обслуживания которых требовался десяток офицеров и сотня матросов, эти выглядели в самый раз.

Так он и спросил у Ляхова: хватит ли их наличного состава, а также ума и способностей, чтобы вывести такой катер в море?

На подобную тему Вадим и сам задумывался неоднократно, и даже говорил об этом с Майей не далее как вчера, когда, увидев вдали море, она и выразила желание найти подходящий пароходик и дальше плыть на нем.

Но то были абстрактные рассуждения, а теперь все совершенно конкретно. Вот море, вот катера...

— У тебя же папаша моряк, неужели ты никогда не бывал на кораблях, не пробовал разузнать, что там и как?

— И бывал, и пробовал, в теории очень даже много чего знаю. Видел, как люди даже и тяжелыми крейсерами управляют...

— Ну и?..

— Видишь ли, друг любезный, главная проблема в чем? Нормальный мицман флота, окончив даже с отличием Морской корпус, где учат девять лет, попав на боевой корабль, полгода минимум только ходит, присматривается да инструкции зубрит под руководством старших товарищей. После чего сдает или не сдает экзамен на допуск к самостоятельному несению вахты по специальности. Управлять же даже такой вот посудинкой доверяют не иначе как года через три успешной службы, пройдя ступеньки «вахтенный офицер», «вахтенный на-

чальник», «помощник командира». Опять же после сдачи специальных, весьма сложных экзаменов. Отчего, ты думаешь, по штабам слоняются сотни каперангов и адмиралов, никогда в жизни даже буксиром не командовавших?

Примерно о том же самом, но применительно к судам гражданского назначения, он говорил Майе.

— Да ну, брось, — не согласился Тарханов. — Это, я понимаю, если действительно полным экипажем командовать и корабль в бой вести. А так, запустить движок и потихонечку, не выходя в открытое море, — какие особенные проблемы? Люди ж вон собственные катера покупают и плавают за милую душу.

В этом его поддержал и Розенцвейг:

— На самом деле, Вадим Петрович! Сергей Васильевич, по-моему, прав. Не может там быть что-то уж совсем непостижимое для трех достаточно умных людей. Научиться можно практически всему. Тем более время нас никак не ограничивает. А в свете всего, что с нами уже случилось, путь морем намного предпочтительнее. На таком ведь катере до самого Смоленска по Днепру подняться можно?

«Да что это они меня уговаривают? — удивился Ляхов. — Неужто действительно оттого, что вообразили крупным знатоком морского дела? Оно, конечно, так, я к этому делу ближе всех, хотя бы генетически. Оттого и сомнений больше всех испытываю, поскольку знаю, что почем. Ну а с другой стороны...»

— Подняться-то можно. При условии, что из порта выйдем, через проливы до Черного моря доберемся благополучно, его пересечем и вход в Днепр отыщем. Что не так уж просто, как вам кажется...

— Помнится из истории, — вкрадчиво сообщил Григорий Львович, — что древние греки, не говоря уже о финикийцах и прочих египтянах, свободно плавали куда хотели, постоянно держась в виду берегов. Соответ-

ственно, не нуждаясь ни в картах, ни в компасе даже. А в случае приближения шторма переживали его на земле.

Ляхов от всей души рассмеялся.

Нет, в самом деле, как гимназистку уговаривают: мол, ты только попробуй, ничего в этом страшного нет, наоборот, очень даже приятно.

— Да, господи! Вы что думаете, я жить больше вашего хочу? Ну, если так, какие проблемы? Ты, Сергей, в автомобильных и танковых движках сечешь, в катерных тоже разберешься. По крайней мере, на вид они почти такие же.

Я как-никак с яхтой управляться умею, сам плавал и видел, как другие штурвал крутят, ориентируются по компасу и береговым предметам.

Если очень просите, можно попробовать. Поначалу, конечно, в бухте и ближних окрестностях. Первый катер разобьем об стенку, на втором в остров въедем, третий, глядишь, и поплывет... Докуда, предсказать не могу.

На чем и сошлись, договорившись сегодня отдохнуть, поискать в служебных помещениях катеров соответствующие инструкции, наставления и прочую учебную литературу, а уж завтра с утра приступить к практическим занятиям.

...Завтрак, несколько запоздавший, но до обеда тоже не дотягивающий, исходя из текущего времени, и, значит, могущий называться ланчем, прошел хорошо.

Все в меру сил веселились, что было правильно. За исключением Татьяны, которая выглядела непривычно молчаливой и вообще какой-то сонной.

Поели, согрелись вкусным пуншем, который сварила Майя из португальского портвейна, яблок, разнообразных специй. Не боявшаяся почти ничего в этой жизни, она отчего-то очень опасалась простудных заболеваний, а этот именно рецепт считала панацеей.

К слову было замечено, что профилактика — дело правильное, и неплохо ее проводить постоянно.

Потом Тарханов с Розенцвейгом собрались побродить по базе с целью рекогносцировки и вообще рассеяться. Вадим поначалу собрался к ним присоединиться, но неожиданно воспротивилась Майя:

— Ни в коем случае. Тут территория в добрый квадратный километр, если что — кричи — не докричишься. И этот ваш — там... — она указала на окно, из которого виден был по-прежнему сидящий на солнечном пригреве у стены караулки Шлиман. В позе словно бы и ослабленной, но одновременно чувствовалось в ней что-то такое... Неординарное. Вроде как у медитирующего буддийского монаха или йога. — Вы гуляйте, можете и гостя с собой прихватить, чтобы от нас подальше. А Вадим пусть остается. Для опоры нашей и защиты.

Некоторые интонации в голосе подруги подсказали Ляхову, что спорить не стоит.

— Ладно, что ж поделаешь. Буду вас охранять и развлекать в меру сил...

Тарханов слегка пожал плечами — не поймешь, удивленно или одобрительно, — и они с Розенцвейгом пошли вниз. В окно Вадим увидел, как друзья придерживали шаг возле Шлимана, что-то ему сказали, после чего капитан в три приема, на долю секунды замирая в каждом из положений, встал и последовал за ними.

А обернувшись, успел заметить, что и девушки, ничего ему не сказав, заторопились в свою комнату. Он только захотел их окликнуть, просто чтобы узнать, как следует в этом варианте поступать ему, как Майя, приостановившись на пороге, сделала некий, не совсем понятный, жест рукой. И исчезла. Ну-ну... Однако подруга обычно ничего просто так не говорит и не делает. Значит, подождем, что она придумала еще.

Чтобы скоротать время и проверить кое-какие свои предположения, Ляхов спустился на первый этаж, к за-

городочке, где раньше сидела смотрительница гостиницы, по-иностранному выражаясь, портье. Закурил первую после еды сигарету и раскрыл в меру потрепанный журнал записи постояльцев.

Прежде всего он хотел в очередной раз проверить степень собственной нормальности. С нормальностью было все в порядке.

Отлистнув всего пять страниц назад, он увидел собственные фамилию, имя, отчество, вписанные в соответствующей графе от октября прошлого, 2004 года. Цель прибытия — служебная командировка, срок пребывания — такой-то, занимаемый номер — 2 «б». Выше и ниже — такие же данные ребят, с которыми он приезжал сюда.

Значит, что в принципе и так ясно, психом он не является. Вот и его собственная, трудно подделываемая подпись в нужной клеточке. И сразу все всплыло в памяти в совершенной яркости.

Да, приехали, поселились, причем хозяева специально подчеркивали, что номер, куда его поселяют, адмиральский, а поскольку настоящих адмиралов сюда черт не заносил какой уж год, а если бы и занес одного, сдуру, так не здесь он бы разместился, а совсем в других палестинах. Внезапный и ненамеренный каламбур вызвал общий смех, поскольку пребывали они сейчас именно в Палестине. Хотя и с большой буквы.

Почти у каждого из флотских «с собой было», и в холле трехкомнатного, совсем, даже по российским меркам, неплохого помещения разлили и выпили под апельсины нового урожая, горой лежавшие в вазе. Конечно, апельсины, даже самые лучшие, из Яффы, не закуска под казенный спирт, но пойдет.

Кто в армии служил — знает. Тут главное — правильно начать. А там, в ходе развития процесса, все само собой образуется.

Разумеется, тональность разговоров повысилась,

как только первые молекулы алкоголя преодолели гематоэнцефалический барьер¹. Естественно, тут же пошли необходимые шуточки в адрес единственного здесь сухопутчика, да еще и нестроевого, то есть Ляхова, его серебряных с зеленой выпушкой погон и медицинских эмблем. «Хитрый, как змея, и выпить не дурак» — это только для начала.

Потом кем-то было сказано, что здесь только пристрелка, а настоящие посиделки состоятся в кают-компании «Сокрушительного», заглянувшего по какой-то надобности в Триполи лидера² водоизмещением в четыре тысячи тонн. Оказалось, что приглашение последовало от старшего офицера означенного лидера, капитана второго ранга Ливитина-четвертого, который по должности на своем корабле являлся царем и богом в одном лице, а также — хозяином кают-компании.

То есть даже командир не мог в нее зайти просто так, без приглашения того же старшего офицера. Традиции, куда ж денешься.

Но еще до того, как собрались двигаться на «Сокрушительный», получилась совсем смешная история.

Как часто бывает в больших компаниях, когда выпивают не сидя за столом, а беспорядочно перемещаясь в пространстве, Вадим совершенно случайно вступил в дискуссию с беловолосым, на грани альбиноса, лейтенантом³.

Тот, горячась, объяснял окружающим, что не выиграл общевойсковое первенство только потому, что распорядители подсунули ему совершенно расстрелянный

¹ Биохимический барьер между кровью и мозговой тканью, нейронами, аксонами и т. п., препятствующий проникновению вредных веществ, токсинов и пр. Молекулами C_2H_5OH преодолевается легко.

² Лидер — тип военного корабля, нечто среднее между эскадренным миноносцем и легким крейсером.

³ Лейтенант в описываемом Российском флоте соответствует званию капитана 3-го ранга в нынешнем.

«ТТ». Мол, ствол у него болтался, даже если его просто потрясти в руке, не то чтобы на рубеж выходить.

Дело в принципе обычное. На соревнованиях по дульной стрельбе пистолеты выбирают из общей кучи, по жребии, и попасться может все, что угодно, но, как правило, оружие все-таки подбирается примерно одинаковое.

А такие разговоры Вадим слышал неоднократно. Что интересно, по преимуществу от проигравших. Это вполне укладывалось в известную поговорку о том, что мешает плохому танцору, а что — плохому Дон Жуану¹.

И не стал бы он вмешиваться в чужой разговор, но сотка граммов натошак уже произвела свое благотворное действие, а в офицерской компании все имеют право участвовать в общей беседе без специального приглашения.

— Вообще-то, — сказал Вадим, обращаясь как бы к своему коллеге, но достаточно громко, чтобы его услышали все, — люфт ствола у «ТТ» на точность стрельбы не слишком влияет. Ежели, конечно, кто умеет...

Пожалуй, говорить это не следовало, какое ему, в конце концов, дело. Но уж сказалось... И тут же он стал объектом неспровоцированной (ладно, мало спровоцированной) агрессии. Наверное, лейтенант был слишком уж возбудимым типом. Или выпил не одну, а больше.

— Кто это у нас тут такой умный? — прямо-таки медовым голосом поинтересовался он, оборачиваясь к Ляхову. — Вы, господин военврач? — Полюбовался на змей с рюмками на погонах Вадима, усмехнулся саркастически. — Я, допустим, понимаю, что, ежели кому клизму ставить, тут люфт особого значения не имеет. А боевое оружие — совсем другое дело. Знаете ли, миллиметр-другой на выходе из ствола на дистанции до цели превращается в десяток сантиметров...

¹ Пуговицы.

— Ну, если десяток... — Ляхов сам не понимал, чего вдруг его понесло на бессмысленный спор с незнакомым офицером. Лицо, что ли, его не понравилось, а скорее — тон. Нагло-важно-безапелляционный какой-то. — Если десяток сантиметров — это как раз практически молоко вместо яблочка... — сострил Вадим, еще думая, что на этом все и кончится.

Но, очевидно окружающие думали иначе, зная своего товарища чуть лучше, и сразу с нескольких сторон слышались голоса, предлагающие бросить эту ничемную тему, а лучше выпить, как полагается, раз гостей принимают все-таки. И отвлеклись, и выпили, и потом еще говорили о разном, но через несколько минут давешний лейтенант, описав сложный координат¹, оказался за спиной у Ляхова. Дальше началась сцена, близкая к первым главам «Трех мушкетеров».

Вадим не согласился, что нанес лейтенанту оскорбление, поскольку высказанное в пространство мнение о технических свойствах пистолета определенной марки никакого отношения к чести господина лейтенанта не имеет и иметь не может, поскольку они даже и не знакомы.

В ответ лейтенант сообщил, что его фамилия Веткин, должность — старший штурман ОБК², что он действительно проиграл соревнования, этим расстроен, заявление господина лекаря (Ляхова — услужливо подсказал Вадим) считает оскорбительным и желает удовлетворения.

«Однако!» — подумал Ляхов.

Тут же вмешался кавторанг Ливитин-четвертый, который все слышал.

— Господа (а ты, Веточка, особенно! — прошипел он

¹ Координат — маневр, при котором корабль, совершив некую эволюцию, ложится на прежний курс.

² ОБК — отряд боевых катеров.

сквозь зубы), — прекратите вы эту ерунду. Так все хорошо складывается. Сейчас позвонили, на лидере баня уже истоплена, париться едем. Какое там удовлетворение? Погреемся, пивка попьем, вот вам и полное удовлетворение.

— Нет, — с чугунной настойчивостью возразил Веткин. — Раз сказал — пусть отвечает. Еще пехота меня не обижала... Умеешь болтать — умей и ответ держать. Будем стреляться!

«Ну ни хрена себе! Тоже, Грушницкий нашелся. Это что же, придется этого орелика обездвигить пулей в колено, чтобы он сдуру в лоб пулей не засветил? Они все, похоже, на своих коробках малость того, от безделья, обилия металла вокруг и электромагнитных полей. Точно, как матросики кронштадтские в восемнадцатом году...»

К счастью, все оказалось не так сложно.

Лейтенант всего лишь желал немедленно отправиться в тир, где сухопутный доктор должен или доказать свое право рассуждать на означенную тему, или за свой счет угостить всех в ресторане. Пусть даже не в «Дамаске», пусть в «Шайбе».

На такую дуэль Вадим согласился охотно. Благо и тир был недалеко, и деньги, на случай маловероятного, но все же проигрыша, у него при себе имелись. Чего же не повеселиться?

Стрелять договорились каждый из своего оружия, что, конечно, в отличие от официальных соревнований, давало преимущество тому, кто регулярно пользовался пистолетом и правильно за ним ухаживал.

Вадим, разумеется, положенный ему по штату как нестроевому «ТТ» с первого дня службы держал в сейфе почищенным и смазанным, а повседневно обходился «рекомендованным» девятимиллиметровым «вальтером» образца 1935 года. (Было в Российской армии такое понятие — «рекомендованные образцы личного оружия»,

то есть официально разрешенные для ношения и употребления на службе, но приобретаемые за собственный счет.)

Лейтенант Веткин с флотским шиком носил в кобуре на длинных ремешках «Браунинг № 2».

Увидев пистолет Ляхова, лейтенант не мог не насторожиться, «штафирка», не имеющий понятия о том, каким образом попадают в людей те кусочки металла, что ему потом приходится извлекать, вряд ли стал бы тратить деньги на дорогую огнестрельную игрушку, причем достаточно тяжелую. Откуда моряку, если и выходящему за пределы базы, так только в составе комендантского патруля, знать, каково это — чуть не ежедневно мотаться вдвоем с водителем между разбросанными в горах гарнизонами. Тут не только «вальтер», тут и ручной пулемет пушинкой покажется.

Но отступать было поздно, да и подогретое чувство собственного достоинства, сопряженное с недавней обидой, заставляло лейтенанта верить, что реванш он непременно возьмет. Если не на первенстве флота, так уж здесь, на глазах друзей-товарищей.

Условия «дуэли» были простые. Дистанция двадцать пять метров, обыкновенная ростовая мишень для скоростной стрельбы, поднимающаяся внезапно и под любым углом на неожиданное время, то на секунду ребром, то на три фасом. Пять патронов дуэлянтам, затем подсчет очков. Все.

Вадим в такие игры играл с ранней молодости и знал некоторые приемы, которые вряд ли были известны сопернику. Причем выиграть он хотел настолько чисто и бесспорно, чтобы всем окружающим стало ясно, чем боевые армейские офицеры отличаются от флотских аристократов, для которых пистолет — просто игрушка, способ приятного препровождения досуга, а не последний шанс на выживание.

Этого он и достиг. Едва только под бетонными свода-

ми тоннеля, освещенного спрятанными в специальные ниши фонарями, стих грохот выстрелов и чуть рассеялся пороховой дым, секунданы кинулись к мишеням.

Все пять ляховских пуль легли не просто в мишень, а с элегантным изыском в то место, где у человека располагалась бы переносица. И все пробоины можно было накрыть серебряным рублем.

Веткин тоже попал неплохо, и если считать по очкам, так разница составила всего лишь четыре. Десятка центровая, десятка габаритная, две девятки, едва не ставшие таковыми, и последняя несчастная восьмерка, миллиметра не дотянувшая до белой линии девяточного круга. То есть, по реальному, стреляли они оба отлично, и будь перед каждым из них настоящий противник, живым бы он не ушел.

В спортивном же смысле победа Ляхова сомнений не вызывала, как если бы сравнивать чистый нокаут с победой по очкам. Нельзя сказать, что лейтенант Веткин расстроился. Он был просто раздавлен морально, видя усмешки товарищей, которые только что за него болели. Но, будучи человеком чести, он, сунув пистолет в кобуру, подошел и пожал Ляхову руку.

— Прости, капитан (в знак уважения он впервые назвал его не по фактическому званию, а по погонам), я действительно был не прав. Поехали в кабак. Только — как стрелок стрелку — поделись, в чем тут главная фишка? Я ведь тоже знаю, как целиться и когда спуск нажимать.

— Фишки никакой тут нет, — искренне ответил Вадим, — просто я одно время увлекался дзен-буддизмом. Ты все время думаешь о себе и о пистолете, а я — о мишени и пуле. Где им хочется встретиться. Стоит это правильно понять, а дальше уж они сами...

— Не понимаю, — честно сказал лейтенант, — ну и хрен с ним. Стреляю я все равно лучше всех прочих. А ты — это просто совсем другое дело...

...Воспоминания в очередной раз подтвердили, что жизнь он все-таки живет свою. Как бы оно ни выглядело со стороны. Даже если полностью согласиться, что был и другой такой же Ляхов, существовавший в параллельном мире, где Сема Бриман вырезал свое имя на алюминиевой фляжке, готовился демобилизовываться в прошлом году, террористы бродили по горам и попадали под огонь случайно вставших у них на пути русских офицеров.

Что из этого? — скажете вы мне. Я-то живу здесь и сейчас. Пусть в совершенно дурацком и неправильном мире, а разве вся окружающая Вселенная не дурацкая и не неправильная? Кто сумеет доказать обратное — готов угощать в любом кабаке, как угощал меня и окружающих проигравший в честной борьбе лейтенант Веткин.

— Чем это ты тут занимаешься? — полностью погруженный в свои мысли, Ляхов не услышал, как спускается по лестнице Майя. Впрочем, и мудро было услышать, поскольку шла она босиком, и из одежды на ней, за неимением халата, была надета белая офицерская рубашка на голое тело, едва спускающаяся до верхней трети бедер.

— Я думала, ты водку пьешь в одиночестве, а ты какие-то тетрадки листаешь, да так увлекся, что я уже сколько стою, ноги замерзли, а ты — ноль внимания.

— Извини, — вскинул голову Вадим. — Просто проверяю кое-что. И, знаешь, успешно...

Майя не стала спрашивать, о чем конкретно идет речь, сейчас ей это было неинтересно. Просто указала движением головы вверх и за спину, и Ляхов покорно поднялся. В самом деле, чем еще заниматься живым людям, хотя бы и на этом свете?

Оказывается, Майя не только успела уложить Татьяну спать, но и приготовила постель в одной из маленьких одноместных комнат, в стороне и за углом по отно-

шению к заранее распределенным между присутствующими номерам.

Вода в душе, на удивление, текла из кранов и рожка с полным напором, и горячая и холодная. Что было бы загадкой, если бы Ляхов не вспомнил, что эта база, как и Хайфская, снабжаются энергией от компактной ядерной электростанции, и что бы там ни происходило — в том мире, в этом или на границе между ними, — делящийся уран по-прежнему греет воду, пар от нее вращает турбины, обеспечивая энергией соответствующие объекты, включая и здешнюю теплоцентральный.

Хорошо, хоть так. Это позволяет надеяться, что ближайшие годы, как минимум до исчерпания межремонтного ресурса, они могут не беспокоиться о собственной судьбе. И холодильники работают, сберегая годовой запас продуктов для пятисот как минимум человек, и все технические системы, поддерживающие боеспособность базы и кораблей.

Скользнув к Майе под одеяло, ближайшие пятнадцать-двадцать минут он не задумывался больше ни о чем.

Соскучившееся по мужским ласкам тело девушки вело себя совершенно автономно от ее разума. Это вообще счастливое врожденное свойство, отнюдь не каждой женщине доставшееся, — великолепный интеллект, какой дай бог иметь хоть одному мужику из тысячи, жесткий, непреклонный в достижении цели характер, и одновременно темперамент, которому если уж дать волю, начинает работать на уровне инстинктов, с единственной целью — получить максимально возможное наслаждение.

Сегодня, как и в первый вечер их знакомства, будто забыв, какой мягкой, покорной и вроде бы малоопытной девушкой она изображала себя в постели на израильской базе, Майя превратилась в необузданную римско-греческую вакханку. Будучи при этом совершенно

★ трезвой. Тот бокал сухого вина, что она выпила за завтраком, на такие подвиги воодушевить не мог. Тут явно было нечто другое.

Майя не столько занималась достаточно уже традиционным для них делом, как пыталась таким образом избавиться от мешающих ей мыслей. И цели своей скорее всего добилась. Потому что следующие двадцать или тридцать минут лежала на спине в блаженной прострации, смотрела в потолок и обменивалась с Вадимом не слишком многое значащими словами. Пока вдруг не села на кровати, подтянув одеяло к подбородку.

— Значит, так. Я свою долю задачи выполнила. С Татьяны глаз не сводила, смотрела, слушала, размышляла. Иногда совсем легонько провоцировала...

Вадим ждал продолжения, но она замолчала, спрыгнула на пол, быстро, не предлагая ему отвернуться, оделась.

Это — интересный факт. Обычно она раздевалась, ничего не стесняясь, словно даже напоказ, но одевалась всегда или в темноте, или в другой комнате, или просто приказав ему закрыть глаза. В чем тут дело — неясно. Чем процесс последовательного закрывания тела должен быть более интимным делом, чем наоборот — ему не понять. Но какой-то смысл, пусть с чисто женской точки зрения, тут, очевидно, присутствовал.

Майя зашнуровала ботинки, притопнула по коврику, убеждаясь, что сидят они хорошо, затянула на поясе широкий ремень, опять превратившись в молодого симпатичного корнета или поручика, если волосы убрать под берет или каску, — не каждый и не сразу догадается, что перед ним девушка.

— И тебе хватит валяться. Сюда, конечно, наши друзья не вздумают ввалиться, я этот номерок специально присмотрела и ключ с доски незаметно взяла, но лучше ждать их в обычном месте и в полном порядке.

«Странно, конечно, вообще все, и это тоже, — думал

Вадим, — пять человек нас всего на целом свете, и все равно продолжают военно-спортивные игры. Никому мы, получается, не верим. За отсутствием широкого контингента по разному настроенного населения ищем работу в собственном коллективе. Как способ времяпрепровождения — неплохо, но вообще — погано».

Для полной непринужденности они устроились за круглым столом в холле, напротив двери номера, в котором спала Татьяна. Ляхов откупорил бутылку очень легкого сухого вина, которое выдается морякам в походе вместо воды, наструтал ломтиками слегка подсыхший голландский сыр.

— Ну, давай, специалист, излагай суть дела...

Майя указала на дверь, прижала палец к губам, после чего включила найденный здесь же магнитофон. Нормальный, марки «Тембр-5», в обтянутом серым дерматином корпусе, весом чистых полтора пуда, воспроизводящий звук с пятисотметровых бобин широкой ферромагнитной ленты. Качественно воспроизводящий, поскольку скорость движения ленты составляла целых тридцать восемь сантиметров в секунду.

Разумеется, те японо-китайские машинки из израильских казарм были в сто раз портативнее, но и звук, и громкость у нас лучше. Что и понятно — два динамика размером в пятак или четыре — с суповую тарелку. И — нормальные радиолампы вместо не пойми чего означающих латунных пластиночек.

Сами они сели по другую сторону аппарата, поближе к раскрытому окну. И захочешь — не подслушаешь, сочные аккорды джаза Олега Лундстрема надежно перекрывают их негромкие голоса.

— Суть дела, господин полковник, такова. Как вы и приказали, я Татьяной плотно занялась. До начала той вашей предутренней заварушки мы с ней немного поговорили на отвлеченные темы, потом мирно уснули. Проснулись под звуки боя. Там ты сам все видел. В транс-

портере она сидела, как внезапно чем-то тяжелым пришибленная. Некоторые говорят — пыльным мешком из-за угла. Вот что-то в этом роде. Готова отнести это на счет действительно шокового пробуждения и более чем незстетического зрелища плодов вашего героизма.

Вадим уже замечал за Майей такую особенность. Иногда, волнуясь, она начинала говорить каким-то подчеркнуто книжным, причем с пародийным оттенком, стилем. Вот и сейчас. Но перебивать не стал. Пусть выговорится.

— Я пробовала с ней разговаривать, как ты и велел. Получалось плохо. Ее знобило, речь была не слишком связной. Памятуя твои уроки, — тут Майя позволила себе усмехнуться, — я заставила ее выпить коньяка. Думала, глотнет из фляжки граммов пятьдесят — она выпила почти втрое больше. Правда — помогло. Хотя суть вопроса не изменилась.

Ругала свою дурацкую судьбу, повторяла, что нечего ей тогда было идти на эту встречу с Сергеем. Если бы не пошла — сидела бы сейчас дома, в Пятигорске, и все было бы хорошо...

— Стоп, — сказал Ляхов. — Вот с этого места отмотаем назад, еще раз помедленнее и поподробнее. Сначала — только факты. Затем — комментарии. Пошла, говоришь, на встречу с Сергеем? Как же это может быть? А?.. Ты первую трактовку помнишь, в изложении Тарханова? Случай же это был, роковой или счастливый, но случай. А теперь, выходит, — специально пошла? Ты ее об этом не спросила? — Вадим не на шутку взволновался.

Зацепка, нутром он чуял, что очередная зацепка обозначилась. Не зря он к этой девице с подозрением отнесся, с самого первого знакомства...

— Да не спросила, конечно. Только мне и было, что версии сопоставлять и проигрывать. Я, скорее всего, по-

думала, что о другой встрече речь идет, второй, не той, у Цветника...

— А о второй у них тоже договоренности не было, Сергей сказал, что на работу к ней зайдет. Сам. Вот оно как. Ладно, кладем закладку, поехали дальше.

— Потом она стала говорить, что никогда нам отсюда не выбраться, что все мы тут останемся навсегда. Это, кстати, отнюдь не признак и не улика, я и сама все чаще начинаю думать примерно так же. Единственно, твой оптимизм меня поддерживает.

— Ты ее не спросила, откуда в журнале та вырезочка взялась, не она ли ее и подложила? Слишком уж мало на случайность похоже.

Эта вырезка из русскоязычной газеты весьма его занимала. Отчего вдруг и как годичной давности заметка, повествующая о не слишком заметном событии на фоне ежедневно творящихся на Ближнем Востоке конфликтов и боестолкновений, оказалась в единственно нужное время в нужном месте? Будто специально кто-то ее приготовил, выжидая момент, выждал — и подсунул тому, кому надо.

— Этого я тоже не спросила...

— Так о чем же вы разговаривали два с лишним часа? Ты же специалистка, разведчица и прокурорская дочка, не знаешь, что ли, как клиента раскалывать?

— Ой, да сам ты, что ли, не понимаешь? В таком состоянии... Я все боялась, как бы с ней реактивный психоз какой-нибудь не приключился. И старалась не раздражать, наоборот, всеми силами успокаивала.

— Но все же узнала хоть что-нибудь полезное, хоть что-нибудь?

— Узнала... Не тогда, сейчас только. Пошли мы с ней в комнату, пошептались, я ей снова коньяку налила. Она выпила, прямо скажем, с жадностью...

Вадим собрался спросить, не тайная ли алкоголичка их подруга. Но воздержался. Наверняка ведь нет, иначе

он давным-давно это заметил бы. В стрессе девушка пребывает, и, как заболевшая кошка нужную травку находит, Татьяна тоже нашла свое средство.

— И начала со слезами признаваться. Дело тут вот в чем, оказывается. Лет пять назад она пыталась отравиться, естественно, от несчастной любви. Нет-нет, не к Тарханову, то дело давно проехало. Была у нее какая-то жутко романтическая история... Вот и глотнула она целую упаковку какой-то дряни. Откачали ее, но с неделю в реанимации она без сознания пролежала. И после того началось... То видения какие-то на грани сна и яви, то предчувствия вроде ясновидения. Особенно насчет бед и смертей, какие могут со знакомыми людьми приключаться. Она и к попам обращалась, и к психиатрам. Ничего не нашли, разумеется, ни те ни другие. Попы молиться советовали, врачи — таблетки и нарзанные ванны. Что касается Сергея: дня за два до встречи с ним она во сне, но с полной отчетливостью, увидела то ли демона, то ли ангела, который строго-настрого велел ей пойти тем самым вечером в Цветник, где ее ждет крайне важная встреча. Ну, она и пошла...

— Вот оно как, — Ляхов даже и не удивился. Одной непонятностью больше — какая разница, раз ввязались они в дела потусторонние? Но — близко, близенько... В коме, значит, девушка пребывала, клиническую смерть, похоже, пережила. А теперь — сюда, по второму кругу, получается, но уже наяву, попала. — И что? Родные места узнала?

— Нет, совсем нет, — Майя даже рукой замахала. — Если ты так подумал... Нет! Просто ей здесь все время очень тяжело. Сердце давит, по утрам просыпаться страшно, депрессия... А перед тем как покойники подошли, такие кошмары на нее навалились, она и вертелась во сне, и стонала, меня разбудила. И никак успокоиться не может, на Шлимана смотреть боится. Все ей кажется, что они ее с собой заберут...

— Картина ясна. — Вадиму не то чтобы легче стало, но происходящее укладывалось в рамки обычной клинической психиатрии. Как говорится, есть над чем работать. — Ты ей посоветуй, для начала, устроить Сергею ночь любви. Ну, вроде как мы с тобой. Сразу полегчает. А в море выйдем, так и вообще...

Майя улыбнулась несколько смущенно и слегка даже покраснела. Надо же, и с ней что-то странное происходит. Никогда она в Москве не стеснялась разговоров на такие темы, а сейчас — словно девочка, только что потерявшая невинность и не успевшая к своему новому положению привыкнуть.

— Я и сама ей почти то же самое сказала...

ГЛАВА 9

По ту сторону узкой Второй Мещанской стоял четырехэтажный дом, еще более причудливой архитектуры, чем тот, в котором обитал Бубнов.

Весь такой готический, устремленный в небо своими шпилями, башенками по углам, стреловидными витражами. Жили в нем какие-то непонятные люди, сверхмеры озабоченные собственной безопасностью, потому что парадный вход был заперт, очевидно, навсегда, а квартирующие въезжали на машинах прямо во двор, сквозь автоматические ворота в глухом кирпичном заборе.

А поскольку дом Максима нависал над своим визави тремя лишними этажами, то двор перекрывался сплошным пластиковым навесом, так что, кто приезжал, с кем и вообще все там происходящее было надежно скрыто от посторонних глаз. Добро бы, было это секретное пристанище спецслужб, так нет, обычное жилище семей примерно на пять. Это даже при несистематическом наблюдении установить было нетрудно.

И вот сейчас доктор обратил внимание, что в эркере четвертого этажа, обращенном в его сторону, что-то такое непонятно поблескивает. Прежде всего, конечно, он вообразил, не оптический ли это прицел? По привычной уже логике пуганой вороны. Да нет, не похоже.

Присмотрелся. Всего лишь парнишка лет четырнадцати, если не меньше, возится с любительским телескопом. Собирается, наверное, очередной звездный дождь наблюдать. Писали в газетах, что ожидаются сегодня — завтра, чуть ли не сильнеешие за последние полвека.

Оно бы и самому взглянуть любопытно, в детстве Максим астрономией сильно увлекался. Да где уж...

Выщелкнув с ногтя окуроч так, что он полетел по пологой дуге, слегка отклоняемой ветром аж до противоположного тротуара, Максим вернулся в кабинет. Пора бы и на самом деле поспать. И уже в постели поразмыслить насчет способов использования профессора Маштакова, гениального безумца. Да, безусловно безумца, а также и гипоманьяка, озабоченного сексуальными проблемами, «верископ» показал это однозначно, но ведь и технического гения, без всяких оговорок.

Бубнов считал себя крайне способным изобретателем, но лишь в пределах уже достигнутого человеческой мыслью уровня, Виктор же Вениаминович умел выходить настолько далеко за эти пределы...

Потому не слишком Максим горевал о судьбе товарищей. Раз Маштаков сказал, что ничего фатального с ними произойти не могло по определению, так оно, наверное, и есть. В самом худшем случае — это тоже слова профессора — они могут выйти к нам как напрямую, «из двери в дверь», так и из прошлого...

— Что значит из прошлого? — не понял Бубнов.

— То и значит. Ваши родители пришли к вам из прошлого, мы с вами сюда — тоже оттуда. Вот и они... Когда кто-нибудь придет к нам из будущего, это будет выглядеть совсем иначе...

Ну как на таком уровне можно спорить и что-то доказывать?

— На самом деле знаете, Максим, — доверительно сообщил ему Маштаков, — эта тема меня уже интересует гораздо меньше. Отработанный пар. Если найдутся достаточно сообразительные люди, они смогут дальше разрабатывать идею и без меня. Все, что возможно, я сделал. А теперь начал задумываться о том, что на базе моего транслятора вполне можно изготовить хроно-квантовый двигатель. Вы представляете, энергия времени будет непосредственно использоваться для нейтрализации пространства. Если, скажем, до конечной точки маршрута пятнадцать часов полета аэропланом со скоростью тысяча километров в час, то это, очень условно, конечно, может быть преобразовано в один час со скоростью пятнадцать тысяч километров и так далее, до нулей по обеим осям... И совершенно без всяких затрат энергии извне.

Попытку перевести разговор в очередной коллоквиум Бубнов пресек в корне, поскольку по заданию и ныне исполняемой должности вынужден был мыслить в совершенно других категориях. Он поставил Вениаминовичу конкретное, четкое задание со строго определенных санкциями, пообещав к двигателю вернуться позже.

Маштаков-то все равно числился в категории арестованного и подследственного, а Максим — представителем государственной власти.

С общечеловеческой точки зрения подобным образом строить отношения с коллегой было, безусловно, некрасиво, но с практической — чрезвычайно удобно.

А разве сам Маштаков в своей предыдущей, весьма успешной, но абсолютно аморальной жизни хоть раз задумался над нравственной составляющей собственной деятельности? Бубнов пожал плечами. Еще год назад эта тема вызвала бы у него горячий интерес.

★ В клубе медиков «Ланцет», занимавшем старинное здание прямо напротив Сухаревской башни, только и делали, что в промежутках между карточными играми и танцами спорили о нравственных аспектах своей профессии, а еще больше — о текущей политике.

Поскольку врач — это ведь не слесарь по ремонту человеческого организма, это носитель чего-то там эдакого... которому до всего есть дело. В том числе и до того, что никоим разом его не касается и касаться не должно.

Скорее всего, здесь имел место определенный комплекс неполноценности. Имея право копаться в человеческих кишках, ближе всех стоять к конкретным проблемам жизни и смерти, коллеги начинают воображать о себе черт знает что. И, не находя полного признания внутри профессии, толпами кидаются то в литературу, то в политику. Если пересчитать на душу населения, так и тех и других из врачей вышло гораздо больше, чем из выпускников иных узкопрофильных учебных заведений...

А вот теперь эти интеллигентские претензии казались Максиму смешными и жалкими.

Как, оказывается, мало нужно, чтобы в корне пересмотреть свои взгляды. Получить двухпросветные погоны на плечи и причастность к делам, не укладывающимся в примитивные схемы, выдуманные хорошими, но страшно ограниченными во всем остальном людьми.

Ну и ладно. Маштаковым займемся отдельно. По мере возникновения необходимости в его уме и услугах. А сейчас хватит. Заварить чашку крепчайшего кофе, который при нынешнем жалованье он может по «золотой» карточке привилегированного клиента заказывать в лавке на Мясницкой, тщательно оговорив сорт, размер зерен, качество обжаривания и степень помола.

Неплохо бы почитать перед сном хоть несколько страниц совершенно нейтральной книги. Чтобы не от-

влекаться на содержание и смысл, а исключительно наслаждаться самим звучанием, а также и внешним видом слов, напечатанных на бумаге.

Может быть, третью книгу мемуаров Паустовского, «Начало неведомого века»? Пожалуй. Интересно описанная одесская жизнь, с точки зрения интеллигентного русского человека, занесенного туда вихрем Гражданской войны. И прожившего там то самое время, которому посвящена не менее знаменитая книга Бабеля «Одесские рассказы». Написанная, в свою очередь, с точки зрения интеллигентного еврея.

Сопоставление само по себе интересное. При том что Паустовский был личным другом Бабеля и изложил свою версию сути и способов его творчества.

Максим только успел достать с полки знакомый, сильно затертый и потрепанный том, потянулся за вторым, стоящим по соседству, как в прихожей деликатно тренькнул звонок.

«И кто бы это к нам?» — подумал Максим, раздосадованный тем, что помещали ему как раз в тот момент, когда наступило желанное умиротворение.

Тяжелые и суетные мысли почти незаметно отошли на третий и четвертый планы, захотелось покоя, и он был так близок, так возможен.

Раскрытая постель, включенная лампа, бросающая круг света на подушку, проигрыватель, готовый опустить головку адаптера на диск с записями Эдварда Грига, пепельница и пачка сигарет на прикроватном столике, бутылка «Боржома», если вдруг захочется промочить горло. Все готово для отдыха, и вдруг — звонок.

Сосед ли, вздумавший обратиться по вопросу, который совсем не ко времени и не к месту, или запоздалый гость?

«А какие сейчас могут быть у меня гости? — мелькнула мысль, заставившая поднапрячься, невзирая на достаточную дозу расслабляющего напитка. — Если

только от Чекменева? А кто и зачем мог быть от Чекменева?»

Но ноги чисто автоматически вынесли его в прихожую, и он спросил, держась за головку замка, в микрофон переговорного устройства:

— Кто там? Чего надо? — достаточно невежливо, чтобы случайный человек устыдился и ретировался. Нет, точно, Максим был не совсем в себе, полагаясь на утонченные чувства человека за дверью.

— Откройте, Максим Николаевич. Я от командира, — раздался из динамика приятный и очень убедительный голос, которому просто нельзя было не довериться. — Срочный пакет. Даже и не для телефона, который вы все равно отключили...

Смутные сомнения у Максима еще оставались, поскольку ни о каких возможных пакетах речи не шло и все было договорено на завтрашнее утро, но руки сами собой замок уже сняли с предохранителя и оттянули задвижку. Дверь начала приоткрываться деликатно, человек с той стороны словно хотел окончательно убедиться, что ни угрозы, ни препятствия в виде цепочки нет, и вдруг изо всех сил ударил по ней ногой.

Эх, жаль, успел подумать Максим, что не переставлена она, как у нормальных людей, с распахом наружу. Так ведь пожарный надзор запрещает... Другие ставят, и ничего, а брат не стал, и он не озаботился...

И еще успел откинуться назад, избегая страшного удара в лоб, напручь спину, выставить вперед руку и колени, и когда уже коснулся спиной стены — подогнул голову к груди, чтобы избежать рокового удара затылком, кость там довольно тонкая, и последствия травмы обычно бывают тяжелыми.

Как у него все так ловко получилось, он и впоследствии не слишком понимал. Инстинкт самозащиты работал эффективнее, чем мог бы обеспечить разум.

Но все равно сотрясение организма было шоковой

силы, дыхание перехватило, и в мозгах слегка помутилось, но в целом — почти терпимо. В сравнении с тем, что могло быть, зазевайся он еще на пару терций¹.

Вломившийся в квартиру мужик был одет в форменный камуфляж, пусть и без звездочек или лычек на погонах, лицо его закрывала глухая, до самого рта, черная полумаска.

Мистер Икс какой-то. За ним еще двое, которым свои облики скрывать, очевидно, не было нужды. Зато — с автоматами.

— Ну вы бы поаккуратнее, ребята, — приподнимаясь по стенке, с сипением выдавил Максим.

Страх он, вопреки мрачному антуражу происходящего, не испытывал, даже наоборот, в ответ на акт агрессии появился некоторый кураж. Стрелять уже поздно, значит, придется ловить другие шансы. Не теряя присутствия духа.

Хорошо, уже почти год до сегодняшнего случая он общался с людьми, для которых такие происшествия — трудовые будни.

Как тот же Вадим Ляхов рассказывал, чем кончились его посиделки с другом в московском трактире, а также прогулка с Майей на пароходе.

Назвался груздем, говорят, полезай в кузов. В кузов чего? Бронетранспортера или грузовика, везущего пополнение на фронт?

Вопреки распространенному мнению, что водка расслабляет и оупляет, мысли и идеи мелькали у Максима, словно после пары таблеток бензедрина.

«Только опьянение надо играть убедительнее, даже не бояться «наигрыша», как говорят актеры», — поставил он сам себе режиссерскую задачу. Опасность была столь велика и конкретна, что спастись можно только максимальным напряжением воли и фантазии.

¹ Терция — шестидесятая доля секунды (лат. малоупотребимое).

— Зачем так резко дверь толкать, браток? — в голосе Максима прозвучала откровенная обида. — Зашиб ты меня...

Он оперся одной рукой о вешалку, второй потирал затылок (как раз совсем не пострадавший, но пусть думают), очень натурально покачиваясь и глядя на гостей ощутимо разбегающимися в стороны глазами. Невропатолог все же знает, как оно должно выглядеть. А запах изо рта был совершенно натуральный, и ополовиненная бутылка на столе в кухне должна добавить убедительности.

Однако кто они и что им надо?

Террористы из окружения Фарид-бека, недобитые и «недоловленные»? Как говорят на Востоке: «Обезьяна приходит за своим черепом?»

Человек в маске, аккуратно притворив за собой дверь и указав рукой своим помощникам в глубину квартиры, сгреб доктора за грудки, подтянул к себе, приняухался.

Максим с удовольствием выдохнул задержанный в легких воздух. Получилось хорошо.

— Ох, набрался уже, — возмутился главарь налетчиков и оттолкнул от себя на расстояние вытянутой руки. — А командир надеется...

Зачем-то игра продолжается. Впрочем, понятно зачем. Пока есть хоть малейший шанс, что Максим, тем более в своем нынешнем состоянии, будет верить, что пришли к нему все-таки от Чекменева, хлопот у этого господина будет намного меньше. Надо только ему еще подыграть.

— Да я свободно. Минутку, и все. Подумаешь, стопарик принял. Умоюсь, глоток кофе — и поехали. Он где нас ждет? В Малаховке? Так пока доедем, полный порядок будет, он и не заметит, если ты, друг, не стуканешь...

Стараясь держаться ровно, но для подстраховки касаясь вытянутой рукой стенки прихожей, Максим направился в ванную. Человек в маске ему не препятство-

вал, хотя и переместился скользющим шагом до самой двери, и невзначай выставленным ботинком не дал ей закрыться. Ну, это пожалуйста. Секретов у нас нету!

Бубнов пустил холодную воду сильной струей, умылся и фыркал старательно, как и подобает человеку в его состоянии. Потом принялся чистить зубы, временами икая и громко отплевываясь.

Шанс у него был единственный, причем не подготовленный заранее, а возникший в общем-то из-за его же небрежности, раздолбайства, попросту говоря. Как и всем офицерам — участникам проекта, ему тоже выдали переговорник, замаскированный под сигаретную пачку.

И как раз вчера Максим, желая принять ванну, раздевался и оставил на подзеркальной полочке зажигалку, пачку настоящих сигарет и эту, специальную.

Утром второпях взял другие, благо и сигарет, и зажигалок у него по всему дому хватало. Сам разбрасывал, приятели забывали... А сейчас этот непростительный промах — намек на выход!

Скосив глаз, он увидел, что масконосец отвлекся. В комнаты он смотрит, где его опричники громко и активно шурудят по шкафам и ящикам. Скорострельный обыск «на хапок».

А что у него можно искать?

Нет, искать-то можно многое, если неправильно представлять его роль и функцию. А найти? Совершенно нечего.

Денег он в доме держал самый жалкий минимум, к казенным секретным документам доступа сроду не имел. Все же написанные им самим, касающиеся «верископа», давно хранятся в капитальнейшем сейфе на базе.

Главное же, что «надзиратель» потерял интерес к его гигиеническим процедурам. Или был от природы неуместно брезглив. Все эти икания, сморкания, хлюпа-

ня носом, с трудом подавляемые Максимом рвотные спазмы его достали. И он убрал ботинок из-под двери.

Она тут же плавноенько прикрылась. В силу естественного наклона стен этого дома.

Вот он, шанс!

Совсем уже неприлично рыгнув, Бубнов дважды надавил известное место на пачке «Дюбека» и, прижав к лицу махровое полотенце, чтобы ни звука лишнего не проскочило, прошептал: «Здесь Тридцать третий (присвоенный ему в службе позывной). На меня налет. На квартире. Трое, с оружием, обыск. От имени командира. Больше впрямую говорить не смогу. Слушайте...» — уловил желанный ответ и тут же нажал кнопку еще раз.

Прибор заработал как чувствительный микрофон, транслируя звуковой фон происходящего (саундтрек как бы) на базу «печенегов», которые обязаны помочь и спасти от любой мыслимой опасности, как заверял его и Вадим, и сам Чекменев.

«Feci, quod potui, faciant meliora potentes!»¹ — полагаясь на подсказку Максим, распахивая дверь с лучезарным выражением лица человека, которому резко полегчало.

Он тщательно вытер полотенцем лицо, на глазах у стража обильно опрыскался крепким мужским одеколоном, причесался.

И вышел из ванной, вытаскивая из нагрудного кармана ту самую пачку. Наглядно так, демонстративно.

Встряхнул, чтобы выскочили до половины две (из шести настоящих) сигареты, протянул теперь уже совсем не страшному террористу.

— Закуришь? — и сам прихватил зубами крайнюю, пошарил по карманам, нашел зажигалку (все эти жесты на глазах противника очень его отвлекают и успокаивают), прикурил, пыхнул с наслаждением.

¹ Я сделал все, что мог, кто может — пусть сделает лучше (лат.).

— Не курю, — с легкой брезгливостью ответил главарь налетчиков.

— Зря, — и с легким сердцем сунул «Дюбек» обратно. — Ну, так чего командир велел передать, где пакет? — такой тонкий психологический штришок запустил Максим. Вроде как он с самого начала был в полном порядке, а того, что произошло между звонком в дверь и текущим моментом, словно и не было вообще.

Похоже, своим поведением он очень облегчал налетчикам задачу.

— Очень нужно, срочное дело, совсем срочное. Звонили тебе, звонили, телефон не отвечает. Испугались даже, вдруг случилось что? Сердце схватило или грабители... Вот сгоряча по двери и стукнул. Ты уж прости, друг... Поехали... — носитель маски, говоря действительно очень убедительным, мягким тоном, пропустив, впрочем, вопрос о пакете, начал теснить Максима к выходу.

— Да подожди ж ты, я сейчас, хоть китель надену, а то как же в рубашке? И сапоги...

Это ему было охотно позволено. Только вот из прихожей в комнаты, как он понимал, его тяжело дышащий под маской «друг» не пустит. Может быть, не успевали его ребята закончить хотя бы самый беглый обыск.

Интересно, а на что они рассчитывают?

Полторы тысячи книг на полках с ходу не просмотрить, провода от институтской электронной машины к нему домой не протянуты, а в ящиках стола — только общие тетрадки с отрывочными записями, не понятными никому, кроме него самого, да и то не всегда и не сразу.

Ну, пусть их.

Бубнов, уже абсолютно трезвый — а что вы хотите, такой напряг и пол-литра способен нейтрализовать, не то чтобы двести граммов, — натянул сапоги, прошелся по ним бархоткой, застегнул пуговицы кителя. Человек в маске не препятствовал его туалету и не возразил, ко-

★ гда Максим взял из ванной вторую пачку сигарет, но попытался загородить дверь в кухню, куда доктор было направился.

— Да мне еще надо, — он указал на шкафчик, хорошо видимый из прихожей, — курева припасти. Если опять ночь и день сидеть, мне не хватит, я ж по три пачки в день смолю, а у командира моего сорта никогда не бывает.

— Маньяк, — беззлобно буркнул террорист и отступил.

«Очень хороший признак, — снова прикинул Максим. — Я им безусловно нужен живым, целым, готовым к сотрудничеству. Да и как иначе? Людей моего статуса если захватывают в плен, то с конкретной целью. Непонятно, в данном случае, какой, но бить ногами и резать уши станут только в самом крайнем случае. Вот по ситуации и сообразим, какие у них планы и инструкции».

Сейчас же Максиму казалось важным рассовать по карманам как можно больше одинаковых сигаретных пачек, чтобы среди них затерялась та самая, единственная. Обыскивать, скорее всего, не будут, уже и так все видели, а если что — запутаются, хоть на время. А рация все будет гнать информацию и давать пеленг.

Он поймал себя на желании расхохотаться. Как же они, дураки, поймались! Но нет, стоп. Это опять грань истерики. Неконтролируемой. Истерика еще пригодится, поэтому запас эмоции следует приберечь.

Главарь налетчиков дождался, когда его помощники появились в прихожей. Морды, не прикрытые масками, да в них и не нуждающиеся, потому что запоминать там нечего, выражали легкое разочарование. Почему легкое? По той же самой причине. Отсутствие технических возможностей на изображение сильных чувств.

— Ничего нету, — разведя руками, доложил боевик, отличавшийся от напарника только длиной и оттенком прически.

Тут «Мистер Икс» слегка изменил тон, обратившись к Бубнову.

— А кристаллы ваши где, Максим Николаевич, программы всякие? — с надеждой спросил он. — Вы же обещали Игорю Викторовичу, что дома поработаете и завтра все будет готово. С чем же вы работали?

Не было сегодня такого именно разговора с генералом, за это Максим мог поручиться. Но какая-то схема работы с информацией у этих ребят налажена. Если слушать кабинет генерала и его телефонные линии от случая к случаю, пользоваться обрывками сведений от секретарей, не в меру разговорчивых в кругу заслуживающих (на их взгляд) доверия коллег, то при попытке реконструкции отношений Бубнова и Чекменева нечто такое можно вообразить.

Значит, будем подыгрывать. Сейчас главное — тянуть время. Операторы «Печенег» слушают каждое слово, поднимают по тревоге штурмовые группы, может быть, уже через несколько минут они будут здесь...

— С чего вы взяли? Дома я никогда не работаю, только в лаборатории. Здесь у меня ни аппаратуры, ничего. Да и литерный уровень, понимать надо. Наверное, вы не так приказ поняли. Если действительно такая срочность, поехали. Или свяжите меня с генералом, я ему сам все объясню.

— Значит, поехали!

«Неужели они действительно повезут меня на базу? Тогда я чего-то не понял. Ну, тем лучше».

Его деликатно, но решительно вытолкали из квартиры и даже позволили запереть дверь своим ключом. И бегом, бегом вниз по лестнице, минуя лифт.

Только на втором этаже вдруг задержались, распахнули неприметную дверь в глубине тупичка рядом с шахтой мусоропровода.

Сколько ходил Максим мимо, никогда на нее внимания не обращал. А был это черный ход, грязным изло-

манным коридорчиком выводящий во второй, потом и в третий внутренний двор-колодец. Из которого темная, воняющая кошачьей и человеческой мочой подворотня открывалась в глухой переулок между Второй и Третьей Мещанскими улицами.

Здесь ждали две машины: одна легковая, другая — небольшой автобус. Туда его и втокнули. Уже совсем не вежливо. Скорее — грубо.

Роль требовала у Максима спросить с соответствующим недоумением:

— Не, господа офицеры, это вы чего-то... Превышаете. Ручки придержите, пожалуйста.

Машина рванулась чересчур резко. Доктора, не успевшего сесть, качнуло. Пытаясь удержаться на ногах, он в темноте попал кому-то рукой в лицо, выругался, естественно, начал искать, за что бы зацепиться поосновательней. А в ответ его схватили сразу с нескольких сторон, за руки и поперек туловища, очень грубо усадили на жесткую скамейку.

— Теперь сиди и молчи, понял?

Для убедительности из темноты отвесили подзатыльник, и весьма тяжелый.

«Нет, суки, я вам еще нужен, убивать не станете, даже и усыпляющего не использовали, побоялись, что надолго одурею, поверх водочки-то...»

Реакция его была совершенно естественной. Не только старший офицер, оскорбленный хамством нижних чинов, но и любой московский парень — хоть со Сретеньки, хоть с Котлов, хоть с Марьиной Рощи — приучен был отвечать сразу. Если рассчитывал жить в уличном коллективе дальше.

«Ты не грози, ты делай!»

И драться полагалось до упора. В меру сил и возраста, конечно. В то ведь время, если кто не помнит, дворо-

вые компании составлялись из всех пацанов, достигших подходящего возраста. От семи- до восемнадцатилетних. Только если и первоклассником ты начнешь в острой ситуации размазывать сопли по щекам и плакать, старшие товарищи расскажут, каково живется в зоне «опущенным». А тюрьма тогда рассматривалась как вполне обычная, не слишком даже и страшная, перспектива. В нее можно было загреметь уже в тринадцать лет, а в армию — только в девятнадцать. Попробуй, доживи. То, что лично Максим ее миновал, это вопрос личного выбора. Но уроки дворовой, волчьей жизни даром не проходят.

И он ответил. Сначала носком сапога вперед, где рисовался на фоне лобового стекла контур человека, предложившего ему молчать. Потом каблуком под колено тому, кто цеплялся за правую руку. Рука освободилась, и Максим использовал ее со всей возможной эффективностью.

Пораженный в переносицу пациент завизжал совершенно непристойно. Кровь хлынула потоком, а к виду собственной крови он, очевидно, относился слишком уж трогательно.

Заодно Максим в полный голос выдавал весь набор матерных конструкций, которым обучился еще в невинном детстве.

И все время вставлял между непечатными словами другие, хотя и бессвязные на первый взгляд, но могущие хоть приблизительно ориентировать о происходящем тех, кто, как он надеялся, его по-прежнему слушает.

С точки зрения чисто медицинской его поведение выглядело вполне достоверно. Человек, долго и упорно пивший, в какой-то момент может перейти в стадию патологического опьянения и, внешне выглядя практически трезвым, на самом деле будет находиться в сумеречном состоянии рассудка. Поступки его в этом случае

★ становятся совершенно бесконтрольными и непредсказуемыми.

Хорошо, что в автобусе нашелся человек, способный к рассудочным действиям. Максима не стали глушить прикладом по затылку или прямо стрелять резиновыми или парализующими пулями. Просто вспыхнул мощный фонарь, направленный прямо в глаза.

— Вы что, псих, господин Бубнов? Отвечайте...

Голос из-за фонаря прозвучал удивительно спокойный, даже дружелюбный.

— Сами вы тут психи все! — мстительно ответил Максим, сплюнул прямо перед собой, не заботясь, на пол упадет плевок или заденет кого-нибудь. — Психи и сволочи! Так, что ли, с подполковником себя можно вести? Я вас, суки, запомнил. В лицо. Дальше сами думайте...

— Зря вы так, Максим Николаевич. Если вдруг вас невзначай обидели, так ведь можно понять. Вы, кажется, первый агрессию проявили?

Судя по тексту и тону говорившего, с ним пытаются наладить какие-то новые отношения. Похоже, вправду испугались. Превысили некие, позволенные им полномочия, а сейчас начали бояться...

Чтобы прояснить обстановку, Максим подпустил тщательно сконструированный в голове загиб:

— Вы, так вашу мать (тут полагалось вспомнить тринадцать поколений ее родственников, потом свести их в противоестественные отношения с половиной учебника по зоологии, переслаивая текст добротными рифмованными оборотами), не знаю, кто вы, чьи и откуда, но напоролись вы так, что даже мне за вас страшно стало. И прощения вам не будет... Уж я позабочусь!

После великолепной лексической конструкции окружающие молчали не меньше двух минут. Переварили услышанное, а то и пытались запомнить наизусть наиболее интересные пассажи.

Из-за спины Бубнова прозвучал запомнившийся голос человека в маске.

— Треф, что с ним толкуешь? Он же допился. В «белочке». Мы когда зашли, был уже тепленький, а когда его в ванну пустили, как бы еще не добавил. Они, алкоголики, в этом смысле очень хитрые. Везде заначки держат...

Его перебил другой голос, со скрытой болью и обидой:

— А засветил мне крепко, сука, надкостницу разбил, наверное... Каблуки подкованные...

— Отставить треп! — рявкнул голос из-за фонаря. — А пока... Черт, ну хоть что-то у нас есть? Хоть нашатыря ему понюхать.

— Откуда нашатырь? Водой можем облить. Или вон аптека. Давай я выскочу. Возьму чего-нибудь. Секунда дела. А то вдруг не довезем, своими головами ответим.

— Ладно, давай. Одна здесь — другая там. За углом подождем. Самое сильное, что купить можно...

Приоткрыв глаз, через лобовое стекло машины Бубнов увидел яркую вывеску, позволявшую прочесть табличку с названием улицы — Самотечная — и номер дома. Так, направление движения примерно ясно.

Но где же, черт возьми, помощь?

И тут же сообразил, что в ближайшее время ее не будет. Не может и не должно быть. На той стороне радиоволны ребята поняли, что его жизни ничего непосредственно не угрожает, и теперь они будут слушать разговоры и отслеживать процесс до самого места, а возможно, сколько-то времени и после. Чтобы не просто его выручить, а накрыть гнездо по максимуму. Значит, придется валять дурака еще довольно долго.

Щелкнула дверца, бегавший в аптеку вернулся.

Автобус опять резко взял с места и погнал в сторону Савеловского вокзала и Нижней Масловки.

Эту часть Москвы Бубнов знал не очень, однако представлял, что мест, где можно оборудовать конспиративную квартиру, предостаточно среди бесчисленной

россыпи мещанских и купеческих домов средней руки, а чуть дальше начинаются уже дачные районы.

За него взялись плотно. Сунули под нос здоровенный клоч ваты, облитый нашатырным спиртом, и он задохнулся, закашлялся, отмахивался руками, но на пользу это пошло, безусловно.

Потом заставили выпить какую-то пакость, оказавшуюся раствором янтарной кислоты, как сообщил тот, что бегал в аптеку. Это тоже не вредно, голова чище будет.

После гонки на большой скорости по широким улицам автобус еще минут пятнадцать-двадцать попетлял переулками и наконец остановился.

— Ну ты, пропойца, встать можешь?

— Дураки, я с самого начала встать мог повыше вашего...

«Время, выигрывать время, — колотилось в голове. — Спасение — в этом. И чтобы наши успели, и чтобы эти ко мне раньше времени интереса не потеряли. Если меня выручат, а их повяжут, то можно признаваться в чем угодно и что угодно обещать. Если нет — плевать, что после меня будет».

А когда уже его ввели в просторную, прилично обставленную комнату с опущенными шторами, он напоследок подумал: «Если убьют, тоже не сильно страшно. Я теперь знаю, как оно там. Может, Вадима встречу...»

Совсем недавно они с Чекменевым допрашивали турка, теперь другие люди будут допрашивать его.

«Веримейда»¹ у них нет и быть не может, значит, сначала уговоры, потом, возможно, какой-то наркотик или банальные физические пытки. Да нет, какие пытки, я ведь начну признаваться во всем и сразу. Все равно, если меня взяли для получения информации о технике,

¹ «Веримейда» — прибор для допросов, устроенный на базе «Верископа», буквально — «Правдодел» (лат. + англ.).

без моей аппаратуры слова — они и есть слова, неосознаваемый чувствами звук. Новую я им и за полгода не сделаю, если даже захочу.

Но дурака повалять можно славно. И долго. Чего же мне бояться?

Действительно, бояться пока что было совершенно нечего. Совершенно как в хорошем кино все происходило. А в хорошем кино с «нашими» ничего плохого случиться просто не может. Иначе — какое же это кино?

— Что, Максим Николаевич, удивлены, возмущены, оскорблены и немедленно потребуете объяснений? — со всей полагающейся мерой любезности спросил восседающий за ампирным письменным столом молодой, но не молодой господин, одетый прилично, но не броско. Нечто вроде охотничьей куртки с накладными карманами, под ней светлая рубашка без галстука. Прочие детали костюма из-за стола не видны, но Максиму представлялось, что ниже должны быть клетчатые бриджи и шнурованные ботинки до колен.

Так это лучше всего гармонировало бы с обликом джентльмена, с его короткой стрижкой ежиком и светлыми английскими усами. А также с многочисленными фотографиями охотничьих собак в круглых деревянных рамках на стенах и хорошо выполненной голове оленя с рогами, укрепленной за спиной хозяина.

Максим подумал, что опрометчиво так рисковать, принимая похищенного офицера Гвардии в собственном богатом и ухоженном доме. Или господин совершенно уверен, что они договорятся легко и просто, или пленнику вообще не предполагается оставить возможность что-то вспоминать.

Второе — маловероятно, остается посмотреть, на чем основывается первый вариант.

— Нет, — ответил доктор, глубоко вздыхая. По всей

★ логике, ему пора уже было в достаточной мере протрезветь и вернуться к своему обычному образу. — Нет. Не удивлен, не возмущен и не оскорблен. Поскольку постепенно начинаю соображать. Курить можно?

— Естественно. Я не желаю причинять вам ни малейших неудобств, кроме тех, что уже произошли. Разумеется, по моей вине, но вы уж как-нибудь меня извините... Пожалуйста. — Это последнее слово могло иметь отношение к предыдущим, равно как и к жесту, которым собеседник подвинул по столу в сторону Бубнова красивую кожаную папиросницу.

— «По вине» — «извинить», — Максим будто попросил словесную конструкцию на вкус. — Очень тонко и очень по-русски. Извинить — значит из вины вывести. Ну, допустим. Однако курю я всегда свои. Не люблю, знаете ли, без крайней нужды одолжаться...

— Ваша воля. А я не люблю без крайней нужды принуждать. Видите, какая у нас интересная филологическая беседа получается.

Максим достал из кармана свои сигареты, закурил, а пачку, повертев в руках, сунул обратно. Он все никак не мог понять, работает ли устройство или все его надежды тщетны. Должно бы вроде работать, обычно все приборы, состоящие на вооружении конторы Чекменева, отличаются высокой надежностью. Если, конечно, не считать установки Маштакова. Да и то ведь сработало, хотя и неизвестно, в какую сторону.

— Голова не болит? — сочувственно осведомился человек напротив.

— Спасибо, все в порядке.

— А часто с вами такое бывает?

— Какое — такое?

— Ну вот, чтобы срыв на фоне запоя? Вы же врач, вас это не настораживает?

— Никоим образом. Срыв-то мне устроили ваши прикурки. Так бы я принял свою дозу, почитал бы книж-

ку и лег спать. А по их вине пришлось пережить сильный стресс. Я, должен заметить, с детства отличаюсь крайне вспыльчивым характером и при малейшем «наезде», как у нас говорилось, прихожу в бешенство и кидаюсь в драку, не думая о последствиях. На Переяславке все об этом знали, и даже самые отчаянные парни трогать меня избегали. Помню, одному, лет на шесть старше меня, я кирпичом нос сломал и чуть глаз не выбил... А теперь я, как видите, не пьянее вас.

— Да, наверное, мои ребята этого не учли. А всего-то и дел было — пригласить вас в гости, побеседовать вполне по-дружески к возможной взаимной пользе.

— Не в пример проще, уважаемый, не знаю, к сожалению, как к вам обращаться, было самому заехать ко мне или пригласить меня в подходящий ресторанчик. Поблизости от моего дома их масса. И посидели бы, и поболтали, и никаких взаимных обид, а если б не договорились, разошлись к взаимному удовольствию. — И, чтобы слегка обострить ситуацию, Максим продолжил: — Одного моего приятеля не так давно тоже... Попытались обидеть. Плыл он на ресторанном пароходе по речке, а некие авантюристы вообразили, что с напуганным человеком легче разговаривать, ну и... повели себя излишне резко. Не слышали? Говорят, по Москве много разговоров об этой истории ходило. Ну, сами представьте: ночь, река, пароход со столиками по сто рублей и выше, а тут вдруг шум, вертолеты, прожектора, группы захвата. И вместо взаимной вежливости — кому тюрьма, а кому благодарность в приказе и премия в размере двух окладов.

— Да-да. Естественно, я о подобной истории что-то слышал. Только думал, там с чистой уголовщиной было связано, а это тоже политика, оказывается. Кстати, зовут меня Иван Васильевич, к вашим услугам.

— Рад знакомству. Нет, там была не уголовщина. Политика, от греческого слова «политике», то есть искусство управления государством. Когда отдельные персо-

ны в это самое «политике» вмешиваются, конец, как правило, бывает печальным. Поскольку самое плохое государство обычно располагает неизмеримо большими возможностями для борьбы с одиночками и даже группами лиц, на его, государства, прерогативы посягающими. Что нам неоднократно демонстрировала история...

Кажется, своей цели он добился. Достал до болевой точки. Ведь на самом деле каждый индивидуальный террорист и заговорщик, если он не полный дурак, постоянно задумывается о том, что бесчисленные агенты спецслужб вьются вокруг и вот-вот готовы обрушиться сверху, как коршун на цыпленка. Намек на случай с Ляховым тем более был к месту, поскольку свеж и нагляден.

А главное — уже, наверное, почти час крутится пленка записывающего аппарата на базе контрразведки.

И оборвал Максим пока еще дозволенные речи, чтобы не превратить тонкую, на грани срыва, но пока еще правдоподобную ситуацию в фарс. Очень вовремя он это сделал.

Потому что господин Иван принадлежал, похоже, к тому же типу людей, к которому самозванно причислил себя Максим. То есть легко переходящему от показной любезности к слабо контролируемой истерике. Как-то очень неприятно у него сузились глаза и запрыгали губы. Вот-вот — и кинется, вцепится скрюченными пальцами в горло.

Безусловно, маньяк параноидального типа, и все, что он изображал до этого момента, входило в образ, который он сам себе придумал и старательно культивировал. Иные люди умеют поддерживать избранную маску десятилетиями, изредка сбрасывая ее только наедине с собой или в пыточных камерах. И уж там релаксируя¹ на всю катушку, приводя в изумление² не только жертвы,

¹ От слова *релаксация* — расслабление, сброс напряжения (лат.).

² В данном случае не «удивлять», а «доводить до безумия», «лишать разума» (старорусск.).

но и ближайших помощников, если покажется вдруг, что нет в них должного рвения. Пожалуй, и псевдоним он себе выбрал на уровне подкормки, но верно.

А Бубнов, как ни крути, психиатр и психолог не из худших и с контрразведчиками накоротке общался. Которых ему же изучать и анализировать приходилось, поэтому нужный ход он нашел почти сразу. Точнее, все ходы он знал заранее, требовалось только найти необходимую точку наложения состояния пациента на подходящую схему. И соответствующий тон, конечно. И взгляд.

— Может, Иван Васильевич, мы с вами перейдем с ныне занимаемых нами мест вон туда?

Он указал на резной журнальный столик перед диваном в дальнем углу комнаты.

— Сядем, как полагается уважающим друг друга людям, именно вот так: вы — на торце, я — через угол, рядом с вами. Вы прикажете принести прохладительные напитки, а лучше кофе с коньяком или, еще лучше, с ликером типа «Бенедиктин» или «Шартрез». И поговорим, наконец, без всякой дурацкой дипломатии. Вы скажете, что нужно вам, я, в меру своего понимания, отвечу. Неужели вы до сих пор ничего не поняли?

В своем деле Максим был спец, это даже Ляхов признал, ознакомившись с его программами. Вдобавок владел искусством мгновенного гипноза и неоднократно им пользовался еще в прежней, чисто медицинской жизни. Поэтому сознавал, что сейчас этого делать нельзя ни в коем случае. Пациент, с его складом психики и достаточно высоким интеллектом, наверняка почувствует воздействие и среагирует крайне негативно. А если даже и нет, наверняка за ними сейчас наблюдают его сообщники. И нельзя ошибиться, самонадеянно представив, что там все такие же тупые ломовики, как те, что ворвались к нему в квартиру.

— Давайте, Максим Николаевич, — согласился Иван

Васильевич. — Знаете, от всей души вами восхищен. Вы только что довели меня до крайности и тут же изящно обратили все в нормальное упражнение из курса практической психологии. Вы где учились?

Бубнов сообразил, что собеседник еще сложнее, чем предполагалось поначалу. Что ж, тем лучше. Отчего и не размяться? Боксером он был посредственным, разряд когда-то получил, но к тому, что бьют по лицу, так и не сумел привыкнуть, хотя сам бил вполне адекватно. Зато в шахматах у него получалось лучше. А уж в преферансе... Главное — такая фишка поперла! Не помешал бы кто.

— Да где ж? А то вы не знаете? Исключительно на медицинском факультете МГУ. Нормальному человеку вообще незачем учиться сверх необходимого минимума. Самообразование дает намного больше. Вот, глядя на вас, я чувствую, что вы зачем-то осваивали курс психологии... э-э-э, сейчас догадаюсь... Пожалуй, в Сорбонне. У незабвенного Пиаже или кого-то из его учеников. Угадал? А сейчас, простите, мне будет позволено — в туалет? Прямо сил нет терпеть...

Сказано это было так вовремя и с убедительнейшим выражением лица, что очарованный научной беседой с коллегой Иван Васильевич широким жестом указал на дверцу слева и сзади от письменного стола. Никаких неприятностей он уже не ждал. Да и чего ждать?

Кабинка была удобная, оснащенная всей подобающей сантехникой, а главное, пневматической сушилкой для рук.

Под ее гул Максим, присев за бачок унитаза, чтобы поймать зону тишины, экранированную, в свою очередь, от подслушивания, смог наконец использовать аппарат по назначению.

— Кто меня слышит? Я — Тридцать третий.

— Слышим. Нормально слышим. Я — Первый. Дейлай, как делаешь. Мы рядом. Все правильно. Будет на-

до — войдем через пару минут. Но лучше работай до конца. Санкция на все!

Максим вздохнул облегченно. Теперь действительно можно делать и говорить что хочешь. Ничем практически не рискуя. А Иван его заинтересовал чрезвычайно. Да почему бы и нет. В заговоры, в конспирацию идут обычно люди неординарные. С мозгами, с мыслями, с идеями.

Раз все позволено, так, может быть, получится окунуться в совершенно чуждый, но интересный мир? Прямо по Достоевскому. Беда вот только — не удастся. Чекменев не позволит. Надо же программу «Верископ» осуществлять. И — уже завтра. Хотелось бы раздвоиться, так невозможно это, к сожалению.

К его удивлению, ситуация сломалась гораздо раньше. Без всякого участия генерала и его компании. Что-то у «пригласивших» его людей произошло, потребовавшее отстранить любезнейшего Ивана Васильевича от процесса. Или — было сочтено, что возложенную на него задачу этот персонаж выполнил. Поскольку, выйдя из туалета, Максим увидел за столом совсем другого человека.

Мужчина лет за пятьдесят, с заметной проседью в густых волосах и короткой, шкиперской бородкой, одетый в очень приличный костюм. Доктор отметил, что вид у него очень усталый и заметно подавленный. Будто он несколько ночей не спал и менее всего ему хочется заниматься еще и общением со столь скучным объектом, как сидящий перед ним.

— Здравствуйте, Максим Николаевич, — мягким, но тоже тусклым голосом сказал незнакомый, но явно высокопоставленный господин. — Надеюсь, вы извините меня за не совсем понравившуюся вам прелюдию?

— Так это была только прелюдия? Интересно, как будет «людия»? Иван Васильевич показался мне законченным психом, вы его сменили... С какой целью?

В окошко поглядев, решили, что та схема не работает? На ходу придумали новую? Ну-ну, с интересом послушаю...

— Успокойтесь, Максим Николаевич. Может быть, вы обижены не совсем вежливым приглашением?

— Если вы смеете называть это приглашением, то я с тем же основанием могу назвать вас, неизвестный господин, хамом и грубияном. Отнюдь не приличным человеком! — с истинным удовольствием произнес Максим.

С его опричниками он просто дрался, этого же гораздо приятнее достать словом, нежели каблуком.

— Я что-то не понял, — медленно, но с внезапно прорезавшимися металлическими нотками сказал господин. — С вами что же, обращались недостаточно вежливо?

— Вежливо?! — доктор даже привстал, выбросив вперед руку жестом Цицерона, обличающего Катилину в сенате. — Сначала чуть не убили в моей собственной квартире, учинили наглый, несанкционированный обыск в отсутствие ордера, понятых и даже меня самого, наверняка что-нибудь украли, потом принялись избивать в машине. Потом вот этот, что перед вами со мной беседовал, посматривал на меня совершенно людоедским взглядом. Я только и думал: сразу меня на дыбу потянут или все ж таки кофеек позволят допить. И это вы называете приглашением, любезнейший?

Господин выглядел потрясенным.

— Не может быть! Что это значит? — обратился он теперь к неизвестно откуда возникшему за спиной Максима носителю маски. Буквально пять минут назад его там не было. — И, кстати, что за глупый маскарад? Я говорю с господином Бубновым в своем истинном облике, а вы тут цирк устраиваете?

— Вам легче, Василий Кириллович. А у нас работа такая. Тем более этот господин уже пообещал, что он с нами разберется. По полной программе. Зная его друзей, я не уверен, что у нас хватит сил прикрыть свои зад-

ницы. Что же касается... Никто его и пальцем не тронул. Так, мелкие накладки вышли. Тем более что водки он был сильно перебравши и сам в драку полез...

— Я похож на пьяного? — по-иезуитски осведомился Максим у господина, названного Василием Кирилловичем. — Но если бы даже и так, что вполне позволительно в собственной квартире после завершения рабочего дня, это никоим образом не извиняет ни ваших мордоворотов, ни вас, пославшего таких придурков на противозаконное дело.

Интуиция подсказывала, что с означенным господином безопасно и даже желательно говорить именно в таком ключе. Хотя он по-прежнему не мог предположить, с кем все-таки имеет дело. Фигура важная, несомненно, но вот входит ли он в структуры княжеской власти, соперничающие с ведомством Чекменева, или представляет самостоятельную силу — туман.

— Я все понял, господин Бубнов. Приношу вам самые глубокие извинения за действия моих подчиненных. Обещаю, что все виновные, и прежде всего господин... ну, фамилия его и вправду вам ни к чему, будут наказаны моей властью, и самым строгим образом. Идите, все, что нужно, я скажу вам завтра... — это уже относилось к человеку в маске.

Тот без звука вышел.

— Чтобы вы не думали, что мы чего-нибудь боимся, я вам представляюсь. Бельский, Василий Кириллович, полномочный представитель Государственного прокурора России по Москве и Московскому округу. Своих же сотрудников не называю по естественным оперативным соображениям.

Вот оно что! О Бельском он слышал, от Вадима Ляхова, естественно. Интересные узелочки завязываются.

— Так что же вы, господин представитель, повестку мне не прислали? Я ведь тоже законы знаю, есть у вас такое право. Правда, по предварительному согласо-

нию с командованием округа, как я есть штаб-офицер действительной службы. А теперь, так сказать, юридический казус получается.

Произнося это научное слово, Максим подразумевал его общепринятое значение как столкновение двух правовых норм при отсутствии однозначного толкования о способе разрешения конфликта.

Прокурор, сразу поняв, о чем говорит собеседник, тихонько хихикнул.

— Прошу иметь в виду, что этим же термином описывается действие, содержащее внешние признаки правонарушения, но лишенное элемента вины, поэтому — ненаказуемое. Одним словом, еще раз прошу извинить меня лично. Я просто не сумел отчетливо представить, какими именно способами может исполняться мое, вроде бы вполне отчетливо сформулированное поручение. Экссесс исполнителя¹ случился, так сказать, рассуждая в пределах правового поля. Понесенные же вами неудобства я в меру сил постараюсь компенсировать.

Слова Бельского звучали очень искренне, и уж на него Бубнову обижаться совсем не хотелось. Такой он был человек. Заводной, но отходчивый.

— Ладно, ничего страшного, Василий Кириллович. Пусть вернут, что они там у меня на память прихватили, ну и испорченный вечер чего-то ведь стоит?

— Безусловно. Сделаю все, что в моих силах. Но давайте перейдем непосредственно к делу. Ночь коротка, как поется в романсе, и, надеюсь, если разговор у нас сложится, вы еще вполне успеете отдохнуть.

Прокурор начал говорить, и чем дальше, тем больше Максим испытывал доверие и, главное, сочувствие к

¹ Действие, совершенное лицом, выполняющим правомерное поручение, но по той или иной причине в ходе его исполнения допустившим превышение полномочий, иногда имеющее признаки отдельного преступления.

этому высокому сановнику. Пост у него действительно был значительный, и лицо свое ему скрывать не было необходимости. По своему положению он осуществлял государственный надзор за соблюдением Конституции, гражданского и уголовного законодательства на территории Местоблюстительства, обладал экстерриториальностью и мог быть отозван с должности только распоряжением Государственного прокурора. И никак иначе. А чин имел Тайного советника, что по Табели о рангах равнялось генерал-лейтенанту Гвардии.

Максим знал, конечно, что подруга Вадима Майя — его дочь. Но и не более. В свои личные отношения с Бельским друг его не посвящал. А, оказывается, они были.

Ляхов даже изложил прокурору некие детали использования «верископа» для проведения «кадровой революции», не вдаваясь, конечно, в техническую сущность. Более того, у Вадима с Василием Кирилловичем было достигнуто некое соглашение о сотрудничестве, что Максима тоже не касалось.

Зато Бельский был полностью в курсе того, что они с Ляховым друзья и в некотором смысле — соавторы. А теперь Вадим вдруг исчез вместе с Майей, и, невзирая на свои обширные связи и почти неограниченные возможности, Василий Кириллович ничего не смог выяснить о судьбе дочери и предполагаемого зятя.

Жена у прокурора давно умерла, Майя — единственный родной человек на этом свете...

Но вместе с тем он не может за личными проблемами забывать и о своем служебном и, если так можно выразиться, гражданском долге. То есть питерское правительство — это одно, а Родина в широком смысле — совсем другое понятие. Почему он к себе господина Бубнова и «пригласил». Чтобы узнать из первых рук, где на самом деле его дочь, и, что вторично, но тоже существенно, осведомиться, если отсутствие Вадима предпола-

★ гается долгим, как быть с ранее достигнутыми соглашениями?

— Вы же понимаете, что непосредственно к вашему Чекменеву я обратиться пока не могу...

Максим это понимал отлично. И вдруг впервые пожалел, что машинка работает, передает весь их разговор в штаб «печенегов», а оттуда, почти наверняка, как только оператор понял, с чем имеет дело, информация пошла Чекменеву непосредственно. Так и из этого можно извлечь свою пользу. Если правильно выстроить дальнейший разговор и собственную линию поведения.

Прежде всего, он попытался успокоить крайне встревоженного отца. Со всей степенью убедительности рассказал, что сейчас проводится крайне ответственный эксперимент (нет, не опасный, ни в коем случае), но сопряженный с длительной отлучкой в края весьма отдаленные. Причем начатый внезапно, по известным соображениям, и оттуда связаться с Москвой Майя не имеет никакой возможности.

— Ну, вы же должны понимать, сейчас у нас такая обстановка, и если люди работают не здесь и под соответственной легендой...

Похоже, объяснение хоть в какой-то мере Бельского успокоило. Просто исходя из самой простой мысли — случись непоправимое, ему бы сообщили. Тем или иным способом. Прокурор был человеком государственным, значит, по определению, с сильным характером и к личной теме больше не возвращался.

— А со вторым как быть? Видите, я с вами откровенен до предела. Просто потому, что верен ранее данному слову. Мы с Вадимом договорились, что ежели планы Великого князя действительно направлены исключительно на благо России и не предполагают несовместимых с честью действий, то я готов перейти на его сторону. В меру сил и возможностей.

— Не слишком рискуете, Василий Кириллович, де-

лая такое заявление? Если оно дойдет до Генерального прокурора, самого премьера, я не знаю...

— Вы же лично на меня доносить не собираетесь? Ну и слава богу. Что же касается остального... Ничего ужасного в любом случае не произойдет. Отставка, не более того. Так за свой пост я не особенно цепляюсь. В адвокаты могу пойти или вообще на покой. По миру хотелось бы попутешествовать, как частному лицу. Или розы на даче разводить, мемуары написать, с внуками позаниматься... Но это уже лирика. В данной конкретной ситуации лично вы что можете посоветовать? Согласитесь временно взять на себя функции полковника Ляхова?

— В качестве? — не совсем понял Максим. Жаль, что он не представляет, как там у них все было обговорено. Если прокурор имеет целью в какой-то мере поучаствовать в работе с «верископом», имеет свой отдельный интерес в этом деле...

Но он-то, доктор Бубнов, совсем не Ляхов по своему статусу, информированности, особым отношениям со службами Чекменева. И брать на себя некие функции на собственный страх и риск...

Так он и сказал Бельскому, раз уж решил быть честным в предлагаемых обстоятельствах.

— Нет-нет, ничего подобного. Я хочу только, чтобы вы выступили в качестве посредника между мной и вашим шефом. Ибо, как я уже сказал, мой нынешний статус полностью исключает какую-либо инициативу. Я могу его только совершенно официальным образом пригласить по конкретному делу. Для дачи показаний в качестве свидетеля или...

В принципе на это можно согласиться. Но как все оформить на практике? Уж от чего Максим всегда был страшно далек, так это от всяческих интриг. Даже на уровне коллектива медсанчасти, в которой прослужил пять лет.

— Хорошо, господин Бельский, я могу завтра же доложить генералу...

К счастью, его сомнения тут же разрешил громкий прерывистый писк, неожиданно прозвучавший в кармане рубашки, том, где и располагалось устройство связи.

— Что это? — от неожиданности прокурор вздрогнул, уставил в Максима взгляд, ставший мгновенно тяжелым и даже угрожающим.

А Бубнов уже понял — «что». Он на это рассчитывал с самого начала, хотя ожидал несколько иного решения. Но — начальству виднее.

— Минуточку. Кажется, это именно то, что вам нужно.

Достал из кармана пачку «Дюбека». Не зная, как прервать зуммер, просто еще раз надавил на кнопку включения.

Получилось.

— Бубнов, — слышался из-под картонной крышки тихий, но отчетливый знакомый голос, — передайте рацию господину Бельскому.

— Есть, Игорь Викторович.

Он протянул приборчик прокурору. Тот, похоже, был совершенно ошарашен. Никак не мог предположить, что его сотрудники, столько уже глупостей наворотившие, не сумели даже обыскать гостя, привели на сверхконспиративную квартиру с радиостанцией в кармане.

— Здравствуйте, Василий Кириллович, — услышали они оба. — Рад, что так получилось, хотя и экспромтом. Это Чекменев говорит. Вы очень легко и изящно решили проблему, над которой я сам уже быюсь не первый месяц. А так все сразу стало ясно. Отправьте, прошу вас, доктора домой со всем возможным комфортом, а я к вам прямо сейчас зайду, если вы не против. Предупредите охрану на входе...

— Сидите? Хорошо, — сказал Тарханов, когда они с Розенцвейгом вернулись с надолго затянувшейся прогулки по военно-морской базе и увидели мирное застолье Вадима с Майей. Спокойно сказал, без всякой иронии. Да и с чего бы иначе? Подсел рядом, глазами указал Розенцвейгу на соседний стул, потянулся к бутылке.

— Теперь и мы посидим, а ты там пойдй, спустись вниз, — сказал он Ляхову. По их лицам и общему облику было видно, что они порядочно полазили по кораблям, складам и вообще по многим закоулкам, которые в изобилии имеются на столь обширном объекте. Полосы и пятна масла на щеках, ржавчина, грязь, пыль и паутина на полах курток, локтях и коленях.

По сравнению с ними Вадим выглядел почти неприлично браво и щеголевато. Отдохнувший, выбритый, искупавшийся в душе.

— Нашли что-нибудь интересное?

— Нашли, как не найти. И катерок вроде бы подходящий, и из снаряжения кое-что, — ответил Тарханов. — Я там посмотрел, попробовал, с движком никаких проблем не будет. Горючего тоже завались. Завтра еще сходим, определимся окончательно. Думаю, получится, если ты не подведешь. А пока тебя приятель твой ждет...

Ляхов, разумеется, сразу понял, о чем речь. Но вот детали, тон...

— Отчего вдруг именно меня? Неужели вы с ним, Григорий Львович, в качестве земляка общего языка не нашли?

Вадиму показалось, что его слова подействовали на Розенцвейга как-то странно. Или они с Тархановым эту тему уже обсуждали и результат обсуждения оказался не слишком позитивным, или, напротив, определенного согласия они все же достигли, а теперь Вадим требовал-

ся им на роль некоего третейского судьи, чтобы составить независимое мнение.

Вообще сказать, происходящее вокруг нравилось ему все меньше и меньше. Единственное, что можно сказать в оправдание друзей — они в происходящем ориентируются гораздо хуже него, в силу иной психологической и профессиональной подготовки, и, может быть, до сих пор не способны взглянуть правде в лицо. Ему захотелось так все им и высказать. Мол, ребята, попали мы не просто за пределы своего времени, попали в мир, подчиняющийся совсем другим правилам, и в этом мире, очень может быть, даже мы с вами потихоньку перестаем быть самими собой. Отсюда и раздражительность, и ползучее, исподволь распространяющееся недоверие, а что может случиться в последующие дни и даже часы — трудно вообразить, исходя из имеющихся данных.

Но интуиция подсказывала, что такого говорить пока нельзя. Вдруг он ошибается, а в измененном мире даже самые невинные слова могут послужить спусковым крючком абсолютно непредсказуемых последствий. Лучше уж продолжать делать вид, что все идет, как обычно.

Хорошо хоть Майя пока не проявляет тревожных симптомов. Да и, если разобраться, мужики, может быть, в полном порядке, а главный здесь ненормальный — он. С полным букетом комплекса навязчивых состояний. И если удастся самого себя в руках держать, все пройдет, когда выйдем в море. Может, только на берегу столь опасная аура. А ребятам сейчас правильнее всего сходить в сауну, есть такая в соседнем домике, погреться, как следует, привести себя в нравственно-физический порядок, потом восполнить потерю жидкости пивом или чаем и забыться крепким здоровым сном.

Ляхов по-прежнему надеялся, что на отечественной базе, проникнутой русским духом, где последние годы

точно никто не умирал, тлетворное влияние загробного мира потеряет или хотя бы ослабит свою силу.

— Извините, Вадим, что так говорю, но капитан Шлиман мне совсем не земляк. В том смысле, какой вы, наверное, в это слово вкладываете. Пусть и невольно. До определенного момента мы с ним принадлежали к одному народу, так, но сейчас... А вот вы каким-то образом общий язык нашли. Хотелось бы верить, что к нашей пользе.

Ляхов расхохотался самым натуральным образом. Уж действительно слишком смешно и выпренно слова Розенцвейга прозвучали.

— Господин бригадный генерал, нет, ну ей-богу! Скажите уж прямо — ваш опыт разведчика подсказывает вам, что я за последние два часа общения с Михаилом Шлиманом в кабине грузовика завербован им и теперь работаю на стороне адских сил. Фауст, Мефистофель, ребе Лёв из Пражского гетто и Голем — все в одном лице. А полковник Ляхов у них на подхвате. Вы именно это хотели сказать?

А сам он в этот момент посмотрел в глаза Тарханову. Коротко, но очень пристально. Неужели и у Сергея крыша едет в том же темпе и направлении?

И самое страшное, что уже был готов и к такому повороту событий.

Но, слава богу, нет. Тарханов ответил совершенно нормальным взглядом, едва заметно пожал плечами и вроде как подмигнул. Мол, все нормально, не стоит брать в голову.

— Ты сходи, капитан тебя вправду ждет, говорит, что имеет соображения. Послушай, пообщайся, он для нас «язык» ценный. Только, знаешь, на всякий случай... — Из кармана куртки Сергей достал и протянул ему немецкую ракетницу системы «Верн», найденную, наверное, на одном из катеров. Поскольку входят они лет уже пятьдесят в навигационный инвентарь. Наряду

с гораздо более мощными парашютными ракетами и фальшфейерами. Два «ствола» калибром 25,4 мм, в каждом алюминиевом патроне термитная шашка с вышибным зарядом и трассером. Применяется в сигнальных целях, разноцветные ракеты летят высоко и светят ярко и долго.

Как оружие самообороны тоже недурно, на дистанции десять-пятнадцать метров по живому или не совсем живому человеку сработает надежнее штучера для охоты на слонов. Не сравнимо ни с каким пистолетом.

— Спасибо, но вряд ли пригодится. А вы действительно двигайте в баньку. Я там обогрев час назад включил, вас дожидаясь. С капитаном, думаю, не задержусь. Словом перекинемся, и подойду...

Майя глянула на него как-то странно.

Может быть, не понравилось ей, что собирается Вадим с мужиками париться, зная, сколько времени это занимает и во что может вылиться. Так, никогда он себе лишнего не позволял. Или по-прежнему боится остаться в пределах досягаемости Шлимана и в Татьяне не уверена? Скорее же всего — не хочет, чтобы он в одиночку отправился на беседу с покойником.

Легким движением руки он под столом коснулся ее колена, показал глазами: иди, мол, потом поговорим.

Кажется, никто из друзей этого не заметил. А если бы и да, так что?

— И ни о чем не беспокойтесь... Закуска и прочее в холодильнике, который в предбаннике стоит. Халаты и полотенца — на вешалке.

Он постарался, чтобы слова его не звучали слишком настойчиво. Не гнал он их туда, просто советовал, легко и небрежно. Похоже, желаемого эффекта достигнуть удалось. Он и сам, честно сказать, предпочел бы отправиться в сауну прямо сейчас, но куда не денешься, надо и не самые приятные дела до ума доводить.

— Только вот еще об одном, господа офицеры, посо-

ветоваться с вами хочу. Я пару часов назад, в целях проверки собственной адекватности, полистал журнал регистрации этой гостиницы. Как и ожидал, нашел запись о своем посещении сей обители. Именно в тот день, когда ночевал здесь действительно. Значит...

— Ну и значит, что дальше? — без всякого энтузиазма ответил Тарханов.

— А дальше, — прежним тоном, не желая терять кураж, ответил Ляхов, — мне вообразилось. Что, если я в этом же журнале напишу приказ дежурной немедленно доложить начальнику особого отдела эскадры (это входит в ее обязанности), чтобы он связался по такому-то телефону с вами, Григорий Львович, или с господином Чекменевым. О тексте сообщения можем подумать...

Тарханов, похоже, идеей заинтересовался, но не успел еще ничего сказать, как возразил Розенцвейг:

— Ничего не выйдет, Вадим, увы. Если бы такое было возможно, и Игорь, и я это сообщение уже получили бы. Само собой — в январе. Когда вы еще находились только в предварительной разработке. Следовательно, у этого мира с тем — связи нет. Иначе попробуйте, представьте, как бы мы с Чекменевым с вами разговаривали?

Ляхов рассмеялся. Мало книжек, за исключением служебных инструкций, его коллеги читали.

— Так вы это сообщение и не получили тогда, потому что возражаете против этого сейчас. Я вас послушаюсь, ничего не напишу, вы ничего не прочитаете и затеете свой дурацкий эксперимент в августе. Ладно, все это на самом деле глупости. Вы меня убедили...

Шлиман ждал его на скамеечке, всем своим видом демонстрируя буддистского типа отстраненность. А чего ж? В его-то положении.

Но с другой стороны, какое-никакое, а существование он продолжает, причем не в эфирной форме, а са-

★ мой что ни на есть телесной. И пусть не прикидывается — определенные интересы в этой «жизни» у него все-таки остались. Иначе зачем бы ему приглашать на беседу «живого», да еще и не вообще, а именно Вадима Ляхова.

Значит, сохранились в мозгу, или что там его заменяет, и замыслы, и эмоции, и предпочтения, и некоторая даже тактика поведения, обращенная, что ни говори, в будущее. Насколько уж продолжительное — не суть важно.

В противном случае глубоко бы ему было наплевать на людей, с которыми его свела судьба, и ни малейшего желания продлить свое с ними общение он бы не испытывал.

Ляхов поймал себя на мысли, что опять он оперирует категориями, к здешнему миру не применимыми по определению. А куда деваться? Иначе мыслить и чувствовать он просто не умеет. Не научился еще.

— Так в чем проблема, капитан? — в прежнем стиле спросил он, садясь рядом со Шлиманом и разминая сигарету.

Вот курить здесь он очень много стал, и курить, и выпивать, хоть по чуть-чуть, но почти постоянно. А что же вы хотите, каким еще образом душевное равновесие поддерживать?

Кстати, люди прошлых веков, еще не подпавшие под влияние врачей и прочих моралистов, сторонников здорового образа жизни, прибегали к указанному средству гораздо чаще.

Какой роман девятнадцатого века ни возьми, особенно из разряда приключенческих и авантурных, там на каждой странице: «Альбер снял с пояса кожаную флягу с коньяком и пустил ее по кругу».

«Выпейте, Меллоун, это вас подбодрит», — лорд Джон наполнил высокий бокал, плеснул в него содовой и подвинул ко мне».

«Дарби МакГроу, дай мне рому».

«Поручик Карабанов посчитал патроны в барабане револьвера и, готовясь к смерти, сказал: «Эх, и выпил бы я сейчас ледяного шампанского!»

Ну и так далее.

В подтверждение этих литературоведческих воспоминаний (а также, наверное, для того, чтобы убедиться в собственной идентичности) Вадим тоже глотнул из никелированной фляжки суховатого на вкус, припахивающего дымком ячменной соломы виски. Вообще, виски из горлышка идет намного приятнее водки.

Он прислушался к собственным ощущениям, убедился, что никакие вкусовые и идеологические aberrации¹ места не имеют. А ведь известно, что первый признак телесной или душевной болезни — именно нарушения вкуса. И обоняния. Табачный дым вдруг начинает пахнуть навозом, фиалки — чесноком...

После чего благожелательно кивнул капитану: мол, давай, излагай, я слушаю со всем вниманием.

— Я много сегодня думал, коллега, — тем же медленным, неприятно вязким тоном заговорил Шлиман. — И пришел к интересному, с чисто научной точки зрения, выводу. Все происходящее — я имею в виду сам факт моего в данном качестве существования и феномен так называемой загробной жизни, в которую я никогда не верил, — напрямую соотносится с появлением в этом мире вас. То есть вас лично и ваших друзей. Ничего подобного здесь до этого не происходило и происходить не могло по тем же самым причинам.

— То есть? — осторожно спросил Ляхов.

— При чем тут ваши «то есть?». Я, условно говоря, воскрес примерно в то же время, когда, по словам господина Розенцвейга, состоялся ваш переход оттуда сюда. Все те «умершие», — при этом слове он как-то стран-

¹ Абerrация — в общем смысле — искажение, отклонение (лат.).

но кашлянул, будто у него запершило в горле, — с которыми я оказался в одной компании, перешли в это качество тоже одновременно, плюс-минус полсуток, сутки. Никаких следов наличия поблизости экземпляров хотя бы недельной и более давности не обнаруживалось.

Звучало это убедительно и вполне научно.

Более того, капитан-биолог «очеловечивался» прямо на глазах. Всего лишь утром он выглядел неким зомби, причем — с ярко выраженным похмельным синдромом. Теперь же отличить его от живого человека, если не знать предыстории, можно было с трудом.

— И что из этого следует? На ваш взгляд? Проникнув через «завесу времени», мы, похоже, создали новую реальность? Каким же, простите, образом?

На самом деле разговор становился интересным. И хотелось его продолжать, невзирая на то что, по мере погружения солнечного диска за недалекий, затянутый дымкой горизонт, стало ощутимо холодать. Февраль все-таки, хотя и средиземноморский. В легкой камуфляжной куртке познабливало, но не приглашать же покойника в теплое помещение? Последствия могут быть самыми непредсказуемыми. Точнее, наоборот.

Оставался единственный способ поддержать равновесие между внешней и внутренней средой. Еще глотнуть из фляжки.

— Мне это тоже непонятно. Но наблюдаемые факты говорят сами за себя. Хотя бы такой из них — я на самом деле чувствую себя гораздо лучше. Намного лучше, чем даже когда мы с вами беседовали в машине. И, значит...

— Это наше на вас влияние сказывается? Исходящее от нас жизненное излучение или просто сам факт присутствия здесь?

Гипотеза Шлимана удивительно гладко ложилась на все, что сам Ляхов уже успел передумать. Включая его сомнения насчет первого контакта Тарханова с миром, увиденным в Пятигорске. И того, о чем он размышлял

уже здесь, особенно — после знакомства с заметкой в газете о собственном исчезновении. Пусть и из несколько иной реальности.

Но тогда, получается, почти совершенно синхронно этот мир начинает влиять на всех нас? Прежде всего, на Татьяну, потом на Тарханова, Розенцвейга, а там дойдет и до него с Майей? Обмен происходит? Пусть пока не разумов, но, может быть, и хуже? Сущностей? Убитый Шлиман вочеловечивается, а мы начнем развоплощаться?

Кстати, такой вариант в сказках и мифах тоже нашел свое отражение.

Значит, немедленно бежать отсюда? А куда? Похоже, единственно — в море. Подальше от всего сущего. Если только это желание — не еще одна ловушка, может быть — последняя. Но выбора все равно нет.

— Я не знаю, Вадим. Я говорю только о том, что чувствую и наблюдаю. И у меня появилась мысль. Может быть, я тут не один такой? Может быть, а скорее всего — даже наверняка, за последние дни в моей стране (я говорю именно о моей, потому что за ее границами трудно вообразить наличие достаточно интеллектуальных и одновременно толерантных к вам «существ») уже перешли в подобное мне качество еще два-три десятка... — он хотел сказать «людей», как догадался Вадим, но ограничился более нейтральным, — «персон». И — я пока боюсь это говорить — вдруг мы сумеем встретиться, как-то договориться и, возможно, основать здесь нечто вроде нового общества...

— Бросьте, не скромничайте, Микаэль, — махнул Ляхов рукой с зажатой в ней фляжкой, — вы сейчас говорите то, о чем я сам думал весь нынешний день. Именно это. Раз вы существуете, раз вы мыслите, способны к плодотворному контакту даже со мной, «с нами», — поправился он, — то естественным образом должны найти общий язык с «товарищами по судьбе». И, мне кажется, это будет грандиозно! — Вадим воодушевился. — Жаль

★ только, что питанием я вас могу снабдить только на первый случай. Вам-то самому хватит на полгода, если не больше. За это время, я все же надеюсь, мы сумеем добраться до Москвы и аппарата обратного перехода. После этого мы буквально завалим вас всем необходимым. И учредим здесь собственное консульство или даже посольство! А уж потом...

Размах планов Ляхова вызвала у Шлимана несколько меньше энтузиазма.

— А если вам выбраться не удастся? А я успею найти нужных людей? (Теперь слово все-таки прозвучало, но ни один ни другой не обратил на него внимания.) Той «пищи», что вы мне предложили одному, «сообществу» хватит на неделю, на месяц...

— Тогда? Тогда... — еще короткий глоток из фляжки, и очередное решение возникло само собой. — Тогда я вам объясню, где пролегает граница между этим и еще одним миром. Не нашим, но и не вашим. Там тоже Израиль, но какой-то другой. Там государственный язык — иврит, там в армии служат русскоязычные евреи, там самая сложная электронная техника производится в Китае и Корее. Вы себе в состоянии такое представить?

— Конечно, нет. Последние две тысячи лет иврит знало от силы полпроцента нашего народа, левиты, раввины и ученики иешив¹. Как можно переучить на безнадежно мертвый язык десять миллионов европейски образованных людей? Это то же самое, как вдруг Европа решила бы вернуться к латыни в качестве всеобщего языка науки и культуры. А Китай и Корея у меня ассоциируются только с соломенными шляпами, миской риса по карточкам и жутким количеством синих жирных мух. Я там как-то побывал в составе миссии Союзной организации здравоохранения. Но к чему-то вы мне это сказали?

¹ Иешива — еврейская религиозная школа, где изучают Талмуд и Тору, написанные на иврите.

— Всего лишь к тому, что там так все и есть, что граница эта преодолима без всяких физических приборов и, самое главное — тамошние гемостатические губки вы в состоянии есть и усваивать. И там этого добра очень много. А еще в холодильниках всего одной периферийной воинской части я видел десятки кассет настоящей консервированной крови. Всех групп...

Ему показалось, что Шлиман возмутится самым намеком на его сродство с вампирами. Ему и самому не слишком приятно было об этом говорить. Как врачу с пациентом, болеющим дурной болезнью. Но нет, информация была принята вполне благожелательно.

— Значит, если названная граница окажется проходимой и для нас, то проблем не возникнет на очень долгое время?

— Надеюсь на это. Кроме одной. Где-то там бродит довольно опасная и решительная группа выходцев из еще одного мира, теперь уже параллельного нашему «нормальному». Собирище абсолютно отвязанных наемников-мусульман. Хорошо вооруженных. Живых в полном смысле. И там они встречались с подобными вам, я думаю, и имели с ними серьезные конфликты. Немного ошибись, они стреляли в нас. Мы оказались лучшими стрелками.

Ляхов вкратце рассказал историю с чеченцем Гериевым.

— А дорогу я вам покажу. На карте. Машину возьмете, полдня — и вы на месте. Если, конечно, граница вас пропустит, — чтобы быть до конца честным, оговорил Ляхов. — Никакого представления о механических и физических свойствах этих миров я не имею, к сожалению.

— Спасибо и на этом. Интересно все же получается. Затевавший все это дело профессор Маштаков в итоге, тем или иным способом, своей цели добился.

— То есть? — не уловил смысла услышанного Ляхов.

— Ну как же? Мне очень долго и не слишком внятно рассказывал Григорий Львович Розенцвейг, что целью профессора было создать два изолята¹, где арабы и евреи могли бы жить, не смешиваясь и друг другу не мешая. Разве это у него не получилось, пусть и в несколько извращенной форме?

Спорить с таким утверждением было бы можно, но совершенно не нужно. Потому что Шлиман был прав в главном. Есть то, что есть. Как бы странно и моментами страшно это ни выглядело. И еще не высказанная мысль капитана стала ему вдруг ясна. Как ясно и то, для чего он затеял этот разговор.

Теперь — перехватить инициативу. Показать, кто тут лидер на самом деле.

— Значит, Микаэль, мы можем сойтись на таком варианте: вы здесь стараетесь создать нечто вроде общины «психически сохраненных», таких, как вы, и это должно получиться, по-моему. Соответственно, если не случится чего-то другого, о чем рассуждать просто бессмысленно, пока не располагаем фактами, эта структура может стать нашим здесь форпостом, протекторатом, если угодно... Не знаю, как вы решите практические вопросы ближайшего будущего, но, мне кажется, вполне прилично. Если бы не так — о чем вообще мы с вами разговаривали бы?

Ляхов себя чувствовал на коне. Пусть и на странном. Не поймешь, деревянный ли это конь карусели, строевой кавалерийский или тот, упомянутый в Апокалипсисе «Конь Бледный». Так на то и потусторонняя жизнь. Вообще неизвестно, действительно ли он сейчас остается тем самым человеком, которым был и неделю назад в Москве, и год назад в Хайфе. А вдруг он — это тот капи-

¹ И з о л я т — закрытая для проникновения извне территория, где свободно развиваются биологические виды, в другом месте подавляемые иными, более активными. Пример — «Плато Мепл-Уайта» из романа «Затерянный мир».

тан из газеты, пропавший без вести в бою на перевале, куда одновременно забрели и они с Сергеем?

В другом случае эти мысли способны были ввергнуть мслящего человека в глухую, беспросветную тоску.

Его же и сейчас они скорее веселили. Нет, ну на самом деле, кому еще доставалась такая интересная участь?

— Вы уверены, Вадим, что ваша идея нам понравится?

Слова Шлимана прозвучали для Ляхова если не холодным душем, то все равно чем-то неприятным, когда вдруг человек, с которым якобы достигнуто взаимопонимание, ошарашивает тебя дурацким, в лучшем случае, вопросом. В худшем же — когда видит дурака в тебе. Пришлось подсобраться с мыслями, хотя и занял этот процесс не более секунды.

— Извините, Миша, а мне отчего-то показалось, что идея была исключительно ваша! А если я таки ошибся... Хотите, мы сейчас встанем и уйдем? Все. Полковник Тарханов вроде как и катер подходящий уже нашел. Заведем дизеля и — «Прощай, любимый город...». Вам плапочком помашем. Как говорится: «Была без радостей любовь, разлука будет без печали».

— Остановитесь, Вадим. Не нужно еще и со мной начинать очередной тур вашего словоблудия. Иногда — изысканного, но моментами — утомительного. Помните, была такая книга: «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры»? Я только начал рассуждать, а вы уже все за меня решили. Допустим, я имел в виду почти то же самое, но неприятно, если вдруг тебя опережают в темпе.

— Вы же говорили, что любые эмоции вам теперь чужды. Если вам снова стали понятны такие категории, как «приятно» и «неприятно», это тем более обнадеживает.

Удивительная легкость владела сейчас Ляховым. Он чувствовал себя тем самым пролетарием из «Манифеста» Маркса, которому нечего терять, кроме своих це-

пей. Ему нечего терять, а Шлиману некуда деваться. Почувствуйте разницу.

— Хорошо, будь по-вашему. Не стану спорить. Именно такой выход из ситуации я собирался вам предложить. Естественно, никакого «протектората» не будет, просто по определению, как могут живые иметь какое-то влияние на мертвых?..

Вот, он сказал, а у Вадима уже вертелся на языке ответ. Могут, еще как могут. Фантазия у него была через край, бурным, что называется, потоком. Тот самый случай. На него атмосфера этого мира ощутимо действовала как наркотик или просто «веселящий газ», он же закись азота, но вдобавок Вадим обладал мощной психикой, устойчивой к всякого рода посторонним (и потусторонним) влияниям, а кроме того, еще старательно разрушал сейчас схему процесса такого влияния (если она, конечно, была, неизвестно кем придуманная). Используя для этого не только парадоксальный стиль поведения и мыслей, но и совершенно непредсказуемое воздействие на мозговые структуры грамотно выбранного алкоголя.

Грубо говоря, как он слышал от начальника связи своего полка, для подавления вражеской прослушки следует поверх несущей радиоволны с определенными свойствами включить ГСС¹.

Кто там планировал данную мизансцену — один из богов, «смотрящих» за этой территорией, демон, или дьявол, или некое реальное, высшее существо из иных измерений, — реакции Ляхова, а главное — очередной гениальной идеи, пришедшей ему в голову, предусмотреть он вряд ли сумел.

И в несколько ином свете смотрелся их якобы шуточный разговор с Майей, как раз насчет демиургов² все-

¹ ГСС — генератор случайных сигналов, прибор, используемый для внесения неопределенностей в тот или иной процесс.

² Демиург — в идеалистической философии Платона — созидающее начало, творец всего сущего.

го происходящего. Теперь бы выйти живым и здоровым из «предложенных обстоятельств», прорваться обратно, домой, а там мы вам еще такое покажем! Мало не будет! А значит, сейчас самое время «прикинуться шлангом», как в свое время говорилось.

— Да, само собой! Это ж я только так употребил, в смысле риторической фигуры речи. Не протекторат, просто союзная община духовно близких нам... — он занялся: как бы это сказать семантически точно, но без очередной обиды? — О! Реинкарнированных соотечественников! Звучит?

— Пусть будет так, надо же как-то все это сформулировать, — согласно кивнул Шлиман. — И если вы уйдете, сумеете пройти грань времен и вернуться, возможно, вас действительно встретит здесь нечто вроде новой, своеобразной, но безусловно дружественной общины... И если она за это время сложится, сможет существовать независимо от вашего здесь присутствия, тогда и состоится главный разговор.

— А вы, Микаэль, все-таки остаетесь где-то на позициях солипсизма? То есть мы здесь появились — появились и вы, в данном виде и качестве. Мы уйдем — не станет и вас? Вы ведь этого опасаетесь?

— Не исключаю и такой вариант, — вполне серьезно и с долей печали в голосе ответил Шлиман.

— Да ну вас, Миша, это ведь уже совершеннейшая ерунда! Вы просто всмотритесь в себя внутренним взором. Представьте: как это может быть? Вы есть то, что вы есть. Как там вы себя конкретно чувствуете и воспринимаете, сейчас не важно. Но предположим, что вы — только мое представление. Так это ведь только для меня! А кто, в таком случае, я для вас? Вы для самого себя? И как вы представляете свое исчезновение, если исчезну я? Как будто электролампочка перегорела и стало темно? Или как киноплёнка оборвалась в аппарате? Если это случится в близком будущем, то уже сейчас вы не

имели бы возможности ни говорить, ни думать, ни строить какие-то планы. Если вас не будет через час, вас нет уже сейчас! Вы поняли, о чем я?

— Кажется... — с видимым усилием ответил Шлиман.

А Вадим все не мог остановиться.

— Именно это я сообразил и осознал, ведя последний бой на перевале. Мне все стало очевидно и ясно. Если я сегодня буду убит, я не могу видеть все, что я вижу вокруг, я уже не могу чувствовать и думать. Потому что все происходящее имеет реальность и смысл только в том случае, если я это осознаю с некоторого отдаления, вспоминая, если угодно. Поскольку абстрактного настоящего не существует! Вы улавливаете ход моей мысли?

— Улавливаю, улавливаю. Вам бы надо было, Вадим, родиться лет на пятьсот раньше. Из вас вышел бы хороший схоласт, что христианский, что иудейский. Но мысль в принципе верная. Получается: если человеку суждено умереть — неважно, через какой промежуток времени — через час или через сто лет, — он все равно не может воспринимать окружающего и осознавать себя, как личность?

— Выходит, так, — радостно согласился Ляхов. — И именно поэтому вы, капитан, существуете сейчас, мыслите, помните все, что было с вами раньше, и продлится это — не знаю сколько, может быть — всегда. Оцените, до каких высот просветления может подняться человек, в частности — я, лежа под пулями и зверски боясь умереть...

Вадим вдруг снова задумался, тревожно огляделся по сторонам и еще раз приложился к фляжке.

— Так, может быть, именно там и именно я своим мощнейшим желанием выжить создал саму возможность существования мира, в котором данная гипотеза является аксиомой?

Безусловно, целью этого абсурдного диалога, почти

целиком, если не по сути, то форме построенным аналогично текстам писателей так называемого «потерянного поколения»¹, являлось желание Ляхова окончательно сбить с нарезки мозги (искусственные или естественные — не важно) того существа, которое могло за ними наблюдать или даже направлять ход событий.

— А если вы, Вадим, так же, как и я, умерли в свое время, а сейчас просто не можете вспомнить именно момент смерти? Меня убили так, что я видел это и успел прочувствовать, а вас убили внезапно, ваша смерть наступила быстрее, и вы о ней до сих пор не знаете. И продолжаете вести себя подобно живому...

— Здорово, Миша, это зверски тонко. Правда, мы окончательно перешли в ту сферу чистого разума, где абсолютно любое утверждение является одновременно истинно верным и настолько же ложным. Да, я умер и могу даже предположить когда. Но одновременно я ухитряюсь ощущать себя не менее живым, чем прежде. И даже испытывать намного более увлекательные приключения, как я их понимаю. Я пью водку и получаю от этого удовольствие. У меня появилось намного больше интересных и любвеобильных женщин, чем я имел их при жизни. Я, наконец, общаюсь с вами и вижу разницу... Так о чем грустить?

Кто его знает, вдруг именно так выглядит христианский рай? А если вам до сих пор не слишком нравится чувствовать себя мертвым, так вдруг это свойство уже вашего, иудейского представления о загробной жизни? Я, помнится, что-то такое читал. Вроде бы в вашей религии нельзя заслужить ни рая, ни спасения добрыми делами, личным мужеством или раскаянием в момент смерти. Неостроумно придумано вашими раввинами,

¹ «Потерянное поколение» — определение, данное писательницей Гертрудой Стайн прошедшим через ужасы Мировой войны персонажам знаменитых авторов 20-х годов 20-го века, Ремарка, Хемингуэя, Дос Пассоса и пр. И самим авторам тоже: «Мы все — потерянное поколение».

★ скажу я вам. У нас — лучше, ибо сказано: «Нет лучшей участи, как живот положившему за други своя!»

Если я так и сделал, то есть именно «живот положил», а к этому, безусловно, шло, значит, рая я удостоен автоматически, а если он выглядит именно так — значит, такой мне и положен, по делам моим и по должности моей... Наше христианство хоть и греческого происхождения, зато вся бытовая культура и психология — славяно-норманнская, и наши представления о загробной жизни — тоже. Иудейские или мусульманские представления о «рае» нас не вдохновляют, а вот виды Валгаллы, или «Страны удачной охоты», очень греют. Вы ж посмотрите, Миша, с каким азартом мы тут на бронетранспортерах носимся и из автоматов палим во все, что шевелится!

Ляхов снова весело рассмеялся и даже, в полноте чувств, хлопнул Шлимана по плечу. И тут же испугался: а вдруг рука пройдет сквозь воздух или, напротив, застрянет, как в жидкой глине в этой имитации человеческого тела. Но нет, плечо еврейского капитана было в меру твердым и даже, пожалуй, теплым.

— Хватит, Вадим, — очевидно, или этот жест, или предыдущие слова чем-то капитана задела.

Ляхову хотелось думать, что именно тем, что он не поддался неизвестно кем запланированному сценарию, а начал разыгрывать собственный. И реплики пошли не «в ту степь».

— Давайте пока закончим все это. Завтра, если вам удастся отплыть, я провожу вас. И попытаюсь заняться созданием здесь хоть какой-то общности из тех, кто на это способен. Если нет и идея солипсизма¹ верна — говорить вообще не о чем.

— Могу только согласиться с вами, коллега. Пусть

¹ Солипсизм — «буржуазная» теория философии, признающая существование только собственного «Я» и отрицающая существование внешнего мира.

мы и учились в разных учебных заведениях, но основы философского видения мира у нас почти одинаковы.

«Нет, что-то здесь на самом деле неправильно, — поставил Вадим работать ту часть мозга, которая оставалась у него трезвой всегда (не только в смысле буквальном, в процессе и после жестокой офицерской пьянки, а и в отношениях с женщинами, когда многие теряют голову абсолютно, и за карточным столом), — я так себя вести не должен. Я болтаю, я его провоцирую, я чуть не выдал главное, что пока дает мне шанс владеть обстановкой. Надо взять себя в руки, оборвать разговор и уйти, пока Шлиман или его кукловоды не опомнились».

— Да, конечно, Миша, тем более что я ведь уже совершенно пьян. Разговариваю с вами исключительно на автопилоте... — все это он выговорил, заставив свой язык стать косным и непослушным. — А где собираетесь спать вы? Или...

— Совершенно правильно, или... Спокойной ночи, Вадим.

— Взаимно, Микаэль... — Ляхов сделал несколько шагов по темной аллее, и вдруг его осенила очередная неожиданная идея.

— Подождите, Шлиман! Еще один вопрос, совсем уже последний. На сегодня... — существенная поправка, ибо жизнь приучила Ляхова с осторожностью употреблять столь опасное определение.

— Вы, с вашими экстрасенсорными способностями, общаясь со мной и с моими друзьями, ничего такого... не заметили?

— В каком, простите, смысле?

— Да в любом. Просто — вы воспринимаете нас, «живых», не совсем так, как подобных вам существ. Так вот, в ваших глазах и прочих органах чувств мы выглядим для вас совершенно одинаково или есть какие-то индивидуальные отличия? Я не о внешности говорю и не свойства характера...

Шлиман, кажется, понял, о чем говорит Вадим. И взглянул на него с каким-то новым интересом.

Маскируя охватившее его волнение, Ляхов снова закурил.

— Что же, вопрос вы задали интересный. Не знаю даже, имею ли я право на него отвечать?

— Неужели я задел какие-то этические принципы? Они уже сформировались в вашем мире? Или существуют априорно, как данность?

— Нет, не в этом смысле, я за вас опасуюсь...

— А вот этого не стоит. Каждый отвечает за себя. И если я вас спросил, значит, кое о чем догадываюсь, ведь так? Мне просто нужно избавиться от сомнений. Согласитесь, сомнения и взаимная подозрительность в наших условиях куда опаснее, чем достоверное знание...

— Вам виднее. Если просите — отвечу. Ваша Татьяна... В ней ощущается несколько иная сущность, чем в вас, Майе, в остальных. Нет-нет, она не из «наших»! Вы ведь пришли сюда все вместе? Или?..

— Разумеется, вместе, и там знали друг друга довольно давно.

— Ну вот. И тем не менее что-то в ней не совсем так. Какой-то особенный фон, я бы так выразился. Знаете, вроде наведенной радиации... Нет, точнее не могу объяснить. Она, разумеется, живой человек, но как бы не сет на себе печать, запах, ауру потусторонности... Извините, ничем больше не могу вам быть полезным.

И словно специально, чтобы подчеркнуть окончательность его слов, с неба тут же хлынул дождь. Хотя уже давно из окружавшего гостиницу сада наплывали волны тумана. Но в России такой туман мог перейти в нечто мелкое, нудное, морозящее и в то же время романтически приятное. Здесь же все-таки субтропики. И тучи над головой словно распороли штыком, и все, что там копилось, обрушилось на землю сразу. С крыши полило так, что мгновенно между Ляховым и

Шлиманом образовалась тонкая стеклянная стена. А уж водосточные трубы заиграли на все лады, словно органичные. Зависимо от их толщины и материала.

В эту, подсвеченную фонарями, шелестящую и хлещущую своими прутьями водяную муть и ушел капитан Шлиман, отнюдь не горбясь и не ускоряя шага.

В голове у Вадима, разумеется, пошумливало, но совсем слегка. Выпил-то он всего ничего. А то, что часто прикладывался, так старая ведь шутка — запрокидываешь голову, пьешь, жадно глотая, аж по подбородку и за воротник течет, бывало, но при этом языком затыкаешь тонкое горлышко фляжки, и в рот не попадает практически ничего.

В строгом соответствии со сказочной формулой.

То есть суть всей этой его игры, пусть примитивной, пусть наивной, в абсурдной и супермистической ситуации сводилась только к одному. При том, что выбор происходит из трех посылок. (Смешно — опять из трех. Все, всегда, в любой культуре — из трех.)

Если он обычен, нормален и попал в странную, но все же каким-то краем реалистическую ситуацию, его действия имеют смысл и способны привести к победе. Нет, пусть не к победе, пусть к тактическому выигрышу, и то хлеб. Если же он нормален, но ситуация на самом деле сказочная, мистическая или даже соответствует некоей материалистической, но иной реальности — и не с нашими слабыми понятиями в этой сфере вращаться, что ж, пусть будет так. Не выиграем, так хоть поиграемся.

И последнее. Предположим на минутку, что он в текущем моменте все-таки ненормален. То есть — напал на него реактивный психоз. Именно реактивный, поскольку органических поражений психики еще позавчера у него не было. Как врач, а также офицер, прошед-

ший полную диспансеризацию и признанный абсолютно здоровым, он был в этом уверен.

Что можно предпринять в таком варианте? Пойти к ребятам в баню. Не заходя в парилку — под душ. Сначала холодный, до дрожи в коленках и гусиной кожи, потом горячий, почти кипятком. И так раз пять. После этого — в сауну, в стоградусный жар, оттуда — в бассейн.

Варварская гимнастика нервов и сосудов, сбивающая любые посторонние комплексы. Доползти из последних сил до прохладного предбанника, растереться махровым полотенцем, долго-долго смотреть в глаза своему отражению в зеркале и при этом отчетливо артикулировать некоторые, известные только посвященным формулы.

Тут или забьешься в припадке, или окончательно убедишься, что с тобой все в норме. Как Вадим и предполагал изначально, эксперимент подтвердил его полную адекватность. По крайней мере — себе самому, очутившемуся в непростой ситуации. Ну а если загробная жизнь и в самом деле такова, то ни удивляться, ни жаловаться нет резона.

Через открытую дверь лоджии видно море, беспокойно шумящее, агрессивно набегающее волнами на берег. Докатываясь гребнями грязной пены до границ пляжа, оставляет на нем палки, щепки, длинные пряди водорослей. Неторопливо, обессиленно возвращается обратно. Вздохи моря перемежаются дробным грохотом перекачиваемой гальки. Сочетание этих различных звуков создает особого рода гипнотизирующий ритм. Говорят, Гомеру он подсказал форму гекзаметра.

Вадим, завернувшись в толстый банный халат, устроился в кресле с большой фарфоровой кружкой чересчур, наверное, крепкого кофе. А чего стесняться, чего беречься? И для чего? Это они там, нормальные люди на

своим спокойным берегу, пусть считают калории, грады и рубли. Мы же живем на пределе, на форсаже, создаем новые миры или готовы умереть за существующие. Чего ж еще?

Зато за идею, осенившую его в разговоре со Шлиманом, не грех и выпить, теперь уже не для маскировки, а по-настоящему. Вадим откровенно гордился сейчас собой. И налил из той самой, оставшейся практически полной фляжки.

Что? Не понравилась Шлиману идея протектората? Хорошо. А как вам, господа, если вы, конечно, еще не умеете проникать в мой мозг — понравится такая скромненькая идеяка?

Мы же теперь сможем засылать к вам нашу, подготовленную, заведомо снабженную всем необходимым и нацеленную на выполнение конкретных задач агентуру. Как летчик имеет парашют, так все наши люди будут теперь иметь запасную явку! Вы поняли где?

Просто теперь — если удастся, конечно, вернуться (тьфу-тьфу-тьфу) и нынешняя, открывшаяся Ляхову схема мироустройства не претерпит каких-то принципиальных изменений — можно будет с полным реальным основанием заняться тем, что испокон веку делали всевозможные шаманы, жрецы, армейские капелланы.

И почти параллельно с ними — старшие офицеры, руководители подразделений фронтовой и агентурной разведок. То есть готовить свою паству к жизни и действиям в том мире, куда им предстоит попасть в ходе выполнения боевого задания.

Только если священнослужитель любой религии, облеченный сколь угодно высоким саном или рангом, не мог сообщить напутствуемому в мир, «где нет скорби и воздыханий, а только жизнь вечная», никаких практических инструкций, а светский начальник, отправляя подчиненного в тыл врага, напротив, давал достаточно

четкие инструкции, называл пароли и явки, то Ляхов отныне имел возможность делать и то и другое.

То есть после определенных подготовительных мероприятий, которыми еще предстоит заняться, можно будет доводить до сведения личного состава, что, погибнув в бою, каждый окажется в такой-то и такой-то местности, где необходимо, отнюдь не впадая в панику, предпринять следующие действия: в одиночку или совместно с товарищами, павшими одновременно с тобой, добраться до известного пункта, где хранятся необходимые средства «жизнеобеспечения», привести себя в должный порядок, пройти период адаптации, после чего приступить к поиску действующих на данной территории организационных структур.

А о том, что следует из слов «покойника» касательно Татьяны и как себя вести в соответствии со вновь открывшимися обстоятельствами, мы подумаем завтра. На свежую голову.

ГЛАВА 11

Ляхов давно знал эту истину — в первый раз попробовать управляться на боевом корабле, пусть даже катере, а уж, упаси бог, на эсминце или крейсере, лучше всего в открытом море, не ближе десяти миль от берегов, камней и иных посторонних предметов. Причем здесь имелись в виду настоящие флотские офицеры, выбравшие ценз вахтенных начальников, не одну сотню часов отстоявшие на мостике рядом с командиром или старпомом, на уровне подсознания усвоившие, как и что получается делать. Наконец-то получившие допуск к самостоятельному управлению. И все равно.

Для тренировки он выбрал «Статный» — катер, стоявший ближе всех к выходу с внутреннего рейда. Чтобы как можно меньше маневрировать.

Два последних дня Тарханов, в соответствии со своим дипломом инженера по эксплуатации автобронетехники, копался в двигателях, изучал наставления и инструкции, касающиеся механической и артиллерийской частей. Для удобства будущего похода наклеивал бумажки с обозначениями назначения каждого прибора и рычага в ходовой рубке, допустимых положений стрелок на циферблатах, и так далее.

Вадим, в свою очередь, читал лоции всех лежащих на запланированном пути морей, выписывал на отдельных листах бумаги нужные береговые ориентиры, места опасных течений и «прочие опасности». По счастью, в штурманском столе нашлись многочисленные карты, на которых его предшественники — настоящие штурманы — прокладывали курсы и маршруты катера, по крайней мере, до входа в Дарданеллы. За этот рубеж интересы сторожевого отряда не распространялись.

Нельзя сказать, что Ляхов испытывал такое же сильное волнение и нервное напряжение, как настоящий моряк, впервые кладущий ладони на тугие обрезиненные рукоятки манипуляторов. Ему ведь лично ничего не угрожало: ни страх опозориться перед товарищами и вышестоящим начальством, ни отказ в долгожданном допуске к самостоятельному управлению и, соответственно, серьезными препонами в карьере.

Ему-то что? Если даже растеряется, не справится с кораблем, посадит его на камни или разобьет о стенку — какая беда? Попробует еще и еще раз. До результата, или пока катера на базе не кончатся. А все равно, такова, наверное, магия профессии. Об этом говорили все его знакомые, принадлежавшие к славной касте судоводителей. С чувствами, владеющими тобой на мостике, не сравнится ничто на свете. Управление самым роскошным и мощным автомобилем по сравнению с этим — дым и тлен.

Да он и сам это знал, походив по Финскому и Ботни-

ческому заливам на простенькой яхте класса «Летучий голландец». Но сейчас-то под ногами была палуба боевого катера водоизмещением почти в девяносто тонн, с двумя дизелями суммарной мощностью 8 тысяч лошадиных сил, способных легко выдать 35 узлов, а на форсаже и все 40, пожалуй.

— Ну что ж, давай начнем, помолясь, — сказал он Тарханову, занявшему место за пультом управления двигателями. Обычная ходовая вахта — три офицера, плюс рулевой в чине строевого квартирмейстера или унтер-офицера, им же придется управляться вдвоем.

Сергей осторожно подал вперед РУД¹. Тихо рокотававшие в машинном отделении дизеля ощутимо повысили тональность. Вибрация палубы стала гораздо ощутимее.

— Малый вперед.

Компасный курс на выход из бухты — триста девять с половиной. Вадим плавно потянул на себя левый манипулятор, осторожно направляя форштевень в достаточно широкий проход между оконечностью мыса и волноломом.

Тут ведь в чем главная хитрость — если стараться двигаться помедленнее (вроде как риска меньше), корабль теряет управляемость, плохо слушается руля, вступают в силу течения и ветровой снос. Прибавить — не зная маневренных элементов судна, инерции, реакции на изменение числа оборотов винтов, массы других тонкостей, известных только специалистам, в восьмидесяти случаях из ста означает аварию, если не катастрофу.

Вот и надо как-то так изловчиться, чтобы уловить эту золотую середину.

На морской простор они все-таки выбрались, пусть с берега маневры «Статного» выглядели довольно жалко, напоминая попытки сильно пьяного человека пройти по одной половице. Зато, когда главные опасности оста-

¹ Рычаг управления двигателями.

лись позади и распахнулся перед катером морской, ничем не ограниченный простор, Вадим повеселел. И даже несколько обнаглел.

— Средний вперед.

Тарханов подал рукоятку, по старинке называемую «машинным телеграфом», до указанной отметки.

Ускорение оказалось неожиданно резким. Катер присел кормой и приподнял нос. Стрелка лага живо побежала к восемнадцати узлам. Перед форштевнем поднялась бутылочного цвета разрезная волна, удивительно неподвижная. Она как бы прилипала к корпусу катера, проносясь вместе с ним мимо остальной толщи воды, медленно изменяя форму в гребне и в изгибе, но оставаясь все время той же самой — шипящей, отороченной пузырьками белой пены. Волна стояла под мостиком неотрывно, как часть корабля, и смотреть в ее живую глубину было спокойно и приятно.

— Идем, Серега! Смотри, как идем, красота! — Ляхов не мог сдержать распирающего грудь восторга. — А ну, еще прибавим!

— Стоит ли? — Тарханов отчего-то не разделял его восторга и эйфории. Может быть, потому, что сидел за своим пультом почти как простой пассажир, не уловив еще прелести капитанства. — Восемнадцать узлов, по моему, в самый раз. Большинство каботажников и того не делают, насколько я знаю.

— Так то ж каботажники! Ты еще портовый буксир в пример поставь! А это — настоящий корабль! Интересно, как на тридцати будет...

— Кончай, — не поддался на провокацию Тарханов. — Раздухарился ты не в меру. Будет еще время. Ты бы лучше разворачивался да попрактиковался в гавань входить-выходить, сообразил, как на этой штуке тормозить, по-сухопутному выражаясь...

Ляхов понял, что товарищ абсолютно прав. Если они собираются плыть, подобно древним мореходам, в виду

★ берега, от мыса к мысу, останавливаясь на ночевки в подходящих бухточках или встреченных по дороге портах и гаванях.

Здесь главное — именно умение проходить узости, не впереться на отмель или подводные камни, швартоваться к пирсам, становиться на якорь. А следовательно — на зубок знать, когда и на каком расстоянии от берега следует переходить с «малого вперед» на «полный назад», заранее представлять, как себя при этом поведет корабль. Чувствовать инерцию судна, нутром представлять радиусы циркуляции на каждой заданной скорости. Помнить к тому же, что при глубине под килем менее четырех, кажется, осадок корабля мощность двигателей падает вдвое и руль ведет себя совсем не так, как на чистой воде. А уж насколько все усложняется, если в море не штиль, а волнение, меняющий при изменении курсов направление и силу ветер...

Вадим вдруг вспомнил, что на дворе стоит, скорее всего, февраль в самом начале, и нынешняя тихая и теплая погода — не более чем атмосферная аномалия. Впереди наверняка предстоят еще и шторма, и метели, особенно по мере продвижения на север.

Романтическое настроение само собой улетучилось.

В принципе доктор на мостике у штурвала — это примерно то же самое, что штурман со скальпелем у операционного стола.

— Все так, командир, спорить не с чем. А все равно жалко. Сейчас бы врубить на полный, узлов под сотню, — и через сутки мы в Стамбуле! Глядишь, и погода испортиться не успеет... Скучный ты человек. Ну хорошо, пошли, будем пробовать до места швартануться.

Входить в ковш гавани оказалось намного страшнее, чем выходить из него в открытое море. Когда, издегав дизеля на реверсах, Ляхов все-таки приткнулся к пирсу, тельняшку можно было выжимать.

...После четырех дней непрерывных тренировок Вадим решил, что кое-что у него начало получаться. И ему уже не хотелось бросать здесь «Статного», с которым он почти сроднился. Чем-то вроде предательства это пахло. Первый корабль — это как первая любовь. Сначала страшно, сердце колотится и руки дрожат, а потом все как-то образуется почти само собой.

Так и здесь. Упражняясь в швартовках, он всего три раза не слишком удачно прижался к стенке, да и то без особых последствий. Два раза стер краску до белого металла на левой скуле и снес крышку клюза, а один раз грубо навалился кормой, прогнул транцевый лист, но винты, слава богу, не повредил.

Однако решено было идти домой на «Сердитом», систер-шипе¹ «Статного», который был поновее, а главное — с большим вкусом и комфортабельнее отделан.

Пока Вадим осваивал искусство кораблевождения в одиночку, Тарханов, Розенцвейг и девушки старательно и увлеченно обустраивали корабль, который должен был стать не только средством передвижения, но и домом на несколько ближайших месяцев. А то и... Но об этом думать не хотелось. И не полагалось.

Катер был тщательно, в меру возможности и квалификации его и Тарханова, подготовлен к дальнему походу в техническом смысле. Дизеля проверили на холостых и полных оборотах, во всех картерах, цилиндрах гидравлических устройств на всякий случай сменили масло, от береговой станции довели до нормы заряд аккумуляторов и давление в воздушных баллонах и углекислотных системах пожаротушения.

Само собой, боевой катер — отнюдь не прогулочная яхта, которая при равном и даже намного меньшем во-

¹ Систер-шип — однотипный корабль-близнец (англ.).

доизмещении способна была обеспечить своих пассажиров приемлемым комфортом для трансокеанского, а то и кругосветного путешествия.

Автономность катера, то есть срок нахождения в море на переходе или при выполнении боевой задачи, по замыслу конструкторов, не превышала одной недели. Поэтому удобства жизни на нем были самые минимальные. Все, что касалось условий обитаемости людей, заведомо принесено в жертву военно-технической целесообразности. Весь объем корпуса и надстройки был до предела напичкан орудиями уничтожения себе подобных, боеприпасами, приборами и оборудованием, предназначенными для обеспечения бесперебойного функционирования боевой техники.

Кем-то из флотских теоретиков еще в середине девятнадцатого века было сказано, что боевой корабль — всего лишь платформа, предназначенная для доставки артиллерии к месту сражения.

Матросский кубрик на десять коек, шестиместная кондукторская¹ каюта и две офицерские двухместные были втиснуты в самые неудобные, ни для чего иного не пригодные закоулки корпуса. Между машинным отделением, артиллерийскими и торпедными погребами, цистернами с водой и топливом, отсеками гидрофонов и иными служебными помещениями. Под подволоком и вдоль переборок тянулись пучки разноцветных труб, электрических кабелей, в самых неожиданных местах располагались вентили, клапаны, распределительные коробки. Пока не запомнишь на уровне подкормки, где что торчит, шишек и ссадин набьешь бесчисленно.

В камбузе еле повернуться одному человеку, электрическая плита — как в холостяцкой квартирке. Чай-

¹ Кондуктор — звание корабельного специалиста, промежуточно между офицерами и матросами, аналогичное нынешнему прапорщику или мичману флота.

ник вскипятить, консервы разогреть. Если кастрюлю супа из концентратов — желательно в штиль или на якорной стоянке.

Особенно же расстроил девушек галльон. Мало что один на всех, расположен в самой корме, над дейдвудной трубой, между бортом и румпельным отделением, на непрерывно вибрирующей площадке, так еще и узкий настолько, что требовались специальные тренировки, чтобы сделать свое дело, не набив синяков на локтях и копчике. И это на стоянке. Что же будет на ходу?

Всего лишь два места на «Сердитом» в какой-то мере отвечали представлению цивилизованных людей о комфорте. Капитанская каюта вплотную соседствовала с ходовой рубкой и сообщалась с ней, чтобы и лишней секунды не потратить, если потребуется личное вмешательство командира. Не люкс, конечно, но вполне приличное помещение. И поспать можно, и гостей принять, если потребуется.

А еще — кают-компания. Под нее была щедро выделена кормовая часть надстройки, площадью три на четыре метра и высотой два с половиной, — после боевых отсеков — спокойно разогнуться во весь рост. По два больших иллюминатора с каждого борта плюс панорамное окно с дверью, выходящие на ют. Палуба и переборки покрыты двадцатисантиметровым слоем звукоизолирующей пробки, чтобы господа офицеры могли достойно и культурно отдохнуть между вахтами.

Там помещались обеденный стол, четыре полумягких кресла вокруг него, раскладной диванчик, на котором можно, в случае необходимости, разместить до трех гостей, книжные полки с беллетристикой, приобретенной на общественные деньги, магнитофон и даже небольшой бар.

Согласно уставу, в походе каждый офицер мог рассчитывать на две бесплатные чарки приравненных к казенному хлебному вину по крепости напитков — во-

семьдесят граммов к обеду и семьдесят к ужину, а также на некую дополнительную порцию, на каждом корабле свою, исходя из традиций и характера старшего офицера. Поскольку кают-компания была единственным местом, на которое власть командира вне службы не распространялась.

На «Сердитом», судя по всему, и старпом был большим либералом, и офицерская касса взаимного кредита стеснения в средствах не испытывала, поскольку бар был укомплектован приличными по качеству и не дешевыми водками, коньяками и ликерами. Такой же вывод можно было сделать из содержания библиотеки, набора звукозаписей, нескольких симпатичных, исполненных маслом пейзажей на переборках, а главное — натурального бонсаи¹ хоккайдской сосны, закрепленного в кардановом подвесе.

Такое было известно и по сухопутной службе. Как где сложится. Одни офицерские собрания напоминали сельский трактир, а другие, в каком-нибудь Весьегонске Тверской губернии или самой что ни на есть Кушке, вдруг поражали чистотой, изысканностью интерьеров и неожиданным аристократизмом духа, витающего в совершенно неподходящих помещениях.

Поэтому и выбрали они для похода именно «Сердитого», хотя «Статный» все равно Вадиму нравился больше.

Поначалу Майя с Татьяной впали почти в отчаяние, увидев, в каких условиях им придется существовать во время длительного морского перехода.

Но постепенно, за время подготовки к экспедиции приобвыклись, тем более что Ляхов им на наглядных примерах объяснил, что каравелла Колумба, «Санта-Мария», на которой генерал-капитан пересек Атланти-

¹ Бонсаи — специальным образом выращенное миниатюрное дерево. Особо ценные бонсаи бывают возрастом пятьсот лет и более, сохраняя высоту около полуметра и соответствующие пропорции (японск.).

ку и открыл Америку, была ровно вдвое меньше этого катера. Причем лишенная электричества, радиосвязи, канализации и горячего водоснабжения. Однако с экипажем в полсотни человек свободно исполнила свое историческое предназначение, чуть ли не год проведя в полной автономке.

— И вы ведь сами этого хотели, — добавил Вадим. — Зато нам не грозят никакие неожиданности, вроде недавно пережитых, за исключением неизбежных на море случайностей, и не нужно больше трястись в грузовиках неизвестно сколько дней и месяцев. В кустики бегать по любой погоде. Так что устраивайтесь.

Девушки смирились с неизбежностью и начали обживаться. Каждой было предоставлено по офицерской двухместной каюте, симметрично расположенной в твиндеке¹, откуда трап поднимался к тамбуру кают-компаний. Размерами и интерьером они приблизительно соответствовали купе международного спального вагона, с соответствующими поправками на военно-техническую специфику. Но как одиночный будуар — очень даже ничего.

Если в него натащить из окрестных магазинов Военторга и городских лавок ковров, одеял, подушек, приличный запас хорошего постельного белья, посуды, массы прочих необходимых и приятных мелочей, способных скрасить молодым женщинам длительное пребывание в почти герметичной стальной коробке.

Командирскую каюту Ляхов, без всяких споров, забрал себе. Потому что, обреченный на роль судоводителя, обязан был, даже уступив место у манипуляторов Тарханову или Розенцвейгу, вскакивать по малейшему поводу. И спать в полном смысле этого слова предполагал только на надежных, защищенных стоянках, буде

¹ Твиндек — междупалубное пространство на судне, в данном случае — между машинным отделением и верхней палубой.

таковые представляются. В ином же случае ограничиваться только чутким подремыванием.

Розенцвейг с Тархановым, кстати, тоже в обиде не остались. Командный кубрик на баке, под носовой пушкой, и кондукторская каюта, переоборудованные для индивидуального проживания, получились очень неплохими помещениями, просторными и теплыми. Когда срубили трехэтажные стальные койки, откидные столы и банки¹, на освободившееся место привинтили по серванту карельской березы из гостиницы, такие же письменные столы и кресла, стало даже уютно. Опять же, за счет дорогих ковров, которые можно было, не заботясь о ценах, в три-четыре слоя укладывать на палубе, вешать на переборки, в стиле восточной сакли накрывать флотские рундуки поверх надувных и пробковых матрасов, решена была самая главная проблема.

Если кто не знает, главное, что омрачает флотскую жизнь на кораблях (за исключением тропиков, конечно, там другая беда), так именно холод и сырость. Вокруг сплошное железо. За десятимиллиметровыми листами корпуса — морская вода, даже при плюсовой температуре обладающая свойством оттягивать тепло, а уж когда воздух в минусах — и говорить не о чем. Пусть паровая грелка шипит в полную мощь, иней все равно держится на подволоке и по углам кают и жилых палуб.

С учетом этого разыскали в береговом магазине мощные электромасляные калориферы, Тарханов сообщил, как их подключить к бортовой сети. Те киловатты, что раньше уходили на питание боевых сервомоторов и бортовой аппаратуры (их там требовались немалые тысячи), теперь грели помещения катера. Ну и Мировой океан, конечно, в разумной пропорции.

Если бы они располагали соответствующим количе-

¹ Банка — на флоте любое сиденье, доска в шлюпке, табурет или скамейка в кубрике.

ством рабочей силы (а нужная техника имелась), за несколько дней на стапеле можно было, убрав все лишнее, кое-что добавив и переставив, переделать катер в приличное прогулочное судно. Однако втроем и при их способностях это было нереально.

Все, что удалось сделать, это срезать болты крепления палубных торпедных аппаратов и сбросить те прямо за борт, туда же отправились противолодочные бомбометы, полсотни самих глубинных бомб, каждая под центнер весом, и восемь полутонных торпед. Заодно выбросили гидрофоны и занимавшую половину рубки радиолокационную станцию с антеннами, поскольку работать на ней все равно никто не умел. До предела разгрузили крыйт-камеры, оставив две сотни выстрелов для пятидесятисемимиллиметровой пушки и по тысяче патронов для каждого из пулеметов.

Честно сказать, и этот арсенал был в общем-то ни к чему. Морских сражений здесь не предполагалось, а если бы и да — им не выиграть боя с самым слабым противником, легким торпедным катером или БДБ¹, но с полноценными кадровыми экипажами.

И все равно. Остаться безоружными в пусть и безлюдном, но однозначно враждебном мире?! Это противоречило не убеждениям даже, а инстинктам. Учили как: придется помирать, так с музыкой. Стреляя из всего, что может, пока морская волна не заплеснется в раскаленный от беглого огня ствол.

Катер разгрузили порядочно, тонн на двадцать, и он сразу приподнялся на полметра, обнажив нижнюю марку шкалы Плимсоля². Теперь на «Сердитого» можно было принять сколько угодно припасов мирного назначе-

¹ БДБ — быстроходная десантная баржа, вопреки названию, очень опасный противник, вооруженный скорострельными дальнобойными орудиями калибром 88—100 миллиметров.

² Шкала Плимсоля — нанесенные на борт корабля (в районе форштевня) отметки, указывающие осадку судна в водах разной солености и плотности, в летнее и зимнее время.

ния. И места, и грузоподъемности хватало с запасом. Лишь бы не ошибиться с балансировкой, чтоб не перевернуться в море невзначай.

Вроде не ошиблись. Благо справочники содержали необходимую мудрость и на этот случай. По сложившейся уже традиции обеспечивали себя припасами на каждый очередной этап путешествия по абсолютному максимуму. Исходя из предположения, что впереди их может ждать все, что угодно. То ли штормом в открытое море унесет и выбросит на необитаемый остров, то ли какие-то очередные хронофизические катаклизмы случатся. Выяснится, к примеру, что за пределами сто или двухсотмильной зоны действуют совсем другие законы и на греческом или турецком берегу пища не пригодна к употреблению, а солярка не желает гореть в форсунках.

Потому решено было иметь на борту двойной по отношению к расчетной потребности запас горючего и продовольствия, чтобы продержаться до пресловутой даты предполагаемого возврата, то есть приблизительно полгода.

А о том, что случится, если их надежды не осуществятся, думать смысла не было.

Все эти дни Ляхов не встречался со Шлиманом, чувствуя, однако, его присутствие поблизости. Не то обычной догадкой, не то особенно обострившейся за последние дни интуицией. Бродил где-то тут мертвый капитан, неизвестно, раздумавший до отплытия людей отправляться в поиски источников пропитания и «единомышленников» или, наоборот, по-быстрому сбежавший туда и вернувшийся.

С какими, кстати, целями? Собственными или возложенными на него «свыше»? Кто же это может понять?

Если посчитать просто навскидку, исходя из обычных пропорций, на территории Израиля за последнюю

неделю должно умереть обычным порядком сотен пять человек. Ладно, допустим, большинство — старики, старики, новорожденные дети. Но от автомобильных аварий, криминальных убийств, вряд ли прекратившихся боестолкновений на границе уже могло найтись десятка два-три покойников, больше подходящих к целям Шлимана. И ведь наверняка в военных госпиталях продолжали умирать солдаты и офицеры последней войны. Так всегда бывает — ранения, несовместимые с жизнью, послеоперационные осложнения, врачебные ошибки и тому подобное. Одним словом, отряд до полусотни отвечающих его критериям персон капитан набрать мог вполне.

Об этом, кстати, Майя, которую Вадим держал в курсе и переговоров своих, и мыслей, спросила его сама. Не может ли, мол, этот Шлиман, с непременно извращенной, как же иначе, по отношению к нормальным людям психикой, привести сюда банду таких же вампиров, просто чтобы нас сожрать. Мало ли что он говорил насчет питательности консервов или гемостатика. А потом захватит наш катер и отправится на поиски новых приключений и новой пищи.

— Раз мы здесь оказались, почему ему не предположить, что на тех берегах не подвернется кто-нибудь еще? Живой, но не столь вооруженный и организованный, как мы? Вообразят себя испанцами, едущими покорять безобидных индейцев.

— Да ну брось ты, это уже вообще из разряда сказок...

А сам тем не менее испытал не совсем вдохновляющее чувство холода внизу живота и мурашек за шиворотом. Черт его знает, на самом-то деле? У женщин, у них на всякую нечистую силу чутье посильнее нашего. И ведьмы ведь из них получают, это во всех книгах написано, в том числе и в научных.

Вот то же и Татьяна. На самом ли деле все так, как

она Майе рассказала, или успела во что-то другое превратиться? В суккуба или инкуба, не помнил он, кто из этих демонов женскую сущность представляет, кто мужскую. И очень Вадима мучило, что нельзя пока откровенно поговорить с Сергеем. Вдруг да не поймет, находясь под влиянием собственных чувств и предрассудков?

Неглупый, конечно, парень, надежный друг, но в таких случаях полагаться на здравый смысл нельзя. Стократно известно из литературы и личного опыта, что, ежели вопрос упирается в женщину, логика, самые разумные доводы, наглядные примеры даже могут отдыхать.

— Я тебя прошу, — сказал он Майе, — не подавая виду, держи ее под присмотром. Со всей возможностью. Как смотрят за наркоманом или алкоголиком. Ничего плохого сказать не хочу, но... Сама ведь видишь, куда мы попали и что почем.

— Постараюсь, Вадим, постараюсь. За исключением тех моментов, когда она спит с Сергеем. Но ты бы знал, как я тоже устала. От всего, а главное — от ощущения близости твоего Шлимана, вообще этой загробности. Может, когда выйдем в море, полегчает?

Такая надежда звучала в ее голосе и с таким доверием смотрела она на него, что у Ляхова только что слезы не навернулись на глаза. Приятно все-таки, если есть рядом человек, верящий в тебя вне всяких привходящих обстоятельств. Просто потому, что ты — это ты.

— Полегчает, безусловно. В данном вопросе. Но станет вдесятеро сложнее в другом. Так что всегда помни слова жены протопопы Аввакума. «Долго ли еще нам, Петрович, мучиться?» — спросила она в самый беспрсветный момент. «До самых до смерти, матушка. До самых до смерти!» — «Ну, Петрович, инда¹ еще побредем».

¹ Инда — тогда (старорусск.).

— Тогда и мы с тобой «побредем», — стараясь выглядеть бодрее, ответила Майя.

И в очередной раз Вадим удивился, как оно сложилось. Избалованная, капризная, осыпанная жизненными благами сверх всякой меры девушка, «звезда московских салонов», чем дальше, тем отчетливее проявляла черты характера настоящей подруги. Сильной и надежной. Словно во времена раннего неолита.

Так и что удивительного, на самом-то деле? Всегда подобное случалось, и те мужчины и женщины, со времен раннего неолита, которые выбирали друг друга по принципу «мы с тобой спина к спине против всего мира», те и выживали, и давали потомство, освоившее через положенные тысячи веков всю эту планету.

Их разговор происходил на краю бетонного пирса, рядом с катером. До ближайшего здания на берегу было больше ста метров, работающий на подзарядку аккумуляторов дизель и все его генераторы должны были, по замыслу Ляхова, гасить не только их слова, но и мысленные излучения. Против кого направлена эта предосторожность, он не знал, но считал, что лишней она не будет.

Выход в море был назначен на завтрашнее раннее утро. Как только достаточно рассветет, чтобы видны стали обозначающие фарватер ориентиры. Однако ночевали все пока еще на берегу. Чтобы выспаться перед походом как следует, впрок, в тишине, о которой надолго придется забыть. Дальше будет выматывающая, до боли в ушах и даже корнях зубов вибрация палуб под ногами и неумолкающий гул дизелей. Люди, само собой, и к этому привыкают, раз служат на флотах, но это же сколько здоровья и нервов уйдет, пока привыкнешь.

Вымылись напоследок в бане. Как следует, по-ресто-

ранному, поужинали по той же самой причине, имея в виду, что следующий раз горячее есть придется, может, через неделю, а может, и никогда.

Проснулся Ляхов в шестом часу утра, с обычным для себя тревожным чувством, какое появлялось всегда перед сулящими крутые переломы в жизни событиями. За окнами было совсем еще темно. Он полежал, глядя в потолок, перевернулся с боку на бок. Больше всего сейчас хотелось снова натянуть одеяло на голову, закрыть глаза, еще хоть на час-другой укрыться в дебрях сна от поджидającego за этим надежным укрытием мира.

Но поддаваться слабости нельзя. Не офицерское это дело. Офицер должен всегда быть весел, бодр, готов хоть с чертом сразиться, если служба требует. Подавая тем самым окружающим нижним чинам достойный подражания пример.

Он не спеша оделся, бриться не стал, пора было, по обычаю подводников, начинать отращивать бороду. Походный ранец был собран с вечера, но Вадим еще раз тщательно осмотрел комнату, внутренность шкафа и ящики стола. И под кровать заглянул. Обидно было бы забыть что-то, о чем потом придется пожалеть.

На одно плечо ремень ранца, на другое — тяжелого автомата, старинного, излюбленного американскими гангстерами эпохи «сухого закона», с пулями в фалангу указательного пальца. А в дисковом магазине патронов с такими пулями целых сто. Глядишь, пригодится.

Нравилось ему, откровенно говоря, здешнее изобилие оружия. Когда, уподобляясь Дизраэли¹, можно менять автоматы и пистолеты, будто знаменитый граф — перчатки и галстуки. Под цвет глаз любовницы, неба

¹ Дизраэли, Бенджамин, граф Биконсфилд — премьер-министр Великобритании (1868—1880 гг.), славился красноречием и утонченным, иногда шокирующим окружающих эстетством в манере одеваться.

над Тауэром или вопреки пожеланию дворецкого. Вызывающая демонстрация свободы личности в до предела несвободном мире.

За дверью Майи было тихо. Он поднял было руку, чтобы постучать, но тут же передумал. Некуда спешить. Мало что на улице продолжается ночь, так еще и опустился плотный морозящий туман. Вадиму вдруг расхотелось в море. Нет, в принципе деваться некуда, но отчего вдруг отплывать именно сегодня? Можно и завтра, и послезавтра тоже...

Как бы хорошо — вернуться в комнату, погасить свет, задернуть шторы. А на берегу сейчас резкий, пришедший с северной Атлантики ветер, волну развело, катер даже у пирса болтает вверх-вниз и с борта на борт. М-да...

Ляхов дошел по аллее почти до самых ворот, ведущих на катерный пирс, опустился на скамейку в тени разлапистых туй, с которой видны были освещенные мощными люстрами рубки и мачты кораблей.

Если уж обратной дороги нет, захотелось ему соблюсти национальный обычай — присесть на дорожку.

Сырая, знобкая морось его не смущала. Экипировался Вадим на славу. Попользовавшись тем отделением вещевого склада, где по арматурной ведомости снабжались только старшие и высшие офицеры. Капитанская фуражка с подкладкой из непромокаемой ткани и широким, в ладонь, козырьком с медной окантовкой. Утепленный кожаный реглан с капюшоном, не продуваемый любой силы ветром. Особые флотские сапоги, подошва которых не скользит даже на мокрой стальной палубе. А внутри — шерстяные носки двойной ручной вязки.

В подобном облачении легко выстоять вахту на мостике крейсера в зимнем Баренцевом море. И здесь —

★ спокойно перекурить минут десять-пятнадцать, а уж потом...

Завести вспомогательный движок, подать напряжение на тепловентиляторы и калориферы, к моменту отхода разогнать стылую сырость кают и рубки. Раскрутить ротор гирокомпаса, привести его в меридиан. Да мало ли дел на борту перед походом.

Выходить из порта в открытое море он научился, тут проблем не будет (тьфу-тьфу, не должно быть, так точнее) и до самого траверза Крита тоже, а вот дальше! Эгейское море нашпиговано островами, как суп клецками, и какие там ветра и течения между ними? На толщину лоции смотреть страшно, не то чтобы прочесть и запомнить. А потом нужно ухитриться попасть в узкую воронку Дарданелл, и в Босфоре, говорят, тоже какие-то подводные течения...

Ну, Босфор — это еще когда будет, до него идти и идти.

В припортовом табачном магазинчике, небольшом, но богатом, Вадим вчера наткнулся на целую витрину с курительными трубками и отобрал себе несколько наиболее интересных. В море трубка не в пример практичнее сигарет или папирос. От тумана и брызг не раскиснет и не погаснет, замерзшие пальцы согреет, и курить ее, при должном умении, можно часами.

Ляхов вытащил из кисета ту, которую полюбил сразу и больше всех, и первой начал обкуривать. Длинный прямой «Петерсен», с широким кольцом на мундштуке, изготовленным из настоящего серебряного шиллинга тысяча семьсот какого-то года, что удостоверено специальным сертификатом. Верхний обрез чашки тоже окантован серебром.

Ежели вдруг выскочит из мокрых кустов вурдалак или оборотень, вполне можно засветить ему этим делом между глаз, поскольку серебряных пуль в боекомплекте «Томпсона» не имелось.

Вадим старательно набил трубку «Кэпстеном» (положение обязывает), не спеша раскурил, добыл, наконец, достаточную порцию пахнущего медом и сушеным черносливом дыма. Глубоко затянулся. Голову сразу плавно повело. Хорош табачок!

А через несколько секунд, в полном соответствии с поговоркой «Про серого речь, а серый навстречь», из искрящейся под светом фонарей водяной взвести материализовался капитан Шлиман, собственной персоной. Пусть и не вурдалак, но все равно по теме... Видно было, что ему сырость и дождь тоже нипочем, пусть и по иной причине, чем Вадиму.

Коротко кивнул, приветствуя, и сел рядом, даже не проведя машинально ладонью по мокрым рейкам, как это сделал бы любой «нормальный» человек. Да и вправду, что ему мокрые штаны по сравнению со всем, уже случившимся?

— Где ж вы гуляли, Микаэль? — поинтересовался Вадим, словно все происходило на старой Земле и были они не то чтобы приятелями, но людьми, связанными общим делом и интересами. Бывает, что и покойника невредно поставить в тупик неадекватным вопросом. — Четыре дня, однако. Вполне можно было сбегать до старой израильской границы. Не пробовали?

— Пробовал, — не стал темнить Шлиман. Он выглядел еще более человеком, чем при последней встрече. Что вполне соответствовало ляховским прогнозам. Мы ж не дураки, если кто думает...

— И?

— Тяжело, — капитан вздохнул. — Вы ее проехали действительно свободно?

— Як бога кохам! — неизвестно почему, ответил Вадим по-польски. Или потому, что сам он — Ляхов, или исходя из того, что предки Шлимана происходили приблизительно с Волыни или Люблинщины. — Мы вообще

заметили, что выскочили, только когда указатели на дороге увидели. А вы?

— Долго рассказывать, и вам это все равно без интереса. Но я там побывал...

Это прозвучало примерно, как слова спустившегося с Эвереста первого покорителя высочайшей вершины мира. Эдмунд Хиллари его звали?

Вопреки мнению капитана, интерес у Ляхова присутствовал, но вдаваться в проблему он не стал. Ему хотелось узнать кое-что другое.

— Скажите, Микаэль, вам не пришлось встретить за время пребывания в нынешней «реинкарнации» хотя бы одного «человека», умершего раньше вас?

Он попал в самую точку.

— Нет, Вадим, этого не было...

— А как вы думаете, почему?

— Мне кажется, мы уже с вами касались этой темы. Ничего иного я добавить не готов. Просто есть вещи, не доступные нашему пониманию. В каком бы качестве мы ни пребывали.

И тут же капитан обратился к прозе жизни:

— Отплываете? Прямо сейчас?

— Не отплываем, а отходим. Дерьмо плавает... И не так, чтобы прямо сейчас. Часа через два, три. По ситуации. Не желаете проводить меня до катера? Там и обсудим, если что осталось. Мокровато здесь, вам не кажется?

— Мне — безразлично. Но если вам неудобно — пойдемте.

Они перешли с пирса на корабль по узкой, прогибающейся сходне. Тугие, сплетенные из пеньки кранцы и выбранные швартовы не позволяли «Сердитому» биться тонким бортом о бетон. Однако из узкой щели между корпусом и стенкой в ритме зыби выхлестывали наверх потоки холодной и черной воды.

Вадим, лишний раз проверяя свою готовность к походу и бою, на ощупь перекинул несколько тумблеров на пульте, и тут же в рубке стало уютнее, засветились циферблаты на контрольных щитах, плафоны над штурманским столом и пультом судового механика. В низах катаера тихо заурчал маленький, стосильный вспомогательный дизелек. Через минуту из дефлекторов потянуло теплым воздухом. Стекла окон тут же запотели, но это ничего, так даже лучше.

— Я, собственно, проститься пришел, — сообщил Шлиман, неловко, не совсем по-человечески присев на угол откидного диванчика. — Пожелать счастливого плавания. Не теряя, впрочем, надежды, что мы с вами скоро снова встретимся. Есть у меня такое ощущение.

«Красиво сказано», — Ляхов передернул плечами, будто струйка дождя все же исхитрилась проникнуть ему за воротник.

— Надеюсь, вы имеете в виду не совсем то, что мне только что пришло в голову? — спросил он как можно небрежнее. В конце концов, настоящего офицера должно отличать от прочих граждан именно умение сохранять хладнокровие в самых неприятных ситуациях.

— Конечно, нет, дорогой друг, конечно, нет. Даром предвидения такого рода я не обладаю. Я всего лишь имел в виду, что, сумев добраться домой, вы непременно вернетесь. Или из научного любопытства, или — по приказу командования. Да иначе и быть не может, ведь так?

— Пожалуй, что и так. Вернуться будет интересно, особенно — по своей воле и соответствующе оснащенным. И все же, вас привела сейчас сюда не только сенсительность?

— Конечно. Я решил еще раз оговорить с вами некоторые условия...

— Какие же? Вы знаете, Микаэль, мне представляется, что я сейчас не совсем... э-э... — он поискал подхо-

★
дящее слово. — Не совсем договороспособен, пожалуй, это подходящий термин.

— А мне какая разница? Если вы не вернетесь, вообще говорить не о чем. Но если да?! Скажите там своим начальникам, что мы согласны иметь с ними дела исключительно через ваше посредничество. Видите, я даю вам возможность поставить себя так... Ну, примерно в ранге чрезвычайного и полномочного посла.

— Недурно, конечно. И я вам благодарен за добрые намерения. Однако — «мы»! Что это может значить?

— Ровно то, о чем вы догадались при нашей предыдущей встрече. Я сумел кое-кого найти, кое с кем обсудить сложившееся положение дел. Да-да, здесь есть, в пределах даже осмотренной мною небольшой территории, люди... — при этом слове он понятным образом запнулся. А и зря. Для него ведь подобные ему и были «истинными людьми», если использовать этот термин в его исконном смысле. Люди — это подобные тебе, говорящие на твоём языке и ведущие аналогичный образ жизни. Все остальные могут называться как угодно, в зависимости от господствующей в сообществе идеологии. Тоже людьми, но другими (это самый толерантный вариант), или же — недочеловеками, дикарями, гоями, «длинными говорящими свиньями», ну и так далее.

— Естественно, — не позволил собеседнику углубиться в дебри потерянных смыслов Вадим. — Я и представить себе не мог, чтобы вы, Миша, оказались таким уникалом, артефактом, если угодно. Поскольку всеми доступными мне способами успел убедиться в собственной нормальности. А ежели я нормален, остается только две гипотезы.

Если вы существуете в единственном экземпляре, значит, некое высшее по отношению к нам существо создало вас исключительно, чтобы заморочить мне мозги и заставить сделать нечто, указанному существу необходимое. Но это маловероятно по пресловутому принципу

Оккама. Следовательно, наиболее очевиден факт, что в здешнем мире таких, как вы, должно присутствовать достаточно, чтобы создалась некая структура... Обеспечивающая возможность существования именно ее членов. Согласны?

— Лучше вас я и сам бы не сумел сформулировать. Что еще раз подтверждает необходимость вашего возвращения. Более того, я восхищен широтой вашего мышления. Да, я нашел людей, с которыми можно пытаться создавать здесь некое подобие цивилизации... — Шлиман словно бы вздохнул, по крайней мере, именно так интерпретировал Ляхов его телодвижение. — И еще раз убедился в вашей проницательности. Ни один из них не умер раньше меня.

«Что и требовалось доказать», — подумал Ляхов, но вслух этого говорить не стал. И так сказано слишком много лишнего. Глядишь, темп опережения будет потяжелее, а это единственное, что позволяло ему пока еще ощущать свое превосходство над капитаном, похоже, претендующим на роль лидера своего царства мертвых.

Сказал он друтое:

— Могу только порадоваться за вас, Микаэль. Действительно, ужасно даже вообразить, каково бы вам здесь пришлось без соотечественников и единомышленников. Однако... Разумеется, все, что я собираюсь вам сказать, вы и так не могли не обдумать, обсудить со своими. Тем не менее скажу. Чтобы вы были в курсе хода и образа моих мыслей. Я играю открытыми картами, вы заметили? Так вот. Не касаясь даже того, что в нашем мире в обычном темпе умирают не только евреи, но и арабы тоже, и, мне кажется, вы обречены на повторение, на проекцию сюда векового конфликта. Выведем пока эту проблему за скобки.

Но даже вас, безотносительно, ведь все равно будет здесь становиться все больше и больше. Я не знаю площади территории, на которой существует «другой Изра-

иль», по моему мнению — промежуточная зона между тем и этим миром, «чистилище», если использовать католический термин (православие наличие такой институции отрицает). В любом случае запасы питательных веществ на ней являются конечными. Полгода, год вы сумеете прокормиться, а дальше?

Наша же Земля может поставлять их сюда в неограниченных количествах. О других взаимовыгодных возможностях контакта мне думать было недосуг. А что они наверняка есть — это несомненно. Да вот хотя бы... — Вадима только что осенило. — Как вы посмотрите на организацию такой почты? Напишите вы сейчас письмишко, а я его передам, в случае собственного возвращения, конечно, вашей жене и детям. Так, мол, и так, дорогая, мы вроде как расстались навеки, на самом же деле — ничего подобного. Мои дела обстоят таким вот образом, посылаю вам несколько шекелей из личных накоплений, а мне передайте через подателя сего... Ну, это вы сами придумаете, что именно. Короче, жду с нетерпением, к твоему прибытию заканчиваю отделявать виллу на берегу Мертвого моря.

К концу этой тирады Ляхову показалось, что за подобное и в морду можно получить (хотя бы за Мертвое море!), но Шлиман, очевидно, обретался уже в пространствах иных логик.

— Степень вашей иронии понимаю, но идея сама по себе плодотворная. А если ее и вправду воплотить? Думаю, я сумею в письме привести несколько таких подробностей, что жена не сможет не поверить...

И опять Ляхов резко переложил руль.

— Увы, Микаэль, скорее всего, ничего у вас (у нас) не выйдет. Я, конечно, не знаю вашу жену, но опыт подсказывает, что подобная записочка с того света в худшем случае вызовет нервный срыв, в лучшем — меня ославят мошенником, прознавшим ваши семейные тайны и решившим ими с неизвестной целью злоупотре-

бить. Хотя, когда нам удастся доставить солидный массив доказательств и фактов, эта идея начнет работать. Но речь сейчас ведь не об этом?

Шлиман согласился, что так оно и есть. Но, соглашаясь с доводами Ляхова, он никак не может понять, в чем смысл его нынешних поступков.

— Вы, русские, все равно очень странные люди. Я думал так при жизни и говорил вам это уже здесь. Кажется, не один раз. Вот и сейчас вы ведете себя совершенно не так, как следует. Хотя с дипломатической, хоть с другой точки зрения. Совершенно однозначно, ваши слова и манеры должны бы сейчас восстановить против вас и меня, и почти любого из «наших», кто оказался бы на моем месте. И тем не менее этого не происходит. Скорее, даже напротив.

Я раньше, признаюсь, избегал общения с русскими, которые пытались натурализоваться на нашей территории. Через жен или иными способами. У меня собственные взгляды (были) на эту, довольно противоестественную попытку стратегического союза наших государств. Мы, израильские евреи, потому и приехали сюда, чтобы выйти из поля притяжения вашей ментальности и вашей культуры. Те, которым это нравилось, остались в России, Польше, Германии. Я к ним не принадлежу.

— А кой же черт погнал вас получать верхнее образование именно в Германию? — Вадим уже видел, куда клонится разговор, и предпочел его форсировать. — Учились бы в собственных университетах или иешивах.

— Именно потому, что Германия способна дать великолепное европейское образование, но не требует взамен мою собственную душу и национальную идентичность. А закончить Петроградский университет и не стать при этом хоть капельку русским, русофилом, готовым к ассимиляции, а то и выкрестом — почти невозможно.

— Ох, Микаэль, вам все происходящее еще не ка-

жестя тяжелым бредом? Мне так уже. Если русская культура и образ жизни вас искренне увлечет — чего ж тут плохого? Если она вам поперек натуры — отрицайте ее с порога и постарайтесь навязать окружающим свою. Только и делов. Что я, кстати, успешно сейчас и делаю. Особенно когда вы уже настолько за пределами национальных и религиозных проблем. Так или нет?

Из штурманского столика Вадим извлек одну из многих фляжек, заблаговременно наполненных и размещенных в подходящих местах. Стеклобутылки имеют неприятное свойство в шторм разбиваться, кроме того, во время тревожной ночной вахты, когда нельзя покинуть пост и утомление наваливается непреодолимо, не побежишь же в кают-компанию за глотком горячительного. А чай по-адмиральски¹ — прекрасное средство поддержания тонуса.

— Не желаете, капитан?

— Спасибо, пока еще — нет. Так я не закончил мысль. Скорее всего, именно вы, русские, возможно, именно под вашим руководством, Вадим, сумеете создать здесь некую интересную структуру. Нашего с вами взаимодействия. Признаюсь, ни немцев, ни англичан в роли наших компаньонов я теперь не вижу. Если придется — можете быть уверены, агреман² я вам выдам не задумываясь.

— Душевно благодарен, ваше превосходительство, — поклонился, прижав ладонь к груди, Ляхов. — Не зря же я уже первый курс Дипломатической Академии закончил... Как бы остальные не пришлось проходить заочно.

¹ «Чай по-адмиральски» — традиционный напиток русских военных моряков, крепко заваренный чай, индийский или китайский, в который по мере употребления добавляется ром. В идеале — до полного замещения. Однако пить его следует, не торопясь, мелкими глотками, лучше, конечно, после вахты, в кают-компании. Но если чин позволяет — можно и во время.

² А г р е м а н — согласие главы государства принять верительные грамоты вновь назначенного в его страну посла другого государства.

Подполковник Виктор Викторович Стрельников, неожиданным для себя образом, как и все случается на этом свете, сделал карьеру.

Еще совсем недавно он, невзирая на свои сорок четыре года и двадцатипятилетний стаж службы, был всего лишь одним из заместителей начальника отдела «Глаголь». Отдел координировал деятельность группы отрядов «печенегов», а сам Стрельников отвечал за оперативную работу. Был на хорошем счету, дело свое знал, как немногие, но особых надежд на будущее не возлагал. Выйти на пенсию (предварительно до нее дожив) полковником — вот здравая и разумная мечта и цель.

Это очень даже понятно — успехов почти всегда добиваются ловкие политики, пристроившиеся к делу, отнюдь не профессионалы, дело делающие. «Что знаменует гармонию природы», как любил говорить один его знакомый священник.

И вдруг сказочным образом все переменялось, будто перекосились основы мироздания.

Он явился по вызову в кабинет генерала Чекменева и вышел оттуда полковником и исполняющим обязанности начальника управления спецопераций Главного разведывательного управления при штабе Гвардии. Стрельников понимал, что случилось это по не зависящим от него обстоятельствам.

Неизвестно, куда исчез прежний начальник управления Неверов, неожиданно подал в отставку капитан второго ранга Кедров, и высшее начальство вдруг увидело именно его наиболее подходящим претендентом на освободившуюся должность.

Хотя, по справедливости, могло догадаться об этом раньше. Все ж таки куда справедливее было бы со стороны судьбы и командования дать ему полковничьи должность и чин лет на десять раньше. И в смысле по-

ощрения дельного офицера, и для пользы службы. Тогда имел бы Стрельников шанс стать генералом в расцвете сил, а не вместе с приказом о бессрочном отпуске.

Ну, так не так, рассуждать, обижаться и даже радоваться поздно. Надо дело делать. А делать будет трудно, потому что все остальные люди в управлении и в отрядах, как хочешь, а молодежь. Три, пять, максимум шесть лет службы в командных чинах, стрелять и бегать, разумеется, умеют, дай бог каждому, а вот думать выше ротного уровня — увы.

Насколько легче было пришедшему до него на эту должность Неверову. У того и непосредственный начальник был ас разведки и дипломатии, и заместители зубы съели на своих постах. А теперь выкручивайся, ваше высокоблагородие, как знаешь. Правда, Чекменев, подписывая приказ, обнадежил.

— Ты особенно не нервничай, — как всегда, генерал угадывал настроения подчиненных раньше, чем они сами их для себя успевали сформулировать. — Приказ подписан, осталось только через канцелярию провести, так что новые погоны сегодня покупай. Первое время поддерживай боеготовность «печенегов» по форме два, что и без моих советов очевидно. Теоретических озарений и глубоких стратегических разработок я по первоначалу требовать не буду. Зато предлагаю за месяц развернуть еще два отряда полного штата, пятый и шестой соответственно. Вот это уж целиком твоя головная боль, а впоследствии и заслуга твоя же будет...

— А за счет чего их разворачивать, Игорь Викторович? Мы ж и этих... с миру по нитке. Где столько людей взять? Разве только из разведотделов и штурмбатальонов Экспедиционного корпуса надергать? Это же двести человек надо отобрать, сюда доставить, а потом еще месяца два-три сколачивать, да и то... Если вам действительно бойцы уровня и класса первых «печенегов» нуж-

ны. А чтоб, как в армии, просто резерв второго разряда, тогда конечно.

Стрельников совершенно искренне был уверен, что офицеры строевых частей, даже с боевым опытом и подходящей подготовкой, одной лишь силой приказа полноценными специалистами не станут и за полгода. А то и за год. Потому что каждому придется начинать с нуля. Осваивать особые виды боевых искусств, теорию и практику оперативной работы, основы криминалистики (причем, так сказать, с обеих сторон), и многое другое, обычным солдатам не нужное и даже чуждое.

Название отрядов, неизвестно кем придуманное, отразило воззрения тогдашнего начальства на историю. Пресловутые, почти забытые кочевники-печенегι воображались, очевидно, некими могиканами южнорусских степей. Которые набегали внезапно, исчезали бесследно и держали тогдашних удельных князей в страшном напряге.

Под эту мифологию (разумеется, с учетом новейших достижений военной науки, техники и теории тайных операций) строилась и идеология, и тактическая подготовка отрядов. С отличным, нужно сказать, эффектом.

— Ты что же думаешь, Виктор Викторович, мы на своих местах только штаны протираем? Как раз мы и думаем, хотя не всем нижестоящим сотрудникам это очевидно. Подожди, покомандуешь — поймешь, почему наш генеральский хлеб.

Таким шутилым, даже насмешливым тоном преподав Стрельникову первый урок, Чекуменев продолжил гораздо конкретнее и суше:

— Начиная с послезавтрашнего дня станешь принимать личный состав. Имей в виду, по всем главным показателям люди проверенные-перепроверенные. Специальным способом. Так что на эту тему тебе задумывать-

ся не надо. Каждый будет прибывать с рекомендациями по оптимальной пригодности в опечатанном пакете. Конечно, в окончательной расстановке по подразделениям и штатным должностям ты волен, присмотришь, обкатай в реальном деле. Ребята, в идеале, старому контингенту в потенциале равны, если не выше. Однако в процессе притирания по месту сам гляди. У нас тоже могут быть ошибки. Но шашкой махать и личные эмоции над пользой дела ставить все же не советую.

— Когда это я шашкой махал? — с некоторой обидой спросил Стрельников.

— Вот именно. Почему тебя и выдвинули. Но личный опыт подсказывает, что не всем удастся удержаться на уровне. Я честно скажу: Кедров побольше тебя шансов имел. Как опытный администратор, я имею в виду. И что?

— Ну, Игорь Викторович, там, ребята говорят, совсем другое дело. Я не до конца в курсе, но сражаться с покойниками не каждому дано. Да еще, говорят, причины личного плана...

— Не он один там был, — совсем уже жестко, помрачнев лицом, бросил Чекменев. — И пострашнее вещи видеть приходилось. Тебе и мне в том числе. Однако в монастырь еще никто из наших не пробовал дезертировать... — Генерал побарабанил пальцами по столу, опустив глаза. — А с другой стороны... Не судите, да не судимы будете. Не застрелился же, не к врагу перебежал. Дела же духовные... Нет, не нам судить. В общем, так, Виктор Викторович, иди и вступай в должность. Вопросы есть? Нет? Не смею задерживать. Обращаться разрешаю по мере возникающих проблем. Миную адъютанта, напрямую, как, впрочем, из твоей теперешней должности и вытекает. Учись, старик...

Прощальной шпилькой были эти слова или товарищеским советом — новоиспеченный полковник с ходу не понял.

Стрельников покинул кремлевский кабинет озадаченный и одновременно полный желания доказать, что сумеет себя проявить самым лучшим образом. Но до начала новой службы он намерился, как и рекомендовано, приобрести полковничьи погоны. Не где-нибудь, а в специальной мастерской на Спиридоновке. Понимающие люди заказывали амуницию и аксессуары только там. И качество работы соответствующее, и каждая вещь сделана с неким трудноуловимым, но особенным шиком.

В материалах ли дело или в секретах технологии, однако разница приобретенных там погон, петлиц, аксельбантов и прочего с полученными на гарнизонном складе, как между розой, срезанной с куста, и ее же пластиковым муляжом.

А потом подразумевалось отметить это дело со старыми друзьями, отнюдь не связанными по нынешней службе.

С утра следующего дня он вступал в должность, принимал дела, хотя реально их принимать было не у кого за отсутствием Неверова. Так, через штабистов и по бумагам, формы для.

И кабинет предшественника, весьма приличный и престижный, он занимать не стал, исходя из субординации (он все-таки пока лишь и. о.), а также солдатской солидарности и суеверий тоже. Товарищ не вернулся с задания, но в погибших не числится. В худшем случае — пропал без вести. Если не появится вдруг, живой и веселый (как не раз бывало в их службе), то до конца войны и сколько-то времени после нее надежда все равно остается.

А что война в определенном смысле уже идет, а в ближайшее время приобретет настоящий масштаб и размах, Виктор Викторович не сомневался. Информаци-

★ рован был вполне достаточно. И дело совсем не в тех «беспорядках» и спецоперациях, что происходили с превратившейся в рутину постоянностью по всей протяженности ближнего и дальнего Приграничья, от степей и сопок Маньчжурии до аравийских оазисов.

Это — норма и данность жизни не первого уже поколения. Проблема в том, что свои же вроде бы братья-офицеры, сотрудники государственной контрразведки и жандармерии, охотятся на своих «московских» коллег не хуже, чем гуроны на американских колонистов в романах Фенимора Купера. Стоит лишь им пересечь по служебным делам никак на карте не обозначенную границу «ведомственных интересов». При чем война ведется далеко не джентльменская.

Что означает...

Да, черт возьми, даже думать не хочется, что это на самом деле означает. Прямо тебе чистый двенадцатый век, времена усобиц и феодальной раздробленности. Однако, как учит история, Москва выиграла тогда, выиграет и сейчас.

Но хватит об этом. Каждому дню достанет своей работы.

Стрельников раньше не имел времени и возможности поставить себя на место своих начальников. Не в смысле обычной болтовни, «да что они там понимают в нормальной службе, да я бы на их месте...». Это как раз умеют все, и часто — справедливо, потому что возвышенные руководящие идеи имеют свойство много терять в своей мудрости при столкновении с реалиями практической реализации.

Однако подчиненные, в свою очередь, далеко не всегда в состоянии взглянуть на проблему шире. То, что неудобно, неприятно, трудноисполнимо и даже выглядит прямым вредительством с уровня командира роты-ба-

тальяна, даже с одной ступеньки выше представляется оригинальным тактическим решением, а со следующей (следующих) — ключом стратегической концепции.

Сейчас вот и пришлось пересматривать собственные убеждения с точки зрения новой должности. И уже к исходу первых суток он понял, насколько раньше был не прав. Вернее, недалновиден.

Мудрые все же были люди начиная с Петра Первого, если ограничиться только отечественными примерами, которые четко запретили служебное продвижение в пределах одной и той же части. Хватало предкам психологического чутья сообразить, что один из четырех комбатов, ставший вдруг командиром своего полка, будет испытывать огромный дискомфорт, даже при самом жестком характере и абсолютной личной честности. Нельзя требовать службы в полном объеме и со всей беспристрастностью от товарищей, с которыми вчера еще пил водку, жаловался на жизнь и ругал того, чью роль начал исполнять с сегодняшнего дня.

Слава богу, что хоть от такого испытания полковник был избавлен. Командирам отрядов он и раньше был прямым начальником, и никто из полностью равных по должности и авторитету товарищей в подчинение не попал.

Но и самой по себе тяжести новой должности и погон было на первый случай достаточно. Сразу столько навалилось дел вдруг по кадровым, финансовым, хозяйственным, вне- и внутривластным вопросам, о чем он и не задумывался, поглощенный собственными, теперь выходит, мелкими заботами, что мгновенно проникся сочувствием к прежним отцам-командирам и только-только не возопил пресловутым образом: «Мамочка, роди меня обратно!»

Но — так не бывает, и осталось на ходу вычленять из массы проблем наиважнейшую именно сегодня, перекинув, с известным злорадством, остальные на помощ-

ников, тоже было возрадовавшихся собственному продвижению вверх по лестнице, ведущей вниз. В том смысле, что с каждой следующей ступеньки в случае чего падать легче, больнее и обиднее.

Утром он, согласно полученному указанию, принимал первое пополнение. Ровно к десяти утра у дверей его нового кабинета, расположенного в том же крыле Кремлевского корпуса, но двумя этажами выше, столпились прибывшие с предписаниями офицеры.

Толпиться, собственно, им не было никакой необходимости. Винтовая чугунная лестница художественного литья и намного более широкая, чем обычно, выводила в просторный сводчатый зал с небольшими окнами, упрятанными в глубокие амбразуры. Окна выходили на север, до них дотягивались верхушки древних раскидистых лип, да и на небе обещающие дождь тучи сгущались с утра, поэтому в полную силу горели под потолком люстры, похожие на церковные паникадила.

В зале, издавна именуемом предбанником, имелось достаточное количество хороших кожаных диванов, столиков с пепельницами, а всю правую, лишенную окон стену занимала тщательно выклеенная солдатами роты обслуживания карта Московского военного округа.

Карта была роскошная. Опять же с точки зрения кадрового офицера.

Подобранная из листов километрового масштаба, она, подобно фрескам Микеланджело и Леонардо, имела размер пять на шесть метров, и каждый соискатель должности, карабкаясь по лесенке-стремянке, мог свободно найти место, куда его могут загнать и какие достопримечательности ждут по соседству.

Жаль только, что картой интересовались лишь самые опытные и хладнокровные, прочие же, как сказано, толпились у двери, словно надеясь, что степень близости к ней как-то повлияет на дальнейшую судьбу.

Увидев все это, Стрельников испытал ностальгическое чувство. Совершенно так же, двадцать два года назад, он отирался перед кабинетом офицера-направленца¹ в городе Хабаровске, в штабе Дальневосточного, ордена Владимира первой степени, округа.

И так же, с тоской на сердце, он, поелозив пальцем по карте, нашел в свое время ту дыру, куда его, словно по специальной злобе, собрался командировать усталый, нездорово полный капитан Пыхтин.

И фамилия вот навек запомнилась. Да и не зря. Если б не тот капитан, вся жизнь пошла бы совершенно иначе.

— Ох, надоели вы мне, — со страдальческим вздохом сказал капитан, по которому видно было, насколько штабная служба без перспектив портит человека.

Мундир помят, волосы почти вылезли, пепельница набита жестоко пожеванными и раздавленными окурками дешевых папирос.

Карьера не задалась, в перспективе ничего, кроме бесконечного количества папок с личными делами, и до весьма скромного пенсионера — еще лет пять, если не больше.

Так чего ждать при встрече с такой штабной крысой подпоручику, пока что исполненному энтузиазма и желания прямо вот сейчас, не сходя с места, отправиться на борьбу с китайскими милитаристами и хунхузами?²

А о таковом желании молодой Стрельников сообщил с первых, после представления, слов.

— Буду я тебе еще работу искать, — лицо капитана болезненно исказилось. Может — язва мучает, а мо-

¹ Направленец — в кадровых службах штабов офицер, отвечающий за распределение по частям и подразделениям командиров соответствующих специальностей: инженеров, врачей, артиллеристов и т. д.

² Хунхузы (кит.) — вообще говоря, бандиты. В той ситуации — аналог душманов, басмачей, вообще повстанцев, воюющих против регулярных российских войск, расквартированных в Маньчжурии для охраны КВЖД, а также и против соотечественников, имеющих какую-то оседлость и собственность.

жет — похмелье. — Вас у меня знаешь сколько? Вот направлю я тебя в Белогорск, в распоряжение штаба Второй армии. От них заявка на командира полуроты есть. Пусть они и думают.

Где находится Белогорск, подпоручик видел. Пятьсот километров на северо-запад по железной дороге. И если там всего лишь штаб общевойсковой армии, какие же назначения последуют дальше?

И захотелось Виктору чего-то просить, что-то доказывать, что не для него, мол, эта таежная дыра, на большее он способен, и вообще, в его годы и жениться пора, а там где жену найдешь.

Но тут же и другая — здравая мысль. Присягу давал? Давал. На тяготы службы не жаловаться соглашался? Естественно. Так что же? А вот обидно, и ничего тем не менее не возразишь.

Если Стрельников доживет до отставки с генеральским пенсионом и получит свои десять гектаров земли для основания фамильного имения, он непременно займется написанием мемуаров, благо есть о чем писать. И эта история займет там достойное место.

Штабная крыса, капитан Пыхтин, наклонился над личным делом и зачеркал перышком, выписывая проездное свидетельство. И вдруг остановился, дойдя до строчки:

— Какое училище заканчивал, через какое воинское присутствие туда направлен?

— Таким-то, как положено, по месту жительства, — ответил Стрельников вполне равнодушно.

— Стой! — офицер поднял голову, и вдруг его мятое лицо озарилось и стало воодушевленным, почти красивым. — А где жил там?

Что-то в душе подпоручика дернулось, с еще слабой,

но уже надеждой. Вопрос ведь — не просто так. Что-то за ним серьезное стоит.

— На Воронцовской...

— Да ты что? А Генка Стрельников тебе не родственник?

— Как же не родственник, родной старший брат.

И сразу не стало ни скучного, пропахшего сургучом и чернилами кабинета, ни чахнувшего в нем капитана.

— Ну, ты даешь! А ты Витька, что ли?

— Так точно, да и в деле так написано...

— Что мне твое дело! Я их читаю, думаешь? Да мне все давно по... Ты меня не помнишь? Я ж Мишка Пыхтин, с Менделеевского...

В их квартале, где вырос Стрельников, Воронцовская улица и примыкающие к ней переулки считались единой крепостью, противостоящей Старому и Новому Форштадтам, а также и Ташле, почему каждый тамошний обитатель в возрасте от шести и до двадцати как минимум лет был друг и брат, имевший право на всемерную помощь, поддержку и защиту.

А переулок Менделеева находился ровно через квартал от дома, где Стрельников родился и прожил лучшие восемнадцать лет своей жизни. Беда вот только, что данного Мишку он не помнил совершенно. И немудрено. Если брат, старше Виктора на восемь лет, еще мог с Пыхтиным дружить и общаться, для него самого все эти почти взрослые парни сливались в общую массу. Так, всплывали в памяти смутные образы... Но вообще-то! Это ж надо такому случиться! Земляка из одного города встретить — в армии уже счастье, а тут близкий сосед, считай, родственник.

Кое-каких общих знакомых они в бурном, бессвязном моментами разговоре все-таки отыскивали, например, племянник капитана, Вовка Дубок, учился всего двумя классами старше Виктора в Третьей городской гимна-

зии. А уж околоточный надзиратель дядя Коля Волосатов был им всем отлично знаком. Со всех точек зрения.

В результате столь невероятной встречи незаконченное предписание полетело в корзину, и после недолгих поисков Виктору было подобрано достойное место, являвшееся предметом вождения куда более заслуженных, тертых жизнью офицеров. Но — это уж как кому повезло.

Накрыл он, как водится, капитану стол на половину своих подъемных денег. А вот больше встретиться так и не пришлось.

Зато в результате того давнего случая Стрельников всем дальнейшим сцеплением обстоятельств приведен именно сюда, к дверям своего нового кабинета, и будет сейчас сам решать судьбы молодых товарищей и, может быть, тоже — на всю последующую жизнь.

Однако данный самому себе тогда еще зарок он помнил всю дальнейшую службу. Со мной поступили душевно, и я по возможности буду поступать так же.

Наваждение прошло, он снова увидел происходящее нынешними глазами.

— Что ж, приступим, — произнес он в пространство, и заметившие появление немолодого, сумрачного на вид полковника офицеры, только что занятые предварительными знакомствами, поскольку все они прибыли из разных округов и частей и увиделись впервые лишь здесь, сразу же приняли строевую стойку, кто сидел — вскочили, защелкали каблуками.

— Вольно, господа, вольно. Прошу входить, очередность будете определять сами. Ну, кто самый смелый?

Прежде чем остальные успели сообразить, что выгоднее в данном случае: рискнуть и принять на себя всю нерастраченную энергию начальника или пересидеть по принципу «Ни на что не напрашивайся и ни от чего

не отказывайся», — вперед шагнул высокий, светлово-
лосый, сильно загорелый поручик, при первом же взгля-
де на которого у Стрельникова улучшилось настроение.

Все в нем говорило, что это офицер — от рождения и
до мозга костей. Мундир новый, возможно, первый раз
надетый к столь важному случаю, а пояс и португепя но-
шенные, но непоцарапанные и непотрескавшиеся, бле-
стящие пряжки настоящие, латунные, а не штампован-
ные из «желтого металла», сапоги шитые на заказ и на-
драенные до синих искр.

Подтверждением его кастовой принадлежности бы-
ли значки Киевского кадетского корпуса и Александ-
ровского военного училища, а того, что не в тылах он от-
сиживался, выпустившись в строй, — мальтийский ру-
биновый крест, наложенный на венок со скрещенными
мечами. Еще не орден, но ценится почти на равных.
Знак «За пять штыковых атак». Учрежден в девятнадца-
том году, сейчас, разумеется, анахронизм по смыслу,
штыками только консервные банки открывают да дне-
вальные по роте на ремень цепляют. А знаком награж-
дают просто участников реальных боестолкновений и
огневых контактов с противником, проявивших отвагу
и инициативу в деле.

— Поручик Уваров. Разрешите, господин полков-
ник?

— Прошу, прошу... Смелость города берет, — и про-
пустил Уварова перед собой в дверь кабинета.

Оставшиеся проводили их кто ироническими, кто
завистливыми взглядами. Что ни говори, а кое-какие оч-
ки поручик уже набрал, судя по тону и благожелатель-
ному взгляду полковника.

— Садитесь, поручик, — указал Стрельников на стул
у приставного столика перед своим письменным, зава-
ленным кучами папок с неотложными делами. — Итак?

Откуда и какими ветрами к нам? Последняя должность, за что удостоены?

— Поручик Уваров, — повторил тот, — субалтерн-офицер¹ первой роты 465-го отдельного батальона Особой десантно-штурмовой бригады Туркестанского военного округа.

Согласно действовавшей организационно-штатной структуре, Особые бригады, хотя и входили в состав военных округов Российской армии, принадлежали к подчиненному Великому князю Экспедиционному корпусу, что и делало возможным перемещение офицеров, минуя кадровое управление Военного министерства, занимающее всем известное здание Главного штаба на Дворцовой площади Петрограда.

— Направлен в ваше распоряжение приказом командира бригады полковника Гальцева.

— Алексея Петровича? Знаю, знаю. Как он там?

— На той неделе был в добром здравии.

— Это я и без вас знаю. По-прежнему свиреп?

Уваров деликатно пожал плечами.

— Службу требует. Как писал Салтыков-Щедрин, снисходителен, но без попущения...

Выражение Стрельникову понравилось.

— Как-как? Не приходилось слышать...

— Ну, у Салтыкова разбираются разные типы отношения начальников к подчиненным, среди которых преобладают два. Снисходительность, но без попущения или же строгость, сопряженная с невзиранием.

— Нет, правда, хорошо подмечено. А вы что же, старые книги, получается, читаете?

О Салтыкове-Щедрине Стрельников помнил, что служил он что-то во времена Александра II, то есть лет

¹ Субалтерн-офицер — заместитель командира роты или командир стрелковой полуроты, старший офицер батареи и т. п.

полтора ста назад, и писал вроде бы сказки. Про мужика и двух генералов, про Пескаря премудрого.

— Иногда случается, — скромно ответил поручик.

Интересно было бы поговорить полковнику и об этом, но время ведь не резиновое, с одним начнешь разговаривать на интересные темы, с другим, а их там полтора десятка ждет конкретного решения, и другой работы много.

— Вы с собой пакет привезли? — спросил Стрельников, а литературные беседы можно оставить и до другого раза. Если он будет.

— Пожалуйста, — поручик протянул серый служебный конверт стандартного размера, с печатями по углам.

Где же ему такой выдали, неужели сразу в Ташкенте?

Нет, не в Ташкенте, а уже здесь, в Москве, куда поручик прибыл четыре дня назад и прошел предварительное собеседование и медосмотр там-то и там-то.

По описанию полковник угадал территорию своей же базы, но только те корпуса, где ему бывать приходилось от случая к случаю. Вотчина самого Чекменева.

Врезав костяным ножом для бумаг конверт, Стрельников погрузился в чтение, время от времени поднимая глаза на поручика.

Приходилось ему читать сотни, а может быть, и тысячи офицерских аттестаций, но таких — никогда.

Здесь в коротких и сжатых фразах человек представлял весь, до донышка. Будто бы на рентгеновском снимке.

Установочные данные, биография, отзывы предыдущих командиров с заключениями о возможности дальнейшего использования — это ладно. Это всегда так, с той или иной степенью субъективности, с отблеском личных отношений аттестуемого и аттестующего, грамотный читатель таких бумаг иногда может из самой гнусной характеристики сделать собственные, часто противоположные выводы.

В первой половине документа все так и выглядело.

Однако дальше шло совсем другое. Там излагались такие подробности характера и психологических особенностей поручика, что только диву даваться.

К чему он предназначен по врожденным физическим и психическим качествам, что получил в процессе обучения и службы и чего требовать от него нельзя ни в коем случае.

Каких успехов он может добиться на предполагаемой должности немедленно, в чем будет испытывать затруднения и даже в каких случаях поощрения будут эффективнее порицания, и наоборот тоже.

Подробная была бумага, и если считать ее правдой...

Это не характеристика, не аттестат даже, а некая инструкция по пользованию, вроде тех, что прилагаются к новым образцам оружия или к бытовой технике.

Хорошо, проверим. Если это правда — так лучшего и желать нечего.

— Скажите, поручик, вы в наших частях служить действительно хотите? Причем — в Москве.

После своей Средней Азии любой почти человек ухватился бы за предложение, не думая.

Этот — задумался.

— Москва? Лестно, конечно. А в чем служба-то? Я — фронтовой офицер.

Сказано было с достоинством.

— Да, кстати, вы так и не ответили, значок у вас за что? — спросил Стрельников, не совсем вежливо указывая пальцем на крестик.

— Думаю, по совокупности. За два года пришлось по пескам побегать. В нас стреляли, мы стреляли. Несколько банд брали, что называется, вручную. Командирам — настоящие ордена. Причем чем дальше от фронта, тем ордена крупнее. Ну а нам — что осталось!

Сказал это поручик с некоторым вызовом, глядя в лицо полковнику. Если б не видел Стрельников, что пе-

чати на конверте не повреждены, подумал бы, что специально Уваров под характеристику работает.

— Уверены в том, что говорите? И имена можете называть? И конкретные операции? Учтите, мы здесь к князю прямой доступ имеем. Доложить то, что мне сказали, ответственным за это лицам сможете? Выводы будут мгновенные и однозначные. Или — или. Готовы?

Поручик не замаялся ни на секунду.

— В принципе готов. Скажу и кое-чем подтвердить сумею. Только одного боюсь, результата от этого не будет, а все, кто с моей подачи засветятся, — пострадают ни за что.

— У нас так не бывает, — спокойно, но жестко сказал Стрельников. — У нас все по справедливости, хотя кое-кому такая справедливость может показаться хуже любого произвола. К этой теме мы при необходимости вернемся. Служба же вам предлагается не то чтобы совсем боевая. Скорее, к жандармской ближе. Но — по специальности. И начинать придется рядовым, пусть и при офицерских погонах.

— Вроде «Каскада», что ли? — спросил Уваров с понимающей улыбкой.

«Каскад» — это был легендарный отряд спецопераций Министерства внутренних дел.

— Да нет, чуть-чуть покруче. МВД — это МВД, а мы все-таки Гвардия. Так как?

— Отказываться не приучен... — поручик на секунду замаялся. — Но, когда меня направляли, обещали должность с повышением. Свой срок я уже выходил.

Вполне естественно, каждый нормальный офицер сроки выслуги знает и к любой задержке относится куда более нервно, чем девушка в иной, впрочем, ситуации.

— А вот об этом можете не беспокоиться. У нас звания идут, как на подводном флоте. То же и должностей касается.

— Иных вопросов не имею, — с прежним достоинством ответил Уваров и посмотрел на полковника вопросительно.

— Тогда выйдите через эту дверь, — Стрельников указал на маленькую, незаметную, в углу кабинета, — там сидит штабс-капитан, он скажет, что дальше делать. И вот еще что. От выправки своей строевой избавляться начинайте прямо сейчас. В нашей службе такое ни к чему. Сутулиться научитесь, руками не в такт размахивать, ноги, если придется, приволакивать. Учить вас и этому будут, как артистов учат, а вы пока сами потихоньку...

Проводив первого волонтера, полковник не спешил приглашать следующего. Закурил, снова пробежал глазами по листам аттестации Уварова.

Что-то здесь не так. Он мельком слышал от бывшего подчиненного, а потом сразу начальника, Арсения Неворова, что ведутся кое-какие работы, что, мол, появилась некая схема, позволяющая выявить в людях сразу все их черты и качества. И что вскорости внутренней контрразведке и делать будет нечего.

Посмотрел на человека через специальные очки, условно говоря, и сразу все ясно. Кого на повышение, кого в отставку, а кого в тюрьму, без суда и следствия.

Поскольку говорилось это в соответствующей обстановке, за стаканом пива и как бы в шутку, Стрельников пропустил идею мимо ушей, усмехнувшись, конечно, и добавив к месту несколько собственных соображений. А вот, оказалось, и гораздо быстрее, чем предсказано, что все точно так и есть.

Что ж, проверим это дело на следующих кандидатах, тогда можно будет делать серьезные выводы.

Он снял трубку внутреннего телефона.

Спросил порученца, что там делает принимаемый на службу поручик Уваров.

— Как положено, сидит и ждет, пока остальные от вас выйдут. Автобус на тринадцать ноль-ноль заказан.

— А ты его куда расписал?

— Согласно вашему указанию, на пополнение второго отряда. Там еще четыре вакансии. Остальные пойдут в третий.

— Нет, давай переиграем. Возьми чистый лист, сверху напиши крупно — «Печенег-5». Ставь — номер первый — прочерк. Номер второй — поручик Уваров. Дальше — посмотрим.

Дело в том, что Стрельников, получив команду генерала, вначале собирался действовать обычным образом, то есть создавать новые отряды на штатной основе уже имеющихся.

Распределить новобранцев по первым четырем, помустровать их там недельку-другую, а потом простая арифметика: сложить четыре вместе и поделить на шесть. И приказ будет выполнен, и, слегка потеряв в численности, отряды сохраняют прежнюю боеспособность.

А теперь у него возникла новая идея.

Раз генерал навязал ему свою новую кадровую политику, так отчего же не испытать ее сразу по полной программе на прочность и на излом.

Мол, вы так приказали, я к вашим приказам и офицерским формулярам отнесся с полным доверием. Если что не так — не взыщите.

Но главное, ему самому эта идея показалась вдруг очень заманчивой. Только надо настоять, чтобы в ближайшее время прислали ему еще как минимум полторы сотни людей с такими же пакетами.

И до самого вечера Стрельников увлеченно разбирался с поручиками и подпоручиками, сопоставляя научные рекомендации с собственными впечатлениями и составляя своего рода пасьянс в пределах расписания пятого и шестого отрядов.

И совсем бы хорошо закончился этот день, если бы ему перед самым отходом ко сну не позвонил оперативный дежурный штаба с сообщением, что от «тридцать третьего» абонента специальной связи поступил сигнал уровня «гроза», то есть положение самое что ни на есть угрожающее. Тревожная группа в полной готовности, но нужна санкция.

— Ждите, если обстановка еще позволяет. Еду!

Обстановка ждать позволяла. Более того, Стрельников сразу понял, как им повезло. Если начальником управления он был еще молодым, то оперативником — старым и опытным.

Бубнов, будучи всего-навсего доктором, пусть и военным, и причастным к деятельности контрразведки, повел себя с первого момента совершенно грамотно. И тревожный сигнал подал вовремя, и в меру возможности комментировал свои действия, давая возможность высказаться и налетчикам. То есть все шло, как грамотно срежиссированный радиоспектакль.

Дежурный, тоже не новичок, сразу же развернул несколько подвижных радиопеленгаторов и на карте города отслеживал перемещения автомобиля, в котором везли Максима.

Стрельникову оставалось только отдать команду, и группы захвата тотчас же приступят к делу. Но вот именно этого делать ему не хотелось. Намечалась неплохая оперативная игра, в которых он знал толк. Лишь бы доктор продолжал вести себя правильно. Если бы его хоть на полминуты оставили одного, этого хватило бы, чтобы передать необходимые инструкции и рекомендации.

Задержать вражеских агентов — не проблема, но потом замучаешься отслеживать их связи и доказывать конкретную вину. Какие-то показания по горячим следам получить можно, но вряд ли они выведут на организаторов и заказчиков.

Лучше еще немного подождать, послушать.

Обращаться за санкциями к Чекменеву полковник тоже не хотел. Пока все дело вполне укладывается в рамки его нынешней компетенции, а что такое, когда простенькой операцией начинают руководить начальники с большими звездами, он знал не понаслышке. Вот зимой они с Неверовым провели «Саблю» исключительно под свою ответственность и выиграли по-крупному. А начини докладывать и согласовывать, неизвестно, чем бы кончилось. Вернее — давно и хорошо известно.

И сейчас Стрельников чувствовал, что ниточка тянется туда же. Вершки они срубили под ноль и корешки кое-какие подергали, да не все, не все. Есть такие сорняки, что на десятки метров распускают под землей свои корни, тонкие и прочные, как стальная проволока.

— Я сам поеду. Какая бригада ближе всего к объекту?

Не прошло и лишней минуты, как полковник переоделся в специальный рабочий костюм, напоминающий высотный противоперегрузочный, с мышечными усилителями и поликарбоновыми вставками, защищающими жизненно важные органы даже от автоматной пули в упор.

Шлем-сфера оснащен прибором ночного видения, галогеновой фарой, способной своим лучом при прямом попадании ослепить противника на срок от часа до суток, ультракоротковолновой связью с остальными членами группы и отдельным приемником, настроенным на волну переговорника Бубнова.

В завершение экипировки он надел разгрузочный пояс с полным комплектом бесшумного оружия и боеприпасов, виброножом и сумкой фотоимпульсных гранат.

Попрыгал привычно, проверяя подгонку снаряжения, и ощутил нечто близкое к простому человеческому счастью. Сколько-то времени ему не нужно думать о высоких материях, только — о предстоящем деле.

Кто его знает, не в последний ли раз?

При этой мысли Стрельников суеверно сплюнул и проделал остальные необходимые действия.

«Последний раз» — это не в том совершенно смысле. Просто — вдруг по должности больше не придется лично возглавлять группы захвата и кайфовать от порции адреналина, вброшенного в кровь собственным риском, отвагой и умением.

Он устроился на переднем сиденье низкой, плоской, как портсигар, черной бронемашины. Со стороны она больше всего напоминала спортивное «купе» класса «Гран туризмо» и при хорошем водителе могла носиться по пустым ночью городским улицам с двухсоткилометровой скоростью, производя незабываемое впечатление на редких таксистов и еще более редких пешеходов.

— Вперед! — приказал он водителю. — Но лихачить не нужно. Я этого не люблю.

— Знаем, Виктор Викторович, как же, — с почти неуловимой иронией в голосе ответил офицер.

Стрельников продолжал с интересом вслушиваться в те слова, что доносились из переговорника. Все это было крайне интересно и сулило великолепные оперативные перспективы.

Вот мы сейчас их возьмем, побеседуем наскоро, но по душам, узнаем, кто есть этот рафинированный джентльмен, а там и до хозяев доберемся.

Но вдруг что-то там изменилось, на той стороне радиоволны.

И Стрельников, отчетливо понимавший границу собственной компетенции, перебросил тумблер на панели широкополосного передатчика-транслятора.

— Игорь Викторович, объяснять обстановку некогда. Бубнов захвачен и доставлен на известную мне точку. Работаю по стандарту. Но сейчас там... Одним словом — я вас переключаю напрямую. Слушайте сами. Примете решение — дайте знать.

Режим жизни и службы на «Сердитом» постепенно обретал черты должного порядка. На нормальном флоте экипаж стоял ходовые вахты по четыре часа через восемь, и всем хватало времени и на отдых, и на сон, причем командир всегда уверен, что механизмы обслуживаются должным образом, штурман ведет прокладку курса, боцман руководит строевой командой, а кок в положенное время представит на пробу завтрак, обед и ужин.

И служба идет с четкостью и бесшумностью швейцарского хронометра. От подъема флага до «вечерней зари с церемонией».

Так это ж при экипаже почти в тридцать человек, из которых самый молодой матрос второй статьи¹ прошел полугодовое обучение специальности в учебном отряде, матрос первой служит по второму году, а унтера и офицеры имеют подготовку от четырех лет и выше. А каково, если на борту, кроме тебя, два сухопутных офицера и две дамы, которым единственно можно доверить работу в камбузе, или на часик поставить к манипуляторам, да и то в ясную погоду, без предполагаемых изменений курса и под приглядом.

Но как-то приспособились. И вышли на приемлемый режим труда и отдыха.

Для человека, привыкшего учиться всю жизнь то в гимназии, то в Университете, потом в Академии, каковым Ляхов себя осознавал, не столь уж сложно было освоить азы штурманского дела, для командира корабля в его положении — самого главного. Остальное можно и не знать, за двигатели отвечал Тарханов, артиллерия и все прочее — к счастью, неактуально.

Уже на второй день похода Вадим вполне прилично

¹ Матрос второй статьи соответствует званию рядового сухопутных войск. Матрос первой статьи — ефрейтору.

наловчился вести графическое счисление координат. Тут ведь главное — внимание и тщательность, что для медика и будущего разведчика естественно по определению.

На карте с момента выхода из порта требовалось наносить, желательно каждые полчаса, а при их скорости хода — час, отметки компасного курса и отсчета лага. В точках поворота наносить надпись дробью, в числителе которой момент времени до минуты, а в знаменателе — отсчет лага на этот момент. Желательно бы еще указывать угол сноса течением со знаком «плюс», если оно направлено в левый борт, и «минус» — если в правый.

Но это Вадиму пока что было недоступно, поскольку о течениях в этой части Средиземного моря он имел крайне приблизительное представление. Равно как недоступно ему было и счисление аналитическое, основанное на знании алгебраических формул, учитывающих разности широт и долгот при данных значениях курса судна и пройденного расстояния.

И уж тем более он не имел возможности уточнять свое местоположение с помощью радиотехнических и астрономических способов.

Поэтому вел катер практически по прямой, проложенной от Триполи миль на десять южнее Кипра. Во время отметился по пеленгу на его высочайшую вершину, гору Троодос, внес необходимые поправки и проложил курс прямо на восточную оконечность Крита. До него почти триста миль, считай, сутки двадцатизуловым ходом, никаких навигационных опасностей по дороге не обозначено, значит, можно особенно не напрягаться.

Днем и Розенцвейг с Тархановым компасный курс удержат, а ночью он уж сам. Двадцать не двадцать, а узлов четырнадцать ходу держать можно, чтобы следующим днем по светлому времени оказаться в виду остро-

вов. Пусть даже точно к Криту и не получится выйти, так можно к Карпатосу и даже к Родосу. Уж в стокилометровый створ он наверняка попадет. При любой навигационной ошибке. Если какой-нибудь португалец Негоро не подложит топор под компас¹.

Португальцев на борту не числилось, а вот с Татьяной наконец появилась возможность поговорить по душам.

Вадим сдал вахту Тарханову. Значит, четыре часа у него в полном распоряжении. Розенцвейг отдыхал у себя в кубрике, Майя, с которой все согласовано, чтобы не мешать и одновременно присматривать за Сергеем, прилегла с книжкой в капитанской каюте. Там ей, кстати, и полагалось находиться в качестве подвахтенной. Подержать манипуляторы, если Тарханову потребуется перейти к пульту управления двигателями или просто в галльон отлучиться, еще какие-то мелкие поручения выполнить, чаю согреть, например.

Он сказал ей о своем намерении поговорить, наконец, с Татьяной наедине, и она не стала возражать. Ясность всегда лучше неизвестности.

«Майя — настоящая дочь своего отца», — подумал Вадим.

Даже после того, как ей стало известно о подозрениях в адрес подруги (а две женщины, оказавшись изолированными в мужском обществе, неминуемо обречены стать подружками, как бы они ни относились «друг к другу» на воле), ни единым намеком, вопросом, взглядом не выдала себя. А для женщины это почти непреодолимый иску́с, девять из десяти либо начали бы собственное расследование, либо просто в подходящий момент поделились жгущей язы́к информацией.

¹ Персонаж романа Ж. Верна «Пятнадцатилетний капитан», пират и работорговец, сумевший указанным способом направить шхуну «Пилигрим» вместо Южной Америки в Экваториальную Африку.

Майя не сделала ни того ни другого. Напротив, в меру сил выполняла поручение Ляхова — развлекала девушку своей болтовней (весьма квалифицированно), на уровне приличного психотерапевта старалась перевести ее меланхолию в иную плоскость, личным примером втягивала в тяжелую физическую работу, благо ее хватало при подготовке к отплытию.

Что самое интересное — все это имело эффект. Татьяна на самом деле как-то повеселела, взбодрилась, да еще и вполне комфортные условия военно-морской базы способствовали нормализации так называемой личной жизни.

Одним словом, с медицинской точки зрения Ляхова, пациентка опасений не внушала.

Что же касается конспирологической — заняться этим самое время.

Честно признаться, Вадим предпочел бы допроса Татьяны (подо что угодно замаскированного) избежать.

Ну, мало ли что там раньше случилось... Не ту ампулу подала, каким-то странным образом возобновила старинную связь с Тархановым, покойный капитан учуял исходящую от нее ауру прикосновенности к загробному миру. Разобраться, так пустяки все это. «По сравнению с мировой революцией», как писал в своих опусах сбежавший после краха большевизма в Аргентину вождь Красной армии Л.Д. Троцкий.

Точно так Ляхов и отнесся бы к этой проблеме еще полгода назад. Поскольку всегда был парнем легкомысленным, исповедовавшим простую истину: «Все на свете тлен, кроме твоего собственного спокойствия». И все было хорошо, жизнь текла достаточно легко и приятно. Пока не случилось то, что случилось.

И тут, наверное, Чекменев, гвардейские кадровики, а потом и Максим Бубнов со своим «верископом» разглядели в нем то, чего сам Ляхов не видел. Хотя, возможно, в глубине души и подозревал.

И вот случилось, что пришлось ему стать капитаном корабля. Случайно, следует признать, под давлением товарищей, которые вообразили, что, если он происходит из семьи моряка (вполне условного, пусть и в адмиральском чине, поскольку отец его был не флотоводцем, а кораблестроителем) и в молодости занимался яхтенным спортом, значит, и боевой катер сумеет до родных берегов довести.

Только никто не учел, и сам Вадим в первую очередь, что капитанство — это штука не простая. Налагающая на человека, данного титула удостоенного, какие-то особые свойства и обязанности. Ни про кого ведь больше такого не сказано: «Капитан на борту — первый после бога».

И ни от кого, при какой бы должности он ни состоял, не требует обычай уходить последним, а если что — тонуть вместе с кораблем, сохраняя на лице абсолютную невозмутимость. Как, например, командир «Осляби» капитан первого ранга В.И. Бэр. Во время Цусимского сражения броненосец стремительно уходил в воду, а он, стоя на мостике и затягиваясь последней папиросой, кричал спасающимся матросам: «Дальше отплывайте от борта, дальше, мать вашу, всех ее родственников, двенадцать апостолов и тридцать великомучеников! Черт возьми, вас затянет водоворотом, бортом накроет, под винты понесет... Дальше отплывайте!»

В этот момент, перед лицом смерти, он был великолепен. А ведь раньше его никто не любил — ни офицеры, ни команда.

Вот и его друзья, будучи совершенно сухопутными людьми, просто не могли себе представить, какую власть, совершенно нечувствительно, заберет человек, умеющий управлять кораблем. Наверное, читая в детстве книжки про пиратов Сабатини или Стивенсона, не уловили главной мысли, пусть неакцентируемой, но все равно главной: самые крутые ребята, с абордажными

★ саблями в обеих руках, имеющие на совести десятки, если не сотни убийств, до бровей налитые ромом, никогда не позволяли себе поднять хвост на капитана. Как бы он ни был мерзок и жесток. Вроде того же Волка Ларсена.

Если и случался бунт на борту, так только в случае, если имелся в запасе, на своей стороне, хоть захудаленький, но штурман. И не иначе.

Так и тут. Друзья, никогда не выходившие в море ни на чем, кроме прогулочного трамвайчика, час-полтора катающего пассажиров в километре от берега, подсознательно считали, что Ляхов окажется чем-то вроде автомобильного шофера. Мы, мол, устроимся на заднем сиденье, а ты баранку крути. При прочих равных.

А так, увы, не бывает.

Спокойное осознание опасности профессии и ответственность за чужие жизни меняет человека и внутренне, и внешне, хотя он всего-навсего в какой-то момент поднялся на приподнятую над палубой рубки площадку, положил руки на манипуляторы и спокойно произнес: «Слушай мою команду».

Из всего вышесказанного, разумеется, не следует, что Ляхов каким-то образом вообразил себя диктатором или пожелал изъяснять свое нынешнее положение в наглядной форме. Ни в коем случае. Ему такое и в голову не могло прийти. Просто все, включая иностранного генерала Розенцвейга, на уровне спинного мозга сообразили, от кого сейчас зависит их жизнь и благополучие.

Когда скрылись за горизонтом берега Палестины, раскинулось море широко, штатский народ ощутил некоторую подсознательную дрожь в коленках. Карта, лежащая в рубке, вместо привычных пехотному офицеру Тарханову зеленых низин, коричневатых высот, кругов и овалов горизонталей, всего набора условных знаков, являла взгляду сплошное бледно-голубое пространство с

разбросанными по ее площади циферками глубин. Как тут можно ориентироваться?

Отчего и Татьяна, девушка крайне независимая, невольно привстала из-за электронного клавирина, на котором пыталась музицировать в кают-компании. Пока Вадим снимал и вешал на крючок куртку, стягивал тяжелые сапоги, она успела наполнить из постоянно гревшегося кипятильника массивную фарфоровую кружку, разболтать в ней две ложки кофе, собрала подходящую закуску.

Ляхов, устроившись в любимом кресле, указал глазами на застекленную стойку бара, где с края стояла черная витая бутылка крепкого ликера «Селект».

Татьяна поняла, подала и бутылку, и черненую серебряную стопку.

— Спасибо, Таня. Присядь со мной. Разговор есть.

И тут же она напряглась, Вадим это даже не увидел, а почувствовал.

Ничего не сказал, только улыбнулся как можно дружелюбнее.

Девушка подошла и села. Очень грамотно, кстати. В полном соответствии с психологической теорией, гласящей, что для доверительного разговора люди должны находиться рядом, но через угол стола. Причем собеседник, считающий себя ниже, садится слева от доминирующего, пусть и правое место свободно.

Так все и получилось.

После того утреннего разговора на израильской погранзаставе другого случая пообщаться наедине у них не представилось. Все время на людях, и в основном по делу, только за общим столом иногда обменивались шутками или не очень много значащими фразами. Это неявное отчуждение началось, безусловно, после случая с умирившим чеченцем, когда Татьяна подала Ляхову неизвестно откуда взявшуюся ампулу со слишком концентрированным адреналином. В полевых комплектах об-

щего назначения Ляхов никогда не встречал 1%-ный адреналин. Конечно, можно допустить, что неизвестный врач или военфельдшер «той» армии положил в сумку коробку с ампулами в каких-то собственных целях, но очень маловероятно, чтобы именно эта сумка подвернулась под руку в столь критический, можно сказать, судьбоносный момент.

А что тут судьбоносного, если задуматься? Ну, прожил бы Гериев на полчаса дольше, что бы он такого уж важного сказал? Насчет покойников успел предостеречь, пусть и не слишком понятно. Но насторожиться заставил, отчего они и не попались врасплох при ночном нападении. Спасибо ему...

И не мог Вадим всерьез предположить у обычной девушки такой силы предвидения, такой быстрой реакции, чтобы в считанные секунды оценить обстановку, принять единственно верное решение, исходя из имевшихся возможностей.

Разве только — никаких решений она самостоятельно не принимала, действовала в качестве чьего-то нерассуждающего инструмента.

Ляхов и ей налил до края приличного объема рюмку.

— Пора ведь побеседовать, как ты считаешь? — отпил глоток ликера, посмаковал, размазывая языком по нёбу. Ощутил, как жгучая сладость проникает в глубь слизистой, вонзается во вкусовые сосочки.

— О чем? — Татьяна вертела ножку рюмки в пальцах, но к губам не подносила.

— Да мало ли. Я, понимаешь ты, стихийный психолог, да еще человек с богатым от природы воображением, наблюдаю за тобой с самого начала, присматриваюсь. Как только Сергей нас познакомил, вашу чертовски романтическую историю изложил. С детства трогательные мелодрамы обожаю. И ты мне сразу понравилась. Красивая женщина, умная, да еще и мало-

знакомый мне типаж, я северянин, с кубанскими казачками вблизи не сталкивался...

Татьяна слушала его внимательно, не пытаясь перебивать, с нейтральным выражением лица, которое Вадим отметил еще при первой встрече, на веранде в коттедже Тарханова. Ему тогда же и показалось, что в глубине души ей глубоко безразличны люди, с которыми приходится общаться.

Вдруг неожиданно ярко вспомнилось ее обнаженное тело, случайно увиденное через щель в занавеске. Майины прелести по сравнению с ней выглядели попроще. Интересно, а в постели с Сергеем или с кем-нибудь еще она тоже ухитряется сохранять эту ленивую невозмутимость? Или превращается в вулкан страстей?

Давным-давно он понял, что сам по себе процесс вызывает у него гораздо меньше интереса, чем поведение партнерши во время этого процесса. Отчего ему так по душе прихлясь непредсказуемая и раскованная Майя. Но таких подруг, как Татьяна, у него пока еще не было.

По проблеску в ее серо-зеленых глазах Ляхов понял, что девушка на гормональном уровне уловила этот посыл.

Пожалуй, пожелай он проявить активность, больших возражений со стороны Татьяны не последовало бы. С чисто научной точки зрения — интересно. Но не здесь же и не сейчас.

— И сразу у меня возникла целая цепочка вопросов. Дурацких, по преимуществу, поскольку сам великолепно знаю, что случайности совершенно не рационализируемы и даже серия невероятных совпадений отнюдь не повышает их общую невероятность... Как, например, двадцать выпадений подряд одной и той же цифры в рулетке...

— Ты собираешься излагать мне теорию вероятностей или все же сказать нечто конкретное? — слегка

улыбнулась Татьяна. Похоже, она начала успокаиваться, да и мысль о том, что она сумела вызвать у Ляхова вожделение, способствовала подъему настроения.

— Скажу, не торопись. А ликерчик все же попробуй, зря, что ли, монахи старались? Так вот. Несмотря на вышесказанное, ваша история не давала мне покоя. Потому что еще до нее мы с Сергеем проигрывали варианты касающихся нас с ним невероятностей. А тут вдруг — ты!

— А что — я? Согласна, выйти в Цветник поздним вечером и встретить там господина Тарханова-Неверова через целых десять лет — удивительно. Но и только. Мы ведь любили друг друга когда-то, пусть не настолько, чтобы пожениться, но тем не менее. Он — подходящий мне типаж мужчины, я — девушка его мечты, образца 1995 года. Не буду жеманничать, тогда у нас все получалось великолепно. Соответственно и на этот раз нас потянуло... У меня были сложные жизненные обстоятельства, и, увидев Сергея (Арсения), я подумала, что встреча со столь похожим на старого друга человеком... Нет, даже если не судьба, то некий знак... Грубо говоря...

Катер вдруг резко рыскнул на курсе, волна гулко ударила в правую скулу, стрелка креномера метнулась к двадцати градусам. Кофе выплеснулся на стол, Вадим едва успел поймать чашку, вознамерившуюся изобразить из себя хоккейную шайбу.

Татьяна вскрикнула, Ляхов, не сдержавшись, матернулся.

Сдернул со стены трубку прямой связи.

— На вахте, за компасом следить!

Репетир показывал, что «Сердитый» уклонился от рекомендованного курса на целых двенадцать градусов к зюйду и, естественно, поймал волну лагом.

— Есть, командир! Зевнул, виноват. — Тарханов не стал оправдываться и ссылаться на неправильную волну и ветер. Это хорошо.

А волнение и вправду резко усилилось. Баллов до пяти.

Тут и сам Ляхов виноват, не предупредил вахту, что остров Кипр перестал заслонять их от ветров, стекающих к морю с вершин хребта Тавр. В лоции, кстати, об этом упоминалось.

— Бывает. Возьми сразу двадцать к норду, на волну посматривай. Вразрез иди. Если ветер будет крепчать — поднимусь на мостик.

— Есть, командир!

— Надо было тебе в морское училище поступать, — без тени лести сказала Татьяна, когда катер выровнялся на курсе и даже слегка прибавил ход.

— Упаси бог. Для развлечения — хорошо, а всю жизнь так — увольте.

Он допил то, что уцелело в кружке, трубку набивать не стал, взял сигарету из коробки в центре стола.

— И мне тоже... — на памяти Ляхова Татьяна закурила четвертый или пятый раз. Но видно было, что раньше курила много, это легко определить по манере держать сигарету, затягиваться, выпускать дым.

— Так о чем мы? Ну да, я решила, что если этот человек проявит хоть малейшую настойчивость, я соглашусь. Пусть «курортный роман», на неделю, две — все равно. Мне это было очень нужно тогда. Видишь, я сейчас с тобой скорее как с врачом говорю, чем с другом моего «мужа»...

— И правильно. Я примерно это и имел в виду. Продолжай, да.

— Получилось несколько иначе. Налет бандитов, бой в гостинице, признание Сергея, предложение поехать с ним... Это ведь сумасшествие, согласишься, бросить все, работу, дом, очертя голову, не зная куда, зачем...

— Или — не сумасшествие. А расчет. Причем — не твой. Посмотри, как интересно складывается. Сергей

ушел в отпуск, он не обязан был вообще ехать в Пятигорск, но поехал. Поучаствовал в деле, которое не хуже сделали бы и без него. Зато успел вообразить, что в городе юности его ждет некое романтическое приключение. И тем вечером отправился на поиски именно его.

Допускаю, что, не встретив тебя, он снял бы любую симпатичную девушку, которых полно отирается возле дорогих ресторанов и интуровских гостиниц. Однако он тебя встретил.

Ляхов не обратил внимания на протестующий жест руки с зажатой между пальцами сигаретой.

— Он тебя встретил. Уехал со своей командой, потом вернулся. К тебе... За тобой ли — пока неизвестно. Потом — налет бандитов и бой. Как там было и что — тебе виднее, я не присутствовал. Но! Если бы не факт знакомства с тобой, он бы в город не вернулся. Некому было бы освободить «Бристоль» и тебя. Нам бы в руки наверняка не попал Фарид. Не случилось бы то, что случилось в Москве со мной и Майей. Мы не поехали бы с вами на рыбалку, с которой нас выдернул Чекменев для своего с Маштаковым эксперимента. Мы не оказались бы здесь. Не встретили бы чеченца Гериева, который предупредил нас о покойниках. И ты не помогла бы ему раньше времени уйти в мир иной. Возникает вопрос — зачем?

— Ты говоришь — это я его убила? Как? Зачем? Пытался оказывать ему помощь — ты. Не сумел. При чем тут я?

— Ни при чем. Разве я тебя обвинял? Вот ты меня — да! Вспомни свои тогдашние слова. Вспомнила?

Татьяна попыталась, это было очевидно.

— Нет. Разве что-то подобное было?

— Было, Таня. Могу тебе напомнить твои слова, только не очень хочется. Отнесем их на общее расстройство, в том числе и памяти. А теперь скажи, что те-

бя так мучило после этого? Если считаешь, что ни в чем не виновата. Депрессия откуда, слезы немотивированные, нервные срывы?

— Майка наболтала? — Татьяна сузила глаза и скривила губы. — Вот гадюка. А обещала...

— Ничего она не болтала. Не знаю, о чем вы с ней разговаривали, мне она не передавала. А зря. Проще было бы. Однако у меня и своих глаз достаточно. И сообразительности. Ты и до этого сильно нервничала. Неадекватно ситуации, а после встречи с чеченцем — особенно. Так в чем дело? И таблетки успокоительные глотать не надо было. Откуда ты знаешь, что это за таблетки? Соответствуют они твоему диагнозу или нет. Чаше от такого самолечения крыша едет еще быстрее.

Это Вадим сказал навскидку. Просто по догадке, мол, если человек плохо себя чувствует, имеет доступ к медикаментам, в том числе и сильнодействующим, а вдобавок еще слегка причастен к медицине без глубоких в ней познаний, то наверняка вообразит, что фенамин или элениум могут помочь. Да и поведение Татьяны последние дни наводило на соответствующие выводы.

Однако сейчас он, кажется, попал гораздо глубже.

Татьяна вздрогнула, в уголках больших глаз показались слезы.

— Откуда ты знаешь? Про таблетки?

Вадим предпочел промолчать. Тут нечто другое. Если бы она вчера-позавчера что-то и принимала, подобной реакции его слова не вызвали бы. Он просто сделал значительное лицо. В том смысле, что от нас ничего не укроется. Признавайтесь лучше сами.

Просто потянулся к бутылке и налил ей еще одну рюмку.

— Выпей не торопясь. Теперь-то чего нервничать? Мало у кого что случилось... А сегодня живем, плывем. Берег далеко, возможный враг авиацией и подводными

★ лодками не располагает. Бог даст, и доплывем. Сергею ты ничего об этом не говорила?

Девушка помотала головой отрицательно. Залпом выпила рюмку, не успев прочувствовать, как ликер действует, попросила еще. Причин отказать не было. Все к лучшему...

— Примерно за год до встречи с Сергеем мне стало совсем плохо. Подвернулся там один... Вроде как очередная любовь... А на самом деле... Ты не представляешь, какая гадость, мерзость! Раньше и не думала, что бывают такие подонки... И так вдруг все стало... Прямо на дежурстве спустилась вниз, купила в ларьке у аптекарши, Аллы, пузырек, она про мои дела знала, думала, от нервов, продала без рецепта. Я его целиком и выпила. Сначала с девчонками в баре по коньячку, для смелости, а потом сразу пятьдесят таблеток.

Вот оно что, прикусил губу Ляхов. Вот откуда все тянется. Многое становится понятнее.

Но — промолчал и сейчас. Пусть продолжает. Алкоголь сам по себе куда лучший психотерапевт, чем дипломированный специалист. А он так даже и не специалист.

— Если я и не умерла тогда, так совсем чуть-чуть. Три дня в коме, говорят, была. Неделю — в реанимации. Еще потом месяц — в санатории для больных постсудикальным синдромом... — Она грустно улыбнулась, и лицо ее как-то сразу осунулось, совсем не по возрасту. — Врачи там хорошие оказались, очень доходчиво мне про мою глупость объяснили. Между прочим, помогло. Больше такое желание не возникало.

Она сделала паузу, словно ожидая, спросит ли Вадим о подробностях. Он этого не сделал. Зачем? И так все ясно. Особенно в плане нынешней ситуации. Вот что имел в виду Шлиман, вот какую ауру он уловил.

Получается, натуральным образом загробный мир существует и отнюдь не в виде «бокового времени».

С ним, с Тархановым, с Татьяной кое-что теперь ясно. А с Майей, с Розенцвейгом? Они что, тоже как-нибудь умирать пробовали?

— А когда выкарабкалась, в себя пришла, вспомнила, какие мне роскошные сны снились. Ты не представляешь...

— А тема?

— Про темы врать не стану, не запомнились. Но общее ощущение самое приятное. Даже если вдруг пробивалась сквозь сон здравая мысль, что со мной на самом деле и где я нахожусь, ну, знаешь, как оно бывает: спишь, понимаешь, что спишь, а потом по второму слою тебя накрывает, и уже это тоже воспринимается очередным порождением сна. Просыпаться не хотелось ни в коем случае, а потом вдруг — нет, обязательно надо проснуться, потому что то, что сейчас, — это обманка какая-то, на самом же деле вот-вот станет плохо, так плохо...

— И?

— Проснулась, очнулась, куда же денешься, если лечат приемами интенсивной терапии. Постепенно поверила, что на этом свете все ж таки лучше, чем на том. По крайней мере, если пытаешься попасть туда противоестественным способом.

— Никаких светящихся тоннелей, голосов, райских лугов заметить не успела? — вспомнил он популярные книги с записями воспоминаний переживших клиническую смерть.

— Не довелось как-то, — усмехнулась Татьяна.

Ее здравомыслие Ляхову понравилось. Пожалуй, остаточных явлений от мрачного события у нее не имеет. Хотя так сразу все равно не угадаешь.

— А здесь вдруг те же самые сны возвращаться стали или новенькое что? — спросил он максимально деликатно.

— Не те же. Больше на кошмары похожие. И нача-

лись четко на вторую ночь и позже. Какие-то фигуры непонятные мне мерещились, долгие, запутанные скитания по мрачным, никогда не виданным местам, страх беспричинный. Просыпалась с колотящимся сердцем и дикой тоской. Майе пыталась что-то объяснить. Иногда получалось, иногда нет.

— А когда Гериева нашли?

— Вот тогда я испугалась по-настоящему. Потому что это был точнейший сюжет одного из снов. Не такой подробный, конечно...

— А при чем здесь санитарная сумка и адреналин?

— Какой адреналин?

— Как же — какой? Я сказал тебе — набери в шприц адреналин из ампулы, один кубик по ноль-один. Ты сделала. Он почти тут же умер. И ты начала обвинять меня, что я его неправильно лечил, что надо было дать ему что-нибудь поддерживающее, общеукрепляющее...

— Не помню! — и, судя по ее тону и выражению лица, скорее всего, именно данного эпизода она не помнила. Вполне вероятно, особенно если учесть, что они снова очутились тогда на рубеже времен и миров. Тогда, кстати, и Сергей себя вел пусть и грамотно, но несколько возбужденно. Черт знает, как эти переходы на людей влияют, зависимо от состояния психики и организма.

— Ну и ладно. Не помнишь — не надо. Просто меня в тот именно момент удивило, откуда у тебя в сумке взялся однопроцентный адреналин и с чего вдруг ты, медсестра без образования, вдруг начала кадрового доктора уму-разуму учить... А так все нормально. Желательно наплевать и забыть, глупостей мы все наговорили и делали за последний год сверх всякой меры. Поэтому, пока условия позволяют, я бы тебе некоторые общеукрепляющие нервную систему средства прописал, а главное и так есть. Морская прогулка, калорийная пища, витамины, здоровый сон. Алкоголь в умеренных дозах то-

же показан. Через недельку все комплексы как рукой снимет.

Если, конечно, что будет не так — обращай в любое время. Включая мое пребывание на вахте. Желательно также никому о нашем этом собеседовании не рассказывать. Но это, впрочем, на твое усмотрение.

Татьяна молча кивнула.

Судя по ее повлажневшим глазам, а также разгладившемуся лицу, даже столь примитивная психотерапия свой результат оказала. Камень с сердца упал, так сказать, ликер шестидесятиградусный, изготовленный бенедиктинцами по древнему рецепту, с молитвой да на целебных травах, — тоже кое-что. Получше многих патентованных препаратов будет.

— Давай-ка ты пока спать ложись, а то ведь если шторм по-настоящему разгуляется, тогда не отдохнешь, если и морской болезнью не страдаешь, устанешь в каюте пятый угол искать.

Ляхов проводил девушку в каюту, после чего обошел все надстройки и тамбуры катера, лично запер ведущие на палубу двери и люки. Теперь по штормовому коридору пройти можно было только в ходовую рубку, а оттуда — в машинное отделение.

Дело в том, что ему вдруг вообразилось, не возникнет ли у Татьяны мысль разом решить все проблемы, и те, которые они успели обсудить, и те, до которых речь не дошла. А еще ведь могут быть вопросы третьего порядка, ни ему, ни ей в полном объеме не доступные. За бортом им самое место. А вдруг кому-то захочется решить их именно так?

В рубке, не отвлекая Сергея, напряженно вглядывавшегося в лобовое стекло, уточнил прокладку за время вахты Тарханова. «Сердитый» держал волну очень хорошо, стрелка компаса четко обозначала предписанный курс, мерно пощелкивал лаг, выдавая на барабане одометра количество пройденных от берега и с точки по-

следнего счисления миль и кабельтовых¹. Однако за собственное местоположение Вадим поручиться уже не мог. Как их сносит, куда? Сколько оборотов винта ушло на продвижение вперед, а сколько — на сопротивление волне и ветру.

Ладно, как-нибудь посчитаем, сориентируемся.

— Команда, здесь капитан, — включил он микрофон системы общей связи. — По причине усиления волны и ветра выход на палубу категорически запрещается. Только в случае острой необходимости, по моему приказу, в спасательных жилетах и со страховочными поясами. Каждый отвечает конкретно. Приказ понят?

Дождался ответов от всех, включая не успевшую заснуть Татьяну, сбросил на себя тумблер, полюбовался взбудораженной поверхностью моря, на сколько окрест хватает взгляда, покрытой отчетливыми серо-черными волнами, сплошь окантованными поверху гребнями клубящейся пены.

Согласно «Справочной книжке судоводителя» имеющий место ветер следует определить как «свежий», пятибалльный, волнение же — «значительное», силою между четырьмя и пятью баллами, но уже другими.

Удивительное зрелище — до сих пор Средиземное море он себе представлял интенсивно-синим — и путающее немного. Если бы не уверенность в прочности корпуса и надежности движков, вполне можно начинать предаваться мыслям о бренности всего земного.

Но это так, атавистические инстинкты сухопутного существа. Люди плавают тысячи лет — на папирусных лодках, плотах, галерах, каравеллах, а потом вдруг появляется некий капитан Джошуа Слокам и в 1895 году, совершенно от нечего делать, совершает одиночное кругосветное путешествие на десятиметровой парусной

¹ Кабельтов — $\frac{1}{10}$ часть мили, 185 метров.

скорлупке, в сравнении с которой наш «Сердитый» — линейный крейсер.

Древние римляне, те вообще сформулировали: «Плывать по морям необходимо. Жить — не так уж необходимо».

ГЛАВА 14

Господин Насибов Федор Михайлович, купец второй гильдии, совладелец торгового дома «Насибов, Гершензон и партнеры», имеющего центральную контору в Петрограде, а отделения по многим городам государства Российского, неторопливо, как и подобает особе его положения, заканчивал собирать вещи.

За окнами одноместного купе международного класса уже замелькали несущие тросы нового трехэтажного моста через Вислу, похожие на струны гигантской арфы.

Мост открылся для движения всего полгода назад и уже признан по своей архитектуре, оригинальности конструкции, дешевизне и скорости сооружения первым в мире.

По двум верхним ярусам двигались легковые автомобили и бесконечный поток грузовиков, следующих транзитом, без заезда в Варшаву, от портов Тихого океана, из Маньчжурии и Сибири в Европу и до берегов Атлантики. С боковых путей нижнего яруса поезда местного сообщения имели возможность уходить на подъездные пути всех четырех варшавских вокзалов, а по центральному суперэкспрессы молотили от Владивостока через Москву до Парижа, Мадрида и Лондона без всяческих задержек.

Грандиозное, что и говорить, сооружение, но в данный момент Насибову виделось совсем другое — как в один прекрасный момент пятнадцатикилометровый мост, повисший в небе над Варшавой, подобно металлической

радуге, рухнет вниз, перебитый в узловых точках грамотно заложенными подрывными зарядами.

Сколько будет жертв и разрушений внизу, на центральных улицах и площадях одного из красивейших в Европе городов, и сколь высоко взметнется волна гнева и возмущения «гордых поляков» империей, безрассудно и преступно подвесившей над их головами этот титанический «дамоклов меч»!

Он защелкнул замки плоского чемодана крокодиловой кожи и принялся ждать прибытия. Не из тех он людей, которые за полчаса уже толпятся в коридоре вагона и даже в тамбуре, неизвестно по какой причине нервничая. Будто поезд так быстро остановится и так быстро вновь отъедет, что они не успеют выйти на перрон.

Уважающему себя человеку приличествует важность. Тем более что сопровождающие от русской контрразведки, которые, по его мнению, занимали оба соседних купе, тоже не спешат.

Поиграем друг у друга на нервах? Так никакого толка в подобной игре нет. Пытаться скрыться от них он не собирается, а если бы и собрался, не выйдет. Здесь, по крайней мере, не выйдет. При необходимости попытку отрыва можно предпринять только в закоулках Старого Места или, еще лучше, в районе еврейского гетто. Там человек, сумевший проскользнуть в один из грязных, воняющих давно не убиравшимися мусорными баками подъездов, успевший предъявить кому надо визитную карточку своего партнера Гершензона, исчезнет бесследно. Хоть всю варшавскую жандармерию на ноги поднимай.

Только сегодня это Фариду не нужно. Все свои обязательства он будет соблюдать скрупулезно, как и обещал господину Чекменеву. Их интересы сейчас полностью совпадают. Турецкий майор не собирался вникать в тонкости операции. На самом ли деле московский генерал заинтересован в крупной антиправительственной

заварушке или преследует иные цели — это совершенно не важно.

Завтра будем проигрывать варианты. Сегодня — все по схеме.

Поезд уже начал тормозить под сводами Московского вокзала, и проводник шел по коридору, постукивая ключом по дверям купе, которые еще были прикрыты.

— Приехали, господа, Варшава, приглашаю выходить.

Но Фарид отодвинул дверь, лишь когда вагон остановился окончательно. Заскрипев последний раз тормозами и коротко дернувшись.

Всего-то девять человек ехало в этом люксе, и семеро из них уже сгрудились перед ступеньками тамбура. Только один, последний, лысеющий толстячок в помятом костюме, не слишком соответствующий своим обликом классности вагона, еще шевелился в дверях купе, вытягивая из него массивный чемодан, стянутый медными полосами.

«Трупы в таких кофрах удобно перевозить», — подумал Насибов.

Мимо него, зацепив плечом, проскользнул второй проводник, первый помогал пассажирам в тамбуре.

— Подождите, ваше сиятельство, не утруждайтесь, мы сейчас носильщика позовем, — железнодорожный лакей, источавший всемерную готовность услужить, дернул вниз раму окна, выкрикнул на перрон: «Эй, чтырдесят пентный, ходзь тутай. Клиента маем»¹.

«Этот — не мой, — подумал Фарид, — и вообще, пока суетиться незачем».

С того момента, когда его выпустили из тюрьмы, отвезли в очень приличный гостиничный номер, снабдили всем необходимым, дали пару дней отдохнуть и прийти

¹ Эй, сорок пятый (номер носильщика), иди сюда, клиент есть — (ломаный польск.).

в подобающий легенде вид, он начал не только говорить, а и думать исключительно по-русски.

По-польски он тоже соображал прилично, но именно в тех пределах, как и следовало купцу, разъезжающему по просторам многонационального государства. В Ташкенте мог кое-как объясниться, и в Тифлисе, и в Эривани, и даже в Ревеле, хотя их угрофинский диалект, как казалось Фариду, и сами аборигены не слишком разумели.

В принципе сейчас он был в наилучшей позиции за все время своей нелегальной деятельности. Пока не начнешь вести себя неправильно, на твоей стороне вся мощь московских секретных служб и подполья польских сепаратистов, и даже есть кое-какие концы в резидентурах иных, ныне не упоминаемых государств. Короче — живи и радуйся.

С чего он и решил начать. Нет, не с нарушений, а, наоборот, с радостей.

Чекменев не только выдал ему приличную сумму наличных на дорогу и «первое обзаведение», как он выразился, имея в виду отнюдь не покупку вещей первой необходимости, а и сообщил номера некоторых банковских счетов, которыми можно пользоваться не возбранно.

Велика ли беда, что счета эти принадлежали отнюдь не российским спецслужбам, а организациям, им бескомпромиссно враждебным. На то и война. А уж как этими богатыми возможностями сумеет Фарид воспользоваться — это вопрос его сообразительности и удачи.

Варшава — город интересный, по-хорошему экзотический, хоть и входит уже более двух сотен лет в состав России, но по сю пору сохраняет налет Средневековья, и не только европейского.

Замки, костелы, дома купцов и шляхты времен расцвета Речи Посполитой. Узкие улочки тринадцатого—че-

тырнадцатого веков, и рядом широкие проспекты, предложенные уже при русских наместниках. И тут же совершеннейшие муравейники, в которых пятьсот лет селились евреи по мере их медленной, но неотвратимой миграции из испанских и германских земель, обнесенные причем высокими каменными стенами с редкими воротами, вроде бы давно заброшенными, вросшими углами в землю, а там, кто его знает... По крайней мере, петли на них, если глянуть заинтересованно и с вниманием, похоже, не так давно смазаны солидолом.

Гетто, оно и есть гетто.

Начнись вдруг что (как не один раз случалось в самые благополучные для еврейских общин всего мира времена, в той же и Севилье, к примеру), ворота вдруг сами собой закроются, на стенах появятся воины (из тех, кто не собрались в свое время, вернее, не сочли нужным оставлять обжитый плацдарм ради берегов Мертвого моря и струй Иорданских), в достаточной степени оснащенные стрелковым оружием. И не только легким. Чтобы дать достойный отпор всем возжелавшим развлечься древней забавой под названием «погром», пощупать, что там хранится в кованых сундуках наследственных гранильщиков алмазов и ростовщиков.

На Варшавское гетто, крупнейшее во всем «цивилизованном мире», за исключением разве Бухарского, у Фарида был особый расчет. Но не на ближайшее время.

Сейчас он взял на привокзальной площади открытый автомобиль-ландо¹, огляделся по привычке, ничего подозрительного, естественно, не увидел и велел шоферу везти себя в отель «Кристалл», на перекрестке Маршалковской и Аллей Иерусалимских.

¹ Тип кузова с откидным тентом только над задними сиденьями для пассажиров.

★ Золотая осень в Варшаве была хороша. Покуривая сигару, Фарид вдруг задумался: а не прав ли был тот самый, взявший его в плен, русский полковник, говоривший, что, живя в империи, куда лучше служить ей, а не ее врагам.

В смысле, что и по деньгам не хуже выйдет, а в рассуждении карьерных перспектив и душевного спокойствия — намного лучше. Да и прав он, наверное.

Если исключить один-единственный вопрос.

Империя ведь ваша! Если бы она была нашей — совсем другой разговор.

Что бы там ни говорили насчет возможности представителей разных цивилизаций и культур адаптироваться друг к другу — это полная ерунда. Человек, родившийся турком, пусть даже он окончит два факультета в лучших университетах Европы и научится говорить без акцента на русском, французском, немецком и английском, так турком и останется. Иногда — только в душе, а иногда — целиком и полностью.

Как будто тот полковник, Неверов, преобразившись, по долгу службы или повороту судьбы, в турка, мог стать им на самом деле.

Научился бы есть руками плов, а сам мечтал о жареной картошке с огурцом, привык к ласковой и покорной мусульманской жене, а грезил бы об отчаянной, раскованной, не признающей никаких приличий русской девчонке, ходил бы пять раз в день в мечеть, все время вспоминая свои церкви, басовитых попов и свечи, горящие перед иконами...

Нет, «запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись...».

Но сегодня, господин Чекменев, мы с тобой в одной лодке. Я не знаю, куда собираешься грести и приплыть ты, но пока наши намерения сходятся. А там видно будет...

Фарид, конечно, как всякий толковый разведчик-аналитик, не мог не попытаться разгадать игру против-

ника. И кое-какие гипотезы уже выстроил. Только были они слишком уж умозрительными. Реальной информации не хватало.

Проще всего предположить, что, поощряя действия сепаратистов, русский генерал таким образом собирается, плотно контролируя деятельность «Насибова», вскрыть те остатки международной сети, которые ему пока еще не известны. Похоже на истину, но для Чекменева — примитивно.

Перейдя логической ступенькой выше, можно думать, что его интересует силовой вариант решения проблемы. Вызвать широкомасштабные беспорядки, после чего физически уничтожить и само подполье, и всех его легализованных сторонников и сочувствующих. Тоже недурно. Однако ведь Варшава и весь Привислянский край никак не входят в сферу интересов и компетенции Московской контрразведки. Да и прав таких она не имеет — проводить силовые акции в столь удаленных от Москвы районах государства.

Может быть, просто подложить крупную свинью Центральному Правительству? Из каких-то собственных соображений? Например, чтобы потом продвинуть на пост варшавского генерал-губернатора нужного человека? Или самому сесть в Бельведере. Очень вероятно.

Последний вариант — что господин Чекменев просто-напросто тоже является агентом собственного «Ибрагима Катранджи», какую бы фамилию он ни носил и в какой стране ни держал свой офис, Фарид решил оставить на потом.

Причем ему, с его собственным мировосприятием, этот вариант отнюдь не казался слишком уж фантастическим.

Аллеи Иерусалимские в этот солнечный сентябрьский день выглядели никак не хуже Елисейских Полей.

Четыре ряда вековых, в несколько обхватов каштанов, высаженных еще во времена Великого князя Константина, брата Николая Первого, неспешно, но непрерывно роняли на булыжник мостовой и красную кирпичную крошку бульвара сухие желтые листья.

Ярко-синее небо над крышами домов, блеск паутинок в воздухе, праздно прогуливающиеся толпы варшавян, невзирая на разгар рабочего дня, роскошь магазинов и ресторанов по сторонам, слегка сместили направление мыслей Фарида. По приятному контрасту с тюремной камерой и воспоминаниями о пропахших чадом бараньего жира, тесных и грязных улицах Басры, где последнее время помещалась его резидентура. Все ж таки жить в европейском городе и ощущать себя европейцем как-то интереснее, чем быть мусульманином в мусульманском.

Отель «Кристалл», где по телефону из Москвы был заказан угловой номер в бельэтаже, встретил его привычной тишиной, прохладой, сумраком длинных коридоров и подчеркнутой, нерусской вежливостью obsługi.

Как бы ни выдраивали комнаты к приезду гостя, сквозь аромат дорогих дезодорантов все равно пробивалось неистребимое — запахи дерева стенных панелей, наверняка хорошо подъеденных изнутри жучком, пыльных ковров, которые сколько ни выбивай и ни чисти пылесосами, а все равно остается что-то еще аж с девятнадцатого века, восковой мастики, на сантиметр втертой в темный паркет.

И ветви деревьев с ржавыми листьями негромко скребли по стеклам окон, и цветные пятна бежали по стенам, золотистые пылинки роями вспыхивали под прерывистыми лучами солнца.

Вдали, в перспективе Маршалковской, вздымались к небу два параллельных шпиля гигантского костела, вокруг которого со скрежетом разворачивались на кольце

старинные, как все вокруг, трамваи. Русские правы, не желая отдавать все это полякам за просто так.

Сейчас это имперский город, фактически одна из четырех неформальных столиц Державы, утвердившихся на необъятной территории вытянутым, асимметричным ромбом. Петроград, Варшава, Москва, Новониколаевск¹. А увенчайся успехами замыслы сепаратистов, Варшава превратится в столицу захолустного государства, не нужного, по большому счету, ни Западу, ни Востоку.

В очередной раз подивившись раздвоенности своего сознания (а чего тут странного, турецкоподданный Фарида мыслил тоже имперскими мерками. Турция, включающая в свой состав Балканы, Грецию, большую часть Ближнего Востока, Египет и Ливию, — совсем не то же самое, что третьеразрядная страна, вытесненная за Босфор и вынужденная существовать на полупустынях Анатолийских плато), он потребовал в номер кофейник крепчайшего кофе и повалился, прямо в желтых ботинках с гетрами, на широкую кровать, раскурив очередную сигару.

С этого момента и до не известного пока предела ему придется играть одновременно две роли. И нужно постараться, чтобы обе вышли стопроцентно убедительными.

Начнем с первой.

За дверью музыкально закрипели паркетные плитки. Возможно, специально их не закрепляют, чтобы создавать соответствующий колорит.

Полька лет пятидесяти, но выглядящая еще вполне элегантно, вкатил в номер сервировочный столик с мельхиоровым, сильно парящим кофейником, сахарницей, маленькой чашечкой с блюдцем и ложечкой. Запоставленной бутылкой «Боржома» и стограммовым графинчиком рижского бальзама.

¹ В нынешнем мире — Новосибирск.

★ — Пан хочет что-нибудь еще? — спросила она по-русски, но с неистребимыми местными интонациями и акцентом.

— Спасибо, ничего.

Женщина, поклонившись, вышла, аккуратно приотворив за собой дверь.

Теперь можно раздеться, принять душ, а уже потом и позвонить по известному номеру.

Интересно, где сейчас расположились агенты Чекменева, обязанные отслеживать каждый его шаг и контакт? В то, что русский контрразведчик положился всего лишь на его честное слово и расклад, не оставляющий Фарида свободы маневра, он тем не менее поверить не мог.

Да и странно, если б иначе.

Сам-то Фарид, несмотря на мерзкий прибор, с помощью которого его вывернули чуть ли не наизнанку, все ж таки достаточно информации сумел утаить. И потому, что следователь не всегда знал, что и как спросить, а равно и оттого, что достаточно опытный турок довольно быстро сообразил, каким образом правильно отвечать. Любой ведь почти вопрос можно так повернуть в собственном сознании, что ответ именно на эту трактовку окажется субъективно правдивым, а значит, шайтанская машинка сочтет его правдивым и объективно.

Так, Станислава, главного резидента и доверенного человека эфенди Ибрагима по всей Западной России и окрестностям, он тоже ухитрился не сдать. Поскольку в силу данных ему Катранджи-беем полномочий тот, после произнесения определенной формулы, не просто пароля, а именно психолингвистической формулы, переходил в полное подчинение Фариды. Причем подчинение не оперативное, а абсолютное, как джинн Аладдину после потирания пресловутой лампы.

Европа Европой, но Восток тоже кое-что умеет. Еще с времен Халифата, когда «белые люди» почти в полной

дикости пребывали, а в Магрибе, Гранаде, Севилье процветали науки и культура, в том числе и с сильной мистической составляющей.

Вот Станиславу Фарида позвонил, отнюдь не боясь возможной прослушки. Имелись у подпольщиков на этот случай специальные устройства-рассекатели, проще говоря — коммутаторы, которые умели улавливать момент подключения к линии связи посторонних. И тут же создавали параллельный канал связи, с совершенно другим номером абонента на том конце линии, при необходимости монтировали разговор требуемого по оперативной игре содержания. Или — абсолютно невинную болтовню. Просто нужно было знать, какой предварительный код набирать на диске.

Сейчас, например, в доступную прослушиванию линию был вставлен разговор с женщиной. Естественно, речь Фарида транслировалась в подлиннике, а вот ответы он и чужой «слухач» получали совсем разные. «Насибов» не собирался затевать собственную игру, «подставлять» Чекменева или целиком выходить из поля его внимания и контроля, просто ему надо было обеспечить себе минимальный «люфт» для маневра. Поскольку просчитать или даже угадать ход развития событий в столь запутанной обстановке не смогла бы даже самая мощная команда аналитиков. А Фарид был один. И единственной целью его деятельности было — любой ценой сохранить жизнь и свободу. От всех. Причем свободу, материально обеспеченную до конца дней.

Если разобраться, весьма скромные претензии. Не нужна ему была власть в обычном понимании, маршальские и генеральские чины, обожание толпы, вообще ничего, носящего публичный характер. За исключением одной тонкости: жизнь обывателя, пусть даже очень богатого рантье, его не устраивала тоже. Как плов без перца.

Вот представьте: подходите вы к казино или к иному помещению, где намечается игра. В рулетку, в покер, в

преферанс или в кости — не важно. Настроены пощекотать себе нервы, схлестнуться с судьбой или с умным партнером, желательно и выиграть, конечно. У входа вас встречает некто.

— Уважаемый, на какой выигрыш вы сегодня рассчитываете?

Допустим, вы не отстраните его рукой, а пожелаете ответить:

— На десять тысяч. Рублей, долларов, фунтов, динаров — не важно.

— Возьмите двадцать того самого, уважаемый, и чтобы ноги вашей тут больше не было!

Как ответите вы, я не знаю. Игрок же (в том числе и Фарид), произнеся некую грубость или вежливо пожав плечами, в заведение все-таки войдет...

...Через три длинных гудка с той стороны взяли трубку.

— Могу я слышать ясновельможного пана Станислава? — поинтересовался Фарид¹.

— Можете. И уже слышите. Кто со мной говорит?

— Ваш друг и друг того, чьим гостеприимством вы пользовались под парусом в синем-синем море.

— Я все понял, примите уверения... говорите дальше.

— Дальше я хотел бы встретиться с вами как бы совершенно случайно в достаточно приличном ресторане, а то и борделе, где гарантирована конфиденциальность. Сегодня, сразу же с наступлением темноты. (В сконструированной версии Фарид сейчас говорил с женщиной, обладающей волнующим голосом, и договаривались они тоже о встрече и тоже в интимном месте, куда филер «наружки» проникнуть не мог по определению,

¹ Весь дальнейший разговор идет по-польски, причем в самой изысканной форме, но для удобства читателей текст сразу дается в переводе, значительно адаптированном.

но выходящий в означенном месте из автомобиля и входящий в дверь «объект» увидел бы во всей красе).

Как уже неоднократно упоминалось, масштабных «горячих» войн в Европе и вообще странах ТАОС не велось уже восемьдесят лет, зато тайные игрища спецслужб по всей территории планеты получили небывалый расцвет и размах. Осуществлялись они с энтузиазмом и азартом, давно приобретшими самоценное значение. С использованием столь изощренных методик, что китайские и японские коллеги былых веков утерлись бы, поняв, что их дела — не более чем разборки в средней группе детского сада по поводу похищенной из шкафчика для переодевания конфеты.

Станислав назвал место и положил трубку. Фарид подержал свою возле уха еще несколько секунд, с некоторым удивлением удостоверился, что ни одного известного ему признака прослушки не имеется. И наконец-то позволил себе расслабиться, то есть целых три часа поспать. Благо стены в отеле были запредельно толстые, в добрых полтора метра, да еще и шторы он задвинул, тяжелые, бархатные, окончательно отрубившие все уличные звуки и солнечный свет.

В назначенное время он вышел из отеля, проверяясь, миновал четыре квартала и подхватил такси, тоже заведомо не подставное.

...Еще раз сказать, в Варшаве подходящих для секретного контакта мест ровно столько, как и в Москве, а если сопоставить площадь и население городов, так выходит, что намного больше.

Такси крутилось по городу вроде и долго, а на самом деле пункт назначения оказался (по прямой) всего в паре километров от исходного. Фарид план Варшавы держал в голове полностью и чувством направления владел, давая по мере движения указания водителю.

Как было оговорено (со стороны турка несколько и в шутку), местом встречи оказался самый настоящий бордель, пусть и высокого разбора.

Сначала был просто ресторанный зал, за ним подобие салона с баром, куда спускались девушки для предварительного охмурения клиентов, потом коридор с номерами, и уже в одном из них — замаскированная за гобеленом дверь, где ждал порученца «Великого» здешний резидент.

Оформлено все было вполне грамотно, с выдумкой, хотя и несколько театрально. Так, в общем-то, в нынешней жизни все выглядит достаточно театрально. А чем еще людям заниматься от скуки? Скуки длительной, почти что вековой уже, когда ничего волнующего для подавляющего большинства обывателей не происходит от рождения и до смерти. Отдельных авантюристов, путешественников, добровольцев разного рода профессиональных воинских формирований в расчет не берем.

Прошлый раз аналогичная скука, охватившая цивилизованное человечество, не видевшее приличной мясорубки на собственной территории со времен Франко-прусской (1870 г.) и Русско-турецкой (1877—1878 гг.), закончилась мировой бойней.

Так там передышка, прерываемая мелкими заварушками на отдаленных границах Ойкумены, продлилась лишь около сорока лет, а здесь тянется вдвое больше. Ох и рванет, если что!

— И что же поручил передать мне господин Ибрагим? — наконец-то осведомился Станислав, после того как Насибов — стопроцентно русский купец: и по одежде, и по манерам, и по петроградскому выговору — вошел, поискав глазами вешалку, бросил на нее мягкую шляпу и произнес очередной пароль.

По сравнению с тем, каким его видел Фарид на яхте

миллиардера и негласного владыки нецивилизованной половины мира Катранджи, поляк изменился. В лучшую, пожалуй, сторону. Все ж таки роль шестерки не украшает никого. А всего полгода побыл самостоятельной фигурой и сразу раздобыл, вальяжность появилась, самоуверенность и задорный блеск в глазах.

Но это ничего, сейчас мы тебя приопустим, подумал Фарид. Чтоб не слишком воображал о себе. Причем, что самое смешное, сейчас Фарид собирался «опускать» поляка с точки зрения русского начальника, совсем не турецкого.

Что, кстати, не слишком и сложно. Поскольку на протяжении последних... да, шестисот уже лет и турки, и русские принадлежали к доминирующим нациям, а поляки, увы, при всей их отваге и гоноре — к регулярно проигрывающим и покоряемым.

При Грюнвальде они было словчились победить, да и то при помощи русских и татар, а дальше? Все время ставили не на ту карту и к чему пришли? Последний раз поставили на вроде бы неубиваемую, на Наполеона Бонапарта, так ведь и он, мерзавец, подвел, проиграл сначала тем же русским, а потом и Коалиции.

Фарид Карабекир, при всех его раздерганных мыслях и устремлениях, был весьма умным человеком, по личным (не всегда совпадающим с рабочими) убеждениям — сторонником безвременно умершего Ататюрка. И как бы там ни складывалась его реальная жизнь, считал, что величайшей ошибкой Блистательной Порты было участие в Мировой войне на стороне Германии против Антанты. Дурацкие предрассудки и стереотипы султанского двора, а более того — движение Младотурок¹.

¹ Младотурки — члены буржуазно-националистической организации «Единение и прогресс» (1898—1918 гг.), сторонники прогерманской ориентации, втянувшие Турцию в Мировую войну, организаторы геноцида армян (1915 г.).

Вот если бы сообразили они в тот роковой год принять сторону России! В руках Турции Босфор и Дарданеллы, за спиной — Черное море, могучий Российский флот и неисчерпаемые людские и промышленные резервы. Да мы бы этих союзников размазали, только так! Вернули бы себе и Египет, и Ливию, и все Балканы. Ну, пусть под совместным контролем с Россией, пусть!

А если б еще дальше подумать и организовать настоящий союз, «Восточную Антанту»: Турция — Россия — Германия, с примкнувшими болгарам, румынам и греками против франко-англосаксонского мира, где бы они сейчас все были?

Средиземное, Красное моря, Суэцкий канал — русско-турецкие, Балтика и Атлантика — русско-германские. Ближний Восток и Северная Африка — турецкие. Персия, ну, пусть чисто Российский протекторат, турки все равно с персами общего языка не находили, а русские никому не мешали жить, как нравится.

Но это так, к слову.

Как нынешние итальянцы любят порассуждать о своей преемственности прав и идей Великого Рима. На самом-то деле: «Есть то, что есть, а остальное — ложь».

Заветную формулу Фарид приберегал до нужного момента, а пока общался со Станиславом в поле реальных отношений. Так не только интереснее, это полезно для сохранения возможностей маневра.

— Господин Ибрагим прежде всего поручил МНЕ спросить у вас отчета, насколько правильно вы расходовали доверенные вам средства и насколько в результате вы приблизились к достижению намеченной цели. Если не ошибаюсь, сумма составляет... — и совершенно точно, вплоть до рублей (поскольку деньги выделялись для действий на территории империи) назвал общий дебет

всех счетов, открытых Катранджи и подконтрольных Станиславу.

Выждал несколько лишних секунд, чтобы клиент как следует осознал ситуацию (мол, наконец-то приехал пресловутый Ревизор!) и самому чтобы насладиться моментом его растерянности. Потом сказал:

— Нет, бухгалтерских книг я сейчас требовать не стану, ибо какая уж в таком деле бухгалтерия. Не только за копейку, за тысячу не всегда вспомнишь. Вот хоть и это заведение — сколько стоит? Аренда комнаты — одно, покупка всего здания — другое, а если и девочек посчитать как статисток спектакля — это уже третье. Но если повернуть наоборот, прикинуть, каков процент прибыли на вложенный капитал, — тогда уже четвертое. Не правда ли?

Чтобы удовольствие от разговора было полным, Фарид достал из кармана крупные четки, и не банальные янтарные, а засаленные пальцами многих поколений дервишей, деревянные, может, из того самого кедра ливанского, упомянутого еще в первых книгах Библии. Пощелкал ими неторопливо, опустив очи долу, усиливая в собеседнике чувство сомнения и тревоги, дотянул паузу до того предела, когда и Станиславскому захотелось бы крикнуть: «Да хватит же, ради бога!» — только потом сказал:

— Ладно, налейте по рюмочке вашей «Выборовой», и поговорим конкретнее. Короче, меня сейчас интересует только одно — насколько по порядку величины соответствуют произведенные вами траты достигнутому результату. Вот об этом и доложите.

— ...Хорошо, — кивнул головой Фарид, выслушав почти получасовой доклад. Из него следовало, что Станислав в свое время Ибрагима Катранджи не обманул,

★ двадцать тысяч готовых к началу восстания бойцов Армии Крайовой у него было, и оружия приобретено достаточно, и связи с инсургентами в прилегающих государствах тоже налажены. А главное, после того как удастся начать очередное национальное восстание, к кадровым частям стихийно присоединится чуть ли не подавляющая часть населения.

С этим Фарид спорить не стал, хотя и испытал сильное сомнение.

Во все времена подавляющая часть населения предпочитала сидеть дома и ждать, куда оно все повернется, в случае же удачного развития событий (то есть утере контроля со стороны центральных властей) народ предпочитал заняться столь увлекательным делом, как грабежи. Всего, что плохо лежит. В особенности же — того, что лежит хорошо. И до тех пор, пока старая ли, новая ли власть ощутит себя достаточно сильной, чтобы эти грабежи пресечь.

— Значит, как? Я могу считать, что по первому сигналу ваши люди начнут восстание? Разоружат российские гарнизоны, захватят правительственные учреждения, откуда-то вдруг появится сейм, который примет на себя полноту власти и обратится к мировому сообществу с просьбой о признании независимости Великопольши?

Кстати, а к кому вы собираетесь обратиться? К Германии, которая весьма озабочена недопущением проявлений польского сепаратизма в своей Силезии? К Австрии, из которой выкроили Галицию и Закарпатскую Украину ради создания не слишком успешно процветающего Малопольского государства? К кому еще? Уж не к самому ли Кракову? У них там как раз других забот нет, чтобы вас поддерживать, будто все пограничные проблемы с Венгрией и Чехословакией рассосались.

Станислав посерел лицом.

— Мне кажется, вы слишком уж пренебрежительно относитесь к нашему делу! И слишком плохо знаете поляков. Несмотря на триста лет иноземной оккупации, мы ощущаем себя единым народом. И чаяния у нас единые. Если восстанет Варшава, к ней немедленно присоединятся и ныне германские земли, и Малопольша¹. Кстати, как она ни слаба сейчас, это вполне состоявшееся государство, обладающее всей необходимой легитимностью. Сразу же, как только русские будут выбиты из Варшавы, последует государственный акт о воссоединении. И цивилизованная Европа его признает. И вот тогда посмотрим! И вообще, мне не нравится ваш тон! Не похоже, что вы на нашей стороне!

— Ха-ха-ха! — Фарид произнес это отдельно. И слегка ударил в ладоши. Два раза. Ему нравилось то, что происходит. — Почтеннейший! Вы поддаетесь эмоциям, и значит, вы уже не правы. Я приехал вас инспектировать. Эрго, я ваш начальник. Если угодно, чтобы еще больше вывести вас из себя, я скажу — мне абсолютно наплевать на ваши национальные чувства и ваши идеи. Поскольку у меня есть свои, о которых меня тоже никто не спрашивает. Мы с вами работаем за деньги. За хорошие деньги. Если вдруг в отдельных аспектах намерения «работодателя» совпадут с нашими — уже хорошо. Если нет — увы! Попробуйте решать свои проблемы, исходя из личных возможностей.

А спросил я вас о том, о чем спросил, с единственной целью — насколько реально вы себе представляете обстановку. Вот об этом и извольте говорить.

Мятеж вы начнете. Допустим, людей и оружия у вас хватит, чтобы выбить русских из Варшавы и даже из

¹ Малопольша — созданное в 1919 году решением Антанты независимое польское государство на территориях Австро-Венгрии с преимущественно польским населением. Столица — Краков.

Восточной Польши, которую они нагло именуют Привислянским краем. Дальше!

Вы совершенно уверены, что Краковское правительство сегодня так уж озабочено утопической идеей «Великопольши от моря и до моря», что согласится поставить на кон свое достаточно комфортное положение? Мало того, что далеко не факт, будто мировое сообщество так уж легко согласится на конфликт с Россией ради вас и ваших, пока еще ничем не подкрепленных, амбиций. Так вдобавок пан Демиховский и его кабинет отлично должен представлять, что после «воссоединения» он уже не будет президентом независимого государства, а в лучшем случае — главой не самой значительной провинции. По-моему, ему в Высоком Замке¹ сейчас вполне комфортно, и чтобы посадить вас в Бельведер², он палец о палец не ударит!

Станислав с огромным трудом взял себя в руки. Все же действительно, инспектор есть инспектор, и если он сочтет, что резидент не оправдывает доверия и вложенных средств, не только отстранить имеет право, но и решить вопрос о его физическом существовании. Значит, нужно выкручиваться. И как можно убедительнее.

Он постарался располагающе улыбнуться. Разлил по рюмкам лучшую из польских водок, какую можно купить в Варшаве за деньги.

— Конечно, по большому, как говорится, счету вы правы... Федор Михайлович. Со стороны все должно выглядеть именно так, как вы говорите. Только вы упускаете некоторые детали, которые вам просто не совсем знакомы. Я уж не буду говорить про особенности

¹ Высокий Замок — резиденция президента Малопольши в Кракове.

² Бельведер — дворец в Варшаве, где до 1919 года размещались наместники российского императора в Царстве Польском, в настоящее время — губернатор Привислянского края.

польского характера, так называемом «шляхетском гоноре», который не позволяет нам смириться с нынешним положением дел. И никогда не позволял. В 1812 году мы пошли, вопреки всей Европе, тогдашней Антанте, за Наполеоном, и корпус Понятовского дошел до Москвы. Именно потому пошли, что была надежда вернуть себе независимость. И восстание Костюшко. И еще много столь же, с нормальной точки зрения, безрассудных акций.

Да, польские легионеры воевали в Мировой войне тоже на стороне Германии и опять проиграли. Но что из этого! Это лишь обостряло наши национальные чувства, обогащало опытом. И сейчас мы подготовлены гораздо лучше.

Что Краковское правительство? Если оно нас не поддержит — оно уйдет. Найдется достаточно патриотов, которые не станут взвешивать, что важнее — собственное благополучие или судьба нации. Из надежных источников в Германии мы знаем, что в обмен на наш отказ от претензий на Силезию и Поморье (временный, разумеется, временный) Рейхстаг и правительство воздержатся от недружественных акций, а возможно — сразу же признают новое польское государство.

Кроме того, — а это должно быть вам известно даже в больших подробностях, чем мне, — в ближайшее время должны произойти некие события, на фоне которых России будет не до того, чтобы затевать полномасштабную войну в центре Европы, хотя бы и с «сепаратистами» вроде нас. Как вы считаете?

Фарид никак не считал.

Его это не касалось. Хотят они кровопролитной войны на своей территории — пожалуйста. Есть у русских поговорка: «Дураков и в алтаре бьют». Ему нужно было выполнить задачу, поставленную перед ним в Москве, которая удивительным образом совпадала с той, что об-

рисовал в свое время Катранджи. Он даже решил не гадать больше, для чего вдруг беспорядки в Польше потребовались Чекменеву.

Гораздо важнее было сделать все, что от него ждут, получить свои деньги и скрыться раньше, чем возникнет реальная опасность для собственной жизни. От кого бы она ни исходила. Лучше всего — вообще на другой континент. В Австралию. Еще лучше — в Новую Зеландию. Там его хрен найдут, что враги, что друзья. Особенно если он выправит себе документы коренного маорийца и построит виллу в неприступных горах, охраняемую отрядами верных людоедов.

— Если вы утверждаете, что все обстоит именно так, мне остается вас только поздравить, — сказал он со всей возможной любезностью. — Теперь — конкретно. Я сейчас не требую от вас подробного плана, имен, деталей операции, точных сроков. Об этом будем говорить позже и в другом месте. Изобразите мне схему операции. В самых общих чертах, но убедительную. Поняли, что я имею в виду? И — финансовое обоснование предстоящих трат, если, конечно, деньги вам еще требуются. А то ведь, уверовав в слова о польской самоотверженности и готовности на любые жертвы ради Отчизны, я могу подумать, что многочисленные деловые люди с солидными состояниями, как-то: Вишневецкие, Короткевичи, Шнеерзоны, прочие Гомулки с Сикорскими и Берутами — уже принесли на алтарь освобождения Польши столько рублей, фунтов, марок и золотых, что впору мне у вас подзанять на бедность. Неужели не так?

— Конечно. Сейчас я вам все доложу. А вот насчет пожертвований не надо, а? Зачем вы опять так бестактно шутите? Вам хорошо, у вас есть господин Катранджи-бей. У нас, увы, названные поименно плутократы от-

нюдь не озабочены национальной идеей. Им — «Ubi bene, ibi patria»¹.

— Мудрые, наверное, люди, — тихо, но разборчиво пробурчал себе под нос Фарид.

ГЛАВА 15

Валерий Уваров прогуливался по Старому Мясту, самому сердцу этого, пожалуй, самого необыкновенного и романтического губернского города России. Были, конечно, в ней и другие города, обладающие собственным шармом и экзотикой, прославленные в истории, литературе и анекдотах, стоящие на морском берегу или среди снеговых гор, нависающих прямо над центральными проспектами. Но Варшава — это Варшава, собственный Париж, если угодно, гармонично дополняющий все прочие прелести Державы.

С момента когда он решительно шагнул в кабинет полковника Стрельникова, ему снова начало везти. А ведь казалось временами, что все! Карьера забуксовала, а если такое случается с самого начала — плохой признак. Будучи старшим по производству поручиком полка, роту он так и не получил. Постоянно участвуя в боях, не имел даже самого жалкого орденочка, да и Боевой Знак ему дали просто потому, что в противном случае поведение отцов-командиров становилось просто неприличным.

Комбат, подполковник Биктяков, почуял своим татарским нюхом, что в ближайшее время господа обер-офицеры, обиженные за товарища, просто могут устроить ему обструкцию в Собрании, что было чревато поте-

¹ Где хорошо — там и Родина (лат.).

рей лица, вплоть до отставки. Вот и пробил Уварову хоть такую награду.

Причем сам Асхат Ахатович Уварова скорее уважал, но против командира бригады пойти не мог. А тот поручика буквально не выносил, по совершенно непонятым Валерию причинам. В армии такое случается достаточно часто.

Только другие командиры стараются избавиться от неприятного им офицера при первом же удобном случае, а этот предпочитал держать «мальчика для битья» при себе. Даже рапорты с просьбой откомандировать на две недели в управление кадров округа для сдачи предварительного экзамена в Академию Генерального штаба полковник Гальцев трижды сладострастно отклонял без объяснения причин.

Валерий — кстати, не просто Уваров, а граф Уваров, дальний потомок того самого, министра просвещения при Николае I, и автора пресловутой национальной идеи, выраженной в формуле «Православие, самодержавие, народность», — в свою очередь, имел возможность обратиться к родственникам, занимавшим немалые посты в Северной столице, но делать этого не хотел из принципа.

Во-первых, «воин должен стойко переносить все тяготы и лишения службы», а во-вторых, его в конце концов тоже забрало. И он, собравши волю в кулак, ждал подходящего момента, который вдруг позволит рассчитаться с полковником изысканно, но жестоко. Ситуация сложилась примерно как в цирке между дрессировщиком и тигром.

И никому не известно, во что бы такая коллизия могла вылиться. Вполне возможно, что в события весьма печальные. Кое-кто подобного их развития ждал, причем — с нездоровым интересом.

В одно прекрасное утро, после развода, господа офи-

церы покуривали на веранде бригадного штаба, не спеша расходиться по подразделениям и заведованиям. Здесь было хорошо, почти прохладно, двойной ряд огромных тополей-белолисток, высаженных еще во времена генералов Скобелева и Кауфмана, заслонял и от набирающего накал яростного солнца, и от порывов горячего, несмотря на сентябрь, ветра, закручивающего смерчки из пыли вдоль центральной линейки и плаца.

Валерия отозвал в сторонку старший врач капитан Терешин, усами, бурым от загара лицом, белым кителем и сдвинутым на затылок кепи очень похожий на туркестанских офицеров с картин Верещагина. По должности — один из шести начальников служб, по факту — первый среди равных, поскольку не подчинялся даже заместителям комбрига, по характеру — заядлый преферансист и грамотный выпивоха, настолько законспирированный, что в полку считался трезвенником. И весьма расположенный к Уварову.

— Слушай, Валера, тут такое дело. Получил я вчера предписание из медуправления округа. Предлагают от нашего полка направить офицера для прохождения специальной медкомиссии. Условия — возраст до двадцати пяти, чин не ниже поручика, ну там, соответствующие медицинские показатели. Короче — ты подходишь. Давай я тебя пошлю.

— А зачем? — не понял Уваров.

— Затем. Я ж не дурак, сразу ребятам перезвонил, уточнил задачу. Дело в том, что, похоже, Главштаб Гвардии подбирает людей для какого-то нескучного дела. Или на спецучебу, или для заграничной работы. А тебе так и так срываться отсюда надо...

— Не выйдет, — безнадежно махнул рукой поручик, пригасил папироску об каблук, перед тем как бросить ее в урну. — Ямщик удавится, а меня не отпустит. («Ямщик» — это была кличка комбрига Гальцева, порожден-

ная его совершенно иррациональной страстью к старинному романсу «Ямщик, не гони лошадей».)

— Так в том же и цимес, что вызов — чисто по нашей линии. Главмедсанупр — медсанупру округа — начмеду корпуса, дальше циркулярно — начмедам бригад. Диспансеризация личного состава, ничего больше. Я тебя своей властью отправлю, на своей машине. А потом доложу рапортничкой в штаб, в числе прочих, освобожденных от службы по болезни, госпитализированных в лазарет и так далее. И с концами...

«Шанс, — подумал Валерий, — неизвестно какой, а шанс. Надо ловить, невзирая на последствия».

— Ну а хоть чуть подробнее, Саша? — спросил он на всякий случай.

— Пошли. Доложись ротному, что ощущаешь мучительную боль в левом подреберье, отдающую в сердце и плечо. А также тошноту и изжогу. Что обратился ко мне, а я велел: немедленно в лазарет. Да ладно, я сам скажу...

Кабинет Терешина заслуженно считался самым безопасным местом в расположении. Потому что окна его выходили как раз на центральную линейку и на сворачивающую от нее к БМП¹ двухсотметровую аллею — единственную коммуникацию, по которой сюда можно было добраться. То есть любой движущийся двуногий и облаченный в уставную форму одежды объект мог быть своевременно замечен и оценен на предмет исходящей от него опасности. И всегда хватало времени, чтобы сместь со стола игральные (отнюдь не тактические) карты, спрятать в «шкаф А» бутылку и стаканы, отдать необходимые команды больным и медицинскому персоналу.

Жара ощутимо крепчала, поэтому заговорщики ограничились парой стаканов местного сухого вина.

— Ты понимаешь, Валера, — объяснял Терешин, —

¹ БМП — бригадный медицинский пункт.

на самом деле я точно ничего не знаю, но опыт подсказывает — дело стоящее. Если команда идет с самого верха и определенные предварительные условия указываются (какие именно — говорить не буду, потому что бумажка в принципе секретная), так это значит, что набирают людей не по грибы ходить. Ты вот на это, главное, внимание обрати, — капитан назидательно поднял палец. — Дело организовано, минуя строевые инстанции. Это ж ведь не просто так. Я пятнадцать лет отслужил, много чего повидал. Если по команде людей отбирать, всегда свой Ямщик найдется, чтобы толковых ребят притормозить. А мы что, мы лекари. Нам их игры — сугубо по хрену. Мы людей знаем и изнутри, и снаружи. Объективно и, как правило, беспристрастно. Для того все и сделано.

Так что, если у тебя сложится, ты меня не забывай. Позвони там или письмишко черкни. Из Африки или из Пентагона. Договорились?

...Вот и получилось, что с легкой руки битого и тертого армейского лекаря Уваров начал свою новую службу. Рядовым. Но в этом тоже был свой особый шарм. Рядовыми начинали службу на Кавказе разжалованные декабристы, в отряде генерала Корнилова — заслуженные капитаны и полковники знаменитейших полков старой армии. Те, кто уходил с ним в «Ледяной поход».

Многие безвестно пали в боях, а иные стали прославленными героями, молодыми генералами с самодельными погонами на выгоревших гимнастерках, а то и приобрели личные титулы, словно в золотые екатерининские времена. Звучит же, к примеру, князь Слащев-Крымский!

И никто не доказал, что нынешние времена такой возможности не предоставляют. Еще дед любил напоминать маленькому Валере: «За богом молитва, за царем

★ служба никогда не пропадут». В развитие этой истины и очутился в Варшаве молодой граф и еще более молодой «печенег». Какое название соединяло в себе смысл и американского рейнджера, и японского самурая, а ментами и ниндзя, хотя в самой средневековой Японии эти сущности являлись прямо противоположными. Да какая разница!

В самоназвании же чувствовалось нечто древнее, дикое, бесшабашное и таящее угрозу для оседлых и благополучных европейцев. Появлялись внезапно из Дикого поля отчаянно визжащие, крутящие над головами тонкие сабли всадники, хватали добычу в полон, ускользали из-под удара мощной, но медлительной латной конницы и бесследно растворялись в жарком мареве степей. Хорошо!

А сейчас судьба все же привела Уварова в Варшаву.

Глубоко уважаемый и любимый дед, генерал от инфантерии¹, заставил еще в кадетском корпусе выучить польский, мотивируя тем, что, если (почти наверняка, как он считал) придется служить внуку в этой самой беспокойной из провинций, знание языка сулит серьезные преимущества. Будто в насмешку, кадровики загнали Валерия на противоположный край континента, но, как сказано: «Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе!»

...Поспели «печенег» в самый раз. Только-только успели принять от сотрудников группы обеспечения сеть конспиративных квартир, узлов связи и вспомогательных баз хранения техники и вооружения, осмотреться и сориентироваться в обстановке, как и начались давно прогнозируемые «события». Проще говоря — беспорядки. На работу в условиях которых отряд и был

¹ Чин, примерно соответствующий нынешнему генерал-полковнику.

ориентирован. Кроме того, отряд обязан был выполнять своеобразный «категорический императив»¹.

«Печенеги» никакого отношения к частям Российской армии и гражданским правительственным учреждениям не имеют, на их помощь и поддержку рассчитывать не могут. Более того, до специального приказа следует исходить из обычного правила — любой попавший в поле зрения государственных органов боец должен считаться абсолютно частным лицом, несущим предусмотренную законами ответственность за свои поступки (если они окажутся или будут выглядеть противоправными), отнюдь не рассчитывая на официальную поддержку и защиту. Неофициальная, естественно, будет, но на тех же условиях.

Первым заданием Уварова было — отправиться в город, отслеживать процесс и фазы развития событий (если таковые начнутся), собирать информацию о силах, средствах, тактике действия инсургентов. Без крайней необходимости в происходящее не вмешиваться, так как формально все это — внутреннее дело генерал-губернаторства, военного министерства, МВД и МГБ Петрограда.

Мы же — глаза, уши и — только в особо оговоренных случаях — длинные руки Великого князя. А уж как сочтет нужным их высочество этим инструментом распорядиться, его и только его высочайшая воля.

Легенда поручика — приехавший в туристическую поездку на землю предков поляк из Америки, ничего не понимающий в политике, но, безусловно, сочувствующий порыву своего народа к свободе и независимости. И в то же время, для полной достоверности, преданный идеалам Тихоокеанского союза, важнейшим звеном которого является Россия.

¹ В этике Канта — всеобщий обязательный нравственный закон, которому должны подчиняться все люди, независимо от происхождения, социального положения и т. д.

Вряд ли ему придется вслух и развернуто декларировать где-то свою позицию и убеждения, но для режиссуры собственного поведения в непредсказуемых обстоятельствах такая определенность имела значение.

Короче, парень, живи и работай, как знаешь. А выражаясь словами поэта — военного корреспондента одной из давних локальных войн: «Жив ты или помер, главное, чтоб в номер матерьял сумел ты передать. И чтоб, между прочим, был «фитиль» всем прочим, а на остальное — наплевать!»¹

Но сама задача отряда была на первый взгляд простенькая. Для кадровых бойцов, имевших на своем счету и десанты в ущелья Афганистана, в Синцзянские пески, и даже, по слухам, на мыс Доброй Надежды. Там враг был дик, свиреп, лишен даже намеков на цивилизованность и вдобавок великолепно вооружен и обучен. А здесь что — десятый раз за последние два века «шляхетский бунт», уличные беспорядки, в крайности — взрывы, перестрелки, поджоги, грабежи. Даже до полевых сражений хотя бы дивизионного масштаба вряд ли дело дойдет.

Но где-то разведка не доработала. В смысле и рассуждении масштабов ожидаемого.

Уваров из отведенной ему квартиры вышел в начале восьмого, едва успел сжевать в кавярне² на углу Мытной улицы и площади Пястов две булочки с большой чашкой кофе, как — началось.

Ровно в восемь утра на улицах появилось огромное, даже по московским меркам огромное, число людей, причем, что удивительно — старшего и очень старшего возраста. По грубой прикидке — чуть ли не треть взрослой части польского населения Варшавы и окрестностей.

¹ К. Симонов. Корреспондентская застольная. «Фитиль» — опережение коллег в розыске и передаче сенсационной информации (жарг.).

² Кофейня.

От официантки поручик узнал: у них тут сегодня один из важнейших религиозных праздников. Круглая годовщина обретения какой-то священной реликвии, добытой во втором или в третьем крестовом походе неким благочестивым польским рыцарем. Точнее девушка объяснить не сумела, поскольку сама оказалась православной белорусской из Белостока.

И вся эта масса народа потянулись к многочисленным костелам стройными колоннами, со свечами, хоругвями, статуями святых на длинных палках и прочими причиндалами, о назначении которых Уваров понятия не имел. Многие ползли на коленях по проезжей части центральных проспектов, напрочь парализовав уличное движение. Естественно, и возможность перемещения полицейских и армейских машин.

Затем за стариками потянулась и молодежь. Тоже под религиозной «крышей». Только пели псалмы громче, махали наглядной агитацией активнее, а полицейских, пытавшихся поддерживать автомобильное движение и предусмотренный порядок, поначалу оттесняли в переулки, а потом начали просто бить. Причем били подло, из глубины толпы, камнями, выстрелами из рогаток, в которые закладывали отнюдь не невинные камешки, а осколки чугунных сковородок и прочую пакусть. В расчете на соответствующую реакцию.

И ведь девяносто процентов полицейских были чистокровными поляками. Конечно, в глазах организаторов служащие российским властям поляки — предатели интересов нации, никакого снисхождения не заслуживающие.

Тонкость же расчета заключалась в том, что свои (за исключением заранее перевербованных) великолепно все это знают и, исходя из пресловутого шляхетского гонора, обостренной эмоциональности и понимания, что большинству из них обратной дороги нет, ответят на оскорбления и провокации от всей души.

И не организаторам, конечно, а всем, кто под руку подвернется. Нарукавные же нашивки у полиции российских, трехцветные, и у жертв запечатлятся в памяти именно они. А кто там их носит на самом деле — думать и разбираться будет некогда.

Уваров две последние недели спал по три часа в сутки, заучивая наизусть и на уровне подкорки план Варшавы со всеми улицами, переулками и проходными дворами, просматривая ролики с записью уличных сценок, студенческих вечеринок, дискуссионных клубов. В остальное время читал весь спектр местных газет — от правительственных официозов до самых отвязанных ультрашовинистских листков, печатаемых явно за границей.

В город он вышел одетым так, чтобы соответствовать обликом стандарту здешних крутых «леваков», эклектически скомбинированному из нарядов разноплеменных европейских бунтарей эпохи «студенческих революций» шестидесятых-восьмидесятых годов прошлого века.

Тяжелые, подкованные ботинки со шнуровкой почти до колен — знак анархистов и сторонников «Народовых сил збройных». Застиранные голубые джинсы, заправленные в те же ботинки, — это уже символ западноевропейской, а точнее, североамериканской ориентации. Потертая кожаная куртка летчика, на левом плече едва читаемая нашивка «Поланд» — как бы намек на родственную связь с дедами, воевавшими еще в сороковом году против австрийцев, чехов и мадьяр за независимость Краковской республики.

В завершение всего — бело-красный шарфик национальных цветов на шее и кожаная каскетка, напоминающая формой конфедератку времен Костюшко. Весь смысл маскарада в чем — конкретно ни к одной из организованных группировок не относится и полным чужа-

ком Уваров также никому не покажется. Каждый будет выхватывать взглядом то, что покажется знакомым.

О двух пистолетах «беретта», с магазинами на восемнадцать патронов каждый, говорить не будем. Один во внутреннем кармане куртки, второй — за брючным ремнем в районе копчика.

Значит, попадаться в руки законным властям ему нельзя ни в коем случае. По этому смутному времени — от трех лет тюрьмы по кодексу до расстрела на месте под горячую руку.

...К полудню, когда Валерий и нагулялся порядочно, вникая в суть уличных безобразий, запоминая и анализируя обрывки разговоров в толпе и речи ораторов, успел перекусить у лотка жареными колбасками, запив их кружкой неплохого пива, и даже к двум недурным паненкам прицепился, проверяя собственный шарм и владение языком, события внезапно перешли в острую фазу.

Он как раз протолкался через густое скопление народа на площади Двух Мечей, потеряв по пути своих девушек. Выбрал сравнительно свободное пространство возле устья одного незначительного переуллка и арки ворот, ведущих в проходные дворы (вариант возможного отхода). И почти тотчас, не очень далеко, бахнули раз десять-пятнадцать с неровными интервалами звуки, похожие на пистолетные выстрелы, а за ними прогремели короткие, словно неуверенные еще, автоматные очереди.

И шум пошел по толпе. По толпам, точнее, поскольку Уваров отчетливо различал, что разные люди в них были, шли своими колоннами и компаниями, до поры не смешиваясь и как бы даже с подозрением наблюдая за соседями. Это совершенно естественно. Когда стихийные для одних, тщательно спланированные и подготовленные для других причины и поводы выталкивают на

улицы многие тысячи людей, требуется немало времени, чтобы либо создать из этих толп гомогенную, к единой цели стремящуюся массу, либо отсепарировать активные элементы, отбросив на периферию колеблющихся и законопослушных. И даже не столько времени, как целенаправленных усилий.

— Стреляют. Где стреляют? Там стреляют!!! В народ стреляют!!!! — Шум прокатился по людскому морю, будто первый порыв шквала, вот это и было главное. И тут же потекла по толпе масса передаваемых с предельным эмоциональным накалом слухов.

— На Малой Стране застрелили пять человек! Ксендзов, они вышли увещевать полицию...

— Это на Малой Стране пять. А на Маршалковской десять, нет — двадцать! Там прямо из трамвая начали из пулеметов стрелять!

— Русские войска выводят из казарм! Вместо полиции. Полиция им уже не подчиняется, она переходит на сторону народа!!!

— Вы слышали — наши овладели зданием Радио?

— Да, слышал, конечно. Сейчас вот и начнется независимое вещание! Есть приемник — так слушайте! Русской власти конец...

Ей-богу, был бы Валерий не русским офицером, а горожанином, даже совершенно неангажированным, аполитичным, непременно пришел бы в возбуждение. Вот те крест. Такова уж аура толпы.

— А кто это — наши? — неожиданный, неосторожный в такой обстановке вопрос вдруг задал, специально ни к кому не обращаясь, очень прилично одетый господин лет пятидесяти, стоявший рядом с Валерием и так же растерянно вертевший головой. По виду — классический профессор. И шляпа, и дорогие очки, и габардиновое летнее пальто. С изысканным варшавским выговором, с бархатной дикцией. Тут же на него обрушился шквал сентенций, излагаемых с шумом и стилистикой

Блошиного рынка. Пересказывать их бессмысленно ввиду полной бессодержательности, а вот на степень злобы и агрессивности отреагировать стоило незамедлительно.

Поэтому Уваров, матерясь совершенно по-шляхетски, выдернул пана из дичающей на глазах толпы. Еще чуть-чуть — и начнут бить, сначала робко, аккуратно, как бы стесняясь, потом кто-то первый размахнется от души — тогда уже все. Увидят первую кровь, кто испугается, а кто и совсем сойдет с нарезки. Забьют на смерть, растопчут и хлынут дальше искать новые жертвы. Потеряв остатки разума, но обретя нечто иное, выворачивающее наизнанку мозги и застилающее глаза кровавым туманом.

Пара пинков под ребра самым активным крикунам, несколько незаметных ударов кованым ботинком по щиколоткам и коленным чашечкам, и вот они с профессором совершенно одни стоят в том самом, заранее рассмотренном проходном дворе, рядом с переполненным мусорным ящиком. А толпа уже о них забыла, живет своей собственной амебной жизнью.

— Неосторожно, коллега, очень неосторожно, — заметил Валерий, подавая господину упавшую в лужу шляпу.

— Что — неосторожно? Я только спросил...

— Пан не историк?

— Я — астроном. Знаете, где я видел вашу историю? У черта в дупе...¹

Это Валерий понять мог. Но не принять. Даже оставаясь в предписанной роли. Он вежливо приподнял свой берет.

— Позвольте представиться — магистр Хелмницкий. Как раз историк. Прóшу пана, это действие мне напоминает многие другие, аналогичные. Так начинались

¹ В заднице (польск.).

очень многие безобразия, от которых потом кровью блевали. До тех пор, пока не вмешаются российские войска, бунт может натворить немало бед.

— А когда они вмешаются? Насколько мне известно, русских войск в Варшаве не так уж много. И если они предпочтут ожидать подкреплений... — профессор отряхнул шляпу и водрузил ее на голову с залихватским, не по годам, наклоном. — Меня зовут — Рышард Поволоцкий...

Очевидно, у поручика образовался шанс приобрести приличное, а также перспективное знакомство, но было не до этого.

— Пшепрошам пана¹. Идите домой, а лучше — хватайте первое попавшееся такси. В ближайшем магазинчике на все деньги закупите еды, табаку и выпивки. И больше не высовывайтесь на улицу без самой крайней необходимости. Чтобы не поймать шальную пулю. А мне пора...

— Нет. Подождите. Я слишком вам обязан. Вот, возьмите. — Поволоцкий сунул ему в руку визитку. — Очень меня обяжете, если сегодня же позвоните. Рад буду узнать, что вы живы и здоровы. И выслушать ваши личные впечатления и прогнозы. Если потребуется приют и убежище — приезжайте без церемоний. У меня огромная квартира, и я в ней сейчас один...

— Спасибо, профессор. Постараюсь.

Кивнув на прощание, Уваров выскользнул на улицу и растворился в толпе, которая продолжала свою внутреннюю, муравьиную жизнь.

— Вон, смотрите, Национальный музей горит!

— Как? Уже? А почему же не видно дыма?

— Дым сносит ветром в другую сторону...

— Национальный музей? Это ужасно!

¹ Извините, прошу прощения (польск.).

— Да... А это правда?

— Я лично не видел, но так сообщают. Это вполне возможно...

Валерию никогда не приходилось участвовать в подобных событиях. Да в России их после девятнадцатого года и не было ни разу, если не считать мелких беспорядков, время от времени вспыхивавших на национальных окраинах. Как правило, в местах совместного проживания непримиримых религиозно-этнических общин. Однако они не несли в себе целенаправленного антигосударственного запала, и порядок восстанавливался без особого напряжения и излишней жестокости. Этот же бунт был чисто политическим и подготовленным куда лучше. Хотя бы по количеству и агрессивной энергии статистов. Такое он видел исключительно в кинохрониках, снятых за пределами Периметра. В Африке, в Южной Азии...

Поручик по-прежнему старался держаться на периферии толпы, имея в поле зрения сразу несколько путей отхода. И одновременно успевал размышлять, такая уж у него имелась привычка. «Да. Человек почти не в состоянии освободиться от воздействия такой вот гипнотизирующей ауры. Если не имеет какой-то более сильной мотивации или не обладает железной, непробиваемой индивидуальностью. Когда смотришь на бурлящую толпу со стороны, еще можешь оставаться беспристрастным, но стоит попасть в людской поток — и конец. Какая-то неведомая сила подхватывает тебя и несет, несет. Ты заражаешься настроением толпы и кричишь вместе с другими, лишаешься собственной воли... Толпа диктует, направляет, повелевает...»

Данный механизм был ему ясен, и понятно было, каким образом в случае необходимости можно «завести» эту толпу, даже если поначалу подавляющее большинст-

во не имело в виду ничего противоправного. Это видно даже сейчас. Что они кричат?

Большинство — что попало. Но кричат от всей души, вполне искренне.

— Свобода, неподлежность!¹

— Если ты поляк — иди с нами!

— Костюшко, Домбровский, Куявек!²

Кричали и другое, невинное и аполитичное, просто чтобы что-то кричать, поддавшись иррациональному восторгу человеческой общности.

А вот это — уже совсем другое!

Та часть толпы, с которой двигался Уваров, поравнялась с казенным зданием, над входом в которое красовался на красном щите золотой двуглавый орел. И тут же дисциплинированно загредел хор хорошо поставленных голосов:

— Долой московскую курицу! Долой оккупантов! Наш орел — белый! Круши!

Полетели явно заранее приготовленные камни не только в щит с гербом, но и в оконные стекла, и вот уже какой-то ловкий малый кинулся по подставленным рукам и спинам сдирать эмблему. Валерию показалось, что толпа на мгновение опомнилась. И вдруг смолкла. По крайней мере, поблизости от Уварова большинство людей молчало. С помрачневшими лицами. словно бы почуяли, не осознали, а именно почуяли, что дело катится не туда.

Вообще-то, замысел и проведение подобных акций не является секретом и технически достаточно прост. Если имеется серьезная цель, определенное (и не слишком большое, нужно заметить) количество средств, ну и подходящий руководящий центр, само собой. Тогда,

¹ Независимость (польск.).

² Имена борцов за независимость Польши. Последний — лидер националистов в нынешнем краевом сейме.

приурочив дату выступления к какому-нибудь массовому действию, ну как сейчас — к церковному празднику, выводят на улицы дополнительно двадцать-тридцать тысяч людей, заплатив им не такие уж большие деньги, рублей по пять-десять за явку в место сбора, и посулив еще столько же после окончания демонстрации (чтобы не разбежались раньше времени).

Еще, конечно, нужно иметь достаточное количество координаторов «стихийных действий» и, в зависимости от замысла, от десятка до сотни раскиданных по ключевым точкам настоящих боевых групп. Пусть они будут небольшими, численностью от отделения до взвода каждая. Этого, как правило, хватит. В качестве ударной агрессивной силы и центров кристаллизации всех деструктивных элементов: воров, мародеров, идейных борцов с режимом и массы людей, жаждущих отомстить. Кому угодно — районному начальнику, соседу по лестничной площадке, хозяину пивной, не налившему кружку в долг, или столь несправедливо устроенному мирозданию.

И тогда задачу можно считать решенной.

Можно разогнать парламент и другие органы власти, под шумок уничтожить всех политических противников, разоружить полицию и воинские гарнизоны. Потому что обороняющаяся сторона всегда будет опаздывать, как правило, не понимая истинного смысла происходящего, отставать на два-три хода.

А главное — в девяноста процентах случаев зажившая, потерявшая бойцовские качества и инстинкт социального самосохранения власть будет бояться применить силу. Сразу и по максимуму.

Как бы не обвинили в превышении пределов необходимой обороны и прав человека...

Желающих же выдвинуть эти обвинения найдется предостаточно, опять же предварительно подготовившись, стянув в решающие точки толпы корреспондентов

тов и обеспечивив требуемое освещение событий. Уваров такие вещи изучал еще в училище.

И на примере катастрофы Российской империи, и на более свежем опыте переворотов и революций в Европе и Америке второй половины прошлого века.

Он знал, что власть, уверенная в своей законности и внутренней прочности, должна при подобном развитии событий немедленно принимать самые решительные, в крайнем случае — жестокие меры. Отнюдь не забывая себе голову прекраснодушными рассуждениями о недопустимости «невинных жертв». При государственных катаклизмах почти любые жертвы, кроме непосредственных организаторов, могут быть названы более или менее невинными.

Только жалость и сочувствие к людям, которые могут пострадать здесь и сейчас, всегда оборачивается жестокостью к вдесятеро, в сотни раз большему числу таких же точно людей, которые погибнут, умрут, вынуждены будут претерпевать страдания несколько позже.

Простейший пример — волнения в Петрограде, повлекшие за собой большевистский переворот.

Решился тогдашний комендант города, полковник Полковников, на поступок, принесший победу генералу Трепову в 1905 году, — так бы все и закончилось парой сотен застреленных на улицах демонстрантов и тысяч «революционеров», повешенных по приговорам военно-полевых судов.

Но нет, у тогдашних деятелей воли не хватило «стрелять в народ». Что ж, заплатились полутора миллионами жизней и чуть не потеряли Державу. А вот бы интересно узнать (так ведь не узнаешь уже): а сколько в итоге осталось в живых тех, что первыми вышли на улицы с лозунгами «Долой войну!», «Хлеба!», «Смерть самодержавию!»? Многие ли из них пережили последовавший Красный террор, голод, покруче того, что им привидел-

ся из-за случайных перебоев в снабжении, уличные бои, тиф?

Вот то-то и оно!

Доведись Уварову сейчас исполнять обязанности губернатора, начальника гарнизона, обер-полицеймейстера, любого должностного лица, имеющего право принимать решения, он немедленно направил бы в центр событий несколько звуковещательных установок, разъясняющих и предостерегающих, а в поддержку им еще и решительно настроенные полицейские части с водометами, пожарными машинами, специально обученными на разгон толпы собаками и резиновыми пулями. И обстановку переломил бы непременно, пока еще можно. Хотя бы ценой грядущей собственной отставки.

Но ничего подобного сделано не было.

Ротозейство, безответственность или — расчет? Не может же быть, со всей молодой наивностью думал поручик, что нас пригнали из Москвы, безусловно зная о том, что готовится нечто подобное, а местные полиция, контрразведка, командование округа — прозевали?

Значит, таков замысел?

Мысль поначалу показалась дикой, а замысел (чей?) — циничным. Однако почти тут же поручик сам себя переубедил. А может быть — именно так и надо?

Не плести долгих оперативных комбинаций, а дать пожару разгореться, позволить проявить себя всем в условиях полной свободы произвола.

А уж тогда!..

И не нужно будет долго разбираться, кто свой, а кто чужой, кто истинный друг, кто откровенный враг, а кто старательно маскировался и выжидал, куда и как все повернется. Да и не солдатское дело — вникать в замыслы высшего начальства, когда имеется конкретный, лично к тебе обращенный приказ.

Поручик, который надеется стать капитаном и за-

★ крепиться на столь понравившейся службе, судить о вещах, явно выходящих за пределы его компетенции, отнюдь не должен.

Но атмосфера вокруг оставалась накаленной, и раз не последовало ничего, что могло бы ее разрядить и направить мысли сравнительно благоразумных людей в нужное русло, должным образом проявили себя организаторы. С разных сторон заорали, засвистели, заулюлюкали, новые десятки камней полетели в окна, антирусские лозунги скандировали уже сотни глоток, и каждую минуту к ним присоединялись новые и новые.

А из по-прежнему хранивших молчание благоразумных обывателей или людей с достаточным жизненным опытом многие начали выбираться наружу и устремляться в окрестные переулки. Но большинство — оставались. Кто просто не в силах стряхнуть гипноз причастности к «общеполюскому делу», а кто нечто иное для себя решая.

В конце концов, как все повернется — пока неизвестно, а примыкая к большинству, можно в ближайшее время поймать некий вполне конкретный гешефт. Моральный, а то и чисто материальный. Например, магазины и банки пограбить...

То есть десятки тысяч людей самым фактом своего присутствия на улицах и площадях уже оказывали инициаторам мятежа неоценимую поддержку.

Уваров видел, что в окнах верхних этажей многих зданий посверкивают блики. Явно на стеклах оптических приборов. Вряд ли это прицелы. Скорее — объективы фотоаппаратов и дальновизорных передающих камер. Корреспонденты. И очень даже похоже, что сейчас за происходящим наблюдает половина «цивилизованного человечества». И что они видят? Как варшавяне в едином порыве вышли на улицы, протестуя против двухсотлетней российской оккупации, как бьют стекла, срывают государственные эмблемы и флаги.

Но картинка же не может показать, что взбудоражило людей, какие мысли овладели ими в это время, какие чувства наполняют их сердца.

Однако вряд ли хоть кто-то из западных (да и многих своих) корреспондентов постарается объяснить, что на самом деле все не так или хотя бы — не совсем так. И, значит, весь этот вроде бы объективный репортаж с места события — циничная ложь. Вот если бы хоть один журналист спустился сюда и постарался показать лица людей, хотя бы тех, что окружают сейчас Уварова, о чем-то их спросить...

Так не сделают они этого.

Одни потому, что имеют другую задачу, а прочие, пожалуй, догадываются, что в данной обстановке специально на то выделенные «координаторы» устроят так, что «народные массы» моментально разорвут на части «врагов и провокаторов».

Валерий, чтобы слегка успокоиться, определиться в дальнейших действиях, в очередной раз отделился от потока, нашел подходящую нишу в стене мрачного, прокопченного временем дома, с цоколем, сложенным из грубо отесанных каменных блоков. Прикурил, пряча сигарету в корытцем сложенные ладони от заморосившего в очередной раз дождика.

Ему ведь пока нет другой задачи, как наблюдать и оценивать обстановку. Поступит следующая команда — будет выполнять ее.

Всего на три ступеньки над уровнем тротуара поднялся поручик, и уже совсем другой комфорт. Людская толпа, над которой все больше вздымалось неизвестно откуда взявшихся транспарантов с надписями, вроде: «За вашу и нашу вольношчь!»¹, «Еще Польша не сгинела!»², «Москалей — за Вислу, жидов — в Вислу!» и

¹ «За вашу и нашу свободу» (польск.).

² «Польша еще не погибла» (польск.).

в этом же роде, текла, вроде бы уже не имея к нему отношения. Не задевая и не мешая думать. А подумать было о чем. Жаль только, что торчит он здесь, словно петух на заборе, и не может достать из кармана рацию, чтобы сообщить, куда следует, что по крайней мере в его зоне ответственности положение более чем угрожающее. И попросить инструкций. А еще лучше — помощи и огневой поддержки.

От недавнего куража и уверенности в себе оставалось все меньше и меньше. Жаль, что нет рядом ребят поопытнее, пусть и не слишком интеллектуальных, но лучше разбирающихся в простых реалиях «народных восстаний».

И тут же, словно для разрядки, он обратил внимание на чугунную мемориальную доску, прикрученную чуть левее и выше. С некоторым трудом он разобрал стилизованные под готику литые буквы: «Этот дом построен паном Чехонтовичем в 1358 году и является старейшим на этой улице».

Ну это надо же! Четырехэтажный каменный дом, в котором и до сего дня живут, и неплохо, наверное, живут, люди, построен аж на тогдашнюю человеческую жизнь раньше, чем состоялась Куликовская битва. И, кстати, Косовская¹ тоже. Чем не повод усомниться в важности сегодняшних событий в сравнении даже и не с вечностью, а просто с этим вот зданием.

Воспарившую мысль поручика прервала совершеннейшая проза жизни.

Перед ступеньками, заблаговременно им не замеченными, возникли четверо крепких парней, одетых почти так же, как он. С мелкими отличиями в деталях. И у всех из-под кожаных курток, пусть и не таких древ-

¹ Косовская битва (1389 г.) — сражение на Косовом поле, где сербские войска во главе с князем Лазарем потерпели поражение от турок, после чего и началось 500-летнее турецкое иго.

них и затертых, как у него, виднелись шелковые бело-красные шарфики.

«Ага, вот это уже оно, — подумал Валерий, слегка подобравшись. Пистолет он выхватит в любой момент — учили, но здесь наклеивается нечто поинтереснее. — Похоже, не зря я ставил последние дни язык и до рези в глазах смотрел оперативные видеоролики».

— То не нас пан выглендуе?¹ — поинтересовался тот, что остановился на правом фланге короткой шеренги.

— Не, пан выглендуе двух бардзо пенкных паненок². Потерялись в этой давке, пся кошч...

Паньство³ посмеялось вполне дружелюбно. Уваров уже понял, что его приняли за своего, незнакомого, но принадлежащего к той же команде. Опознавательный знак — очевидно, шарфик. Значит, пока не опомнились, надо брать инициативу в свои руки. Ничего особенного в голову не приходило, однако знание истории тоже оружие, если нельзя пока применить другое.

Был, помнится, своеобразный пароль во времена то ли второго, то ли третьего восстания.

— А кто ты естешь?⁴ — с усмешечкой спросил Валерий у старшего из парней, как он определил расклад ролей между ними.

И, похоже, попал, поскольку тут же услышал ответ: «Поляк честный».

Попробуем дальше.

— В цо ты вежешь⁵?

— В Польске вежим!⁶

— Який знак твуй?⁷

¹ Высматривает (польск.).

² Очень красивых девушек (польск.).

³ Общество, компания (польск.).

⁴ Кто ты будешь? (Польск.)

⁵ Во что ты веришь? (Польск.)

⁶ В Польшу верим! (Польск.)

⁷ Какова твоя эмблема (герб)? (Польск.)

— Ожел бялый!¹ — парень ответил и захохотал, не облегченно, ему-то опасаться было нечего, а скорее просто радостно. Вот, мол, еще одного коллегу нашел.

— Только ты-то сам из каких будешь? — почти тут же, прервав смех, осведомился он. — У нас пароли другие. В Варшаве, Лодзи, Люблине я все группы знаю. А это — я так, тоже старое вспомнил...

Уварову пришлось отступить на запасные позиции. На что и был расчет с самого начала. Однако язык у него, значит, настолько хорош, что вопрос только в том, из какого города он сюда прибыл.

— Не ваш я. Совсем не ваш. Три дня, как из Монреаля прилетел. Мне там ребята намекнули, что интересно будет, вот я и...

— Из Монреаля? Далеконько. И дорого. Из чистого любопытства прилетел? Ну, молодец. А курточка у тебя чья?

— Курточка дедова. На «Мессершмиттах» летал, когда Катовице и Гливицу у чехов отбивали. Крест «Виртути Милитаре» имеет. Он мне и сказал, поезжай, внучек, посмотри, что там, может, доделаешь, что я не успел...

Слова поручика явно парням понравились. Его хлопали по плечам, с почтением разглядывали историческую нашивку, угостили крепкой и довольно противной на вкус «Вудкой Житной». Перезнакомились.

Старшего звали «сотник Кшиштоф». О фамилиях речи не шло. Где его сотня, Уваров тоже спрашивать не стал.

Но знакомство получалось полезное. Глядишь, в здешние «первопоходники»² выбьешься. Только бы не заиграться в войнушку...

— Пойдешь с нами, — не вопросительно, а почти приказным тоном сказал командир, когда выпили, спря-

¹ Белый орел! (Исторический герб Польши.) (Польск.)

² Первопоходник — почетное звание офицеров-добровольцев, отправившихся с генералом Корниловым в т.н. «Ледяной поход» в ноябре 1918 года, от Ростова к Екатеринодару. Всего около 2 тыс. человек.

тали фляжки, вновь подобрались, сосредотачиваясь перед еще предстоящими делами. Уваров кивнул. За тем, мол, и ехал.

— А оружие у тебя есть?

Валерий замялся, посмотрел на новых друзей с некоторым сомнением, оглянулся по сторонам.

— Да ты не скромничай, чего уж теперь-то? Власти сейчас, кроме нашей, нет. Небось припас и «парабеллум» дедовский?

— «Парабеллума» нет. Не сохранился. Разве что вот... — он вытащил из-под куртки «беретту».

— Ого, солидно. А ну, дай посмотреть...

Отнюдь, ребята, не на того напали. Уваров живо убрал руку с пистолетом за спину.

— Ну ладно, ладно. Не бойся, у нас этого добра хватит, — Кишиштоф продемонстрировал достаточно древний, но в хорошем состоянии «Маузер-96», у остальных тоже были пистолеты, а у одного, рыжеватого парня в очках по имени Стах, даже и автомат «стен» со складным металлическим прикладом.

— Скоро вооружимся как следует, — заверил его «сотник», и они двинулись вперед, держась поближе к цоколям домов.

Станным образом, толпа будто соблюдала кем-то предписанные рамки, оставляя между собой и зданиями примерно метровой ширины проходы. Словно видела незримые барьеры или столбики с флажками, которыми обычно ограждают разрешенные демонстрации и шествия.

Когда добрались до самого центра, там все уже было вверх дном.

Проезжие части проспектов были расчищены от неорганизованных толп, и по ним мотались, без видимого порядка, грузовики и легковые машины, набитые вооруженной молодежью. Раскрасневшейся от азарта, орущей и, как правило, не совсем трезвой. Да такие вещи

совсем по-трезвому и не делают. Повсюду болтались и развевались бело-красные флаги.

В первый момент можно было подумать, что политический азарт толпы во многом наигранный, что люди просто радуются возможности чуть-чуть сверх меры пошуметь и повеселиться. Но еще через квартал Уваров увидел горящий магазин «Горизонт»¹ и полыхающие вокруг него костры из книг, куда визжащие от восторга парни и девушки подтаскивали все новые и новые охапки. И вокруг бесновались, иначе не скажешь, дикари уровня не слишком развитых готтентотов или папуасов. Из тех, которых даже европейские миссионеры признали не заслуживающими затрат даже на минимальное образование.

Вообще, поручик впервые в жизни видел, как легко и глубоко способны деградировать люди под влиянием идеи. Многие, как и в других революциях и восстаниях, относились к образованному сословию, например, здешние, судя по возрасту, в массе своей студенты или учащиеся старших классов гимназий и лицеев. И при этом — ажитация туземцев, очарованных шаманами.

Пылающие и дымящие в тумане костры очень соответствовали пришедшему на ум образу.

Рука Валерия инстинктивно сжалась на рукоятке пистолета. Вот бы он им сейчас сделал... Как бы они побежали, вереща уже не от восторга, а от слепого ужаса... Вдалеке снова слышались выстрелы. И тут же поднялся крик, опять же хорошо подготовленный и организованный, потому что реальная информация просто не успела бы сюда дойти. До фокуса стрельбы было не меньше полукилометра. Причем крики раздавались по преимуществу сзади от Валерия, то есть оттуда, где вообще ничего не могло быть известно.

¹ «Горизонт» — крупнейший в Варшаве магазин русской книги на Маршалковской.

Но улица опять пришла в движение. «Охрана безопасности стреляет в народ! У Большого Дома и у Городской управы!»

«Туда, все идем туда!» — сразу из десятка мест скандировали луженые глотки.

— Зачем идти туда, где стреляют? — раздался одинокий голос здравомыслящего человека неподалеку от Уварова, но тут же и смолк.

«Идемте, все идемте!» — слышались сотни, тысячи голосов.

— Что будем делать? — спросил Валерий у Кшиштофа. — Если там и вправду стреляют, чего туда лезть? И вообще, у нас есть конкретная цель?

— Постреляют и перестанут. Лезть туда не будем. Цель — есть. Но тебе о ней знать рано. А вот — чем не цель? — Он со смехом указал на витрину ювелирного магазина, хозяин которого не успел сориентироваться, не опустил гофрированную железную штору, а стоял на пороге и пялился на происходящее, утратив всякий классовый инстинкт.

От удара тяжелым ботинком толстое стекло лопнуло сразу и осыпалось водопадом острых осколков. Заполюшно закричал хозяин, а Кшиштоф и его ребята уже перепрыгнули через подоконник и начали горстями выгребать с прилавков и швырять в толпу все, что там было: цепочки, крестики, кулоны, серьги и перстни с обручальными кольцами.

— Держите, все теперь ваше! Наше! Народное!

Но самое интересное — из «народного добра» кассу и витрину с дорогими часами бойцы сотника оставили для себя.

— Держи, на память о нашей революции! — тот самый рыжий парень с автоматом, Стах, сунул растерянно остававшемуся на тротуаре Уварову целую горсть «Буре» и «Мозеров». Золотых по преимуществу. И что было делать, возмущенно бросить их на асфальт?

★ Неостроумно, а главное, оперативно неправильно так было поступить. Пришлось сунуть все это добро в карман.

— Спасибо!

— Хе-ге! Держись за нас, не пропадешь! То ли еще будет!

Десятки желающих из толпы кинулись добирать остальное, а масса не успевших к раздаче принялась вышибать и соседние окна. Гулять так гулять! На Маршалковской и в прилегающих кварталах много магазинов, хватит на всех.

...Окольными путями группа Кшиштофа, к которой по дороге присоединилось еще не меньше двух десятков того же типа и облика парней, выбралась к площади перед сеймом. Здесь уже стояли бронетранспортеры с эмблемами городской полиции и два армейских танка, направив стволы пулеметов и пушек на все шесть втекающих на площадь улиц.

Башни иногда проворачивались на несколько градусов вправо и влево, но ни одного человека, ни в форме, ни в штатском, пытающегося что-то объяснить или потребовать буйствующую толпу рассеяться, возле них видно не было.

«Дураки, какие дураки, — подумал Уваров, — сейчас еще есть шанс переломить ситуацию. Два-три выстрела поверх голов из пушек — и все разбегутся, барабанные перепонки, на хрен, полопаются, потом две хорошо сколоченные роты очищают ближайшие кварталы, и будет о чем разговаривать...» У него вдруг появилось желание запрыгнуть на броню ближайшего танка и принять на себя командование.

Он с трудом подавил в себе это желание. Хватит, господа начальники, сами свои проблемы решайте, а мы

ученые, помним, чем за инициативу расплачиваться приходится.

— Так, здесь не пройдем. Давайте вправо, к Висле, — скомандовал сотник.

— Куда мы все же? — приостановившись, спросил Уваров у автоматчика Стаха, который все время странным образом оказывался с ним рядом в каждый острый момент.

Чтобы подтвердить свою привязанность к общим идеалам, Валерий тоже ударил рукояткой пистолета по стеклу довольно жалкого ларька, внутри которого сжалась худенькая девчонка-продавщица. Выхватил несколько банок пива и блок американских сигарет.

— Скажешь хозяину — на благо революции, — то ли издевательски, то ли успокаивающе крикнул он. — Держи, пей, — протянул банку Стаху.

— Вот это ты зря, — поморщился тот. — С мелкими хозяевами мы не воюем. Им и так жрать нечего...

Обернулся и бросил внутрь ларька несколько скомканных десятирублевок, только что украденных у ювелира.

— Разбираться надо, — назидательно сказал он Валерию, после чего пиво все-таки взял.

— Мне ваших заморочек не понять, — ответил Уваров. — Гулять так гулять. Пока не появилась Королевская конная полиция...

— И не выписала штраф за нарушение общественного порядка, — поддержал Стах его шутку. — Только если наша появится, вместо штрафа будет шквальный огонь на поражение из тяжелых пулеметов. Так что ходом, ходом...

— Да куда же, в конце концов? Что вы все темните? Национальный банк брать — я готов. Правительство менять — танки не дадут, сам видел. Стоило из Канады лететь, чтобы с такими, как вы, связываться...

— Чего-то не нравится? — как черт из табакерки возник за плечом сотник.

— Не нравится, — смело, почти грубо ответил поручик. А чего ему стесняться? По легенде он — человек из другого мира, совсем с другими обычаями и степенью личной свободы. Случай свел с людьми, которые поначалу понравились, а сейчас вдруг разонравились. Имеет все основания послать их подальше.

— Я не шестерка, чтоб бегать за вами по улицам. Еще и учат всякие, что можно, что нельзя. Я за свободу бороться приехал, а не ларьки грабить. Я все сказал! — И — рука снова на пистолете, который давно переложен из плечевой кобуры в боковой карман. Мол, поостерегись, парень, как бы ты себя ни называл.

— Что? Ты — пушкой мне грозишь? Мне?

Кишиштоф явно начал заводиться. Да и то. С раннего утра, наверное, мечется по улицам, все это организовывая, в пределах своей компетенции, конечно. Пьет постоянно, как Валерий заметил, по паре глотков каждые пятнадцать-двадцать минут. Не пьянеет напрямую из-за того же нервного возбуждения. И совсем ничего не ест. Тут взбесишься, особенно если уже вообразил себя таким Наполеоном на Аркольском мосту.

А на самом-то деле, давно уже отметил Уваров, лет ему всего двадцать два-двадцать три от силы. Пацан практически, хотя и спортивный, крепенький, а по сути — щенок еще, пусть и с претензиями.

Рука «сотника» тоже дернулась к «маузеру», заткнутому за пояс. Но он еще не успел коснуться и рукоятки, как ствол «беретты» уставился ему между глаз. И даже открытый курок сделал угрожающее движение, плавно приподнявшись.

— Стой, парень, — тихо сообщил Уваров, сторожко оглядывая всю остальную банду, надвинувшуюся со всех сторон сразу. — И вы — стоять. И пять шагов назад. И руки — на виду. Мы, ковбои, такого не любим.

Одно движение — его мозги вон на том заборе. И еще положу штук десять, пока у кого-то получится выстрелить в меня. Хотите — проверим, как в «Великолепной семерке»?

Он так ловко провел «стволом» вдоль всей компании, что каждый успел увидеть смертоносную дырку зрачок в зрачок. И вернул его на место, то есть точно к переносице Кшиштофа. Заняла вся демонстрация пару секунд от силы.

Уваров, в отличие от окружающих его парней, привык видеть направленные на него «стволы» и знал, как себя при этом следует держать, что делать. А они — не знали.

— Так что — хотите поиграть, «землячки»?

Для окончательного эффекта Валерий крутанул «беретту» на скобе вокруг пальца, бросил ее за отворот куртки (мимо кобуры), тут же поймал выскользнувший из-под полы пистолет левой рукой и с тем же пижонским проворотом снова направил в лоб сотнику.

— Вот так вот. Не были вы в наших прериях. И если еще хоть кто попробует со мной разговаривать не в том тоне, все сделаю не в шутку, а всерьез. Вопросы есть?

Вопросов не было не только у Кшиштофа, который много потерял в своем кураже, но и у Стаха, а его как раз Валерий уже понял как самого здесь опасного человечка. Вооружен прилично, кроме «стена» еще кое-что наверняка имеет в загашнике, и характер у него явно взрывной и агрессивный, несмотря на внешнюю разболтанность. По годам самый старший, как бы не тридцатник ему уже, хотя выглядит на редкость молодо. Сейчас вот, единственный из всех, зыркал он глазами очень нехорошо. Не испуганно, а злобно-угрожающе. Как бы не из офицеров он бывших, а то и действующих. Или — уголовный авторитет, под маской «патриота» решивший сформировать из восторженных юнцов собственную банду.

Да не с «печенегом» ему мериться крутизной и силами. Можно, конечно, для смеха отнять у него автомат и закинуть за ближайший забор, но подождем дальнейшего развития событий. Очень ярко вдруг Валерий почувствовал, что именно имел в виду полковник Стрельников, назначая его в отряд. «Интересная у вас будет служба, поручик». Спасибо, ваше высокоблагородие, уж и вправду интереснее, чем солдат по плацу гонять, строевой шаг отрабатывая.

Вариантов у него теперь осталось ровно два.

Либо «повстанцы» примут его как данность, то есть как своего парня, резкого, сурового, но своего, с которым стоит иметь дело и дальше, в возможных острых ситуациях полагаясь на его бойцовские способности. Либо при первом удобном случае стрельнут в спину, что не так уж трудно, учитывая их огромное численное превосходство.

Хотя, кажется, кое-кому из банды он уже сумел понравиться больше, чем «сотник», явно потерявший лицо. Видно было по глазам и мимике.

Разве что дать ему возможность красиво из ситуации выйти?

— Знаете, парни, — очень спокойно сказал Уваров, спрятав пистолет и выбросив из пачки сигарету. Поймал ее губами на лету. — Пожалуй, пойду-ка я своей дорогой. У нас с вами не склеивается. Дай прикурить, — повернулся он к ближайшему, нагнулся к огоньку зажигалки, без страха подставляя возможному удару затылок и спину. Ну, пусть попробуют, если кто смелый найдется.

Не нашлось.

— Что и требовалось доказать, — сказал он, выпуская дым. И все вдруг поняли, что именно имел в виду этот странный канадский поляк.

— Ты это, Мацек, — сказал Кшиштоф, пряча гла-

за, — ты не обижайся. Мы же не знали, кто ты есть, может, подстава из русского ГБ... Надо ж было проверить.

— Я так похож на русского? — смешок его был слишком уж демонстративным. — Вот уж ничего подобного никогда не слышал...

«Сотник» потянул его за рукав.

— Иди-ка сюда... А вы — подождите, посматривайте, — бросил он своим.

За калиткой в кованных, узорных чугунных воротах оказался уютный дворик. Вытертая до блеска брусчатка под ногами, сухой, заполненный жухлой листвой овал фонтана. Слева — деревянная веранда вдоль второго этажа Г-образного здания в стиле николаевского ампира, справа — нечто вроде каретных сараев и флигелей для прислуги. И давящая на уши тишина после уличного шума. Запертые двери, высокие окна, за которыми не наблюдается ни малейшего шевеления. Когда-то, наверное, это была приличная городская усадьба, сейчас, возможно, небольшая торговая или адвокатская контора, владельцы и персонал которой не решились по случаю «событий» приступить к работе.

Но, чтобы поговорить, лучшего места не придумаешь.

Кшиштоф, похоже, здесь бывал не раз. Указал на одну из двух лавок рядом с фонтаном. Массивные чугунные боковины, изрезанные инициалами бог знает скольких поколений брусня сиденьев.

— Присядем. Послушай. Ты пойми, я от души говорю. Ты, конечно, нас поопытнее, постарше, видел, наверное, чего мы не видели, но командир здесь я. И ребята — мои. А ты здесь — чужой. Гость. Согласен? Или вправду уходи, если не нравится, или будь у нас этим... Советником. Хочешь? Победим — внакладе не останешься...

Прямо на вопрос Валерий отвечать не стал. Демонстративно.

— Победим, победим... В чем побеждать собрались? С армией воевать или карманы набить — и в кусты?

Похоже, Кшиштоф, даже затеяв приватный разговор, все же испытывал сильные сомнения. Человек-то перед ним по всем параметрам чужой, и раскрывать ему секреты, доверенные очень серьезными людьми, негоже. А с другой стороны — единственный ведь, похоже, настоящий боец появился в его разношерстной компании парней, ранее известных только тем, что умели пить, не закусывая, неплохо драться на танцплощадках, отсидеть пару месяцев за подобные шалости. Или — трепаться на студенческих сходках о грядущей «свободе», вообще ничем не рискуя. Тот еще контингент.

Сам Кшиштоф на их фоне казался себе суперменом и интеллектуалом. Еще бы — три курса университета и член сборной по регби, взявшей весной Кубок Польши. Он опять достал фляжку. Сверху медленно сыпались последние алые листья с толстого, старого, что очень смешно — «канадского» клена, наверное, помнившего все четыре раздела Польши.

— Выпьешь?

— Чего ж нет. Мне это — слону дробина. А тебе не хватит ли? — Уваров постарался, чтобы слова прозвучали не обидно.

«Сотник» молча махнул рукой, глотнул сам из горлышка, протянул Валерию. Тот поднес к губам фляжку чисто символически, хотя и замерз уже, и согреться было бы не вредно. Но — не время. Если враг пьет — мы ему назло не станем.

— Понимаешь, старик, — доверительно наклонился к нему Кшиштоф, — я не имею права тебе верить и ничего говорить не имею права, однако — скажу. Потому что судьба Польши решается, и каждый штык нам дорог, а ты — не самый худший штык. Ты мне просто нравишься. Как человек, не подумай чего худого. Так вот — мы сейчас пойдем брать Арсенал!

— Ого! — не стал скрывать удивления Уваров.

— Ты знаешь, где это?

— Откуда ж мне знать? Я в Варшаве первый раз в жизни...

— Так почему — «Ого!»?

— Потому что в любой точке мира столичный Арсенал — это не только «Ого!», а даже намного серьезнее.

Кшиштоф засмеялся, довольный.

— Только не у нас. У нас взять Арсенал — как два пальца... Так идешь с нами?

— Схожу, что же делать...

— Тогда слушай.

Из его слов следовало, что на штурм должно собрать-ся до десятка «сотен» (с поправками на духоподъемную болтовню и неизбежные приписки численности, человек двести-триста наскребут, прикинул Уваров). Охрана Арсенала, по данным разведки инсургентов, не превышает стандартного взвода русской армии, и выбить их оттуда не составит труда. Если они сами предварительно не разбегутся. Зато, захватив объект, можно будет сразу вооружить массу бойцов самым совершенным стрелковым оружием, легким и тяжелым, тут же начать загружать машины и развозить автоматы, пулеметы и патроны по всему городу. А уж тогда...

Кшиштоф прямо изнывал от восторга при мыслях о том, что будет тогда.

— Весь Варшавский округ — пять дивизий. Да и то разбросанных на территории половины Франции. И все учебные или кадрированные¹. Пока они соберутся... А мы уже сегодня к вечеру поставим под ружье двадцать-тридцать тысяч, ликвидируем или разгоним все органы прежней власти, займем военные городки, станем кон-

¹ Кадрированная дивизия — соединение, укомплектованное штатной или близкой к ней численностью офицеров, положенной техникой и вооружением, но половиной или менее рядового состава. В случае объявления мобилизации разворачивается до полного штата.

★ тролировать все — улицы, заводы, электростанции, вокзалы, а главное — знаешь, в чем наша главная сила?

Парня определенно переполняло чувство причастности к тайнам и грандиознейшим за последние полтора века событиям. А если еще и выпито крепко, и собеседнику хочется понравиться, вернее — блеснуть перед ним своей значимостью и осведомленностью, тут, бывает, такого наплетешь, за что, по-хорошему, расстреливают...

— У нас есть карта каналов... — наклонившись к Валерию, с чрезвычайно загадочным и значительным видом прошептал Кшиштоф.

— Каких каналов? — действительно не понял поручик.

— Ах, ты не знаешь? Да и откуда тебе знать? Каналы — это так у нас называется старая система канализации. Под всем старым городом идут каменные тоннели, в рост человека и даже выше. Страшный лабиринт, сотни километров, и ответвления в каждый квартал и чуть не к каждому дому. Кто знает эту сеть — хозяин города. А если туда попадешь без карты или без проводника (есть у нас такие, по тридцать лет в этом хозяйстве проработали) — верная смерть. Заблудишься, задохнешься... Потому что воняет там — у-у-й! Я как-то попробовал. Врагу не пожелаешь! Но зато враг и не догадается...

Сотник вдруг встряхнулся. Или понял, что начал болтать лишнее, или просто внутренние часы сработали, догадался, что слишком уже долго они тут болтают и подчиненные могут обидеться, а то и просто уйти, сочтя, что тот же Стах окажется не худшим командиром.

— Ладно, пошли, пошли... Время, — вставая, решительно сказал Кшиштоф.

И вправду, время, согласился с ним Уваров. Наговорил новый приятель достаточно. Дальше пусть специалисты вникают. А ему теперь надо только успеть доне-

сти полученную информацию до места. Чтобы не заста-
ли мятежники врасплох хотя бы охрану Арсенала.

И теперь вот придется на практике доказать, что тео-
рия насчет необходимости своевременных малых жертв
не просто пустопорожние умствования, а самая что ни
на есть правда жизни.

Уваров отпустил «сотника» на шаг вперед, с некото-
рым внутренним сомнением вытащил из кармана пис-
толет, преодолевая последний барьер абстрактного гу-
манизма, выбросил вперед руку, почти упер «ствол» ме-
жду лопаток парня, успел еще пожалеть, как все неудачно
для того сложилось. Учился бы себе и учился, не забывая
голову национальными проблемами...

Нажал спуск.

Кшиштофа ударом четырехсот килограмметров
бросило лицом на плитки двора. Пожалуй, умер он мгно-
венно, ничего больше не успев понять в этой жизни.
А уж что там будет дальше...

Выстрел прозвучал совсем негромко и вряд ли бы
привлек внимание оставшихся за углом боевиков, по-
скольку уличный шум не утихал.

Скорее всего, так совпало, что им надоело ждать, и
решили они посмотреть, чем же заняты их предводи-
тель и новый соратник. Поэтому продолжать бой Уваро-
ву пришлось не из самого выгодного положения.

Отдернув после выстрела руку, он повернулся в сто-
рону узкой щели между торцом главного дома и одно-
этажного флигеля, на которую обратил внимание с са-
мого начала. Еще ничего такого не имея в виду, просто
по привычке оценивать любую окружающую местность
с точки зрения ее приспособленности к ведению бое-
вых действий. И краем глаза успел увидеть возникших в
арке ворот парней.

Впереди, как и следовало ожидать, Стах с автоматом,
который он держал за шейку приклада, по-пижонски
откинув «ствол» на правое плечо. Ничего ведь не ждал

плохого, вообразил, скорее всего, что командир заболтался с «волонтером» и выпивают они на двоих, забыв о товарищах. За ним так же беспечно тянулись еще пять или шесть соратников.

Делать нечего. Пока боевики фокусировали взгляды на теле Кшиштофа, ничком раскинувшего руки, с опаленной дыркой в спине, Уваров с поворота, из-под руки выпустил полмагазина навскидку. Просто по направлению, артиллеристы называют это заградительным огнем. И рванулся на путь отхода.

Попасть в кого-то Уваров наверняка попал, но и в ответ почти без паузы стеганула длинная автоматная очередь. Значит, главный противник — уцелел. Хоть и прошили его пули на метр выше головы.

Отскочив и присев за ограждением фонтана, Валерий пальнул еще трижды, теперь целясь в конкретного противника, Стаха. Однако тот, подтверждая подозрения поручика, проявил высший класс боевой подготовки. Метнулся в сторону, упал, перекатился по брусчатке винтом, подставив под пули сразу двух парней, бессмысленно хлопавших глазами за его спиной. Слишком уж медленно все до них доходило.

И вскочил на левое колено, и выстрелил. Цементная крошка от парашюта брызнула Уварову в лицо. На этом патроны в коротком пенале «стена» закончились, и на звонкий щелчок затвора Валерий ответил двумя полноценными выстрелами. Увидел, что попал. Хорошо попал, да и смешно было бы промазать с десяти метров!

Еще двумя пулями, снова не слишком прицельными, осадил пыл непонятливых, метнулся в ту самую щель, перевалился через невысокий, чуть выше плеча, забор. И помчался совершенно непонятной, незнакомой анфиладой мрачных, замусоренных дворов-колодцев, связанных арками, полутемными сквозными проходами, до последней секунды незаметными проломами в камен-

ных заборах. Подчиняясь только интуиции и чувству направления.

Кто хоть раз бывал в этих причудливо выгороженных пространствах между средневековыми строениями, поймет ситуацию. Может спасти, а может загубить. Вдруг он оказался в абсолютном тупике, откуда, казалось, даже и обратной дороги нет, и выбрался из него, только сообразив запрыгнуть на мусорные баки, а уже с них дотянувшись до края замшелого забора из тесаного камня.

Удивительно, но, несмотря на крайнюю остроту положения, Валерий еще успевал удивляться абсолютному, полному безлюдью вокруг. Казалось бы, в этом гигантском лабиринте жилых домов, где могли поместиться тысячи и тысячи людей, и детей должно было быть соответственно. Бегать, играть в принятые здесь игры, провожать незнакомца свистом и криками, да даже и камнями, если район криминальный, на что очень было похоже по антуражу.

И как-то вдруг он сообразил, что неожиданным образом оказался в гетто. Знаменитом Варшавском гетто. Для постороннего — непонятном и чуждом, как поселение марсиан. Управляемом совершенно другими законами. Прошла вдруг команда руководства, кагала или раввината, откуда ему знать, и затворились все двери, дети послушно попрятались по квартирам, силы самообороны зарядили винтовки и автоматы. Наблюдают сейчас за ним, решают: пропустить или убить на всякий случай.

«А ты не ходи, не ходи в наш садик!»

Читал он об этом, слушал инструктаж и совершенно забыл. А сейчас вдруг вспомнил.

Уже в пятом или шестом дворе он понял, что, во-первых, ранен, и во-вторых — что за ним по-прежнему гонятся. Пацаны, что с них взять! Азартные, злые, оскорбленные и униженные в своих лучших чувствах, жажду-

щие отомстить за подлое убийство предводителя, да и просто друга, пацаны.

Вдобавок поляки, с их безрассудным шляхетским горором. И самое неприятное — знающие и город, и эти кварталы, в частности, куда лучше Уварова. Впрочем, евреев среди них точно нет. «Жидов — в Вислу!» — вот их лозунг. Значит, в самом крайнем случае, можно будет испробовать и этот шанс.

А пока на его стороне только опыт и несравненно лучшая боевая подготовка. А в обойме «беретты» осталось меньше половины патронов, точнее — штук шесть, и если припрет, перезаряжаться будет некогда.

Валерий сунул первый пистолет в кобуру и выхватил второй. Еще восемнадцать выстрелов в запасе, а те — на крайний случай.

Ну вот, показалась над только что им форсированным забором голова в берете, и он, отбежав уже метров пятнадцать, выстрелил. Не на поражение, а рядом, чтобы только остановить и напугать. Убивать без крайней нужды ему по-прежнему не хотелось.

Вопреки всему, что только что думал о гетто Уваров, позади него приоткрылась форточка, и седобородый старик в до невозможности старомодном картузе издал странный звук.

— П-с-с-с... — словно бы тихий, но сразу доставший чуть не до спинного мозга.

Валерий еще ничего не понял, но вскинул ствол пистолета вверх. Демонстрируя миролюбие.

— Русский? — тем же суфлерским шепотом спросил старик.

Неожиданно для себя поручик кивнул.

— Туда, — указал кривой подагрический палец. В направлении бурой, покрытой шелушащейся краской двери напротив.

А что делать? Уваров кивнул и дернул грязную, ржавую ручку. За дверью открылся сквозной коридор,

пронзающий длинный дом навылет. Прогрели под ногами древние половицы, мелькнули по сторонам несколько темных дверных проемов, уводящих бог знает в какие трущобы. Можно бы спрятаться в одном из них и спокойно расстрелять в упор преследователей, если они рискнут сюда сунуться. Только времени ему терять было нельзя. Под рубашкой горячо и неприятно намокало.

А улица — вот она, уже в пяти шагах. Если, значит, он ухитрился пересечь самый южный, треугольный в плане выступ гетто, там будет, как он вспомнил, небольшая площадь напротив библиотеки Сенкевича. Пересечение ведущего как раз в нужном направлении проспекта, двух незначительных улиц, трамвайное кольцо, стоянка такси. Любой другой транспорт тоже можно подхватить. Придется — силой. Любую машину или мотоцикл, на худой конец...

Так! Это можно было предположить. Местные парни, изучившие все здешние фарватеры с самого сопливого возраста, сумели-таки его обогнать. И вряд ли пешком. Наверняка тоже на машине крутнулись. Однако все равно странно. Из гетто — десятки выходов в любую сторону или — ни одного, пожелай он остаться там. А встретили Уварова на этом. Да и ничего странного, не бином Ньютона. «Канадец» человек здесь чужой, никого не знает, по естественному побуждению просто должен прорываться по кратчайшему направлению. А если с него собьется, заплутает, тоже никуда не денется.

Так они наверняка рассудили и — угадали. К собственному несчастью, надо сказать. А еще к большему несчастью своих матерей и отцов. Воспитали орлов и героев на свои седые головы.

Тут уж о гуманизме говорить и думать поручику было некогда.

Ах, как они только что были собой довольны!

Один вскинул старый русский «наган», другой, прятавшийся за выступом стены, подставил рвущемуся на

★ выход врагу ногу. Вот сейчас враг грянется оземь, и хочешь — бери его голыми руками, хочешь — стреляй в спину, чтобы знал, как наших трогать!

Через подсечку Валерий просто перепрыгнул, тут и делать нечего. Тому, что с револьвером, выстрелил прямо в лицо. Не теряя времени и не тратя патрона, отмахкой ударил второго рукояткой в переносицу. Жить будет, но в себя придет очень не скоро.

А вот и транспорт!

Буквально в трех метрах, дребезжа звонком, катился древнего вида трамвай, словно сошедший с тонированных сепией музейных открыток.

Любят варшавяне экзотику. Уварову же их пристрастие в самый раз. Двери эти трамвайные никакой пневматикой не снабжены, открываются, как садовая калитка.

Запрыгнул, оглянулся напоследок. Двое лежат, энтузиасты, ни третьих, ни четвертых пока не видно. Замешкались где-то.

Не обращая внимания на испуганных, немногочисленных пассажиров и онемевшего кондуктора, в том же темпе промчался поручик вдоль всего вагона.

Вагоновожатый, в кителе, усах и форменной фуражке, держит ладонь на массивной деревянной шишке контроллера. Под ней до блеска вытертая медная дуга с насечками-делениями. И запас хода еще порядочный.

— Пршепрошам пана, — вежливо спросил Уваров, не слишком навязчиво демонстрируя свой пистолет, — если вот эту штуку до конца — мы быстрее поедem?

— Так ест¹, быстрее, — ответил вожатый, косясь на пистолет.

— Вот и крутите, пан, на полную. И на остановках не задерживайтесь...

— Но, пан...

— Ничего не «но»! Тут у вас, говорят, революция, а в

¹ Да (польск.).

этом случае правила, в том числе и уличного движения, теряют свою магическую силу. Так что, крути, Гаврила!

Вожатый послушался, и вагон начал набирать скорость, причем весьма лихо. Валерий такого и не ожидал даже. Трамвай ему всегда казался очень дряхлым и медлительным видом транспорта, сейчас же они разогнались за пятьдесят, а то и за шестьдесят километров в час. Вожатый непрерывно звонил, распуская пешеходов и самоходные виды транспорта, по счастью, немногочисленные.

Уваров поначалу опасался, что преследователи, выскочив на улицу, разберутся в обстановке и кинутся в погоню, однако ничего похоже в заднее стекло видно не было. Скорее всего, увидев еще двух павших товарищей, «революционеры» слегка задумались, а уж о том, что ужасный враг уехал не на броневике и не «Мерседесе» с тонированными стеклами, а на маршрутном трамвае, им и в голову не пришло.

Поручик счел нужным успокоить мирных граждан:

— Ясновельможное панство! Я очень извиняюсь за причиненные вам неудобства, но прошу сохранять спокойствие. Только настоятельная необходимость требует, чтобы вы потерпели. Я доеду до нужного места и выйду. После чего трамвай довезет каждого из вас до места назначения... И за мой счет.

Сказал еще достаточно бодрым и веселым голосом и почувствовал, как вдруг наваливается слабость, слегка темнеет в глазах, а лоб покрывается холодным потом. В буквальном смысле.

Раньше он думал, что это такая метафора, а пот бывает только горячим, заливающим глаза на тяжелой работе и спортивных тренировках. Но — сейчас пот был именно неприятно холодным. Очень захотелось сесть и прикрыть глаза. Хоть ненадолго.

— Пан, — услышал он тихий женский голос.

— Что такое? — Уваров дернулся, никак еще не отойдя от горячки боя.

— У пана кровь...

Женщина лет сорока, сидящая на скамейке слева от него, указала пальцем на куртку.

Левая пола была распорота, как бритвой, а рубашка под ней основательно уже подмокла и почернела.

— Ах да-да, спасибо... Я сейчас. — Он смутился, будто не рубашку, от крови мокрую, увидела на нем женщина, а брюки, мокрые совсем от другого.

— Я медсестра, я перевяжу вас. У меня с собой санитарная сумка. Только уберите пистолет. Здесь вам пока бояться некого.

И действительно. Пассажиры напряженно смотрели в окна, будто приехали на экскурсию из Южной Родезии и боятся пропустить хоть одну-единственную местную достопримечательность, вожатый вел свой экипаж, как велено, дорожных полицейских на пути не попадалось, все же прочие средства транспорта благоразумно воздерживались пересекать путь сумасшедшему и гораздо более тяжелому снаряду.

— Ну, пожалуйста. Хотя, по-моему, это просто царапина. Если бы в это место, да проникающее — мы бы с вами не говорили уже... — попытался сострить Уваров.

— Я тоже так думаю, но вы все же присядьте вот здесь, — ответила женщина, задирая его рубашку. — Большая потеря крови немногим лучше. Кто это вас? Русские? Тут говорили, что они расстреливают народ...

— Ни одного русского, по крайней мере, в форме и с оружием, я пока не видел, — честно ответил Валерий. — Это по мне братья-поляки поупражнялись. В мнениях насчет правильного гонора не сошлись.

— Гонор, все гонор, — устало вздохнула медсестра, обложив бок поручика тампонами и приклеивая их широкими полосками пластыря. — Кто б его у вас наконец отбил. Может, все же русские успеют проснуться и нач-

нут запрягать, как у них говорится, пока ясновельможные паны друг друга совсем не перестреляли?

— Спасибо, мамаша, — уловив в ее голосе знакомую тональность, ответил Уваров по-русски, правда, понизив голос. — Ваши бы слова да богу в уши...

Лицо женщины изменилось, только что было совсем другим, напряженным и замкнутым. Вроде как и оказывала она раненому помощь, исходя из христианского и профессионального долга, но без всякого личного чувства, а сейчас стало совсем другим. Все ж, что там ни говори, а вот — голос крови (в другом теперь уже смысле).

Она мягко улыбнулась, легким движением прижала палец к губам, благо все окружающие поляки продолжали демонстрировать свою подсознательно буддийскую сущность. «Ничего не вижу, ничего не слышу, никому ничего не скажу». То ли статуетка с тремя обезьянами, то ли шлягер российской певички.

— Наш офицер? — прошептала женщина, вопросительно приподняв бровь.

Валерий, прикинув, что трамвай приближается к нужному месту и откровенность ничем повредить не может, кивнул и тоже улыбнулся, поднеся руку к сердцу. То ли в знак благодарности, то ли проверяя, плотно ли лежит повязка.

— Храни тебя бог, сынок, — и перекрестила его по-православному.

— Спасибо, мать. На бога надейся, а сам не плошай, — кивнул поручик, навсегда прощаясь.

Цепляясь за поручни, вернулся к кабине водителя.

— Все, пан командир. Благодарю за службу. Вот тут тормозни, я выйду. И езжай по своим делам. — И уже из чистого озорства, да и чтоб все поляки видели, достал из кармана десятирублевую бумажку и протянул кондуктору: — За скорость и сервис. Сдачи не надо.

Цена проезда на трамвае по всему маршруту здесь, как и на всей территории России, равнялась трем копейкам.

Соскочив с подножки, Валерий оглянулся, увидел, что никого в этом окраинном районе не заинтересовало его появление, да и интересоваться особенно было некому.

До ужаса унылая улица протянулась над обрывистым берегом Вислы. Почти одинаковые двух-трехэтажные дома, различающиеся разве цветом кирпича, из которого они были сложены, и окраской крыш, образовывали перспективу в оба конца, сколько хватало взгляда. Редкие, уже облетевшие деревья, стоящие друг от друга на бессмысленно большом расстоянии, никак не способствовали ее украшению. Мостовая из булыжника, узкие тротуары вымощены брусчаткой, до половины стертой миллионами прошаркавших по ней подошв. И очень много пыли вокруг: и на стенах домов, и на деревьях, и под ногами.

Местные жители, если и появлялись здесь, то, наверное, в какое-то другое время, потому что сейчас улица была абсолютно пустынна. Даже непременные мальчишки, склонные в таких окраинных районах сбиваться в стаи для совместного хулиганства, отсутствовали.

От реки волнами и отдельными клочьями напалзала тоже скучный, серый туман, порывистый ветер завывал смерчки пыли между буграми булыжника, целеустремленно и в то же время бессмысленно катились к непонятной цели обрывки бумаги, скомканные папиросные пачки, еще какой-то мелкий мусор.

Совершенно никакой романтики. Невозможно и поверить, будто совсем недалеко отсюда, на ухоженных улицах и площадях прекрасного европейского города, бушует первая в новом столетии революция. «А ведь так и есть, — с удивлением подумал поручик. — Именно революция, как напишут в учебниках, если она победит, или — очередной мятеж обманутой черни, если победим мы».

Но философствовать времени не было. Не для того

же он застрелил ничего лично ему не сделавшего плохого парня, всего лишь вообразившего, что он способен вернуть своему Отечеству так называемую «свободу и независимость». Совершенно ей ненужную, если разобратся.

Он стрелял в Кшиштофа только для того, чтобы успеть предупредить своих о намеченной акции, которая будет стоить очень многих жизней с обеих сторон. Абсолютно ничего личного.

Уваров потянулся к карману, в котором лежала портативная, с дальностью до пяти километров, армейская рация. И понял, что его обеспокоило еще в трамвае. Ощущение не компактной, а какой-то дискретной тяжести. Рассыпной то есть. Вместо аккуратного пластмассового бруска пальцы нащупали грудку осколков и обломков.

Повезло в очередной раз, конечно, но повезло сомнительно. Одна из автоматных пуль, вместо того чтобы с известным результатом пробить легкое или печень, всего лишь раскрошила радиостанцию, рикошетом распорола межреберные мышцы.

Однако, выиграв жизнь, Уваров потерял возможность связаться с командиром группы. Доложить, предупредить и так далее.

Ладно. Значит, возвращаемся к Средневековью и еще более ранним временам. Как тот грек, что бежал пешком до Марафона. Или — от Марафона куда-то еще? Одним словом, сорок с лишним километров, вместо того чтобы просто позвонить по телефону. «Радуйтесь, короче говоря, соотечественники, мы победили!» А вот мы — еще нет.

Хорошо хоть, что расстояние здесь никак не сорок километров, два от силы, и он вряд ли падет на финише бездыханным.

Поручик торопливо докурил, загнал в рукоятки обе-

их «беретт» свежие обоймы, недострелянные сунул в брючный карман и двинулся в путь.

Дорога вдруг оказалась труднее, чем ожидалось. Слабость накатывала волнами, и, в соответствии с этим ритмом, Валерий то переходил на совсем не спортивный, вяло-расхлябанный бег, то едва переставлял ноги, придерживаясь за заборы и стены домов, напоминая при этом хорошо принявшего на грудь местного пана.

Спасибо, что время от времени на пути попадались уличные водоразборные колонки, и, навалившись грудью на изогнутый чугунный рычаг, он жадно пил воду, отхватывая губами капли и брызги от тугой, жесткой, как стальной прут, струи.

Трамвай довез его быстро, и никаких организованных групп по пути следования Уваров не видел, то есть какой-то резерв времени имелся. Но это еще ничего не значило. Автомобили умеют двигаться куда быстрее. Догонят, обгонят, и ни к чему тогда будет его напрасное геройство.

Арсенал грозно возвышался на берегу Вислы, мрачно катящей свои серые волны, прямо напротив Праги. Не той, что столица Чехии и Моравии, а одноименного варшавского восточного пригорода.

Построенный в шестидесятые годы позапрошлого века, он выглядел величественно и красиво. Применительно к такого рода сооружениям. Утилитаризм здесь сочетался с особенной, мрачноватой, но все равно изысканной эстетикой.

Окруженное полутораметровой толщины крепостной стеной, двухэтажное, но с этажами шести-, а то и семиметровой высоты здание, сложенное из темно-красного кирпича, в стиле, наверное, позднего Фиораванти. Украшенное фигурными зубцами по верху, уступчатыми арками вокруг стрельчатых оконных и дверных проемов, «ласточкиными гнездами» по углам.

В плане оно представляло собой почти точный полукруг, внутри которого вымощенный гранитными плитами плац с тремя радиальными аллеями еще с имперских времен использовался как выставка под открытым небом. Здесь в хронологическом беспорядке экспонировались образцы артиллерийских систем с конца четырнадцатого до середины двадцатого века.

По выходным и праздничным дням главные ворота открывались, и жители города вкупе с многочисленными туристами могли за символическую плату любоваться всем этим буйством человекоубийственной фантазии.

Что же хранилось в огромных сводчатых залах, казематах и подвалах этого титанического (или циклопического?) сооружения, достоверно не знал никто. Хотя мятежники, судя по словам Кшиштофа, были убеждены, что именно там находятся основные запасы оружия и боеприпасов Варшавского гарнизона, а то и всего Западного военного округа.

Скомкав и засунув в карман шарф цветов польского флага, который теперь уже мог сыграть совсем не нужную Уварову роль, поручик добрался до ворот, тяжелых, даже на вид необыкновенно прочных, сбитых из дубовых плах и схваченных железными полосами в дюйм толщиной и фута в полтора шириной. Для Средневековья — не преодолимая никаким тараном преграда. Против танковых пушек, конечно, долго не устоит.

Рукояткой пистолета он долго колотил в прорезанную посреди главного полотнища калиточку, снабженную смотровым глазком.

— Кто? — не меньше чем через минуту раздался с той стороны грубый унтерский голос.

— Поручик Уваров. Гвардейский спецотряд. Откройте. Я ранен и имею срочное сообщение...

Минуты ожидания вытянулись почти в бесконечность. Хотелось плюнуть на все, сесть прямо под этой

калиткой на траву, закрыть глаза и забыться наконец. Невзирая на последствия.

Однако Уваров удивительным образом сумел дотянуть в сравнительно ясном сознании до момента, когда засов с той стороны ворот все-таки заскрипел, открываясь. Четыре сильные руки махом перенесли его через порог, и железные запоры вновь лязгнули за спиной.

«Спасен, спасен! — воскликнул граф», — пришла в голову цитата из какой-то старинной книжки, и так уж она сейчас была к месту. Ногами он еще пытался перебирать самостоятельно, но силы в них не было. Поручика усадили на скамейку рядом с караульной будкой, подали кружку холодной воды. Выглотав ее залпом и отдышавшись, Валерий поднял голову.

Помогавшие ему солдаты, которых он только что воспринимал некими серыми, расплывчатыми тенями, отделились, но зато приобрели отчетливость, а в двух шагах напротив стоял, уперев руки в бока, плотный мужчина в замасленной до кожного блеска рабочей куртке. На мощных покатых плечах топорщились погоны военинженера второго ранга¹, нашивка над правым локтем — скрещенные пушечные стволы и круглая бомба с горящим фитилем — обозначала его принадлежность к службе пиротехники и вооружений. Небольшие внимательные глаза смотрели вполне доброжелательно.

— Пришли в себя, поручик? Вы действительно из Гвардии? А здесь что делаете и в таком виде? Объяснить можете?

— Так точно. А с кем имею честь?

— Леухин, Юрий. Един во многих лицах. Начальник Арсенала и приданного ему гарнизона, маленького, к сожалению. Хранитель артиллерийского и оружейного музея. Эксперт по всему, что стреляет с помощью поро-

¹ Специальное звание инженерно-технического персонала, примерно соответствующее армейскому подполковнику.

ха и иных метательных веществ. Если этого мало — еще и конструктор, и механик, и изобретатель...

Видно было, что этим балагурством, имеющим под собой, скорее всего, вполне серьезные основания, хозяин крепости пытается не только развеселить гостя, но и скрыть собственную тревогу.

— Юрий, простите... по отчеству?

— Да не важно. Ну, Владимирович. Пока можно просто — господин военинженер, а там разберемся. Вам медицинская помощь требуется? А то вот у вас вроде что-то... — инженер указал на полу куртки и светло-серый свитер под ней, весь в пятнах засохшей крови.

— Врача же у вас все равно нет, я думаю? — для формы спросил Уваров.

— Конечно, — охотно согласился Леухин. — У меня вообще никого нет, если не считать этих уродов. Пятнадцать более или менее грамотных оружейников и два десятка солдат первого года службы, из которых по возможности нужно сделать нечто подобное. Вот и стараюсь в меру сил... Хотя меня в училище обучали основам первой помощи, но с тех пор так и не пригодилось, слава богу. Разве если кто молотком мимо болта по пальцу попадет или, в нарушение техники безопасности, без очков на станке работать вздумает. На этот случай у нас один тут есть, курсы санинструкторов прошел, знает, когда головой вперед, когда — ногами на носилки класть полагается.

Над этой шуткой полагалось сдержанно хохотнуть, что поручик и сделал, тут же поморщившись от колющей боли между ребрами. Осколок рации, что ли, застрял?

Но умирать Уваров все равно не собирался, поэтому услуги санинструктора ему не требовались. Наложённая доброй женщиной повязка держалась и насквозь до сих пор не промокла.

Однако нервный по всем параметрам день, а в осо-

бенности потеря крови сказались. И самочувствие Уварова лучше всего характеризовалось эпитетом — «поганое».

— Тогда прикажите принести мне обычную полевую аптечку. Они-то у вас должны быть по-любому...

Это было сделано немедленно.

В плоской бакелитовой коробке Валерий нашел шприц-тюбики с универсальным антибиотиком на случай борьбы с проникшей в рану инфекцией, и мощным стимулятором нервной деятельности, наркотиком не являющимся. Воткнул их по очереди в четырехглавую мышцу бедра, как и предписывалось инструкцией, посидел пару минут, и вдруг по сосудам, по всему телу разлилась ласковая теплая волна. Сразу все стало хорошо, накатила бодрость и даже энтузиазм. Запросто можно было вскочить со скамейки и тут же кинуться бежать кросс, а то и штурм-полосу. Но делать этого ни в коем случае не следовало. На это особое внимание обращали врачи — специалисты именно по таким делам.

Посиди, подожди, пока пройдет первая эйфория, отнюдь ей не поддавайся. Еще минут через пять организм выйдет на режим насыщения. Прочувствуй и это. А когда поймешь, что ты не герой, не супермен, что нет больше желания гнуть подковы и драться одному против десяти, что всего лишь тебе дается еще один (не абсолютный) шанс зацепиться на этом свете, вот тогда вставай и делай то, что требуется именно сейчас.

Для тебя лично. То есть — старайся грамотно выйти из боя, добраться туда, где тебе окажут настоящую медицинскую помощь. И лишь в самом безвыходном случае, когда нет иных вариантов, — исполняй, что напоследок требует воинский долг. Хорошо, что здесь обстановка позволила спокойно использовать отпущенное время бодрости и подъема сил.

Он изложил Леухину свою недавнюю историю и в самом общем виде — смысл своего задания. Вернее —

часть смысла очень ограниченной задачи. Инженер, а в данный момент начальник, в оперативное подчинение которому Валерий попадал, поскольку оказался на подвластной ему территории, слушал со всем вниманием, иногда отдавая короткие распоряжения своим «уродам», которые вились вокруг него, как осы вокруг меда.

Больше всего Уварову сейчас хотелось связаться со своим командованием и получить конкретные инструкции по обстановке, но вот именно этого сделать было нельзя. Ни стационарной, ни переносной радиостанции в Арсенале странным образом не имелось, а городскими телефонными линиями пользоваться запрещалось. Мало что они наверняка прослушиваются мятежниками, так если бы и нет — дозвониться отсюда можно было только до подразделений округа, то есть структур государственного подчинения. А для них присутствие здесь офицеров-монархистов должно было оставаться тайной. Или хотя бы юридически не подтвержденным фактом.

Он и так уже почти расшифровал себя, представившись коменданту. Но это — действие в состоянии крайней необходимости. И не побежит же Леухин немедленно «докладать» прямо через вражеские позиции.

Поручик встал на ноги, почувствовал, что вполне пришел в порядок, и они с начальником гарнизона начали готовиться к обороне.

— Помощи нам ждать, считайте, и неоткуда, — оптимистически просвещал инженер поручика. — В городе, как мне известно, всего четыре, нет, пожалуй, пять батальонов немедленной боеготовности, так их сейчас придется раскидывать по куда более важным объектам, чем наше древлехранилище. Штаб округа, дворец генерал-губернатора, два гражданских и два военных аэродрома, а еще и Монетный двор, и дачные поселки высших чиновников, — Леухин безнадежно махнул рукой. — Да ведь и не только в Варшаве буча поднимется,

как я мыслю... — Неожиданно для своего флегматичного облика инженер говорил быстро, моментами — не слишком разборчиво.

— Так что полагаться будем только на самих себя. Если бы, конечно, ваши сюда подтянулись, другое дело, но это уже из области благих пожеланий. Я эти московско-питерские заморочки знаю, успел зубы съесть, пока они бодаются. А вас тут вообще много? — как бы невзначай задал он вопрос, на который Уваров ответить не имел права при всем желании.

— Да откуда ж мне знать? — очень убедительно развел руками поручик. — У меня индивидуальное задание. Один шанс для связи был, да и то вот...

Он выгреб из кармана остатки рации и, подкинув на ладони, высыпал мусор в обрез керосиновой бочки, используемый здесь в качестве гарнизонной пепельницы.

— Тем более говорить не о чем. Но в смысле обороны кое-что мы все равно можем. Пусть и на антикварном уровне...

Внешние стены Арсенала, в полном соответствии с обычаями фортификации XIX века, были оснащены аппарелями, барбетами и горжами¹, на которых сейчас солдаты тащили виденные Валерием только в справочниках пулеметы Гочкиса времен Мировой войны. С длинными ребристыми стволами и на грубо склепанных трехногих лафетах. Следом за ними вкатили две еще более древние десантные пушки Барановского, калибром 64 миллиметра.

— Видите, коллега, чем мы располагаем? Увы, с тех пор новых поступлений не имелось. Кто уж там вашим

¹ Аппарель — пологое сооружение типа лестницы без ступеней для подъема на крепостные стены пушек и прочей техники. Барбет — выступ изнутри крепостной стены для установки орудий. Горжа — внутренняя, несколько сниженная относительно зубцов или бруствера часть крепостной стены.

приятелям басни рассказывал про сокровища пещеры Лехтвейса... Вот если, правда, все наши запасы выставить на аукцион Сотбис, тогда конечно. На собственный остров в Южных морях нам с вами точно хватит.

Как понимал Уваров, основные силы обороны Леухин решил сосредоточить на переднем фасе крепости, поскольку на тыловые, выходящие прямо к берегу Вислы стены он отправил только шесть человек с магазинными винтовками и одним легким пулеметом.

— Зато что у нас хорошо, так это боеприпасов — немерено, — довольно сообщил Леухин, присаживаясь на снарядный ящик, — вагона три их в подвалах хранится. В войсках про такие сорта и калибры давно забыли, а на утилизацию средств не выделяется. Благо дымный порох самовозгоранию не подвержен. Так что можем тут устроить свой персональный Баязет.

Очевидно, инженер недавно посмотрел многосерийный фильм, посвященный героической обороне этой крепости маленьким, лишенным поддержки извне русским гарнизоном.

— Только вот людей — маловато. Нечем будет естественную убыль в рядах пополнять...

Тон и смысл его слов показался Уварову слишком уж легким, да, а с другой стороны? Пока никакой непосредственной опасности нет, мятежники то ли подойдут сюда, то ли нет. Мало ли — придумают себе другую цель, осознав, что момент внезапности утерян, или просто одумаются, поймут, что штурмовать эти стены с одними пистолетами — чистое безумие.

— Ну, это как сказать, — с прежним оптимизмом ответил комендант. — Если им нужно много оружия, помимо пистолетов и охотничьих ружей, так иначе, как здесь, взять его негде. В расчетах они, безусловно, ошибутся, новья у меня, считай, нету, а вот винтовок бердановских и мосинских, пулеметов древних, еще в этом роде добра — предостаточно.

С «той стороны» то ли подкинут им технику, то ли нет, в любом случае — дело долгое и ненадежное... Под той стороной Леухин подразумевал Малопольскую республику и примыкающие к ней страны-лимитрофы¹.

— Воинские части штурмовать почти бессмысленно, сразу получишь сдачи по полной программе, а мы для них самая подходящая цель. И силы наши они знают досконально, уверен, что даже и пофамильно каждого, да плюс к тому рассчитывают на эффект внезапности.

Уваров хотел было возразить насчет эффекта, да тут же и сообразил, что инженер, скорее всего, прав. Никто ведь не знает, что Кшиштоф выдал ему план мятежников. А уцелевшие бойцы его отряда сами могут быть не в курсе стратегической задачи. И даже того, где и к кому им следовало присоединиться.

Стах — тот, пожалуй, знал, а то сам и был этим представителем вышестоящего штаба. Но свое он уже получил намного раньше, чем рассчитывал, причем — совсем в другом смысле. Остальные же боевые группы так и продолжают выполнять заранее полученный приказ.

— Вы бы пушки оттянули дальше, вон на те барбе- ты, — посоветовал поручик Леухину, оценив позицию и расположение постов, — в случае штурма ворот можно будет вести фланкирующий огонь. У вас, кстати, какие снаряды? Я ж такие раритеты только в книжках да в му- зее видел...

— Снаряды исключительно шрапнель. Да будет вам известно, поручик, что в те времена при калибрах менее 107 миллиметров сухопутные орудия другими не оснащались. Шрапнель, она же картечь, при соответствующей установке трубки. По пехоте вполне эффективно на дистанции до двух верст. А здесь куда ближе...

На самом деле, до ближайших домов, за которыми

¹ Лимитрофы — полусамостоятельные государства, образовавшиеся на окраинах Российской и Австро-Венгерской империй после событий 1918—1920 гг.

мог накапливаться агрессор, было от силы метров пять-сот. Ближе, до самых стен Арсенала, лишь ровные квадраты газонов с редкими деревьями и не слишком высокими бордюрами, за которыми голову еще можно спрятать, а уже задницу — никак. То есть позиция, невыгодная наступающим и вполне подходящая для обороны. Лет полтора назад.

Сейчас, конечно, если подтянуть современную артиллерию или танки, и ворота и стены можно раздолбать с закрытых позиций, ничем не рискуя. Так он и сказал коменданту.

— Кто же спорит, — согласился Леухин. — Против авиации мы тоже не слишком много можем сделать, хотя десяток ручных зенитных комплексов у меня найдетсЯ. А совсем припрет — отступим на тот берег...

Валерий посмотрел на серые, неуютные воды Вислы, чертовски широкой да вдобавок покрытой довольно крупной зыбью. Переплывать ее сейчас... Можно, конечно, если очень жить захочется, но трудно и неприятно.

— Да ты не бойся, у нас катерок есть, в сарае спрятан. Мы с него рыбу, бывает, ловим, ну и в Прагу часто ездим, по делам. На машине в пять раз дальше и дольше. Было б кому переправляться...

— Знаете, господин инженер, ваш добрый юмор нравится мне все больше и больше. Так, может, сразу все здесь взорвем к черту и поехали? Лично мне приказ «Стоять насмерть» никто не отдавал.

— Так и пожалуйста. Я вас сюда не приглашал, начальником для вас тем более не являюсь. Переправим в лучшем виде. А вы там за нас, в верхних штабах, словечко замолвите. Так, мол, и так, геройски пали при исполнении долга перед Отечеством. Сам лично видел и могу засвидетельствовать. «Врагу не сдается наш гордый «Варяг», пощады никто не желает...»

Все это сказано было совершенно ровным голосом, не поймешь даже, всерьез или все-таки в шутку.

— Ладно, поговорили. Может, лучше покурим, пока время есть?

— Увы, не курю. Хотя иногда и жалею. Говорят, хорошо нервы успокаивает.

После этих слов ничего не оставалось, как пожать плечами и с независимым видом отправиться осматривать позиции. Что ни говори, он тут единственный строевой офицер и сможет объяснить этим слесарям и оружейникам, как с наибольшей эффективностью использовать в деле ту технику, которую они приставлены хранить и ремонтировать, и не более того. Воевать с ее помощью их никто не готовил и не обязывал. Но ведь по смыслу присяги каждый на своем месте, в случае нападения врага, должен стоять до последней возможности, а то и умереть на позиции, если не последовало другого приказа.

Не зря ведь любому новобранцу три четверти века подряд перед принятием присяги рассказывают историю «Бессменного часового». Вот ее краткая суть.

В тысяча девятьсот пятнадцатом году русские войска, отступая на восток после проигранного приграничного сражения, оставили крепость Новогеоргиевск. Взорвав, как водится, форты со всем, что в них находилось. А солдат Родион Михайлов, не снятый, в общей суматохе, с поста при вещевых и продовольственных складах, остался один в бесконечных многоярусных тоннелях, все входы в которые завалило тысячами тонн битого камня.

На старую границу армия вернулась только через шесть лет, после окончания и Мировой, и Гражданской войны. И еще долго никому не было дела до грандиозных руин.

Наконец кто-то вспомнил, что под землей скрывается несметное количество оружия, боеприпасов и прочего добра, достаточное для снабжения тридцатитысячного гарнизона в течение полугодовой осады. А со снаряжением тогда было не так, чтобы очень хорошо. Работы

начались. И в какой-то момент пробившиеся через очередной завал рабочие слышали щелчок затвора и слабый, но строгий голос: «Стой, кто идет? Стрелять буду!»

Рядовой Михайлов отстоял на посту почти восемь лет. Воды в нижних потернах¹ форта было достаточно, продовольствия и амуниции в хорошо вентилируемых галереях — тем более. Солдат нес положенную уставом службу, раз в неделю менял белье и портянки, сапоги и верхнюю одежду — по необходимости. Винтовку смазывал прованским маслом из сардиночных банок, питался так, как никогда в жизни. Ежедневно употреблял уставную чарку (больше — ни-ни, что само по себе подвиг) и ждал смены.

И ведь дождался, был награжден Георгиевским крестом, произведен сразу в фельдфебели, всенародно прославлен, получил положенное денежное содержание за весь срок, солидную пенсию и отправился доживать свой век в Вологодскую, кажется, губернию².

А его парадный портрет до сих пор висит в караульных помещениях каждой воинской части. Грядущим поколениям в назидание и пример.

Однако почему-то все считают, что пронзительный взгляд героя обращен отнюдь не на заступающих в суточный наряд солдат, а исключительно на караульного начальника. «Смотри, мол, ваше благородие, никого больше не забудь сменить с поста!»

Уваров успел наметить все необходимые огневые рубежи, составил даже примитивные стрелковые карточки для каждого расчета, велел выложить из ящиков рядом с орудиями артиллерийские снаряды, заранее установить шрапнельные трубки на пятьсот и четыреста метров, а уж дальше — только на картечь.

Себе он определил роль подвижного резерва, для че-

¹ Потерна — подземный коридор, галерея внутри массивов крепостных стен, плотин и т. п. сооружений.

² Подлинный случай, описан в журнале «Огонек» в начале 1960-х годов.

го вооружился легким дегтяревским пулеметом, а двух бойцов, порасторопнее на вид, назначил безотлучно находиться при себе, таскать следом сумки с запасными дисками, а также исполнять роль связных со старшим по команде.

Леухин не возражал против его инициативы. Вообще, чем дальше, тем больше Уваров начинал подозревать, что инженер далеко не так прост, как ему вначале показалось, и ведет какую-то свою игру, посвящать в которую нового соратника не намерен. Все говорило именно за это. Держался он слишком флегматично для человека, которому предстоит в ближайшее время вступить в бой с неизвестным противником, причем не на фронте, а прямо, так сказать, на рабочем месте. И ему придется убивать не каких-то феодалов или солдат регулярной иностранной армии, а жителей города, в котором прожито много лет, с которыми не раз и не два встречался на улицах в самых обыденных ситуациях.

К кому-то в гости ходил, пиво пил в уютных кабаках.

Все это было странно. Причем, пока Уваров со всей серьезностью относился к возложенной им самим на себя задаче, комендант крепости особого азарта и энтузиазма не проявлял. Разве что в глубине души радовался, что есть у него теперь энергичный заместитель по военной части?

Леухин несколько раз спускался со стен вниз, заходил в отдельно стоящий домик, выкрашенный поверх кирпича охрой, от которого тянулось на решетчатых столбах порядочное количество проводов — и электрических, и телефонных. Возможно, связывался со своим непосредственным начальством, докладывая обстановку и требуя инструкций. А может, просто выпивал там в одиночку. Хотя, когда возвращался, по-прежнему спокойный, спиртным от него не пахло.

Но вот наконец-то утомительно-нервное ожидание закончилось.

В начале спуска от жилых кварталов к шоссе стали появляться отдельные группки людей, из которых удивительно быстро образовалась густая, очевидно, недобро настроенная толпа.

В музейный, как и все здесь, шестикратный цейссовский бинокль, презентованный ему Леухиным, поручик увидел, что, в отличие от демонстраций, что происходили в центре, тут случайных людей нет. Просветленная оптика приблизила первые ряды настолько, что различались даже лица.

Примерно половина из нескольких сотен людей выглядела очень похоже своей экипировкой на парней из отряда Кшиштофа, но был народ и постарше, одетый пестро — в кожаные и ратиновые плащи, бобриковые куртки и полупальто, в униформу разных полувоенных служб — пожарных, железнодорожников, почтальонов. Различались там и муниципальные полицейские, и налоговики-фискалы с ярко-зелеными петлицами, и даже стрелки лесной стражи.

Многие держали оружие на виду. Положенные по службе карабины и револьверы, автоматы, российские и иностранные, а кое у кого пресловутые охотничьи ружья. Кстати, в ближнем бою, заряженные волчьей картечью или толковыми пулями, пострашнее любого нарезного будут.

Одним словом, «ясновельможно паньство» собралось дать бой оккупантам, которым в свое время присягнуло на верность и от кого достаточно сытно кормилось. По крайней мере, уровень окладов жалованья и вообще жизни в русской Польше раза в два, если не больше, превосходил таковое в Краковской республике. Ну, подумал Уваров, насильно мил не будешь.

— Шляхетское ополчение тысяча четыреста десятого года, — с усмешкой бросил он тем из бойцов, кто его

★ мог услышать. Для большинства из них эта дата ничего не говорила, только Леухин понял и кивнул, прикусив губу. Видать, и до него дошла серьезность момента. А раньше не верил до конца Уварову, что ли?

Вот именно сейчас бы стрелкнуть пару раз шрапнелью, и вся эта гвардия разбежится, теряя «стволы» и подштанники. Потому что поймет...

Так он и предложил, но комендант остановил его резким жестом.

— А за что в них стрелять? Люди, может, речным пейзажем полюбоваться вышли. Или на экскурсию к нам хотят... Неловко получится.

— Ну, воля ваша, еще подождем. Хорошо хоть штурмовых лестниц у них с собой не наблюдается, — согласился Уваров. А сам подумал, что времена сейчас не Грюнвальдские, деревянные, веревками связанные лестницы с собой таскать не обязательно. Существуют в природе складные пожарные штурмовки, как раз от земли до зубцов стен достанут, и у строителей соответствующая техника имеется. А то сразу — аэродромный трап-самоход. Быстро и комфортабельно.

— Артиллерия, прицел десять, трубка десять, цель — ноль. Шнуры подобрать! — скомандовал он, чтобы привести личный состав в полную готовность. — Пулеметы — прицел пятьсот. Наводить не выше колен...

— А почему не выше? — проявил наконец любопытство Леухин.

— А потому, господин военинженер, что людей вообще без крайней необходимости убивать нехорошо, — сказал Валерий и поморщился. Он-то сам совсем недавно делал именно это, не до конца убедившись, что необходимость именно крайняя. Но это уже другой вопрос.

— Кроме того, ранения в нижние конечности относятся к разряду тяжелых, выводят из строя безусловно и надолго, сам же раненый, в отличие от убитого, отвлекает на себя, для оказания помощи, от двух до четырех че-

людей, которые, естественно, не могут в это время участвовать в боевых действиях. Также вид большого количества тяжелораненых, их крики, стоны, кровь весьма значительно деморализуют окружающих...

Уваров почти дословно пересказал инженеру соответствующий пункт одного из секретных наставлений.

— Что ж, грамотно. Хотя и несколько цинично, на мой непросвещенный взгляд.

— Ага, крупнокалиберная пуля в грудь-живот и кишки на проводах не в пример гуманнее, — огрызнулся поручик. Для дальнейшего спора времени уже не было. От толпы отделился совсем молодой, лет семнадцати, пацан на маленьком, почти игрушечном мотороллере, с закрепленным на руле белым флагом. Одной рукой он управлял своей тарахтелкой, в другой держал красный электромегафон, украденный, очевидно, на ближайшем стадионе.

Остановился метрах в пятидесяти от ворот, поднес «матюгальник» к губам:

— Русские солдаты! Восставший народ Варшавы предлагает вам открыть ворота. Лично вам не будет причинено никакого вреда. Вы можете покинуть Арсенал со всеми личными вещами, кроме оружия. Вам будет обеспечен проезд до российской границы или до любого места по вашему выбору. Согласно Женевской конвенции. На размышления вам дается полчаса. После этого будет предпринят штурм. Вся ответственность за ненужное кровопролитие ляжет на вас. Уцелевшие будут преданы народному суду!

— Стрельнуть в этого попутая? Поверх головы? — осведомился средних лет унтер, не отрывавший плеча от приклада пулемета.

— Отставить! — не ко времени сорвавшимся голосом крикнул Уваров. — Парламентер же. Пусть едет...

Отбарабанив порученный текст, пацан подождал, не будет ли какой реакции со стен, не дождался, резко при-

бавил газ и унесся обратно. «Унесся» — это, конечно, громко сказано, мотороллер на гору тянул едва-едва, изрыгая клубы синего дыма.

— Масла перебачил в бензин, — прокомментировал Леухин, — да и зажигание хреново выставлено. Так что дальше делать будем, господин поручик?

— Полчаса ждем. Я, например, прилечь хочу, если вы не против. Слабость у меня, невзирая на уколы... — ответил Валерий, прикидывая, где бы и в самом деле прилечь.

— Сейчас сообразим. Ромашов, бегом. Постовой тулуп приволоки, кружку чифиря и две плитки шоколада. Как это я сразу не догадался. При потере крови — первое дело...

Ровно через полчаса толпа медленно начала сдвигаться вниз по склону. Никому из наступавших, очевидно, так уж отчаянно лезть под пули не хотелось. А отказавшись принять ультиматум, и даже ответить на него, русские солдаты дали понять, что сдаваться не намерены.

Но и мятежникам деваться было некуда. Замахнулся — бей. В любых бунтах и мятежах промедление и нерешительность смерти подобны. Спаси могут только быстрота, натиск, ярко выраженное намерение победить любой ценой.

Постепенно развернувшись в две длинные цепи, флангами огибающие передний фас крепости, они подтянулись к воротам метров на триста и снова остановились. По возможности рассредоточились, выискивая хоть какое-нибудь укрытие: бетонные опоры телеграфных столбов, деревья потолще, выступы канализационных люков. Ни с той ни с другой стороны пока не прозвучало ни выстрела. Очень все происходящее напоминало вдруг Уварову уже не пролог Грюнвальдской битвы, а скорее Стояние на Угре, тысяча четыреста восьмидесятого года. Когда ни Московское войско, ни орда ха-

на Ахмада так и не решились переправиться через реку и вступить в бой «до результата».

Ну и пусть. Нам, как и Ивану Третьему, спешить некуда.

Он только приказал снизить прицел и соответственно переустановить взрыватели «на картечь». Потом обстановка изменилась.

И по-прежнему, как воспринимал это поручик, очень начитанный для строевого офицера человек, происходило все удивительно по-книжному.

Словно в очередной сказке, когда потусторонние силы выдвигают вперед главный резерв, в одном случае — Вия, в другом — горного тролля, из верхней улицы неторопливо выполз бульдозер «Катерпиллер», громадный, тонн в двадцать весом. Поднятый нож отлично защищал кабину от лобовых выстрелов даже и крупнокалиберного пулемета. С боков ее прикрывали прикрученные проволокой железобетонные плиты, для огня стрелкового оружия тоже непроницаемые.

Со стороны неприятеля донесся радостный рев. А что, механизм спокойно доедет до ворот, опустит нож, войдя в мертвую зону, и вынесет створки без всяких вопросов. Массы и мощи дизеля хватит. Для дураков вполне позволительный расчет, и момент радости с их стороны можно допустить. Уваров с Леухиным переглянулись понимающе. Вопрос был только в одном — когда начинать?

Проблема оставалась прежняя. Те, кто стоит, размахивает оружием и орет, пока еще считаются мирными гражданами. Факт наличия у них оружия и даже предъявленный ультиматум — еще не повод для открытия огня на поражение. Полиция — та могла бы заинтересоваться именно фактом незаконного ношения оружия. Но и только. Ползущий к воротам бульдозер — тоже угроза абстрактная. Вплоть до момента, когда он вонзит свой нож в ворота. Только это можно будет считать началом

вторжения на специально охраняемый объект. Лишь тогда караул имеет право стрелять без предупреждения.

«А зачем мне об этом думать? — сообразил Уваров. — Я здесь совсем никто». И, как частное лицо, он побежал к пушке, установленной на левом угловом барбете. Будет команда — сделаем этот бульдозер в лучшем виде. Можно и без команды, поскольку меня здесь юридически не существует, к гарнизону Арсенала я не принадлежу, погон на мне нет, и стрельба будет отнесена к эксцессу исполнителя, разбираться в котором предстоит городской прокуратуре. После подавления беспорядков и возбуждения дела по соответствующей статье.

В случае же совершенно непредвиденного развития событий (каковое Валерий отнюдь не исключал) — отсюда и смыться проще. Вниз по лестнице, бегом мимо главного корпуса и через задние ворота к Висле. Играйтесь без меня. А наличие элементов игры в поведении Леухина ощущалось прямо спинным мозгом.

Пушка стояла хорошо. И неторопливо ползущий бульдозер был вот он. На ладошке. Прямо посередине кольца примитивного диоптрического прицела. Стреляй — не хочу. В казеннике — шрапнельный снаряд, но раз дистанция меньше установленной на трубке, сработает как обычная болванка. Слабенькая, конечно, но «Катерпиллеру» хватит. Кабину они кое-как защитили и лоб тоже, а что с ходовой частью, с дизелем делать будем?

Уваров торопливо курил, одновременно плавно подворачивал маховичок горизонтальной наводки. Не будет команды со стороны коменданта, он выстрелит, когда нож бульдозера коснется ворот.

Может быть, военинженер просто хочет сдать врагу крепость, стараясь, чтобы выглядело это не слишком наглядно? И своим здесь появлением Уваров просто ломает ему хорошо согласованный план? Ну так получите, ваше высокоблагородие!

Старенькая пушка на деревянных, окованных же-

лезными шинами колесах, совершенно, как у телеги, ахнула, будто сама удивившись своей лихости. Подпрыгнула от выстрела, однако масляный тормоз и упертый в щель между каменными плитами сошник удержал ее на месте.

Снаряд попал точно, куда поручик целился, между передним краем бетонной плиты и гидравлической штангой подъема ножа. И все. Трактор, хотя и очень большой, и мощный, сдох сразу. В стороны полетели куски двигателя, обрывки и обломки капота и кабины. Те, кто сидел за рычагами, так там и остались. Через пару секунд густо задымил, потом грязное соляровое пламя заполоскалось среди вывернутых наизнанку механических потрохов.

И внезапно, словно этого и ждали, мятежники рванули вперед. Хотя, по логике, все должно было быть совсем наоборот. Ворота не сломаны, а лезть на стены и под пули — глупо. Но логика уличного бунта (или — народного восстания, кому как нравится) принципиально отличается от житейской. Разумный, благополучный обыватель никогда не выйдет на улицы, на генетическом уровне понимая, что вооруженная власть всегда сильнее толпы. Но а уж если рубеж разумной осторожности прорван, тогда да!

Вот и эти ощутили, наверное, что вариантов нет. Кроме как, конечно, разойтись, разбежаться, сдаться в итоге на милость победителя, даже не испытав себя в деле.

Или — всего одно усилие! Преодолеть, подбадривая себя дикими воплями и беспорядочной стрельбой, каких-то пару сотен метров. А там рвануть ворота гранатами (выделены были на то специальные люди), вломиться внутрь, вязать пленных, добивать сопротивляющихся, взломать склады...

А в них — десятки тысяч «стволов», тысячи ящиков патронов, гранаты и даже тяжелые орудия! Несколько часов — и Варшава превратится в огромный военный

★ лагерь, и вожди победившего народа из Бельведерского дворца обратятся к миру с призывом признать возродившую Речь Посполитую!

Ничего не скажешь, поляки есть поляки. Чего хорошего — у них редко получалось, а вот героически погибнуть, не всегда зная, зачем именно, — это пожалуйста. Родня ведь, братья-славяне. Только психология совершенно другая. Русские обычно как раз в бессмысленные наступления ходить не любят. В обороне — да, умеют стоять насмерть, а атаковать сдуру — простите. Если только уж совсем допечет...

Удивляясь самому себе, Уваров одной половиной мозга принимал вызванные непрерывно меняющейся обстановкой тактические решения, а другой — находил достаточно времени, чтобы абстрактно философствовать. И одно другому совершенно не мешало.

Большинство пуль, выпускаемых снизу вверх, свистело над головами, шмякалось в стены, но были и такие, что вышибали крошку из зубцов и бруствера, задевали и солдат. Наверняка хоть десяток мятежников, поумнее и порасчетливее, остались в тылу, и стреляли прицельно, возможно, и из снайперских винтовок.

Пулеметы захлебывались огнем, раз пять успели рывкнуть пушки, вырубая атакующих десятками. Уваров, почти не прячась, носился вдоль стены, стреляя из пулемета навскидку, туда, где возникала, на его взгляд, наибольшая опасность. И все равно не удержали врага, не заставили его откатиться на исходные позиции, в панике бросая оружие.

Это в теории кажется, что шквальный пулеметно-артиллерийский огонь обладает абсолютным поражающим действием. Да если б так, любая война заканчивалась бы, не успев начаться.

Вон в Мировую, за август месяц четырнадцатого года, русская артиллерия расстреляла беглым, прямой на-

водкой, запас снарядов, рассчитанный вообще на всю войну, а толку-то? Не только не разгромили супостата, а сами на границе не удержались. Отступить пришлось, огрызаясь уже только винтовочными залпами и переходя то и дело в чисто штыковые контратаки.

Мятежники, гораздо больше половины от тех, кто начал бой, добрались до стен и затаились в мертвом пространстве. Но и в поле осталось немало. Тела убитых в разнообразных, удивительно неэстетичных позах валялись вдоль своего последнего пути. Ползли или, оставаясь на месте, истошно кричали раненые, тщетно взывая о помощи. Кто им поможет?

Обороняющиеся тоже потеряли троих убитыми, и около десятка из тех, кто работал на стенах, были ранены. К счастью, по преимуществу легко.

Уваров требовал у коменданта гранат. Обыкновенных ручных, типа Лемона и «Ф-1», что примерно одно и то же. Как в старину лили со стен смолу и кипяток, так сейчас нужно было бросать через парашет десятками эти рубчатые гранаты, и там внизу образовалась бы такая каша! С одной стороны стена, с другой — люди. Разрывы, посылающие чугунные осколки на двести метров в открытом поле. Здесь почти каждый поражал бы в упор, а те, что пролетели мимо, имели еще один шанс достать врага рикошетом от закаленного кирпича. И — отраженной ударной волной.

Но достаточного запаса гранат, на что очень рассчитывал Уваров, в крепости не оказалось.

— Ну я ж вам говорил, — рубил воздух взмахами руки Леухин. Очевидно, для большей убедительности. — Совсем же не тот Арсенал у нас. Музей это и мастерская. Зря вы меня не слушали...

Гранат нашлось то небольшое количество, что имелось в штатных сумках боевого расчета, по две штуки у пяти человек. Да и то — маломощные «РГ-42» в тонкой жестяной оболочке. Их и использовали, и взорвались

они внизу, наверное, со всей возможной пользой. Исходя из обычной боевой статистики, человек с десятка там поубивало и из строя вывело. Только вот высунуться через парапет и посмотреть, как оно получилось, Уваров не мог. Снизу тоже стреляли, если и не слишком метко, то весьма часто.

— Все, поручик, пора отходить, — сообщил Леухин в тот самый момент, когда охваченный боевым азартом Уваров начал составлять план вылазки. Обычное при обороне крепостей дело. И здесь бы могло получиться хорошо. Внезапно распахнуть ворота, предварительно подкатив к ним пушки, беглым огнем картечи сначала по фронту, а потом вдоль стен разметать нападающих, далее же — по обстановке.

Но скобелевским планам сбыться было не суждено. Не то время и не тот случай. Люди гарнизона ему не подчинялись и слушались команд (или — советов) только до тех пор, пока не препятствовал комендант.

— Да как же отходить? Мы же сейчас... — Валерий даже задохнулся от возмущения. Бой выиграть еще можно, безусловно. Ворота целы, сумеют их взорвать или нет — большой вопрос. Если взорвут и ворвутся, в здание Арсенала отойти, оттуда, по-хорошему, и за сутки не выбьют. Говорил же Леухин, что у него ЗРК есть. Очень может эффектно получиться — прямой наводкой зенитными ракетами по атакующей пехоте. И только совсем потом, запалив бикфордовы шнуры, чтобы разнести тут все к чертовой матери, бежать к реке и катеру.

Такой фейерверк тут устроить!

А так что же — уйти и оставить врагу все это богатство, историческое и реальное? Ведь только об этом и мечтают мятежники, только ради этого кладут своих людей без счета.

— Уходить, когда бой почти выигран?! Я не понимаю, господин военинженер. Ну, уходите. Бойцы подчиняются вам, я вам не подчиняюсь. По определению. Я вообще,

если угодно, не в вашей армии служу! Только — последняя просьба. Пусть ваши ребята скатят пушки со стен, поставят их вот здесь, — Уваров указал, где именно. Рядом, колесо к колесу в полусотне метров от ворот, посреди аллеи, ведущей к главным дверям Арсенала.

— Они взорвут ворота, и тут я приму их на картечь. Ни один не переступит порога. Я один сумею стрелять из двух пушек. И увидите...

Леухин, тронутый его порывом, похлопал Уварова по плечу.

— Нормально. Если бы это было нужно — очень нормально. Я бы и сам с вами остался. Только ведь этого не нужно. Уж поверьте мне. Хотите отвести душу — не смею препятствовать. Только давайте так. Мы подготовим катер к эвакуации, вы стрельнете раз пять. Этого будет достаточно. И двух заряжающих я вам оставляю. А потом — отступайте к берегу. Остальное узнаете там. Договорились?

Слова коменданта показались вдруг Уварову убедительными. Может быть, действительно все продумано до него и за него, а сам он просто чего-то не понимает. Тем более наконец обратил Валерий внимание, на территории Арсенала, между его двумя главными входами и вокруг и даже в окнах и на балконах второго этажа мелькало гораздо больше людей, чем выходило по первым словам Леухина. Он сказал, что у него под командой примерно тридцать пять человек, а тут, навскидку, даже за вычетом убитых и раненых, суеилось под сотню.

Но раз так, и катер для эвакуации должен быть отнюдь не один!

Ладно. У всех свои игры. И его азарт, и готовность пасть в бою за эту, похоже, никому на самом деле не нужную крепость, выходит — бессмысленны. Так тому и быть. Но своего он не упустит. Просто чтобы было что вспомнить.

— Воля ваша, господин комендант. На том и сойдемся.

...С огромным наслаждением Уваров дождался, когда ворота сначала тяжело содрогнулись от первого взрыва не слишком хорошо рассчитанного удлиненного заряда, а потом и рухнули от второго, более сильного. Под затянутой вонючим тротильным дымом аркой появились первые атакующие, безусловно, люди с напроочь сорванной психикой. Не могли они не понимать, на что идут, и все-таки кинулись вперед, подбадривая себя воплями, в которых не звучало уже ничего человеческого.

Так ведь и всегда, всю историю войн, начиная с древних Шумера и Ассирии, находились энтузиасты, что кидались на стены по штурмовым лестницам и наброшенным на зубцы арканам и становились в первые ряды сходящихся фаланг, где уцелеть не имелось даже самых мизерных шансов.

Пушка успела выстрелить всего три раза, а потом дернулась и застыла с нелепо перекосившимся в заднем положении стволом. Наверное, разрушились сгнившие и пересохшие за сотню лет каучуковые кольца в накатнике. Но и трех выстрелов картечью с полусотни метров, когда вал атакующих заполнил бутылочное горлышко воротного портала, оказалось достаточно, чтобы никто больше не сунулся.

Требуется особый склад характера или очень много водки, чтобы форсировать пешком гору теплых, густо пропитанных кровью тел соратников.

До реки солдаты Леухина дотащили Уварова под мышки. Потому что силы у поручика кончились как-то разом.

Уже когда катер резал носом речную волну, Леухин ему сказал:

— Ты, Валера, молодец. Погеройствовал, это нормально. Зачтется. А главное — мы сделали куда более важное. Доберемся до берега — узнаешь. Сейчас или чуть позже. Но дело мы сделали.

— Какое дело? — Уварову становилось все хуже и

хуже. Единственное, о чем он сейчас мечтал — чтобы его довезли до какого-нибудь госпиталя, что-нибудь сделали, чтобы он не умер насовсем, а уже потом положили на застеленную свежими простынями постель и дали вволю поспать.

— Арсенал мы им сдали в полной исправности. Вот пусть и пользуются...

Смысла в этих словах Уваров не нашел и, наверное, именно поэтому благополучно потерял сознание.

Открыв глаза, поручик увидел не белый потолок госпитальной палаты и не доброе лицо сестры милосердия, а все то же мутное небо с низко летящими серыми тучами и никак не похожую на ангела небесного личность штабс-капитана Крылова, своего непосредственного командира.

— Живой? Уже нормально. А чего на связь не выходил, мы ждали, ждали...

— Рация — того...

— Бывает. А доложить, что в городе видел, можешь? Нам тут инженер про твои подвиги в Арсенале успел рассказать, но тебя ж не за тем посылали.

Поручик чувствовал себя на удивление хорошо, очевидно, ему наконец оказали квалифицированную помощь. Он готов был встать и нести службу дальше.

Находились они в небольшом дворике дома, прилепившегося на самом берегу Вислы, и дом этот использовался как одна из точек дислокации «печенегов». Занимались в нем служебными делами и просто отдыхали человек пятнадцать. Все — знакомые. Но на Уварова особого внимания никто не обращал. Просто не принято было это в подразделении. Если б в старой его роте — и распросов, и сочувствия было бы сколько угодно.

А здесь — не так. Здесь главное — дело. Порученное именно тебе. А о чем не говорят — того тебе, скорее всего, и знать в данный момент не нужно.

Пулеметы — нормальные, а не старые столетней давности — были выставлены по углам ограды, торчала над крышей высокая многоканальная антенна. Примостившись в сторонке, двое ребят, одетые в грязноватые комбинезоны строительных рабочих, настраивали полевой радиотелефон, еще несколько человек упаковывали штурмовые ранцы. Очевидно, готовилась очередная операция с выходом в город.

В Варшаве постреливали, но далеко и не слишком интенсивно.

Валерий сел, сбросил с плеч одеяло, в которое был закутан. Свежая повязка на груди и животе лежала плотно и ничуть не мешала. Да и чувствовал себя он вполне прилично. Так, зудело немного под бинтами, и все.

Один из присутствовавших поблизости подпоручиков подал Уварову новый толстый свитер и камуфляжную куртку из специальной армированной ткани, мало уступающую по защитным свойствам легкому бронежилету. Валерий с удовольствием переоделся.

Он затянулся поданной ему уже прикуренной папиросой и начал докладывать. Уложился примерно в десять минут.

— Что ж, считаю, действовал ты грамотно. Особенно в Арсенале. Помог все очень убедительно изобразить. Без тебя они вряд ли бы сумели...

— Что — сумели? Оборониться? Да там еще три дня можно было биться, если б захотели...

— А три дня — никому не надо. Сдали, и хорошо. Но показали, что не специально, а исчерпав все возможности к сопротивлению... Да и поляков слегка окоротили. Пусть знают, что воевать — это не лобии кушать (Крылов долго служил в Тифлисе и любил уснащать речь тамошними поговорками).

Наконец-то Уварову все стало ясно. Все, о чем он только догадывался интуитивно. Мятежников заманили в ловушку продуманно и грамотно. Похоже, заговор-

менно и на высоком уровне внедренная агентура убедила руководителей восстания в необходимости обязательно взять Арсенал. И выглядело все очень правдоподобно, раз эту идею приняли.

Основную роль должен был сыграть Леухин. Может быть, он и сам участвовал в переговорах, взял какие-то деньги под обещание сдать склады в целости и сохранности. Появление Уварова поначалу как бы спутало карты, но потом, очевидно, он связался с кем надо, получил дополнительные инструкции. Игра получилась даже более убедительной, чем по первоначальному сценарию.

Непонятно было только одно — зачем все это? В чем, так сказать, главная фишка?

Заманить врага в крепость, а потом накрыть шквальным артиллерийско-ракетным огнем? Имело бы смысл, если бы кроме ограничивающих маневр стен там не было капитальных строений. А так ведь придется размотать в щебенку все историческое здание, до фундамента и даже глубже, потому что кроме двухметровой толщины стен там имеются еще и многоярусные подвалы.

Такой вандализм, пусть внатяжку, можно было счесть оправданным, если бы в крепости сосредоточились главные силы мятежников и все руководство, а так... Уничтожить исторический памятник, потратить несколько сот тонн бомб и снарядов, чтобы убить гораздо меньшее число рядовых боевиков? Бессмысленно, а главное — нерационально.

Но какой-то замысел ведь присутствовал?

Видимо, мозгов и жизненного опыта поручика не хватало, чтобы понять суть операции, спланированной куда более умными людьми. И спросить невозможно, даже и у штабс-капитана, вроде бы приятеля. Любопытство, выходящее за пределы сегодняшней непосредственной задачи, чревато самыми неприятными последствиями для дальнейшей карьеры.

Значит, придется соображать самому, если останется время и возможность.

— В госпиталь поедешь? — спросил Крылов, сочтя предыдущую тему исчерпанной.

— Да вроде незачем. Камни ворочать и окопы рыть я пока не могу, а работу полегче — вполне.

— Тем лучше. Тогда мы тебя пока на узел связи посадим. Вместо коммутатора будешь, потому что стационарным линиям мы доверять не можем. Тут для всех групп графики скользящих волн разработаны, вот ты и будешь доклады от них принимать и дальше проталкивать, по принадлежности...

— Так мы кого больше опасаемся, мятежников или своих? — на полном серьезе спросил Уваров.

— Своих даже скорее, — ответил штабс-капитан. — Мало что питерская войсковая контрразведка нас всегда за главных неприятелей держала, так окружные службы наверняка польской агентурой напичканы. И местных вольнонаемных в каждой конторе полно, и офицеры через одного то на польках женаты, то сами такие же. Я тем, кто в Варшаве хоть три года прослужил, на медный грош не верю. Вот когда дивизия князя Ливена в город войдет, тогда будет порядок.

Согласившись с точкой зрения товарища, Уваров отправился в дом, где на втором этаже был развернут узел связи. Четверо радистов обслуживали на своих «РБ-47» около двадцати входящих каналов от работающих в городе групп и звеньев, а также пять исходящих — со штабами отрядов. Поручик должен был, получив сообщение, самостоятельно принимать решение, куда и кому его переадресовать, а также фиксировать на планшете с планом города местонахождение передатчика, смену его рабочей частоты и дислокации. Задача несложная, но ответственная.

Когда Крылов ушел, Валерий первым делом воспользовался открывшейся возможностью, нашел в таблице

позывной и напрямую вошел в связь со штабом полковника Стрельникова. Нарушение субординации, конечно, но, во-первых, полковник инициативу подчиненных обычно поощрял, а во-вторых, пускать информацию чрезвычайной важности по обычной иерархической цепочке просто глупо.

И времени это займет слишком много, и в заслугу, как всегда, пойдет последнему, кто донесет сообщение до начальственного уха. А о добывшем сведения офицере если и вспомнят, то номером шестнадцатым.

— Господин полковник, докладывает поручик Уваров, — слегка волнуясь, произнес Валерий в тяжелый эбонитовый микрофон. Удача сама шла в руки, Стрельников оказался на месте, хотя где это место находится — бог весть. Может, в двух кварталах отсюда, а может, и в Москве.

— Слышу, поручик. Какая необходимость обращаться именно ко мне? Рядом что, никого больше нет?

— Так точно, нет. Штабс-капитан Крылов убыл, да и не в его компетенции вопрос.

Торопясь, но стараясь быть точным и четким, Уваров доложил главное, что он вынес из разведпоиска:

— Мятежники намереваются широко использовать систему каналов городской канализации. Насколько я сумел выяснить, при высоте тоннелей до двух метров они полностью перекрывают территорию города в границах начала прошлого века и имеют выходы не только через уличные люки, но и во дворы и подвалы практически всех старых многоэтажных зданий. Считаю необходимым немедленно разыскать и изъять максимальное количество местных знатоков этого дела, в том числе или даже преимущественно — пенсионеров. Пока не поздно, раздобыть планы и схемы в архивах департамента коммунального хозяйства, в библиотеках, я не знаю... Желательно также доставить из Москвы собственных специалистов, в том числе шахтеров, горноспа-

сателей, спелеологов. Предполагаю, это дело весьма серьезное... И для нас — перспективное.

— Достаточно, поручик, я понял. Молодец. Где вы сейчас находитесь?

Уваров доложил.

— Оставайтесь на месте до получения иного приказа. Вы же должны знать — инициатива наказуема.

Это следовало понимать, как добродушную начальственную шутку.

ГЛАВА 17

Пока не началась главная работа, Уваров, по укоренившейся привычке, провел личную рекогносцировку занимаемой позиции и прилегающей местности. Тут все было сделано грамотно. Своеобразный импровизированный укрепрайон был создан хоть и наскоро, но по всем правилам военной науки. Штабной домик, сложенный в незапамятное время со стенами в четыре кирпича, судя по архитектуре, принадлежал железнодорожному ведомству, стоял на достаточном удалении от кварталов, населенных местными жителями, и ограда вокруг него была под стать, высокая и даже на вид прочная.

В систему обороны входило еще три полуразвалившихся здания, тоже промышленного назначения, а все вместе когда-то образовывало товарный двор ныне не существующей станции или разъезда. Сохранились участки пути, груды ржавых рельсов и полусгнивших шпал, земля была перемешана со шлаком, угольной крошкой, на метр в глубину пропитана мазутом и креозотом. Для жизни место совершенно невозможное, а для обороны — в самый раз.

Из амбразур в цокольных этажах простреливались насквозь прилегающие улицы, а с чердаков — берег Вислы на километр в каждую сторону. Кто-то не так давно озаботился даже тем, чтобы использовать рельсы

и обломки железобетонных блоков в качестве противотанковых завалов и надолбов. Непосвященным людям в глаза это почти не бросалось, но фактически возможность проникнуть в расположение на колесной и гусеничной технике исключалась почти намертво. Даже один отряд «печенегов», пусть и не полного состава, мог здесь продержаться до подхода полевых войск несколько суток, хватило бы только боеприпасов.

Судя по тому, что во дворе штаба высились целые штабеля ящиков со снарядами к ручным противотанковым гранатометам, а в полуоткрытых дверях гаража Уваров разглядел знакомые лафеты АГС «Василек»¹, люди, которым было поручено оборудовать эту базу, отнеслись к заданию с полной серьезностью. Ориентируясь на то, что воевать придется не только с наскоро вооруженными уличными толпами, но и с регулярной пехотой. Разумеется, без средств усиления.

Обойдя территорию, попутно выяснив, где здесь кухня и отхожее место, Валерий вернулся на отведенный ему пост.

Работы пока было мало. На связь разведчики выходили не чаще чем раз в полчаса, да и вверенные попечению Уварова радисты в своем деле разбирались намного лучше него. Так что, похоже, Крылов устроил раненому коллеге этакую синекуру, чтобы отдохнул и набрался сил, раз в госпиталь не хочет.

Между прочим, эта его любезность позволяла Валерию наконец-то получить давно положенный орден. И даже сразу — Владимира IV степени с мечами. Ибо, согласно статута, награды удостоивается: «...кто, будучи раненным, остался в строю, продолжая исполнять свои обязанности...»

¹ Автоматический станковый гранатомет, способный на дистанции до двух километров одним залпом накрыть противопехотными осколочными гранатами в шахматном порядке площадь 100 метров по фронту и пятьдесят в глубину.

А если вдруг завяжется еще один серьезный бой и повезет в нем уцелеть, можно и на Георгия четвертой степени, офицерского, разумеется, рассчитывать. На красивый белый крестик, при виде которого даже пожилые полковники с полупоклоном честь отдают. Впрочем, на Георгия он имеет полное право надеяться уже сейчас, поскольку, будучи раненным и фактически истекая кровью, он до последнего вел бой в Арсенале.

А у каждого кадрового офицера с самого училища сидят в голове чеканные формулы: «Кто огнестрельным и холодным оружием уничтожал живую силу противника, кто поразил или взял в плен вражеского предводителя, захватил знамя неприятеля, метким огнем поразил и уничтожил вражеский корабль, танк, самолет, уничтожил или захватил артиллерийское орудие, удостоивается...»

Тот же «Катерпиллер», чем не танк? И как минимум одного «предводителя» он тоже поразил... Правда, потребуется представление со стороны Леухина, который тогда исполнял должность начальника отдельного подразделения и был непосредственным очевидцем совершенного подвига. И, как это часто бывает, вспомнив фамилию недавнего соратника, поручик тут же увидел ее в таблице радиочастот.

— А этот — где? — спросил Уваров унтер-офицера, сидевшего за ближайшей рацией. Тот отчего-то усмехнулся и показал большим пальцем себе через плечо. На входную дверь.

— Не понял...

— Через дверь, на площадку, напротив нас, железная, там они сидят...

Железная дверь открылась после того, как Уваров несколько раз постучал. Судя по долгой паузе, его рассматривали в потайной «глазок» или с помощью видеокамеры. Залязгали запоры, точно как недавно на воротах крепости, и на пороге объявился господин Леухин собственной персоной.

— У вас тут что, внутренняя тюрьма? — осведомился поручик. — Вроде как вам не по специальности...

— Заходи, — отодвинулся в сторону инженер и тут же захлопнул дверь. — Тебе чего?

— Повидаться захотел. Приказано мне связью заниматься по подразделениям отряда, вот я в карточке посмотрел — и вы там значитесь. Каким, думаю, краем их высокоблагородие к нашим делам причастны? Вроде как совсем по другому ведомству. И все мои абоненты в городе сейчас работают, а вы вдруг — через стенку. Интересно... Никак из наших будете?

Бывший комендант, похоже, испытывал некоторые сомнения. Что неудивительно. Человек, который даже в расположении сверхсекретного подразделения прячется от товарищей за железной дверью, наверняка приставлен к делу особой важности. Гриф под тремя нулями. А по виду и не скажешь, особенно там, в Арсенале.

И тут же на память пришли слова Стрельникова при первом знакомстве. Насчет того, что следует научиться горбиться, ходить, шаркая ногами, и нос рукавом прилюдно вытирать. Получается, что господин Леухин куда лучше него эти науки превзошел. Да и неудивительно, учитывая разницу в возрасте и чинах.

— Проходи, поручик. Я тут как раз перекусить собрался, а ты, кажется, кроме той шоколадки, весь день не евши...

Да так оно и есть. Валерий в суматохе обстоятельств об этом совершенно забыл, а сейчас ведь время к вечеру идет. Тут же он услышал запах разогретой мясной тушенки, и слюна заполнила рот. Слегка даже затощило от голода. В небольшой каморке слева по коридору гудел примус, чугунная сковородка исходила паром, круглая буханка ржаного хлеба с краю была надрезана крупными ломтями.

— Садись, — Леухин ногой подвинул к столу табуретку, сам уселся на другую. Полез в грязную, покры-

щественно. Ты на другое смотри. Там тебе и придется работать.

Действительно, панорама вся была покрыта россыпью красных световых точек. словно оспа накрыла город. Целое созвездие их гнездилося на территории Арсенала, многие двигались по идущим от него улицам и магистралям. Еще некоторые спокойно помигивали в разных местах, включая комплекс правительственных зданий в самом центре.

Кажется, Валерий догадался. Однако для верности спросил, что это все должно значить.

— А то и значит. Две недели, как проклятые, работали. На каждом ящике с патронами, с автоматами — маячок. Вот она, картиночка, на ладони. Приходи, бери голыми руками. — В голосе Леухина слышалось торжество. Звездный час как бы наступил для него, очень и очень долго обреченного заниматься сложной технической работой, не всегда и доступной по смыслу людям, поставленным им руководить.

Как-то это Уваров понял в инженере. Наверное, характеры и судьба у них были похожи. Что он в своем округе считал себя умнее командира бригады, что Леухин всю взрослую жизнь страдал оттого, что его изобретения и технологии не находили отклика. Жил, служил, работал, и вдруг — получилось! Нашелся начальник, который понял, поверил и дал возможность реализоваться в полную силу.

А с ним самим не так же вышло?

— Пришлось, пришлось потрудиться, — продолжал рассказывать инженер. — Радиопеленгаторами с восемью направлений город перекрыть и даже с космическими силами договориться, чтобы геостационарным спутником позволили воспользоваться. А здесь у меня центральный коммутационный узел. Вычислитель сопоставляет пеленги, привязывает к координатной сетке и выдает дислокацию в проектор. Вот мы и можем наблюдать, ку-

да они наши гостинцы развозят, где складируют. Вся их сеть снабжения и базирования — как на ладони. Теперь в любой момент хоть группы захвата посылай, хоть авиаудары наноси. Нормально, да?

Уваров не мог не признать, что да. Если сейчас иметь под руками достаточно сил, ту же самую дивизию генерала фон Ливена, о которой все говорили с надеждой и нетерпением, ее шестнадцать стрелковых батальонов (сорок восемь рот, не считая подразделений обеспечения), руководствуясь только данными схемы Леухина за сутки ликвидировали бы мятеж.

Но, насколько было известно поручику (в основном по слухам), даже передовые отряды гвардейской дивизии не перешли еще границ Привислянского края по причинам чисто дипломатическим. Говорили, что правительство Каверзнева не желает допустить сюда войска, подчиненные лично Великому князю. По вполне понятным причинам. Не нужно быть слишком большим стратегом и политиком, чтобы сообразить, в чем тут смысл.

И, следовательно, в интересах князя позволить мятежу разгореться настолько, чтобы у «питерских» просто не осталось другого выхода.

— А не заиграются наши вожди чересчур? — осторожно спросил Валерий Леухина. — Так, что потом не одной дивизией, всей Гвардией не справиться будет? — Историю польских восстаний с 1830 и вплоть до 1925 года он знал еще с училищных времен на «отлично».

— Не наша забота, поручик, не наша забота. Я не политик, а старый оружейник. Если мне поручено изготовить или отремонтировать хоть дробовик, хоть пушку, меня нисколько не интересует, по тарелочкам заказчик собирается стрелять, на уток охотиться, салюты в честь собственного дня рождения производить или же на большой дороге проезжих купцов грабить. Лишь бы у нас с ним договор был по закону составлен и вовремя оплачен.

А вы иначе думаете? Тогда зачем на государеву службу пошли? После гимназии в университет не поступили? Работали бы сейчас присяжным поверенным...¹

С точкой зрения инженера нельзя было не согласиться.

...К утру второго октября мятеж, который теперь уже с полным основанием можно было назвать восстанием, достиг своего пика. С точки зрения его организаторов и вдохновителей, успех обозначился почти полный. Более тридцати тысяч хорошо вооруженных и организованных повстанцев контролировали всю территорию города и большинство предместий, кроме Праги и еще нескольких плацдармов на восточном берегу Вислы, где закрепились российские войска. Впрочем, их было настолько мало, что ни о каких активных действиях речи идти не могло.

Два территориальных полка численностью меньше трех тысяч человек, примерно столько же солдат из всевозможных хозяйственных, ремонтных, строительных подразделений, обрывки рот и батальонов, сумевших разными способами — когда с боем, когда по-тихому — переправиться через реку. Большая часть войск, дислоцировавшихся в черте города, так и осталась блокированной в своих расположениях. Ситуация осложнялась тем, что очень мало офицеров, проживавших на городских квартирах, сумели добраться до военных городков.

Адреса их были давно известны мятежникам, и новая Варфоломеевская ночь пошла как по нотам. Специально выделенные террористические группы или просто «толпы возмущенного народа» вламывались в подъезды и квартиры. Немногие офицеры имели оружие постоянного ношения, да и все равно, много ли пользы от писто-

¹ Присяжный поверенный — адвокат на государственной службе при окружном суде или губернской судебной палате.

лета в таких обстоятельствах? В самом лучшем случае, восемь выстрелов в толпу, девятый — себе в висок.

А если за спиной еще жена и дети?

Сотни капитанов, подполковников и полковников были убиты, выброшены в окна, сожжены заживо практически безнаказанно.

Удивительным образом, в сравнении с обычной войной потери среди подпоручиков и поручиков были в десятки раз меньше. Во-первых, как принято, дежурили по подразделениям, состояли в караулах, проводили парко-хозяйственный день (в выходные и праздники это в армии — святое дело) именно они. Значит, оказались в частях и подразделениях, при солдатах и настоящем оружии. Да и за пределами гарнизонов они, в основном холостяки, проживали в общежитиях, компактно, по четыре-шесть человек в комнатах или малогабаритных квартирах «домов офицерского состава».

Вот им обычно удавалось отбиться, забаррикадировавшись, отстреливаясь из дверей и окон, вызвав по телефону помощь на бронетехнике. И тогда месть была ужасна — при виде растерзанных тел своих товарищей, их жен и детей, горящих квартир, БТРы и танки открывали беглый, карательный огонь, тоже не выбирая целей. По всему, что движется.

Особым шиком у танкистов внезапно, не известно кем первым придуманная стала «езда по азимуту». Получив приказ или поймав по радиации призыв о помощи от еще держащегося очага сопротивления, командир отдельного танка или танкового взвода рисовал на карте кратчайший маршрут, и — «люки закрыть, механик, вперед четвертая!».

И — понеслась сорокатонная, ревущая дизелем броневая коробка сквозь дворы, заборы, скверы, сквозь дома, бывало, если стены выглядели подходящими для таранного удара (развернув башню стволом назад). Выламывалась, покрытая известковой и кирпичной пылью, с

висящими, бывало, на гусеничных полках обломками мебели, одеял и занавесок, если не чего пострашнее.

Само собой, не тормозили перед светофорами. В ответ на ружейные и автоматные выстрелы отвечали сразу из главного калибра, холостыми, болванками, кумулятивными, у кого что оказалось в боезапасе.

Иногда успевали, тогда возвращались в часть с товарищами, женщинами, детьми под броней и на броне. Чаще — не успевали, привозили завернутые в чехлы и прикрученные проволокой к лобовым и кормовым листам обезображенные трупы. И неутолимую ярость в воспаленных глазах.

Солдаты и офицеры полусотни национальностей и четырех вероисповеданий, объединенные присягой и погонами, не до конца понимали сути происходящего. Большинство из них с таким просто никогда не сталкивались. И не каждому, видящему только отдельные эпизоды, дано было понять, что то и дело вспыхивающие уличные бои постепенно приобретали характер не просто гражданской войны, а уже междоцивилизационного и конфессионального противостояния. Католики против «схизматиков», «европейцы» против «варваров с Востока».

Когда «наши» убивают «тех» — это нормально, почти ни у кого из «мирных», изысканных и элегантных варшавян и варшавянок жестокие эксцессы не вызывали и тени возмущения. А вот когда «русские» имеют наглость защищаться — это уже недопустимо. Здесь — агрессия, колониализм, дикость, нарушение всех человеческих прав. И немедленно следует обратиться к мировому сообществу, чтобы выжечь заразу каленым железом. Вспомнив критерии Чингисхана. Под нож каждого, кто ростом выше тележной оси. Но не нас, не нас, только их!

...Великий князь был раздражен, зол, более того, он был разгневан. Крайне редко охватывало его это грешное чувство, и требовалось необычайное напряжение

воли, чтобы удержать себя в руках, не дать сорваться, карая правых и виноватых.

Огромный письменный стол в картографическом кабинете был завален вырезками из отечественных и иностранных газет, телетайпограммами информационных агентств, сводками войсковой и агентурной разведки, выдержками из аналитических записок специалистов. В том числе — стратегов клуба «Пересвет». Олег Константинович брал наугад ту одну, то другую бумагу, выхватывал взглядом заинтересовавшие его абзацы, бросал обратно, тянулся к следующей.

«...Долго, слишком долго копилась эта, в общем-то, ничем рациональным не объяснимая ненависть. На первый взгляд, необъяснимо избирательная. Немцы и австрийцы, в свое время вместе с русскими четырежды делившие Польшу (вполне заслуженно и в полном соответствии с тогдашними законами и обычаями), отчего-то такой злобы и ярости не вызывали, хотя их оккупация объективно была намного хуже российской. Скорее, поляки испытывали к тевтонам пусть неприязненное, но почтение. Дело заключается в следующем.

Гордые «паны» подсознательно считают германцев «высшей» по отношению к себе расой — и по характеру, и по культуре. А вот русские — совсем другое дело. И те и те — славяне. Но поляки воображают, что они — культурный, образованный и гордый народ, «форпост Европы на Востоке», принявший католичество шестьсот лет назад, владеющий латынью, вынужденный терпеть над собой власть жалких москалей.

Все пять предыдущих, закончившихся поражением восстаний (после каждого, кстати, российские государи даровали им все больше и больше свобод и привилегий) только повышали градус антироссийской ненависти. При том, что все остальные жители Державы, от Бреста до Петропавловска на Камчатке, могли только завидовать польскому благосостоянию и интеллектуальным свободам.

Особенно пагубно сказались на внутривластическом положении Привислянского края проводимая последние пятнадцать лет правительством России политика «демократической колонизации» с объявлением польского языка вторым государственным, введение на нем полного среднего образования, установление «процентной нормы» на занятие государственных должностей в губернских и местных учреждениях.

Все это было расценено националистическими и антигосударственными кругами как прямая предпосылка к грядущему провозглашению независимости...

«По сообщению корреспондента газеты «Вечерний Краков». Оккупанты из города практически выбиты. Аналогичные процессы происходят сейчас в Радоме, Ольштыне, Лодзи, Люблине, Торунь. Есть сведения, что восставшими захвачены Радомские оружейные заводы, где выпускаются не только пистолеты известной марки, но и артиллерийские системы. Это может коренным образом изменить соотношение сил между «конфедератами» и правительственными войсками. В Ольштыне формируются колонны добровольцев для марша на Данциг — поднять рабочих судоремонтных заводов на захват кораблей российской военно-морской базы...»

«Источники, близкие к премьер-министру Малопольши И. Демиховскому, сообщают, что в сейме сильны настроения в пользу оказания повстанцам всей возможной помощи и поддержки. Командующий вооруженными силами республики генерал брони¹ Жукровский, по слухам, заявил о готовности выдвинуть войска к грани-

¹ Генерал брони — чин, примерно соответствующий полному генералу Российской армии. Войцех Жукровский — командующий армией Малопольского государства.

це для обеспечения гуманитарного коридора и поставок продовольствия и медикаментов жителям Люблина и Люблинского воеводства».

«Перехват радиосообщения из района Минска. Российские самолеты с Брестского и Белостокского аэродромов Варшаву бомбить не будут, с военной точки зрения это бессмысленно, а с политической — чистое самоубийство. Весь цивилизованный мир возмутится и пошлет на помощь героическому городу-мученику миротворческие силы. Держитесь, мы с вами».

Из справки информационно-аналитического сектора Московского жандармского управления: «...Один из идеологов мятежа, профессор Варшавского университета и «вице-премьер» самозванного «правительства», собравшегося в г. Влоцлавеке, Людвиг Мерославский, заявил, что граница возрожденной Польши должна пройти намного восточнее Ковно¹, Гродно, Бреста и Львова. Необходимо отметить, в Москве, Петрограде, ряде губернских городов немедленно возникли группы лиц, по преимуществу — свободных профессий, горячо поддерживавших инсургентов. Сразу несколько газет и радиостанций инициировали дискуссию «Что должно делать русским офицерам, находящимся в Польше, в условиях польского восстания?». Достаточно известные литераторы и журналисты начали призывать солдат и офицеров нарушить воинскую присягу и отказаться участвовать в подавлении антигосударственных выступлений. Не смущаясь тем, что за подобные действия военным грозит полевой суд, самим же подстрекателям на первый случай — лишение лицензий на профессиональную деятельность. «Правозащитников» не смущает и стремление поляков вновь оккупировать земли Мало-

¹ Ныне — Каунас.

россии и Литвы. «Что Польша желает остаться в федеральном союзе со всеми народами, ранее входившими в целость Речи Посполитой, это совершенно естественно... она не может признать насильственного разделения, не отрекаясь от самобытности своей».

Робкие возражения несколько более лояльных Отечеству мыслителей, что желание поляков сохранить в своем подчинении народы Литвы, Малороссии и Белоруссии может не совпадать с желаниями самих этих народов, наталкивается на «железное» возражение: «Знать, чего желает Литва, Белоруссия, Малороссия без свободного плебисцита — очень трудно. И это вопрос не сегодняшнего дня».

Самые отчаянные «диссиденты»¹ в своих выступлениях предлагают даже создавать «офицерские круги» во всех войсковых частях, дислоцированных на территории Польши или могущих быть туда направленными, сближаться не только со своими солдатами, но и с народом. Не опасаясь кары за измену, «идти под суд, в арстантские роты, быть даже и расстрелянным... но не подымать оружия против поляков». Вступать в союз с их руководством и органами местного самоуправления, сохраняя «самобытность организации», то есть фактически перейти в оперативное подчинение польских мятежников».

Княжеский гнев был порожден не этими сообщениями, конечно, военному человеку и политику не пристало терять голову по причине событий, по большому счету ничего чрезвычайного собой не представляющих. На протяжении всей человеческой истории, и российской в частности, покоренные и усмирненные племена имели дурную привычку учинять такого рода безобра-

¹ Dissidens — противоречащий, человек, не согласный с господствующим вероисповеданием (лат.).

зия. Причем крайне редко восстания и мятежи имели сколько-нибудь прогрессивное значение. Если уж захватчик был до чрезвычайности гнусен, свиреп и жесток. Обычно же достаточно мягкая, да еще и цивилизующая аборигенов имперская власть сменялась разнужданным произволом собственных царьков, ханов, шейхов, а в новейшие времена — «президентов» и «премьеров». И «освободившиеся» народы тут же начинали стремительно нищать, дичать, вымирать. Как, например, случилось в Африке, когда «белому человеку» надоело нести там свое «бремя».

И в том, что польский бунт будет в ближайшее время подавлен, князь тоже нимало не сомневался. Вывело его из себя единственно то, что Чекменев «сыграл втемную». Олег Константинович не сомневался, его друг, помощник и конфидент давно был в курсе готовящихся событий, принимал какие-то свои меры, иначе откуда же у него вдруг оказалось столько агентов, ежедневно передающих оперативно-тактическую информацию. До самого начала восстания молчали, а тут вдруг заработали, да еще как активно. Заигрался Игорь Викторович, заигрался. Мятеж далеко вышел за границы допустимого. И призрак европейской войны, которым князь пугал Каверзнева, относя, правда, эту угрозу на годы вперед, ощутимо приблизился, распространяя вокруг свое леденящее дыхание.

К войне же Россия именно сейчас категорически не готова. Материально, а главное — политически. Вот когда удастся завершить то, о чем они беседовали и договорились с премьером в Петрограде, провести назревшие и перезревшие реформы, тогда — пожалуйста.

Только вот зачем ему могло это потребоваться? Самостоятельным игроком, преследующим личные, карьерные цели, Чекменев не был и не мог быть по определению. Не того, совсем не того типа человек! А вот что ему просто стало скучно ждать неспешного развития

исторического процесса, и он решил его немного подтолкнуть, не задумываясь о высших интересах своего сюзерена — это ближе к истине. Но князь растил, воспитывал и держал Игоря при себе совсем не для этого!

С резкостью, на грани допустимого этикетом и собственным характером, он высказал все свои соображения и претензии.

— И что вы мне на это скажете, ваше превосходительство? — титулование, принятое лишь при обращении младшего к старшему, прозвучало особенно ядовито.

Другой на месте Чекменева тут же спал бы с лица, начал оправдываться и нести первую пришедшую в голову околесицу. Однако генерал при этих словах лишь встал с кресла, слегка прищелкнул каблуками, демонстрируя готовность продолжать доклад в строго уставных рамках.

— Ничего принципиально нового, ваше высочество. Да, мы работали по Варшаве, как и по всем остальным направлениям, внушающим опасения. Да, я заблаговременно развернул в городе и вокруг три отряда «печенегов». Ситуацию мы отслеживали со всей возможной тщательностью. Предпосылки к беспорядкам нами наблюдались, но положение отнюдь не выглядело катастрофическим и даже особо угрожающим. Тем более, согласно решению августовского еще военного совета, к границам Польши выдвигались полки Гвардейской дивизии. По просьбе премьер-министра и в соответствии с отданным в ее исполнение приказом военного министра «печенег» и должны были, на случай чего, готовить плацдарм вторжения. Таким образом, я не считал необходимым информировать вас еще и по этому вопросу. У вас было слишком много дел по Петроградскому направлению.

Однако, по имеющимся данным, обстановка изменилась внезапно. Мне сообщили, что в самые последние дни в Варшаву прибыл некий эмиссар, очевидно, все того же «Черного интернационала», с приказом начать

мятеж немедленно. Польское подполье многоуровневое, вышло так, что мои люди не все его сумели взять под контроль...

Здесь Чекменев рисковал, и сильно. Вдруг бы князь вспомнил про Фарида, о том, что турок тоже был «эмиссаром», работал по «национальному вопросу», и связал ниточки воедино? Спросил бы в лоб: а чем сейчас занимается твой пленник? Опять пришлось бы врать, изобретая мифическую командировку на Кавказ. Слава богу, не вспомнил.

Что же касается остального, заговорить князя он мог свободно, поскольку владел вопросом досконально.

— С чисто человеческой точки зрения все это, конечно, ужасно. Жертвы среди наших солдат и офицеров, среди мирных людей, никаким образом не причастных к идеям и планам националистов. Правда, многие из этих «мирных» горячо поддерживают инсургентов, и не только нравственным образом, но и чисто практически тоже. Сообщают адреса российских военнослужащих, доносят на поляков, так или иначе связанных с государственной властью, грабят, самой собой. Но все же, все же... Я вот всегда утешаю себя тем, что, как бы ни были тяжелы последствия наших действий или бездействий, помимо них ежедневно куда большее количество людей умирает от болезней, автомобильных аварий, прочих несчастных случаев. Рок, провидение умеют рыдаться в самые разные одежды, и не нам судить о смысле и последствиях происходящего.

Князь начал успокаиваться, привычно обволакиваемый чекменевским парадоксальным красноречием. Махнул рукой, указывая на кресло.

— Хватит столбом стоять, садись уж, философ...

Чекменев благодарственно кивнул, занял привычное место, не потеряв нить рассуждений.

— Что же касается политического и даже исторического планов, все складывается самым благоприятным

образом. Котелок свободолюбивых и революционных идей естественным образом перегрелся. И в России, и за ее пределами. Что — закономерно. Нашим, в частности отечественным, интеллектуалам почти вековая жизнь без волнений и потрясений приелась хуже горькой редьки. Не за что бороться, не за что возвышать голос совести. Эпизодические, ничем не заканчивающиеся и не привлекающие ничьего внимания выпады против «неоколониализма» и участия российских войск в локальных приграничных конфликтах уже не приносят ни морального удовлетворения, ни политического капитала. Власть, которая состоит из них же, только чуть более нахрапистых и удачливых, на все вроде бы смелые выпады и кукиши в кармане смотрит, как вылез из одного остроумца, «сквозь зубы».

А для того чтобы пробиться во властители дум, вождем столичных оппозиционеров страсть как хочется «пострадать». Не слишком сильно, конечно, но закрытие газеты или редакции дальновещания, репрессия, сопряженная с высылкой на годик в отдаленные районы державы, а то и двух-трехмесячной отсидкой под домашним арестом, очень бы способствовали росту популярности и победе на ближайших думских выборах. Поэтому они сейчас так и отвязались. Не стоит им мешать, я думаю. Даже и поддержать стоит. Они ведь не против нас с вами сейчас волну гонят, а против господина Каверзнева. Ему как раз лишний намек, на что он может рассчитывать, если чересчур долго думать станет.

Князь это понимал и даже одобрял, поскольку считал себя человеком современным, мыслящим широко, признающим право своих соотечественников открыто выражать политические пристрастия и отношение к демократически избранной власти. На этом поле все — равноправные игроки. Игроки — не за шахматной доской, не за бильярдным столом, а на песчаной арене очередного Колизея. Выходим мы на нее одинаковыми, ка-

ждый с мечом или там трезубцем в руке (кто на что учился!), а вернется праздновать и пить красное вино победы — только один.

— Вот, кстати, ваше высочество, еще одно сообщение, только что полученное, не успел в папочку положить. На официальном уровне вас об этом в лучшем случае завтра известят. — Он достал из внутреннего кармана кителя сложенную пополам бумажку.

«На экстренной пресс-конференции глава Малопольской республики пан Демиховский заявил, что только что подписал указ, разрешающий формирование на своей территории добровольческих дружин для помощи соотечественникам, отстаивающим предусмотренное международными пактами право на национальное самоопределение. При этом собственно Малопольша признает права России на сохранение территориальной целостности и заявляет, что она в данном конфликте соблюдает полный нейтралитет и свою политику будет строить, основываясь на решениях Совета Старейшин ООН и Президиума Тихоокеанского союза. Для участия в их экстренном заседании в Квебек вылетает госсекретарь Краковского правительства мадам Воронежская».

— Ну и как мы должны на это реагировать? — осведомился князь, бросая телеграмму на стол, к остальным бумагам.

— Мы — никак. Но вам бы я посоветовал немедленно позвонить в Петроград и посоветовать премьеру дать соответствующие инструкции нашему министру или кого он туда пошлет. Где-нибудь пункте в пятом-шестом меморандума заявить, что Россия, уважая и те и другие права, основываясь на положениях конвенций, принятых еще задолго до создания ООН и ТАОС, никем не денонсированных, намерена, в условиях чрезвычайного положения на собственной территории, рассматривать лиц, не принадлежащих к Российской армии и иным государственным военизированным формированиям, но

тем не менее носящих оружие, в качестве международных террористов. И поступать с ними надлежащим образом. То есть используя упрощенное военно-полевое судопроизводство или без такового вообще.

— Вот же ты наловчился формулировать! — с долей восхищения произнес князь. Чекменев действительно выговорил эту юридически безупречную формулу с ходу и без малейшей запинки. — Ты мне это запиши, и я сейчас же позвоню Каверзневу. Пусть они там покрутятся.

«Гроза миновала, — с облегчением подумал Чекменев. — А могла бы и не миновать. Рубанул бы сейчас какую-нибудь глупость под горячую руку, кто б потом все это обратно склеивал?»

— Разрешите идти, ваше высочество? Я там решил «пересветов» в полном составе собрать и дать им конкретное дело. Проиграть все варианты при любом развитии событий и выдать, для начала, хоть черновик стратегического плана на ближайшее время. А потом сравним, что они нарисуют, а что — Российский Генштаб делать станет.

— Дельно, — благосклонно кивнул Олег Константинович. — Если хорошо выйдет, засчитаем за выпускной экзамен! Нам все равно штаты шерстить по-крупному придется. И — вот еще, — будто бы вспомнил князь. — Ты передай Агееву от моего имени. Пусть не обижается, что не сам лично, но уж больно дел сейчас много. Освобожусь — заглажу вину...

Князь выдвинул ящик стола и протянул Чекменеву небольшую лакированную коробочку, длиной и шириной примерно в ладонь.

ГЛАВА 18

К известному дому на Волхонке, третий этаж которого со дня его постройки, еще в благословенные времена царствования государя Николая Павловича, при-

надлежал семейству Агеевых, в каждом поколении которых непременно был хотя бы один генерал, а иногда и два, съезжались гости. Это никого не могло удивить, потому что таковые сборища, в которых принимали участие избранные старшие офицеры, а также и высокопоставленные лица гражданского звания, происходили здесь по средам и пятницам не первый уже год.

Скорее городовые, стоявшие на каждом перекрестке, швейцары самого дома и окрестных тоже удивились бы, не оказись в девятом часу вечера на привычном месте по меньшей мере двух десятков автомобилей. Остатанавливающихся напротив парадного подъезда, прикрытого сверху каменным козырьком, поддерживаемым двумя обветренными мраморными кариатидами, высаживающих своих пассажиров, после чего отъезжающих к охраняемой стоянке напротив.

Господа — в кителях, в шинелях, в вицмундирах и визитках, смотря по погоде и служебной принадлежности, — проходили мимо бородатого швейцара с великолепной строевой выправкой, щеголевато отдающего честь, и каждый опускал в своевременно опущенную от козырька ладонь некоторую мзду. Специально никак не оговоренную, обычно бывало от серебряного полтинника до золотой пятерки. В зависимости от настроения и текущего финансового состояния гостя. Благодаря сим безгрешным доходам швейцар построил себе в Москве приличный дом и подумывал о закладке второго.

И сегодня все было почти как обычно, только привратник, Иосиф Моисеевич (абсолютно русский, кстати, из отставных вахмистров, но по происхождению старовер, а у них строго соблюдался обычай крестить младенцев исключительно по святцам), обратил внимание, что сегодня господа несколько более строги и озабоченны, чем обычно. Не похоже как-то, что на винопитие и карточные игры настроены. Тогда и лица веселые, и разговоры шумные. Так ведь и то — нешуточные дела

творятся на границах державы, все газеты об этом только и пишут. Как бы не на войну собираются благородия и превосходительства. Тут задумаешься, загрустишь. Знаем, как оно бывает, служили-с...

Члены кружка ревнителей военной истории «Пересвет», согласно уставу занимавшиеся исключительно прояснением недостаточно отработанных официальной наукой тем, от битвы на Калке до Царицынского сражения, а также самообразованием и культурным времяпрепровождением в нерабочее время, сегодня вынужденно нарушили собственные традиции.

Хотя поначалу все было, как всегда. Ужин в столовом зале с резными дубовыми потолками, сопровождаемый негромкой музыкой камерного квартета, общая беседа на нейтральные темы, в которой даже намеки на текущие политические события считались бы моветоном, но никто себе такой бестактности и не позволял. Тем более сейчас. Происходящее в Привислянском крае заслуживало серьезного стратегического разбора на картах, с привлечением соответствующей информации, а сводить дело к перетолковыванию газетных сообщений и прочих слухов — увольте-с!

Затем для гостей открылись вождеденные двери, ведущие в комнаты, где на зеленых ломберных столах лежали запечатанные колоды карт, мелки для записей по сукну и щеточки для их стирания. Генеральские денщики в парадной форме готовы были в любую секунду поднести папиросы или сигары, подкатить столик с напитками и закусками, в углу сияли надраенными боками сразу два ведерных самовара, то есть чай — зеленый, черный, парагвайский, — а также и кофе могли быть поданы по первому требованию.

«Азартные игры на деньги в частных домах Москвы, осуществляемые систематически и с числом играющих более четырех человек» были строжайше запрещены

специальным указом Великого князя, но тем же и приятнее было заняться этим делом здесь, куда уж точно не нагрянет околоточный с проверкой. По доносу или по собственному подозрению.

Однако к столам, а то и прямо в буфетную, чтобы предварительно стимулировать азарт и кураж, направились не все. Люди, специально предупрежденные, начали понемногу исчезать. Благо среди проходных комнат, картинной галереи, библиотеки, прочих помещений растянувшейся на целый квартал квартиры совсем не трудно было затеряться. Минут через пятнадцать-двадцать руководящее ядро клуба и некоторое количество особо предупрежденных лиц, в числе которых оказался и подполковник Максим Бубнов, сосредоточились в кабинете хозяина и примыкающей к нему курительной комнате, где мощная тяга камина уносила табачный дым без всяких вредных последствий для комнатных цветов и ковров, вывезенных одним из предыдущих Агеевых из Первого Туркестанского похода.

— Что ж, господа, приступим? — донесся голос из темного угла кабинета, куда едва достигал свет настольной лампы и мерцал алый огонек папиросы, разгоравшийся при глубоких затяжках курившего. Угол книжного шкафа и высокая спинка вольтеровского кресла настолько хорошо маскировали сидевшего в нем человека, что обратить на него внимание, а тем более узнать можно было, только подойдя почти вплотную. А он, в свою очередь, имел полную возможность заблаговременно убедиться в том, что все нужные люди здесь присутствуют, а посторонние не проникли даже случайно.

Игорь Викторович Чекменев раздавил окурок в стоявшей рядом пепельнице на латунной гнutoй ножке, поднялся и шагнул к письменному столу.

На ужине он не присутствовал, и большинству собравшихся, входивших в круг «старших братьев», это показалось странным. Вообще-то генерал, пусть и чис-

лящийся по канцелярии Великого князя, но удостоенный лишь ранга «соратника», то есть непостоянного члена, проходящего испытательный срок, появлялся в клубе от случая к случаю. Не проявляя особого интереса к научным дискуссиям, предпочитая со вкусом поесть, поболтать на общие темы, иногда крепко выигрывая в преферанс, но чаще — в покер, а также демонстрируя умение пить сколько угодно, нимало не пьянея.

А сейчас вдруг выходило, судя по его слишком жесткому, прямо-таки начальническому тону, что положение Чекменева следует трактовать как-то иначе. Об этом говорило и невозмутимое выражение лица Председателя (он же — Великий Магистр), генерала Агеева, и трех его «ближних бояр».

Разве что появился он здесь в качестве личного представителя Местоблюстителя, чтобы донести до «братьев» некую монаршую волю. Что вполне укладывалось в логику обстоятельств. Мятеж разгорается, инсургенты добились ощутимых успехов, а в «Пересвете» этот вопрос до сих пор не обсуждался.

Все невольно подтянулись, заранее прикидывая, что из данной ситуации проистечет. Чекменев, одетый в повседневный мундир армейского полковника с эмблемами административной службы, поздоровался за руку с Агеевым, остальным отдал общий поклон.

— Что ж, Алексей Михайлович, если все приглашенные на месте, не сочтите за труд... председательствовать.

Агеев не счел. По должности он был всего лишь начальником ВВС округа, генерал-майором. Тогда как Игорь Викторович, невзирая на привычку облачаться то в полковничий, то даже и в подполковничий мундир, очевидным для всех образом в Табели о рангах по-византийски устроенного Местоблюстительства стоял явно выше. При том, что мало кому из присутствующих был известен его официальный статус.

Однако здесь и сейчас Алексей Михайлович являлся

руководителем совершенно добровольного и частного кружка по интересам, ничем в принципе не отличающегося от военно-охотничьего общества или кружка филателистов и нумизматов, да еще и заседавшего в его собственном доме. Тут и сам Великий князь, пожелай он почтить собрание своим присутствием, должен был предварительно неофициальным образом согласовать этот вопрос.

Максим Бубнов наблюдал за происходящим с истинным удовольствием. Он был приглашен сюда впервые, непосредственно Чекменевым, и ему здесь нравилось все. И то, что он на равных присутствует в этом высоком собрании, только что отужинал так, как и не снилось всего несколько месяцев назад. Дело ж ведь не в количестве блюд, поданных к столу, и не в их цене и калорийности, а во всех этих элегантных деталях и тонкостях.

Кто подает и как, какова при этом сервировка. От сознания, что тарелкам фарфоровой мануфактуры Попова уже больше полутора лет (и до сих пор не разбились), а ножи и вилки, числом по шесть с каждой стороны, изготовлены примерно тогда же на заводе купца Кольчугина из серебра «четыре девятки после нуля», чего не было и нет больше нигде в мире, даже самый обычный бефстроганов кажется пищей богов.

Он мог бы потом вместе с другими товарищами насладиться ассортиментом буфета, где к услугам гостей пара сотен сортов вин, водок, коньяков и ликеров, поставить, если нет желания часами сидеть за преферансом, червонец-другой на столе, где мечут штосс. Проиграть, выиграть — не суть важно.

Однако, пригласив его сюда, Игорь Викторович заранее проинструктировал, как именно следует себя вести, и объяснил, в чем будет заключаться его функция.

Агеев, в соответствии с протоколом и обычаями, открыл очередное заседание, доложил намеченную при прошлой встрече повестку дня. Представил, как положе-

но, нового «послушника», подполковника Максима Николаевича Бубнова, рекомендованного тем-то и тем-то.

— Однако, братья, в связи со всеми известными событиями считаю необходимым ввести в план сегодняшних занятий некоторые коррективы. Слово для внеочередного сообщения предоставляется соратнику Чекменеву Игорю Викторовичу. Возражений нет?

Естественно, их не последовало.

— Господа офицеры! — ровным голосом произнес Чекменев, и по кабинету пронесся характерный шорох подошв по ковру. Всем мгновенно все стало понятно. И только движение руки генерала остановило инстинктивную реакцию. По этой команде, означающей то же, что для нижних чинов обычное «Смирно!», всем следовало встать и вытянуться, руки по швам. После чего, как правило, в помещении появлялся некто из высшего начальства. А то и сам князь, чем черт не шутит.

— Нет-нет, я не в этом смысле. Просто хотел вам дать понять, что «либерте, эгалите, фратернете»¹ временно приостанавливается. Поскольку Олег Константинович, высоко оценивая проделанную Обществом работу, всемиловитейше повелеть соизволил причислить его в полном Составе к Собственной его императорского высочества ставке в качестве Отдельного военно-аналитического управления, возглавить которое поручено генерал-майору Агееву с одновременным его производством в следующий чин.

— Служу Отечеству! — Агеев с достоинством встал, наклонил голову, щелкнул каблуками. Чекменев пожал ему руку и вручил великокняжеский рескрипт вместе с погонами, украшенными императорским вензелем. Такого еще никто раньше не видел. Равно как и не слышал о создании Ставки. Значит, действительно пришло время!

— Одновременно утверждено штатное расписание

¹ Свобода, равенство, братство (франц.).

Управления, где большинство из вас получает официально утвержденные должности с учетом курируемых вопросов и тематик. Начальник управления вас с ним ознакомит. Кроме того, все назначенные на должности также производятся в следующий чин... Так что можете сегодня же заготовить себе новые погоны и... спрятать их в стол или сейф. До особого распоряжения. Поскольку все вы по-прежнему официально остаетесь на ныне занимаемых должностях и обязаны продолжать службу. За исключением слушателей Академии, которые временно отзываются для прохождения «полевой практики». Однако жалование по новому чину вы получать будете.

Переждал слитный, хотя и произнесенный вполголоса уставный ответ и обыкновенный в подобном случае шум, прошедший среди пожалованных офицеров, большинство из которых мгновенно превратились в полковников. И Максим, получается, тоже? Совсем недурно. Что значит оказаться в нужное время и в нужном месте. Не прошло и двух месяцев, а он из врача, пусть и элитной, медсанчасти превратился в высокопоставленного офицера Гвардии. Совершенно, как Вадим Половцев полугодом раньше.

Он тут же себя окоротил. Ему ведь как раз не было сказано, причислен ли и он к штату. Говорилось ведь о полноправных «братьях», правда, а он всего лишь «послушник» с неопределенным статусом. Но будем надеяться на лучшее.

(Великий князь, производя эти назначения, ничем не рисковал. Если новое Управление себя не оправдает, распустить его ничего не стоит, а несколько тысяч рублей доплат за чин — для казны пустяк. Зато в случае успеха затраты окупятся стократ, плюс он приобретает очередную группу благодарных и преданных ему командиров. Здесь Олег Константинович явно шел по следам

своей Августейшей пра-пра-...прабабки Елизаветы Петровны с ее лейб-кампанцами.¹⁾

— Теперь прошу выслушать первый боевой приказ по Управлению. Прошу вас, господин генерал-лейтенант...

— Приказ номер один начальника Военно-аналитического управления Ставки его императорского высочества Великого князя Олега Константиновича. Отдан в Москве 4 октября 2005 года.

Первое. Личный состав Управления с момента оглашения приказа переводится на казарменное положение вплоть до особого распоряжения. То есть — немедленно. Разрешается сообщить об этом семьям без объяснения причин, как о срочной служебной командировке.

Второе. Штатное расписание Управления и должностные инструкции будут доведены до каждого персонально под роспись по прибытии в место дислокации.

Третье. По прибытии на место каждый из назначаемых на должность пройдет специальное медицинское обследование...

Опять среди облеченных и пожалованных возник легкий шумок. Зачем, мол, и что это такое...

— ...которое, — слегка форсировал голос Чекменев, — окончательно определит пригодность каждого к исполнению возлагаемых на него обязанностей.

В это момент Максим подумал, что сейчас Чекменев укажет на него, как на человека, которому поручено это обследование проводить. Но нет. Для генерала, представляющего здесь Августейшую особу, вождя, изрекающего непреложные, не подлежащие обсуждению, а то и осмыслению истины, конкретный исполнитель од-

¹ Лейб-компания — грендерская рота Преображенского полка, с помощью которой в 1741 году был произведен государственный переворот и на престол возведена дочь Петра Елизавета Первая. Все 5 офицеров роты были произведены в генералы, прапорщик — в чин полковника, унтер-офицеры — в подполковников, 300 рядовых грендер — в поручики. Все получили потомственное дворянство и поместья.

ной из функций был слишком мелок и ничтожен, чтобы заострять на нем специальное внимание.

И это тоже было правильно, если исходить из логики высшего порядка. Иначе, не умей Максим думать именно так, кто бы его пригласил решать судьбы куда более значительных, чем он сам, людей. А вот придется.

— Четвертое и последнее. Всем присутствующим предлагается одеться, постараться не забыть здесь личные вещи, спуститься во внутренний двор и занять места в автобусе, который и доставит вас к месту назначения. Водителям ваших машин будет передано распоряжение разъехаться по домам, вас не дожидаясь.

Интересная все же вещь. Люди, с большим удовольствием решавшие в своих заседаниях судьбы государства, выстраивавшие на схемах и картах геополитические процессы, следствием которых могли быть чуть ли не миллионные потери противостоящих сторон, как-то вдруг озаботились собственным благополучием. Никто, конечно, вслух такого не сказал, но столь неожиданно оказаться объектом действия приказа, вроде бы и лестного по своей сути, но чересчур жесткого, отнюдь не учитывающего их сегодняшнего интереса, понравилось не всем. Если бы их предупредили заранее, позволили в привычной форме и обстановке обсудить все «за» и «против», учитывая, разумеется, не только формальный чин, но степень посвящения каждого...

А так вышло словно бы и грубовато.

Одно дело — рассуждать «ди эрсте колонне маршширт, ди цвайте колонне маршширт»¹, второе — вообразить себя на месте одной из боевых единиц этих колонн, реально бредущих в степях под ливневыми дождями. Когда при каждом шаге на сапог налипает несколько килограммов глины, а автоматная и пулеметная стрельба с флангов означает совершенно реальную смерть, а не цифирки условных потерь на полях карты. А тон и, глав-

¹ Первая колонна движется, вторая колонна движется (нем.).

ное, внутренняя сущность приказа пусть не явно, но что-то такое предполагали. Пусть и названо новое управление военно-аналитическим, что по большому счету должно означать всю ту же привычную работу с документами, картами, информацией, полученной от оперативного и иных управлений, пусть и на казарменном положении. Но ведь для приближения штабной работы к жизни и на фронт могут послать. Лично изучить ситуацию на картах, а потом и под настоящими пулями побегать, ухитриться выжить, после чего представить соображения.

Многие же «пересветы», пожалуй, как любили острить строевики, родившись на паркетных полях «Арбатского военного округа», там же и на покой собирались уйти с генеральским пенсионом. Конечно, это могло быть и личными домыслами самого Максима, и на самом деле его коллеги и почти что братья только и мечтают, чтобы именно на полях сражений доказать свою преданность объединяющей их идее. Так для этого доктор Бубнов и назначен на свою должность. Выявить настроения, уточнить профессиональную пригодность, доложить и порекомендовать.

И просто глазами он уже произвел некоторое предварительное сканирование «личного состава».

Бубнов хорошо подготовился к предстоящей работе и знал, с кем придется заняться «диспансеризацией». Поэтому сиюминутная реакция «пациентов» на произнесенное генералом тут же мысленно была им включена в их анамнез¹ как составная часть предстоящего исследования.

И еще доктор очень заинтересовал факт присутствия здесь господина государственного прокурора Бельского. Что это именно прокурор, знал, скорее всего, из

¹ Анамнез — сведения об условиях жизни, а также о начале и развитии заболевания, сообщаемые больным, история развития болезни (греч.).

присутствующих только Максим. Не считая, разумеется, Чекменева и Агеева. Хотя, может, и еще кто-то в курсе. Для всех же прочих...

Ну, сидит, даже и не в кабинете, а по ту сторону открытой двери, в курительной, пожилой дядечка, лет на пятнадцать-двадцать старше любого здешнего офицера и генерала, с седоватой бородой, одетый в штатское и держащийся так, словно он вообще зашел сюда чисто случайно. Ну, надоел ему шум в бильярдной или атмосфера азарта за карточными столами. Зашел и зашел, уходит поздно, чтобы лишнего внимания к себе не привлечь, не выгоняют, и слава богу. Вот и присел за дальний столик, сигару закурил и просматривает оказавшуюся перед ним на столе газету. Возможно, и недельной давности. Но надо же чем-то заняться, пока остальные люди увлеченно беседуют о своих делах.

Само собой, и все прочие его заметили, и наверняка задумались, кто бы это мог быть, но спрашивать о вещах, тебя не касающихся, — не принято в хорошем обществе. Сидит человек, пусть не в самом собрании, а рядом, значит, имеет на это право и основание, а кто да что — при необходимости скажут. Или нет. В зависимости...

Максим же просто сделал в памяти очередную зарубочку, требующую осмысления, и спокойно, не в числе первых, но и не последним, направился во двор.

Как и было согласовано с Чекменевым, на территории базы «печенегов» уже неделю в полную силу работала верископическая лаборатория, пропускной способностью до тридцати человек в сутки. В предыдущий месяц, отлаживая и калибруя только что поступившую из мастерских аппаратуру, Бубнов проверил на ней назначенных ему помощников-операторов. Затем обследовал больше полусотни офицеров, прибывших из округов для замещения вакансий в боевых отрядах. Сбоев вроде бы не обнаружилось, инструментальные исследования вполне прилично коррелировали с данными со-

проводительных формуляров, агентурных наблюдений по месту прежней службы и результатов самых банальных психоаналитических бесед, проводимых лично Максимом по собственной методике. Сомнительных случаев он выявил только шесть, причем настолько несерьезных, что только из научной добросовестности он сделал в делах пометку: «Желательно использовать вне зоны специальных операций. После прохождения курса теоретической и практической спецподготовки обследования повторить». А там пусть начальство разбирается.

Теперь же ему предстояло каждого из своих новообетенных «братьев» прокрутить по полной программе, исходя из того самого штатного расписания, о котором объявил в приказе Чекменев. Установить пригодность к выполнению обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией, сиюминутную и отдаленную реакцию на те задачи, которые придется решать. Само собой, подразумевались и моменты чисто провокативные.

Подсознанию испытуемого предлагались явно конфликтные ситуации, ставившие его в почти неразрешимую коллизию между приказом, теми принципами и идеями, которые он исповедовал публично, и глубинными свойствами характера, в том числе и так называемой совестью. И важен был зачастую не столько вывод, к которому так или иначе приходил пациент, как путь и способ решения нравственно-этической проблемы. И ежели готовность отказаться от выполнения приказа была достаточно замотивирована, то итоговых баллов можно было получить больше, чем при безусловной и тоже вроде бы оправданной дисциплинированности и верности служебному долгу.

Несколько удивило Бубнова то, что его подозрения в большинстве случаев не подтвердились. И он попенял себе за излишнюю предвзятость. Вызванную, может быть, недостаточным знанием реальной жизни. Допустим, вполне естественную досаду человека, который по-

сле совещания собирался все ж таки расписать пульку, выпить бутылочку-другую шампанского, после чего отправиться к подруге, с которой давно все договорено, он опрометчиво принял за нежелание воевать вообще. Ну что же, тем лучше.

Расшифровку результатов и перевод их в доступную неспециалисту форму он закончил только к обеду следующего дня, когда господа испытуемые уже выпалились на новом месте, позавтракали в офицерской столовой и теперь просто убивали время, выискивая значащую информацию в дальновизионных новостях и прорабатывая на картах варианты действия противника и необходимые со стороны центрального правительства контрмеры. Удивляясь, конечно, по поводу «острой необходимости» сначала тащить их сюда на ночь глядя, а потом предоставить самим себе, ничего не сообщая и ничего не предлагая.

— Так, значит, ты считаешь, что в основном контингент штатному расписанию соответствует? — задумчиво тянул Чекменев, рассеянно перебирая тщательно распечатанные листы заключения.

— Исходя из заранее согласованных параметров — безусловно. На девяносто процентов я уверен, что никто из прошедших «диспансеризацию» на сторону врага не перебежит, государственными секретами торговать не собирается, в случае попытки перевербовки немедленно сообщит о данном факте по команде и будет действовать в соответствии с полученными инструкциями...

— Ну, ты уж до такой степени не утрируй, — усмехнулся Игорь Викторович. — Это я и без тебя знал. И год, и два назад. Что-нибудь существеннее выяснил?

— Так точно. Вот, касательно номеров четыре, семь и тринадцать (офицеры проходили обследование как бы инкогнито, операторы не знали ни их имен, ни должностей, а самому Максиму уточнять, кто да что, было недосуг) у меня есть личное мнение, что здесь желательнее было бы несколько пересмотреть предварительные ре-

комендации. Седьмой, например, гораздо больше подошел бы для исключительно аналитической работы, что-то связанное с непосредственным руководством операциями в режиме реального времени я бы ему не поручал, а тринадцатый, наоборот, хотя и специализируется на штабной работе, но внутренне ею тяготится, попади он на командную должность, мог бы раскрыться гораздо ярче. Но это, повторяю, чисто мое теоретическое мнение. Решать — вам. Особенно если вы этих людей знаете конкретно.

Чекменев кивнул, по-прежнему не отразив на лице отношения к словам доктора.

— А четвертый? Ты с него начал.

— Тут мне непонятно одно. Мотивация этого человека. Все, на первый взгляд, совершенно нормально, способности и возможности соответствуют по всем осям, но он как бы сам себе не отдает отчета, для чего ему это вообще надо. Мне кажется, с тем же успехом мог бы заниматься торговлей поддержанными автомобилями... За компанию разве, чтоб от товарищей не отстать, к раздаче успеть. Но в остальном...

— Спасибо, Максим Николаевич, за четко и в срок проделанную работу. Будем считать, что лично ты и в чине, и в должности уже утвержден.

— А, собственно, в какой?

— Я разве раньше не сказал? — почти искренне удивился генерал. — Начальник отдела спецконтроля. В самом широком смысле этого слова. Мы с Неверовым этот вопрос еще летом обсуждали, что нужен нам такой отдел. Если бы Сергей с Вадимом нашлись... У вас это хорошо получалось. А так пока мои приказы слушать будешь. Сотрудники у тебя есть, помещение есть. Работайте. Если чего не хватает, заявку пиши. И Маштакова я тоже в твое заведование передам, все равно его идеи никто не понимает, а у тебя вроде с ним складывалось...

— Один частного порядка вопрос задать можно?

— Ну?

Бубнов решил, что раз уж он стоял у истоков «вербовки», а точнее — добровольного перехода на нашу сторону государственного прокурора, то имеет право поинтересоваться, тем более — вступив в должность, такое «любопытство» предполагающую.

— В каком качестве Василий Кириллович вчера на нашем собрании присутствовал и отчего он ко мне на обследование не явился?

— Вопрос в принципе уместный, я сам хотел по этому поводу с тобой поговорить, только позже. Ну, раз уж ты сам... Дело в том, что для господина Бельского желательно подготовить индивидуальную программу. В связи, так сказать, с общей необычностью вопроса. Дело в том, что он, некоторое время пообщавшись с Ляховым, получил представление о сути «верископа» и надеждах, нами на него возлагаемых. И вот, приняв решение о поддержке нашего дела, сам попросил его по полной программе обследовать...

— Забавно...

— Да и ничего забавного. Немолодой уже человек, попал в сложную нравственную и личную ситуацию. Или он предатель, или герой, или просто приспособленец, ради единственной дочки решивший пренебречь служебным долгом. Вот и попросил, чтобы мы ему все про него самого и объяснили. Ежели он на самом деле готов служить князю по убеждению, ибо на его стороне Русская Правда, значит, так тому и быть. А нет, если все в личные, пусть и подсознательные интересы упирается, так он просто напишет Генеральному прокурору прошение об отставке в связи с неподобающим состоянием здоровья. Поскольку чести своей пока не уронил и до сей поры служебного долга не нарушил, за исключением того, что со мной в переговоры вступил. Так это вполне в рамки исполнения обязанностей по должности укладывается.

★ Максим не скрыл своего удивления, более того — восхищения.

— Если все так и обстоит, Игорь Викторович, так тут, по-хорошему, и проверка никакая не нужна. Высочайших нравственных качеств государственный муж. Да и Вадим о нем очень хорошо отзывался.

— Вот этого мне рассказывать не надо. О господине Бельском я поболее твоего знаю. А программку все же подготовь. И сегодня к вечеру, максимум завтра, займись вопросом лично. Мне не в ангельских достоинствах прокурора надо убедиться, а в том, каким образом в возникающей реальности наилучшим образом его таланты использовать нужно. Генеральным прокурором России поставить, к примеру, Олег Константинович решит...

— Отчего ж и нет? — опять не сдержался Максим.

— Да оттого же и нет, — спокойно, как на лекции, отвечивал Чеков, — что был в свое время прецедент. Нашелся один, похожий. И образование, и все такое, вдобавок личный, считай, друг. А возникла ситуация, когда не закон даже нарушить требовалось, а исходя из государственных интересов в пределах того же закона люфт использовать. Скажем, некое очень важное лицо было задержано на вполне безукоризненных основаниях. И поддержать его под стражей можно было от трех до тридцати суток. Князю нашему требовалось хотя бы пятнадцать. А тот господин Коханник — фамилия такая у него была — ни в какую! Нехай, мол, говорит, рухнет мир, да восторжествует юстиция. И раз за трое суток я лично никаких оснований к продлению срока не усмотрел — освобождаю. Нет, мол, худшего зла, чем продержать человека в заключении даже и час лишний.

— И что?

— Выпустил, конечно. Князь к его позиции с полным пониманием отнесся, поскольку человек благородный. Только тот господин сам все понял и поехал вполне добровольно юридической кафедрой в Томском уни-

верситете руководить. Каждому, что называется, свое. Так нам теперь второй господин Коханник и на хрен не нужен. Есть у изобретателей и технологов такой принцип — «Пусть упадет». То есть если в проектируемой конструкции есть высоко размещенная деталь, которая способна в тех или иных условиях сорваться вниз и наделать бед, сразу найди ей место как можно ближе к земле. Уловил?

— Так точно, господин генерал.

— Тогда не смею задерживать. Делай что сказано.

Максим вышел из кабинета без обиды, но с ощущением, что ему предстоит учиться, учиться и учиться. Несмотря на головокружительную карьеру. Погоня и должность отнюдь не способны сами по себе дать того, что приходит с опытом. Пусть даже этот опыт с интеллигентской точки зрения выглядит несколько гнусно. Так никто же и не настаивает, тут же сообразил доктор. Кроме Томского университета на российских просторах можно найти не одну тысячу земских больниц или войсковых лазаретов, где его примут с распростертыми объятиями.

Не зря поется в песне: «Думайте сами, решайте сами, иметь или не иметь».

ГЛАВА 19

После получения заключения о профессиональной пригодности «пересветов», которых Чекменев и князь давно уже рассматривали как собственный «теневой Генштаб», им наконец-то была предоставлена полная воля.

В пределах одного из пунктов стратегического плана, который (пусть кто хочет — посмеется!) Игорь Викторович вынашивал с шестнадцатилетнего возраста. Сначала — в стиле обычных юношеских мечтаний, когда, сидя в библиотеке кадетского корпуса, долгими

зимними вечерами листаешь пожелтевшие страницы книг и газет начала века. Того еще, двадцатого.

Моментами, от переполняющих эмоций, выбегаешь в курилку, торопливо затягиваешься дешевой (на дорогие средств не хватало) папироской, снова возвращаешься и опять читаешь, и страдаешь, понимая, как бы следовало поступить неглупым, власть имеющим людям и в девятьсот третьем, и тринадцатом, и семнадцатом годах.

А вот когда судьба (или все-таки личная воля и устремленность?) свела его с Олегом Константиновичем, Чекменев увидел перед собой прямой и ясный путь. Шагай и шагай по нему, как сапер по минному полю. Дураком не будешь — пройдешь и дойдешь. До сегодняшнего дня — дошел. Хорошо виден впереди край твердой земли. Шага два, три. Если потребуется — можно и прыгнуть. И ты уже там. Все позади. Бояться больше не надо, каждый раз, касаясь подошвой топкой хляби и прикидывая, рванет — не рванет под ногами. А если рванет, так ногу до колена или сразу уравниешься с такими же хребрецами, задолго до тебя любившими ставить последний рубль ребром.

Теперь колебаться поздно. И назад возвращаться поздно. И на предпоследней кочке, окруженной растяжками, не устоишь.

«Что ж, умные вы ребята, — думал Чекменев, все еще перебирая и механически, почти не видя текстов, пролистывая папки с личными делами. — Отбирали мы вас тщательно, не один год, позволили создать в Москве подобие рыцарского ордена со всеми атрибутами и чуть ли не правом экстерриториальности. Финансировали, по службе продвигали, звездочки на погоны сыпали, не чинясь. Пора отрабатывать. Поглядим, что у вас в натуре получится».

Самое интересное, что, посвятив своей идефикс практически всю сознательную жизнь, Игорь Викторович отнюдь не мечтал повторить жизненный путь кого-ни-

будь из великих. Лавры ни Наполеона, ни Александра Македонского его совершенно не прельщали. Ни фельдмаршалом он не планировал стать, ни премьер-министром даже. Человеком он был отроду бескорыстным, так что финансовое могущество Чекменева не манило тоже.

Интерес у него был, если так можно выразиться, чисто научный. Ну и немножко спортивный. Вот сумеет самый обыкновенный, никакими специальными талантами не наделенный юнкер, потом подпоручик Игорь Чекменев единолично возродить в России монархию? Наставить Отечество на истинный путь, ведущий к величию, славе, процветанию, вроде как в «век золотой Екатерины», чтобы и XXI столетие историки нарекли «русским», раз уж в XIX и XX это по разным причинам как-то не задалось?

А что в случае успеха будет с ним лично не суть и важно. Какому-нибудь Ливингстону позарез требовалось отыскать истоки Нила тоже ведь без конкретной, практической цели или Амундсену — непременно достичь Южного полюса.

Кое-какие таланты за молодым Чекменевым все же числились, а может, и не таланты совсем, а просто своеобразные черты характера. Умел он, например, особенным образом располагать к себе людей и аккуратно, ненавязчиво навязывать (каламбур невольный) собственную волю и точку зрения. И отлично понимал, в каких случаях это делать можно и нужно, а когда — ни в коем случае.

Ну, еще соображал быстро, на уровне гроссмейстера умел просчитывать варианты на пятнадцать-двадцать ходов вперед. И за себя, и за противника. С этим багажом и начал свою армейскую службу.

То, что он в подходящий момент попался на глаза Великому князю — это, конечно, чистое везенье, и что тот именно тогда подыскивал себе адъютанта — тоже. А уж все остальное, как говаривал А.В. Суворов: «Помилуй бог, надобно и уменье».

Замысел свой Чековичев реализовывал, никуда не торопясь. Годом раньше, десятью годами позже — не слишком существенно. Курсовой офицер в училище любил повторять — все помер генералами, хватило бы только годов да здоровья.

Четыре года потратил, чтобы стать для Олега Константиновича незаменимым помощником, за следующие пять продвинулся в советники, в начальники «личной Е.И.В. тайной канцелярии». Идею клуба «Пересвет» собственноручно придумал и воплотил в жизнь. Года три размышлял над планом «Фокус», хотя правильнее было бы присвоить ему наименование «Кратет», в честь одного из идеологов афинской школы киников, или — «циников», в латинской транскрипции, самого из всех циничного.

Размышлял, по кусочкам подбрасывал отдельные его фрагменты «братьям и соратникам» для детальной проработки, но так, чтобы единой картины происходящего не сложилось ни у кого до самого последнего момента. В том числе и у Верховного магистра, и у самого князя.

Люди приходили в проект и уходили, бывало, по той или иной причине, но из каждого Чековичев ухитрялся извлечь максимум того, на что человек был способен. Иногда включал в постоянный состав своей (или чужой) команды, иногда использовал «втемную».

Свою лепту внесли в нужное время и Розенцвейг, и Тарханов с Ляховым, добытый ими профессор Маштаков, удачно взятый в плен Фарид. Теперь вот доктор Бубнов делает что может. На Бельского тоже серьезная ставка...

Ну и везло Игорю Викторовичу, поразительно даже, как везло. И с людьми, и с событиями, которые отчего-то складывались именно так, как ему в данный момент и требовалось. Бывает, так везет игроку в рулетку. На какое поле и число ни бросишь фишку, туда и шарик прикатится. Моментами Чековичеву начинало казаться, что совсем это даже и не везение, а просто так нужно. Судь-

бе, некоему Высшему координатору, можно сказать — богу, но в бога в христианской трактовке он так и не научился верить.

Раз вовремя подсказал кто-то (или что-то) юному юнкеру заняться именно этим делом, а он сообразил, послушался, так все и идет, как по писаному. Вот только с Розенцвейгом и командой Ляхова вышло не так. Не рядом. Исчезли в самый ответственный момент. Работы для них — невпроворот.

И тут же подумалось, а вдруг и это — так надо. Вдруг вернуться ребята и опять принесут нечто, именно в этот момент самое важное?

До того вдруг захотелось в это поверить, что он взял и поверил. Вернутся. Только вот — когда? Когда они могут вернуться, чтобы это оказалось в самый раз? Маштаков считал там что-то, считал, и Максим считал, уличив попутно профессора чуть ли не в шарлатанстве. А ему самому как-то и недосуг было задуматься. Собственным умом пошевелить.

Вот если бы он сам вместе с ребятами оказался. На той стороне. Живым, разумеется. И тамошним покойникам словчился в лапы не попасть. Какой момент выбрал бы? Есть старая присказка. Выход чаще всего оказывается там, где раньше был вход. Входов, строго говоря, было два. Один, главный, здесь. А второй... Как докладывал Тарханов, в Пятигорске, на даче Маштакова, он тоже заглянул в нездешнее... Так, может быть, они попытаются через тот пробой?

Осталось сообразить — когда? Их нет уже почти месяца...

Если бы они попали просто в параллельное время, их бы непременно нашли. Или их, или следы пребывания. Пять человек непременно оставляют следы, даже если всячески стараются этого избежать. Кроме того, на территории радиусом в тысячу километров вокруг Москвы разбросаны радиомаяки с подробными инст-

рукциями, что делать, как и где выходить. Миновал месяц — людей нет. Вывод — либо Тарханов и К° пространственно оказались за пределами очерченного на карте круга, либо...

Стоп-стоп! Идея, пришедшая ему в голову, оказалась настолько проста и очевидна, что непонятно, чем он раньше думал.

Он снял трубку телефона, позвонил в Кремль, офицеру, обеспечивающему жизненные и творческие процессы профессора, который, будучи по недоверию отстранен от хронофизических исследований, полностью переключился на свое старое занятие. Изготовление всяческих хитрых военных штучек, которыми он в свое время подрабатывал у уголовников и террористов. Тогда вершиной его инженерного гения стал микропроцессор размером в желудь, легко устанавливаемый в любое устройство, имеющее электронную базу, хоть на тактической ракете, хоть в авиалайнере, способное любым заданным образом менять исходную программу или преобразовывать управляющий сигнал.

Сейчас ему было приказано пойти еще дальше в плане коварности и остроумия, а плоды своего разума воплощать не в сарае на коленке, а на самых высокотехнологичных предприятиях Москвы. Результат не заставил себя ждать.

Поставленная на поток продукция пошла по назначению. Прежде всего — военинженеру Леухину, занимавшему одно из ключевых мест в варшавской части операции «Фокус».

Чекменев сделал распоряжения в отношении «охраняемого объекта» и переключился на следующие неотложные дела.

Их было много, но это только радовало генерала.

Господам штабистам «Пересвета», привыкшим к «легким партиям», когда и вводные задания к тактической или оперативной игре брались фактически с по-

толка, и противник до такой степени условен, что можно забить его не реальным огнем и реальной кровью, а эрудицией и демагогией, сегодня же придется доказать, что они способны работать в реальной обстановке и в режиме реального времени.

Не просто рассуждать, со ссылками на исторические примеры, а, получив разведсводку, нанести необходимые данные на карту, здраво оценить обстановку, принять решение на бой, произвести расчет потребных (с учетом фактически имеющихся) сил и средств, после чего грамотно составить боевой приказ, довести его до исполнителей, одновременно предусмотрев необходимые обратные связи, как положительные, так и отрицательные.

Вообще-то этому учат на последних курсах училища (уровень рота — батальон), и в академии (уровень полк — дивизия — корпус), но если непосредственной штабной работой в приближенной к боевой обстановке не заниматься постоянно и профессионально, то результат может быть таким же, как у отличника по выполнению упражнений на авиатренажере, внезапно брошенного в настоящий воздушный бой.

— Ну-с, господа операторы, — произнес Чекменев, входя в зал, сплошь завешанный картами театра военных действий и прилегающих территорий, а также крупномасштабными планами Варшавы и отдельных ее районов. Человек шесть офицеров наносили на них последние разведданные, принимая информацию каждый со своего телефона.

Остальные, в гораздо большем количестве, привычно спорили, размахивая хорошо заточенными карандашами «Тактика» и тыча ими в листы карт, разложенных по столам, и немилосердно дымя папиросами и сигаретами. Его появление заметили не сразу, что само по себе в данной ситуации грехом не являлось.

— Господа офицеры! — наконец выкрикнул вновь

назначенный, но пока не утвержденный начоперод полковник Ферзен.

— Вольно, работайте, — махнул рукой Чекменев с выражением лица нудного ассистента кафедры, давно понявшего, что даже и доцентом ему вряд ли суждено стать, оттого и к своим обязанностям, и к студентам относящегося соответственно. — Подойдите, полковник.

Фон Ферзен, по имени Федор Федорович, подошел к широкому подоконнику, на который присел генерал, доставая из кармана портсигар.

— И как ваше мнение? — Чекменев закурил сам и позволил то же сделать полковнику.

— О чем, Игорь Викторович? — угощение папиросой и поза Чекменева предполагали неформальное обращение. — О задании, о личном составе или о том... — он указал рукой на карты.

— О том.

— В смысле политическом...

— Политику оставьте до после войны. Геополитику — тем более. На данном этапе, пока не подошла дивизия Ливена, здесь для вас чистая тактика. Суммарно, сколько вы успели разыскать не блокированных в гарнизонах, обладающих свободой маневра, достаточно вооруженных, способных исполнять приказы подразделений?

Ферзен ответил почти сразу.

— В тех рамках, что вы очертили, суммарно батальонов до пяти. Многие — вроссыпь. А если учитывать «печенегов»...

— Их — не надо. Отдельная статья. Так вот задание. Спланировать, исходя из ваших данных, широкую рекогносцировку. Пора панам хоть чуток утереть сопли. Вы здесь хоть как-то владеете обстановкой, а там, в Варшаве... — он сплюнул в открытое окно. — Наших — мало, армейские вояки ни хрена не видят и не понимают.

Слоеный пирог. До подхода, развертывания, занятия позиций Ливеном пара суток точно. А за это время... Значит, цель рекогносцировки — вскрыть опорные пункты неприятеля, его реальную готовность воевать всерьез, по возможности деблокировать боееспособные части, удерживающие свои расположения, отвести их на подходящие для обороны рубежи по западному берегу Вислы. Если есть возможность прочно закрепиться на господствующих объектах города, вроде Дворца науки, университета — сделать это. Решение и проект приказа доложите через два часа.

Чекменев соскочил с подоконника, юнкерским жестом, сразу двумя большими пальцами под ремень, оправил складки кителя.

— Прошу прощения, господин генерал, — снова решил на официальный язык полковник. — Если вы сказали, что армейские обстановкой не владеют, как же они смогут исполнить подготовленный приказ?

— А вот это, милейший Федор Федорович, оператор ни в каком разе не касается. Тот самый случай. Одни приказы пишут, другие их утверждают, третьи — исполняют. И каждый отвечает только за то, что входит в круг его понятий и непосредственных обязанностей. Уловили ход моей мысли?

— Так точно!

Чекменев вздохнул облегченно:

— Уже прогресс... — повернулся, собравшись уходить, и тут Ферзен осторожно кашлянул.

— У вас ко мне что-то еще?

— Так точно. Непонятно мне, кому конкретно будет адресован наш приказ? «На деревню дедушке?» Так ведь не бывает.

— Совершенно правильно отмечено, полковник. Замечание принимаю...

Этим и велик был Чекменев, всю жизнь умея так вот аккуратно выйти из положения, не самого удобного для

★ авторитета. Другой бы заорал или надулся обиженной спесью. С понятными последствиями для наглеца.

— Пишите попросту. Исполняющему обязанности командира оперативной войсковой группы «Варшава» полковнику Н. Настоящим довожу до вашего сведения, что... И далее по стандартной схеме. Подпись — Игорь.

И, легко продолжая прерванное вопросом полковника движение, направился к двери.

Ферзен только тихонько присвистнул, дождавшись, когда дверь закроется.

Подготовленная Бубновым справка о личности, потенциальных возможностях и системе мотиваций В.К. Бельского оказалась вполне благоприятной, в чем Чекменев и не сомневался. Уж настолько-то он в людях разбирался. Но цена возможной ошибки была слишком высока, и отчего же не подстраховаться, если есть такая возможность.

Он не стал приглашать прокурора к себе, предпочел нанести личный визит в предоставленные Бельскому апартаменты. Пожилой все-таки человек, и роль ему отводится далеко не последняя на большой шахматной доске. Следует оказать уважение.

Ничего хотя бы примерно сравнимого с теми условиями, в которых важный сановник, да и просто очень богатый человек привык существовать, на базе, разумеется, не имелось. Стандартный домик с мансардой, без затей обставленный казенной мебелью, но зато уединенно стоящий, на известном отдалении от людной и шумной центральной линейки. Обычно в нем останавливались нерядовые персоны, в которых Чекменев по той или иной причине был заинтересован, потому в дополнение к обычному набору удобств предлагался с большим вкусом укомплектованный бар, радиоаппаратура высокого класса, бильярд и небольшая сауна.

Вряд ли все это интересовало сейчас прокурора, но факт есть факт. Не на вокзале поселили...

Они посидели минут десять-пятнадцать, как предписывал этикет, за вполне светским разговором, хорошей сигарой и бокальчиком легкого вина. Но вино было не из магазина, а настоящая «Хванчкара» урожая 1996 года, что знаток не мог не оценить. А Василий Кириллович к числу знатоков относился, поскольку, по оперативным данным, владел сразу двумя винными погребами. Один коллекционный, второй — расходный.

Чекменеву было легче, он знал и тему предстоящего разговора, и его наиболее вероятный исход. И еще — ему не нужно было, как Бельскому, сохраняя лицо, говорить о пустяках, обходя тему, которая волновала больше всего. О судьбе дочери. Где она, что с ней, жива ли вообще...

— Так вот, Василий Кириллович, — сам взял быка за рога генерал. — Что касается Майи — я знаю, что вы сами не спросите, но иначе говорить нам будет сложнее. На данный момент оснований беспокоиться о ней нет. Более того, почти готов дать вам слово, что в ближайшую неделю она сама расскажет и объяснит вам все...

— Почему же — почти? — прокурор явно готов был ему поверить, да и кто бы отказался? И в куда более отчаянных ситуациях люди предпочитают верить утешительной, пусть и шитой белыми нитками, лжи.

— Работа у нас такая. Даже лично за себя я не готов поручиться, что меня не собьет машина при переходе перекрестка на зеленый свет. Да и вы, вводя дочь в пространства секретных служб, не могли не понимать сопряженные с этим риски. Знаете... Господь всем обещает жизнь вечную, но никому не гарантирует завтрашний день.

— Да, спасибо, Игорь Викторович, я все понял. Так что вы хотели мне сказать?

— Продолжая библейскую тематику, что-то она мне все на ум сейчас идет, скажу — вы взвешены и признаны достаточно тяжелым. В нашем понимании. Осталь-

ное будет зависеть только от вас. Можете принять наше предложение, можете сохранить чистоту своих риз и удалиться под сень струй. Предложение, не скрою, лестное, сулящее достойное завершение вашей карьеры и приличное место в истории...

— Короче, Игорь Викторович. Я ведь не адвокат, я прокурор, словесные кружева не слишком уважаю, а моментами испытываю к ним профессиональное отвращение. По той же самой причине.

— Понимаю. Отчего и делаю вам не от себя лично, от имени Олега Константиновича, следующее предложение. Завтра, в крайнем случае послезавтра, господин Каверзнев отправляет нынешнего генерального прокурора в отставку. Пользуясь своим правом — по пункту три. То есть — без объяснения причин...

— Но это же... — Бельский не сумел скрыть удивления, смешанного с возмущением и сочувствием коллеге и начальнику. — Это же применяется настолько редко! Это же, по сути, едва замаскированная диффамация¹, грубый намек. Могли, мол, лишить чина и отдать под суд, да уж ладно, не будем сор из избы выносить. Я не имею особых оснований трепетно любить господина Рыкунова...

— Я в курсе, — вставил Чекменев.

Прокурор предпочел его не услышать.

— Однако не следовало бы, не следует так поступать!

— А если я скажу, что в предыдущей части своей инвективы² вы, вольно или невольно, оказались правы? И господину прокурору есть что предъявить и данный вариант для него — меньшее из зол?

Бельский одновременно пожал плечами и развел руками.

— Таким образом, данная нравственная проблема

¹ Д и ф ф а м а ц и я — лишение доброго имени, разглашение позорящих сведений (лат.).

² И н в е к т и в а — резкое (иногда — оскорбительное) выступление против чего-, кого-либо (лат.).

снята. А вы, в свою очередь, на вакантный пост утверждаетесь. И будете занимать его пожизненно или — пока не надоест. В полном соответствии с вашими убеждениями надзирать за соблюдением законности в возрожденной Российской империи, утирать, как любил выражаться государь Николай Павлович, слезы всем униженным и оскорбленным...

— Но для этого...

— Разумеется, Василий Кириллович, разумеется, — искренне развеселился Чекменев. — Вам придется предпринять некоторые действия. Вопрос лишь в том, сообразуются они с вашими убеждениями или нет...

Только так и следует вести себя с отягощенными принципами интеллигентами, очень любящими рассуждать о нравственности, идеалах, правах личности, но всегда охотно пользующимися благами, проистекающими из безнравственных поступков, совершенных другими. Жалкими, ничтожными и беспринципными личностями, которые, к слову сказать, губят свою бессмертную душу тоже ради идеалов, по той или иной причине без некоторого нравственного релятивизма принципиально недостижимых.

— Точнее же — всего одно действие. В ближайшие дни наш премьер, господин Каверзнев, соберет экстренное заседание Думы, на котором объявит, что в связи с уже происходящими в Привислянском крае событиями и угрозой возникновения чего-то подобного в Лифляндии, Эстляндии, Курляндии и Великом княжестве Финляндском, равно как и на южных рубежах нашего богоспасаемого Отечества, крайне необходимо ввести в стране военное, особое, а лучше всего — осадное положение. При соответствующей работе с парламентариями таковое предложение должно пройти.

Тут же, основываясь на пунктах таких-то и таких-то Конституции, текущего законодательства, наш премьер объявляет о приостановке деятельности Думы как раз

на период означенного положения. С полным сохранением депутатам оклада жалованья и привилегий, а то и с их повышением, если они согласятся единовременным актом приравнять себя к участникам боевых действий. Герои, грубо говоря, тыла и невидимого фронта. Год за три, одним словом.

И в заключение, уже от себя лично, господин наш Каверзнев, за которым останется пост, в некотором смысле аналогичный Местоблюстителю Престола, то есть — последнего хранителя демократии и парламентаризма, предложит временно, безусловно, временно, только до минования надобности, вручить бразды правления охваченной смутой Державой единственному, кто сможет их удержать недрогнувшей рукой.

Вы поняли, о чем я говорю, любезнейший Василий Кириллович? Ваша задача, основываясь на Русской Правде Ярослава Мудрого, да-да, прямо-таки с нее начиная, на нашей Конституции, а заодно, если потребуются, вспомнив и о юридических прецедентах тысяча шестьсот тринадцатого года (да помилуйте, не мне же вас учить), обосновать полную законность такого акта.

Олег Константинович, как это делалось и в Риме, и на Руси кое-когда (при Иване Грозном, например), называется военным диктатором с возвращением ему, тоже на полгода, императорских prerogatives.

Одновременно Премьер, Диктатор и Генеральный прокурор, все втроем, торжественно обещают и клянутся народу российскому (можно — в присутствии Патриарха, Духовного управителя мусульман и Главного раввина), что, после того как мятежи будут подавлены, воцарится на нашей земле мир и в человецех благоволение, все вернется на круги своя... В лоно, я бы сказал, истинного народоправства, последнее время на западный манер и не совсем точно именуемого «демократией».

Бельский неотрывно смотрел в лицо юродствующему генералу, мучительно пытаясь понять, в чем же тут

главный подвох. Что он имеет место, Василий Кириллович не сомневался. Но — вопроса задать не спешил.

Чекменев тоже ухмылялся слишком уж цинично. Это входило в его план. Всеми силами спровоцировать человека, а когда (и если) он сорвется, тогда и явить ему свое истинное лицо. Предварительно получив представление о том, как выглядит эта же часть тела у собеседника.

— И дальше? — только и спросил прокурор.

— Дальше — ничего. Просто вместо отложенного заседания Думы через те же полгода соберется Земский собор. Совершенно как в ранее уже мною упомянутом тысяча шестьсот тринадцатом году. Лучше всего — в Костроме. В Ипатьевском монастыре. Для связи времен как бы. А ваша задача, Василий Кириллович, будет не слишком и сложная. Пролистать соответствующую литературу по специальности, неубиваемые доводы найти, чтобы и на этом этапе реализации ни один оглашенный¹ не смог вокруг нашей благородной затеи гнусную кампанию раскрутить...

Посидели, помолчали. Бельский пыхал сигарой чересчур нервно, Чекменев, напротив, плавно и не спеша. Добавил в бокалы темно-розового, изысканно пахнущего вина.

— Вы же понимаете... — начал прокурор.

— Понимаю, — тут же откликнулся генерал.

— Да ничего вы не понимаете! Разумеется, все, что вы предлагаете, я сделаю. И обоснования найду, и формулировки. Потому что это действительно соответствует моему пониманию блага Отечества и духа российских законов не нарушает. Но ведь...

— Что — ведь? Просветите. Может, я чего недопонимаю?

— С точки зрения международного права, содержания десятка пактов, протоколов и соглашений, подпи-

¹ Оглашенный — публично объявленный в церкви идолопоклонник, еретик (церк.), невеняемый (просторечн.).

санных Россией в рамках Организации Объединенных Наций, Тихоатлантического союза, иных межправительственных организаций, все это будет совершенно нелегитимно. И вызовет глубокий политический кризис... С трудно предсказуемыми последствиями.

— И только? Если позволите, я рассею ваши опасения. Но лишь после того, как вы ответите — предложение принимается? Согласитесь, если вы, выслушав мои доводы, вдруг откажетесь, мне будет трудно, по крайней мере, до того, как мы подберем другого человека и сделаем то, что собираемся, предоставить вам свободу в полном объеме...

Вельский не слишком удивился.

— Значит, арест?

— Точнее — интернирование¹.

— Хорошо, Игорь Викторович. Я принимаю ваше предложение. Готов занять пост Генерального прокурора России пожизненно, с правом добровольного ухода в отставку по взаимному согласию, после исполнения принятых на себя обязательств. С сохранением мундира и пенсии. Пункт третий в отношении меня применяться не может ни в коем случае.

— Четко сформулировано. Сразу видно, что имею дело с юристом. Контракт подписывать будем?

— Вполне полагаюсь на честное слово вас и Великого князя, которое, надеюсь, он мне даст при утверждении в должность.

— Принимается. Теперь, раз мы пришли к согласию и вы теперь уже куда как важнее и главнее меня будете, слушайте. Международный резонанс нас совершенно не интересует. По-солдатски выражаясь, плевать мы на него хотели. Потому что возрожденная Российская империя намеревается денонсировать абсолютно все ра-

¹ Особый режим ограничения свободы, применяемый обычно к военнослужащим воюющих держав, оказавшимся на территории нейтрального государства.

нее заключенные договора и обязательства. И начать все с чистого листа. Пересмотреть всю предыдущую дипломатическую историю с позиций жесткого национального прагматизма. Наше геостратегическое положение, военная мощь, а главное — нынешняя международная обстановка это вполне позволяют.

— Да-а... — Бельский, кажется, хотел сказать что-то еще, но в последний момент решил воздержаться. — Что ж, бог в помощь. — И размашисто перекрестился.

Чекменев на собственном автомобиле довез прокурора до его городской квартиры, посоветовал, не теряя времени, начинать готовить необходимые юридические материалы и проекты первоочередных указов, тепло с ним распрощался и велел водителю ехать в Кремль.

— Осмелюсь доложить, ваше высочество, основные проблемы, кажется, решены. Если господин Каверзнев в последний момент не отработает задний ход...

Князь, успокоившись, многое обдумав, давно уже простил Чекменева, даже, пока не говоря этого вслух, был благодарен за то, с какой решительностью любимый клевет¹ вскрыл гнойный нарыв, способный еще долгие годы отравлять здоровый организм империи своим вялым гниением. И принимал он его в «малой гостиной», из окон которой видны Манежная площадь, гостиница «Националь» и устье Тверской.

Но даже здесь до появления Чекменева он занимался военными делами, о чем свидетельствовала небрежно сдвинутая на поджурнальный столик карта трехверстного масштаба, а также и таблицы графиков движения гвардейских дивизий. В соответствии с приказом Российского Генштаба Вторая гвардейская дивизия генерала Каржавина продолжала двумя эшелонами марш на юг, к Екатери-

¹ Клевет — благодарный хозяину вольноотпущенник, приспешник, приверженец (лат.).

нодару и Владикавказу, но первая, генерала Слонова, вместо предписанного направления на Туапсе от Курска вдруг повернула на запад, и сейчас ее передовые отряды, около трех усиленных батальонов, следуя «зеленой улицей», приближались к Львову и Ужгороду. Чтобы, перекинув стрелки на узловоей станции Перемышль, будто бы чудом объявиться прекрасным осенним утром не в Люблине и не на окраинах несчастной и героической Варшавы, а на пограничной с Малопольшей станции Тарнобжег. Откуда, если встанет такая необходимость, неопознанные (поскольку опознавать их будет просто некому) силы антипольски настроенных украинских националистов всего за два часа доедут и до самого Кракова.

Личный состав (на всякий возможный случай обмундированный в подходящую для внезапного боя штатскую одежду) перевозился в вагонах третьего, второго и даже первого классов, где просторные купе были под потолок загружены оружием и снаряжением. У пассажиров на станциях, пытавшихся внедриться в вагоны, а в еще большей мере — у железнодорожных служащих могло бы вызвать удивление наличие такого количества молодых и крепких парней в поездах, редко-редко разбавленных молодыми же девушками и женщинами подходящей наружности. Но если бы вдруг сей факт кого-то заинтересовал профессионально — скорость движения эшелонов значительно опережала возможность передачи обобщенной и проанализированной информации тем, кого это непосредственно касалось.

— Не отработает, — с непривычной за последние дни благодушностью сообщил князь. — Мы с ним настолько все согласовали, что отступать ему просто некуда. Завтра я выезжаю в Питер, где, как непременный член Государственного Совета, приму участие в историческом заседании. Но это все ерунда. Куда важнее положение в Варшаве. Не пора ли, наконец, показать, кто в доме хозяин?

— Ни малейших сомнений! Пора, ваше высочество.

Уваров, конечно, в свое время читал описание подземных канализационных сооружений Парижа в романе Гюго «Отверженные», слышал, что таковые же были заведены еще в Древнем Риме то ли при Диоклетиане, то ли еще раньше, но это были дела столь далеких времен, что поручик и представить не мог, будто ему самому придется в нечто подобное окунуться. Причем в буквальном смысле.

А оказалось, Стрельников просто так ничего не говорил. Как только, прибыв в Варшаву, которая превратилась в очень странное место, полковник убедился, что Валерий вполне излечился от легкой, в общем-то, раны и даже успел себя вполне прилично зарекомендовать, сотрудничая с Леухиным, он немедленно переключил его на операцию «Канал». В полном соответствии с приложенной к личному делу поручика характеристикой-рекомендацией и исходя из собственного принципа: «Начальство пусть что хочет пишет, а с человеком работать мне». Проявит себя — выдвинем, исходя из интересов дела, подведет, не справится — всегда можно пальцем в бумажку ткнуть. Я, мол, вправе рассчитывать, что направленный в мое распоряжение офицер отвечает указанным в формуляре тактико-техническим данным. Ежели нет, Игорь Викторович, вопрос не ко мне, к вашим кадровикам. Мы тут воюем, а они нас подставляют... Непробиваемая, честно говоря, позиция.

Тем более что Уваров ему и просто так нравился. В первый день мятежа себя хорошо проявил, ценную информацию принес. По словам осведомленных товарищей — стрелять умеет, командовать, большого к тому же личного достоинства человек.

Не сгинет, по собственной дурусти да азарту, в грязных тоннелях — вот ему и следующая звездочка на по-

гон, давно заслуженная, штабными придурками¹ зажатая.

И орденок немедленно очистится, сразу второй, считая, что на первый Леухин данной ему властью представление уже написал. Не по форме, на мятом листе бумаги, а сойдет. У нас не Петроград, у нас содержание важнее формы.

У Стрельникова, разумеется, по поводу канализации уже был составлен собственный план стратегического масштаба. В Москве хорошо проработанный, со специалистами самых разных ведомств согласованный, материально обеспеченный, на специальных картах разрисованный, но про все это графу (который в самое-то дерьмо и пойдет) знать не следует.

— Тебе, Валерий, я даю для первоначала два взвода. Пятьдесят человек парней, не имеющих твоего фронтового опыта, но здорово разбирающихся в тонкостях нашей службы. И работать умеют, тебя слушаться будут, а если что — и подскажут. Еще — отделение связи и с десяток специалистов именно канализационного дела. Как ты и предлагал. Задачей вашей будет взять под контроль подземную часть центра города, уничтожить всех, кто там появится с известными целями, выполнять специальные задания по наводке ребят из службы Леухина. Ну, это он тебе сам отдельно объяснит.

Задание Уварову было понятно, пусть и не слишком приятно. Но думал он уже именно в его рамках.

— Считаю, господин полковник, неплохо бы принять меры по строгому ограничению зоны моей ответственности. Что, к примеру, лично вы считаете «цен-

¹ «Придурок» в данном контексте не характеристика умственных способностей, а обозначение лица, сумевшего устроиться на хорошую должность, с минимум ответственности и массой жизненных благ. В местах лишения свободы — хлеборезы, нарядчики, постоянные дневальные, в армии — то же самое плюс адъютанты, офицеры и гражданские чиновники штабов, причастные к финансам, наградам, кадровым перемещениям и назначениям.

тром»? Тогда у меня будет и право, и возможность не допустить выходов боевиков (наверняка уже там работающих) именно за эти пределы. Чтобы я был четко уверен: здесь мы, там — они. Где можно маневрировать нам, куда — пропускать их. Скорее всего, с первого раза я там полностью сориентироваться не сумею. Всю территорию города снизу перекрыть — тем более. И не просите, ваше высокоблагородие...

Вообще же, в плане общих рассуждений, считал бы полезным организовать наверху отдельный штаб подземных операций. Чтобы под руководством кого-нибудь из наших старички-ассенизаторы помогали оценивать обстановку на данном фронте, вовремя указывали, какие штреки и штольни откуда ведут и куда выводят, где расположены решетки и проходы, которые не вредно заминировать. Иные же — оснастить камерами видеонаблюдения, подтянуть к ним группы захвата пленных. Пленные нам смогут очень здорово пригодиться.

— Спасибо за намек, поручик, без вас я бы сроду не догадался...

И протянул ему весьма подробную, на первый взгляд, схему сети старых, XVII—XIX веков, клоак Варшавы, отпечатанную на прозрачной пленке. Чтобы, значит, удобно было накладывать на карту аналогичного масштаба, пятьдесят метров в сантиметре. Как раз, значит, перекрывающую всю площадь исторического города. Потом уже, в начале XX века, канализацию начали прокладывать цивилизованно, в бетонных трубах, максимум метрового диаметра, и интерес эти сливы могли представлять только для крыс.

— Вот ваш район. — Стрельников указал жирно очерченный красным неровный пятиугольник. — Покумекаете, сообразите, куда открываются доступные проходы. Все остальное, поручик, на ваше усмотрение. Прошу только иметь в виду, что главная работа начнет-

ся не сейчас. Сейчас для вас главное — рекогносцировка, изучите свой район так, чтобы в нужный момент могли хоть в сортире их главкома появиться. А уж если в процессе работы неприятеля в тоннелях встретите, наверх живыми никого не выпускать. Чтобы полная достоверность, что пошли люди прогуляться под землю и не вернулись. Заблудились как бы...

Тут Уварова учить было не надо. Сам повидал столько, что неизвестно, довелось ли Стрельникову. В Афганистане и на сопредельных территориях, между прочим, очень распространен был обычай пользоваться в военно-диверсионных целях так называемыми «кяризами», подземными арыками, тоже иногда представлявшими многокилометровую, страшно запутанную сеть.

От чего уйдешь, что называется, к тому и придешь, но в полном соответствии с диалектикой, по спирали. Там пробитые в скалах и глине коридоры, невысокие — еле на карачках проползти, зато сухие, чистые, с журчащей по дну прозрачной питьевой водой. И отдышаться можно, и лицо сполоснуть. Здесь его ждут роскошные, как в метрополитене, облицованные тесаным камнем своды в полтора-два человеческих роста, зато заполненные совсем другой субстанцией.

Уваров понимал, что от результатов порученной ему акции зависит его дальнейшая карьера, авторитет в глазах соратников, подчиненных и начальства. Но как раз это его сейчас почти совершенно не интересовало. Исход того, что он обязан сделать, вполне может определить судьбу начинающейся войны. Которая никак не тянет на роль очередного локального эпизода. Уж настолько Валерий в геополитике и стратегии понимал.

На протяжении всей мировой истории войн возникали этикие ретенционные¹ точки, пункты на карте, ни-

¹ Ретенционные (от лат. *retentio*, задержка) — точки кристаллизации, сосредоточения неких процессов, химических, или, в данном случае, военно-политических.

чем, казалось бы, не отличимые от других, но где внешне закручивались настоящие водовороты событий, влияющие в одних случаях на ход кампании, в других — всей мировой истории. Канны, Каталаунские поля, Ронсевальское ущелье, Калка, Куликово поле, Полтава, Верден, Екатеринодар... Одним словом, как писал довольно известный поэт в чине подполковника:

Ведь только в Можайском уезде
Слыхали название села,
Которое позже Россия
Бородином назвала.¹

Отчего бы и нынешнему делу не обозначить себя каким-то образом в истории настоящей и будущей России?

Слава богу, ребята ему в подчинение были приданы отличные, и снабжение оказалось на самом высоком уровне. Что значит великокняжеская Гвардия в сравнении с армейской пехотой! Да только за эту заботу стоило служить, не щадя живота своего. Оно, конечно, в любом случае служили, но, когда о тебе заботятся, не считаясь с затратами, отдача от каждой боевой единицы выходит намного выше. И не только в техническом смысле.

Через Вислу переправились перед рассветом. С обоих берегов по-осеннему неуютной реки регулярно взлетали осветительные ракеты. С восточного, «российского», берега — чаще и гуще, с западного — реже и как бы нехотя, больше для порядка, чтобы не отставать от москалей. Все-речь, видимо, никто из руководителей практически победившего восстания ночного десанта не ожидал.

Разведка у них была поставлена неплохо, что неудивительно. Каждый практически поляк на нее работал. Телефонные станции были захвачены еще в первый день, и теперь достаточно было, справляясь по карте и

¹ К. Симонов. Безыменное поле.

городскому справочнику, систематически обзванивать квартиры в интересующих районах. Доброхотов, с удовольствием сообщавших о том, что творится на улицах, вокруг и внутри расположения воинских частей, у мостов и вокзалов, хватало в избытке. Этакий всеохватный мониторинг. Не требовалось даже специальные наблюдательные посты разведчиков выставлять.

Удобно, кто спорит. И в буквальном смысле подтверждает истинность поговорки — дома и стены помогают.

Наша войсковая разведка с некоторым запозданием тоже до этого додумалась, только ей использовать такую методику было гораздо сложнее. Нужно было посылать войсковых связистов, где-то в укромном месте подключаться к коммутационным коробкам, предварительно выписав из телефонных книг номера абонентов с безусловно русскими фамилиями. И то не всегда получалось как надо.

Уваров с тремя отделениями бойцов высадился на берег в тщательно выбранном накануне по карте и путем визуального наблюдения месте. Сравнительно пустынным даже днем. Вдоль крутого откоса тянулся глухой бетонный забор домостроительного комбината, не работающего по причине «событий». Все ушли на мятеж!

Через стекла сорокакратной стереотрубы поручик с чердака многоэтажного дома по ту сторону Вислы буквально по метру изучил необъятный двор, как положено, загроможденный машинами, тракторами, бетономешалками, штабелями досок, бревен, мешков цемента, контейнерами кирпича. Удивительно, как это предприимчивые горожане еще не приступили к хозяйственному освоению без присмотра брошенных ценностей. А их тут на многие миллионы.

Потом, правда, выяснилось, что кое-какая охрана все-таки осталась. Два сторожа, лет за пятьдесят, одетые в черные телогрейки, вооруженные старыми не-

мецкими карабинами «98К», и третий, помоложе, в брезентовом плаще, с автоматом «МП-40».

Размещались они в караулке рядом с высокими железными воротами, над которой все время вился дымок дровяной печки. Территорию обходили по очереди, примерно каждый час, попутно пополняя запасы топлива на складе пиломатериалов.

Хорошо мужики устроились, позавидовал им поручик. В стороне от уличных беспорядков отсиживаются, то есть, ежели все иначе повернется, никто им ничего не предъявит «по политике». Да вдобавок теми же беспорядками пользуются, сообразив, что при любом повороте событий будет, на что недостаку списать. Приторговывают помаленьку вверенным имуществом. В течение дня к воротам несколько раз подъезжали грузовички, а один раз так даже запряженная парой лошадей телега, и после коротких переговоров совершался эквивалентный обмен.

На случай чего Уваров предусмотрел именно такой вариант маскировки — изобразить хорошо организованную мародерскую бригаду. Кроме него еще три человека более-менее прилично изъяснялись по-польски, остальным хватит и русского. Известно, что преступный мир, как никакой другой, склонен к интернационализму, ворам глубоко наплевать на овладевшую более законопослушными гражданами национальную идею. Польские воры, не испытывая нравственных терзаний, вполне готовы грабить поляков на паях с русскими и кавказскими коллегами. И наоборот, разумеется.

Высадившись на западном берегу, спустили воздух из резиновых лодок, припрятали в укромном месте, там же и баллончики со сжатым воздухом. При отходе хватит минуты, чтобы вновь привести их в мореходное состояние. И поползли вверх по склону. При себе — не считая оружия, боеприпасов, приборов ночного видения, еще килограмм по двадцать спецоборудования. За-

★ бор поверху форсировать не стали, в три лопатки быстренько выкопали лаз, благо фундамента под ним не было, бетонные плиты, приклепанные к столбам, всего сантиметров на десять заглублялись в грунт.

Смысл рейда заключался в том, что на территории комбината, согласно схеме, имелся самый близкий к российским позициям вход в систему канализации.

Генштабисты мятежников планировали использовать ее на случай, если бы большая часть города осталась под контролем правительственных войск, но раз русские сдали город почти без боя, идея развития не получила. Зато, как нередко случается на войне, чужая схема пришлась ко двору тем, против кого разрабатывалась.

Собак на территории комбината Уваров днем насчитал целых пять, но собачки были так себе, обычные дворняги, пусть и крупные. Без всякой боевой подготовки. Погавкать могут от души, но не более. Для них была припасена говяжья тушенка, по килограммовому пакуту на каждую. Несложно было бы просто переколоть их десантными штык-ножами, но Валерий собак любил и убивать их ни за что считал грязным делом.

Практика его расчет подтвердила. Минут через пять после вторжения собачки их учуяли, помчались через двор с залиvistым, но не слишком злобным лаем и тут же замолчали, не веря своему счастью. Хозяева сроду не угощали их столь обильной, ароматной, невероятно вкусной пищей. Пока они жрали, давясь, чавкая и поскуливая от восторга, штурмовая группа без помех добралась до массивной бетонной коробки канализационного коллектора.

Сторожа не сочли собачий лай, спонтанно вспыхнувший и так же быстро прекратившийся, поводом покинуть караулку. Одна из их последних финансовых транзакций состояла в обмене двух десятков рулонов рубероида и линолеума на ящик каких-то полулитровых

бутылок. Вряд ли в них содержалась дистиллированная вода для аккумуляторов или столовый уксус.

И это с их стороны было самой выгодной операцией в жизни. Пусть им и не суждено было о собственной удаче узнать. Полученная и немедленно употребленная водка стала той самой «Аквavitой», то есть «водой жизни». Уваров к людям относился проще, чем к бессловесным тварям, и при попытке сопротивления, тем более — вооруженного, велел своим бойцам действовать адекватно. Но — обошлось. Одни остались жить, причем — с приятностью, другие не взяли лишнего греха на душу.

Тяжелую чугунную крышку удалось поднять без звона и лязга, так же за собой и опустить, не оставив снаружи никаких следов.

Эта часть клоаки была сравнительно новой, построенной уже в пятидесятые годы минувшего века. Представляла собой цилиндрический колодец, в который с одной стороны то, что нужно, вливалось через полутораметровую бетонную трубу. А изливалось, как в задачнике Киселева, через три веером расположенных метровых, выходящих к очистной станции. Откуда должным образом приведенные к санитарным кондициям продукты городской жизнедеятельности сбрасывались в Вислу.

Эти труды Уварова не интересовали, а вот главная всего через километр врезалась куда надо. Заблудиться и сгнуть там, не имея компаса и подробной схемы, — пара пустяков. Не хуже чем в одесских катакомбах.

— Хуже, — возразил Валерию специалист, последний раз перед началом рейда водивший пальцем по карте. — Там сухо, воздух приличный, прямо на полу спать можно...

Да, уж тут не поспоришь. По дну, слоем от нескольких сантиметров до метра, текли, деликатно выражаясь, «нечистоты». На самом деле — омерзительная смесь вступающих в немыслимые химические реакции дерь-

★ ма, мочи, дождевой и смывной воды, всевозможных бытовых и промышленных жидкостей, собачьи, кошачьи и крысиные трупы разных степеней разложения. Бывало, попадались и человеческие останки и фрагменты. Старая традиция — сбрасывать в канализационные люки тела жертв криминальных разборок и ночных разбоев.

И запах там царил тот еще! Ни пером описать, ни гонораром оплатить. С самого начала, пока, достигнув по ржавым скобам дна коллектора, сориентировались, натянули изолирующие противогазы — наглотались дышты. Выедающий глаза аммиак — всего лишь один из компонентов подземной атмосферы. Изучай Уваров в свое время органическую химию и военную токсикологию, насчитал бы не меньше десятка соединений, славных своей мерзостью, липкостью и вонючестью.

Потребовалось несколько минут, чтобы сжатый воздух из баллонов прочистил бронхи и кое-как смыл поганые молекулы с обонятельных рецепторов. Но хватит запаса баллонов максимум часа на четыре, после чего придется переходить на обычные респираторы. Помереть не помрешь, но уж нанюхаешься...

Поэтому — поторапливаемся.

Смысл задания был прост.

Обойти возможно большую часть каналов, проверить, что и как в них происходит в текущий момент, некоторые уличные люки, расположенные в узловых точках города, которые могут пригодиться мятежникам, заварить изнутри. Это же само по себе забавно и здорово. Очередная бандочка, вроде той, членом которой едва не стал Уваров, наносит удар по русским войскам из-за угла, в полной уверенности, что в двадцати метрах за спиной — надежный и никому не известный запасный выход. И вот они, ломая пальцы и ногти, пытаются заветный люк приподнять. Ан хрен! Последствия — очевидны.

Точно так же грамотно выставленные мины смогут сорвать и наступательную операцию противника, для че-

го имелись крайне эффективные даже на открытой местности «лягушки». Снаряженная несколькими сотнями убойных элементов мина подпрыгивает на метр-полтора над землей и в случае удачного стечения обстоятельств может вывести из строя целый взвод. Каково будет их действие в замкнутом пространстве — очевидно. Тем более что квалифицированных саперов у поляков наверняка нет, а если бы и были, как обнаружить и обезвредить натяжного или нажимного действия взрывное устройство под слоем непроницаемой для глаз вонючей жижи? После первого же подрыва ни один благоразумный человек в тоннели просто не пойдет.

Если не случится столкновения с неприятелем и не поступит иного приказа, группе Уварова предлагалось выйти в район дворцового комплекса «Бельведер», где по традиции еще 1830 года разместилось «революционное правительство», подняться на поверхность, произвести разведку местности. Доложить результат.

По предварительным планам, около восьми часов утра должна начаться «Большая рекогносцировка». Выражаясь обычным языком — одновременный удар десятков штурмовых групп в заранее намеченные места. Где успех будет достигнут — немедленно его закрепить и развивать, где сопротивление окажется превосходящим — отступить, нанося на карты рубежи и огневые точки противника.

Вот тут-то поручику и его бойцам предписывалось устроить полноценный «детский крик на лужайке» в самом сердце вражеской системы управления и связи. Насколько хватит патронов и фантазии. Блокировать дворец снаружи и постараться ликвидировать все, что движется внутри. О проблеме пленных — специально не задумываться. Но если удастся взять живьем и доставить на правый берег кого-то из руководства — высшие награды обеспечены. Сам дворец по возможности щадить. Исторический памятник все же.

★ До места дошли всего за полтора часа. По дороге Уваров не раз вспоминал роман Жюль Верна «Путешествие к центру земли». И его же «Черную Индию». Там героям странствовать и работать было куда комфортнее. А здесь, несмотря на ранний час, из боковых ответвлений разного диаметра труб, то под ногами, то над головой, с отвратительной регулярностью извергались потоки того самого, что хлупало под ногами, только пока еще разделенного на фракции. Спасали герметичные химкомплекты, зато в них становилось все жарче и жарче.

Уваров шел первым, освещая путь миниатюрным прожектором, укрепленным на лбу. Мощность у него была примерно как у автомобильной фары на ближнем свете, но в случае чего, посадив аккумулятор, рассчитанный на восемь часов непрерывной работы, можно было выдать десяток световых импульсов, на расстоянии до полусотни метров выжигающих сетчатку незащищенных глаз.

Бойцы его отряда, по совету специалиста, вооружились через одного ППД с круглыми дисками. В условиях трубы, исключаящей любое подобие флангового маневра, темп огня и количество пуль в залпе были куда важнее убойной силы и прицельности самых современных конструкций. Вторые же номера парных расчетов шли, выставив перед собой карабины специального назначения «КС-29». Тоже весьма неприятное изделие, предназначенное для подавления массовых беспорядков по преимуществу в местах лишения свободы. Аналог дробовика для промысловой охоты на перелетную птицу. Четвертый калибр, патрон, заряженный резиновой полукартечью.

Незаменимо, если все же потребуется взять языка. Метров с двадцати человека избьет и контузит, и дай бог, чтобы через час-другой он очухался и начал давать показания.

Рядом с Уваровым двигался из запаса призванный

прапорщик¹, член московского клуба диггеров² Тимофей Ресовский, мужчина лет тридцати пяти, знаток подземной Москвы, одесских и аджимушкайских катакомб, давно мечтавший полазить и по варшавским.

В какой-то момент он хлопнул поручика по плечу и указал пальцем на потолок, потом на лист карты в окошке водонепроницаемого планшета. Пришли, значит.

Валерий перекрыл вентиль воздушного баллона, вытолкнул языком загубник. Воняло вроде чуть поменьше. Хотя, возможно, очередная иллюзия. Просто привык помаленьку, все равно ведь амбре просачивалось под маску, пусть и не в опасных для здоровья количествах.

Здесь круглый коллектор расширился до размеров цирковой арены, метров пятнадцать в диаметре, и вправо от него уходил длинный тоннель, ненамного уже, чем в Московском метро. Два других, продолжающих основной ход, по которому они пришли, и отходящих влево, были не столь впечатляющими. Не ошибешься.

— Вот этот проложен точно под дворцом. Длина — сто пятьдесят метров, имеет двадцать два стока из основного корпуса и флигелей. Для выхода наружу пригодны четыре, — сообщил Ресовский, повозив пальцами по имевшейся у него схеме поэтажной планировки «Бельведера», — все — во внутренние дворы. — Добавил с сожалением, как бы осуждая давно рассыпавшихся в прах строителей и архитекторов: — Хрен бы не вывести трубы хоть чуть потолще вот сюда? — Он указал

¹ П р а п о р щ и к — первый офицерский чин в старой российской армии, по знакам различия — современный младший лейтенант. Одна звездочка на одном просвете. Присваивался выпускникам средних и высших учебных заведений после сдачи соответствующего экзамена. На военную службу прапорщики запаса призывались только в военное время, использовались иногда, в соответствии с образованием, на должностях довольно высоких, но в следующие чины, за исключением особых случаев, обычно не производились. По миновании надобности увольнялись уже в отставку в том же чине.

² Д и г г е р — городской спелеолог, исследователь всякого рода подземелий, в т. ч. шахт, метро, катакомб, канализаций и т. п.

на левый Г-образный выступ центрального корпуса. — Здесь кухни, разделочные, хозпомещения, баня и сортиры для прислуги. Полметра мне бы уже хватило, а через сорок сантиметров не пролезу...

Диггер действительно был парнем худощавым, гибким, свободно верилось, что проползет через любую трубу и щель, на самую малость шире его плеч. А что толку? Раз за ним нельзя провести и всех остальных, в тяжелых защитных костюмах, обвешанных оружием, с рюкзаками и ранцами. Уваров исходил из боевой реальности.

— Значит, и горевать не о чем. Давай выходить через люк, ближайший к парадным залам. Уверен, что эта сволючь заседает именно там. Просто по логике...

— А я не уверен, — возразил Ресовский. — Сам бы я как раз расположился понеприметнее. Чтобы в глаза не бросалось и свобода маневра. Здесь, например, — снова указал он пальцем место на плане. — Три выхода на три улицы, галерея какая-то обозначена вдоль всего дома, убежать будет куда...

— Потому ты здесь, а они — там, — достаточно резко пресек поручик рассуждения диггера. Он считал, что люди, только что дорвавшиеся до власти и уверенные в прочности своего положения, непременно развернут свой штаб в самых роскошных и удобных помещениях, в том числе и в кабинетах генерал-губернатора. Там ведь и средства связи, и все прочее, символизирующее власть и предназначенное для ее эффективного использования. Жаль вот только, что до сего момента ему не довелось лично прогуляться по этому дворцу. Если б хоть раз посмотреть своими глазами... Поручили бы ему Зимний дворец в Питере захватить, куда как лучше вышло бы! Там каждый метр исхожен и знаком.

Да что уж теперь.

Бойцам он приказал разместиться на площадке, приподнятой над уровнем центрального стока. Почти

сухой и достаточно просторной, чтобы каждый мог сесть, сбросив снаряжение и вытянув ноги. Рядом с ней вбитые в стену ржавые скобы вели к первому по схеме люку.

— Поднимитесь и чуток сдвиньте крышку. Дышать будет чем. И время, — Уваров взглянул на циферблат командирского хронометра, — шесть часов ровно. По темноте вряд ли кто заметит. Я уйду на разведку. За меня старшим — поручик Рощин. Не вернусь к восьми, мало ли что, — действовать по основному плану. Держать связь с центром. Поступит иной приказ — исполнять. Со мной — Ресовский и... — Уваров на секунду замаялся, соображая, кто ему более всех подойдет, соотнося и просчитывая самые разные качества и варианты. — И подпоручик Константинов.

Этого офицера он знал всего несколько дней, но составил о нем хорошее мнение. Умен, более того — остроумен и ироничен. В отличие от своего комбрига, Валерий такие черты личности ценил даже у подчиненных. Служил Константинов до «печенегов» командиром разведвзвода в одной из частей, не вылезавшей из заварушек на персидской границе. А главное — сложением обладал еще более миниатюрным, чем специалист по катакомбам и трубам Ресовский. Повадками, а то и устройством мышц подпоручик напоминал зверя из породы кошачьих. Вскарabкаться по столбу или гладкой стене, упасть с высоты нескольких своих ростов без последствий... Может пригодиться.

В чем именно, Уваров пока не знал, но рассчитывал на невероятное, чтобы вероятное автоматически показалось пустяком.

И он сам, и его назначенные в поиск спутники с наслаждением стянули непроницаемые комбинезоны. По регламенту их полагалось носить до четырех часов, и этот срок они выбрали. Немного не хватило для тяжелого перегрева организма. А теперь, оставшись в чесучо-

★
вых¹, окрашенных в ночной камуфляжный цвет рубашках и брюках, ощутили себя, будто на черноморском пляже после таежного лесоповала.

Уваров и Константинов взяли с собой по автомату с двумя запасными дисками, пистолеты, специальные ножи и гранатные сумки. Рации, само собой. Рядовому составу знаменитые «переговорники» не выдавались по причине их дороговизны и крайней секретности, приходилось обходиться полукилограммовыми армейскими «Р-126» с выдвижной антенной. Ресовский ограничился тем, что попросил у кого-то из товарищей второй пистолет. Привык иметь руки свободными.

Воздух снаружи был упоителен. Пусть без аромата роз и магнолий, но с положенным процентом кислорода. Главное же — в нем совершенно отсутствовали аммиак, метан, метилмеркаптан, а также более сложные и мерзкие органические молекулы.

По-прежнему стояла ночь, но уже чувствовалось, глядя на небо, что рассвет недалек. Позади колодца, из которого вылезли разведчики, тянулись шпалеры кустов можжевельника, клумбы (Уваров пытался, но не мог вспомнить, как они называются в теории садово-паркового искусства) завядших, но еще не убранных цветов, смутно белели мраморные статуи. Словно в Летнем саду.

Напротив — светились вразброс редкие окна центрального корпуса. И — тишина. Здесь, внутри очерченного стенами дворца прямоугольника. А издалека доносились то редкие, то заполошно-массированные выстрелы. Кто-то с кем-то решал свои проблемы или от пьяной дури бессмысленно палил в воздух и вдоль улиц.

И вдруг в садовых зарослях мелодично начала выводить руладу неизвестной породы птичка. Соловей, дрозд, сойка какая-нибудь — Валерий в орнитологии совер-

¹ Чесуча — разновидность прочной шелковой ткани особого переплетения.

шенно не разбирался. Хорошо знал только среднеазиатских ворон, коршунов, прочих стервятников.

Уваров, короткой перебежкой добравшись со своим отрядом до роскошной, в китайском стиле, беседки, где можно было удобно устроиться на широких скамейках, не поднимая головы над перилами, шепотом спросил Ресовского:

— Ну, теперь откуда заходить посоветуете? Там через весь третий этаж тянется сквозной коридор, вот бы поближе к нему попасть, на подходящую черную лестницу...

Диггер крошечным, с фалангу мизинца, фонариком подсветил план дворца, начал считать окна оригинала, от волнения шевеля губами. Запнулся вдруг и почти в голос выматерился. Весьма экспрессивно.

— Что такое?

— Да вот... Или я дурак, или шанс появился классный. Как я сразу не вспомнил!

— Точнее можете?

— Сейчас. Если вы не против, пусть Митя (в силу возраста и неистребимо штатских привычек, а может, протестуя против казенщины службы, Ресовский всех, кроме непосредственно командира, называл исключительно уменьшительными именами) пробежится вон до той хреновины. Видите?

Он указал на массивную пристройку к зданию, от которой высоко вверх поднималась круглая кирпичная труба. Уваров сразу обратил на нее внимание, но посчитал, что это дворцовая котельная. Должны же все эти сотни комнат и залов чем-то обогреваться.

— Вижу. А зачем?

Диггер соблюдал ритуал. Чтобы не слгазить и не спугнуть удачу.

— Пусть сбегает или сползает, как ему удобнее. Увидит там любое подобие входа — дверь, окно, люк — мигнет нам фонариком. Если нет — доберется до крайних

★ окон в правом углу, посмотрит, послушает, стекло аккуратно выставит. Опять же посигналит...

Константинов сидел рядом, но диггер говорил так, будто его вообще здесь не было. Особый род деликатности.

— Понял, поручик? — осведомился Уваров. — Тогда вперед.

Офицер растаял в темноте, как его и не было.

— Так я вас слушаю, что вы придумали?

— Да, вот... Удивляюсь, как раньше в голову не пришло. По канализации мы уже ползали. А должен вам сказать, что в старые времена вентиляция в подобного рода зданиях строилась по тому же принципу. Внутри или рядом с несущими стенами квадратного сечения трубы, иногда да метра шириной. Сами вообразите — залы для танцев на пятьсот пар, освещение — тысячи свечей в люстрах и бра. Куда жар, копоть, углекислота и пот девались, не думали?

Уваров признался, что не думал. Хотя сколько раз видел и въявь, и в кино эти роскошные балы.

— Вот туда и девались. Труба перед нами — главная вытяжная. Тягу создает страшенную. Я как-то проверял — сунешь скомканную газету, через пару минут она уже в небе... Не здесь проверял, конечно, в похожем месте.

— И — что?

— Надеюсь, в основании той будки должен быть люк. Из него — проход в главную магистраль. А по ней мы весь дворец тихарем проползем, в любой зал и комнату заглянем... Как вам это?

Совершенно лишний вопрос. Если бы только удалось! Две большие разницы — безопасно ползать по сухим трубам, заглядывая через вентиляционные решетки, или пробираться лестницами и коридорами дворца, наверняка полными людей, занятых делом, празднующихся, не важно. В памяти всплывали картинки художественных фильмов и кинохроники 1918 года. Зим-

ний и Смольный — штабы Революции. Если бы переодеться нужным образом, войти с улицы, главным подъездом, было бы проще изобразить себя «своими». А в их костюмах и с оружием — вряд ли.

Из-под цоколя здания, почти на уровне земли, дважды мигнул фонарик.

— Ну, вперед!

В вентиляционных трубах можно было не только ползти по-пластунски, но и передвигаться на четвереньках, что, впрочем, было не намного легче. Воздушная тяга в них весьма ощущалась, Ресовский не соврал. И еще — очень здорово передавались звуки. В старые времена тогдашние сотрудники служб безопасности должны были держать эту систему под строгим контролем — и в собственных целях, и для предотвращения вражеской деятельности.

На самом деле — через решетки, иногда маленькие, в половину газетного листа, иногда чуть ли ни метр на метр, расположенные то прямо «на полу», то в боковых стенках или на торцах боковых ответвлений, Уваров видел и слышал все. Большинство помещений в данный момент были темны и пусты. Но иногда взгляду открывались любопытные и полезные для разведчика картины. Вроде как в романе Лесажа «Хромой бес», где демон поднимает крыши и герой может наблюдать все, что происходит внутри.

Здесь и без помощи демона жизнь штаба мятежников была как на ладони. По преимуществу — вполне обычная, соответствующая моменту. Пробегающие коридорами порученцы. Посты охраны на лестничных площадках. Комнаты, где заседали, орали по телефонам, выпивали и закусывали, чистили оружие всевозможного вида люди. Было их здесь, по самой предварительной прикидке, человек пятьсот. Если распространить количество непосредственно увиденных на всю площадь дворца.

Попадались и пикантные сценки. Один раз внизу оказался обширный дамский туалет, где до десятка одетых в полувоенную форму паненок занимались своими делами. Курили, болтали, сидя на подоконниках, чистили зубы и умывались (утро ведь уже наступило), пользовались биде, облегчались в кабинках. Чуть позже, в музейного вида комнате, парень с подружкой, возможно, сменившись с караула, разбросав по ковру штаны, ботинки и автоматы, самозабвенно, будто в последний раз в жизни, занимались любовью на просторном диване XVIII века. Уваров взглянул мельком и пополз дальше, а Константинов подзадержался у решетки, по молодости лет.

Значит, и сотню, и две сотни лет назад знающие люди могли держать под контролем абсолютно все аспекты жизни дворца и его обитателей. Неужели даже высочайшие особы об этом не догадывались? Хотя поговорка «И стены имеют уши» восходила, наверное, к временам фараонов.

Локти и колени уже болели, пыль, несмотря на тягу, оседавшая на стенах, поднимавшаяся в воздух при неосторожном движении, лезла в глаза, нос и глотку. Чихать хотелось неимоверно. Диггер сообразил первым, разорвал индивидуальный перевязочный пакет, замотал лицо до глаз, жестом предложил спутникам сделать то же. Ползать здесь можно было бесконечно, и заблудиться, как и в подземельях канализации, правда, и выйти на свободу тоже можно в любой момент. Выломай решетку и прыгай вниз.

Уваров, начавший было отчаиваться, примерно так и собирался поступить. Если ничего не выйдет, ровно в восемь часов спуститься вниз в подходящем месте и завязать бой. Но, руководствуясь планом, Ресовский все же вывел их точно на цель.

Остановился вдруг столь внезапно, что поручик ткнулся лбом в грязные, шипастые подошвы его ботинок. Диггер едва слышно прошепел: «Т-с-с...» — и про-

полз немного дальше, указав пальцем на решетку в правой стенке.

Да уж, ничего не скажешь...

Это было совершенно то, что Уваров мечтал, но не надеялся увидеть. Самый натуральный Верховный штаб восстания. Никаких сомнений. Об этом говорило и место, где они заседали, и внешность участников. Не какие-то там боевики в камуфляжах, обвешанные оружием в вызывающих смех количествах. Вполне respectable господа, возрастом вокруг сорока лет, плюс-минус пять. Жаль, что фото или видеокамеры с собой нет. Снять бы для учебника истории. «Последнее заседание военно-революционного комитета». А так живописцам придется напрягать творческую фантазию, и нарисуют, как всегда, ерунду...

Кабинет не иначе как самого генерал-губернатора. Страдавшего, наверное, манией гигантизма. Почти в половину спортзала. Огромный письменный стол у балконной двери. Еще более огромный, как перрон провинциального вокзала, стол для заседаний. Книжные шкафы до потолка. Слоновых размеров кресла и диваны. Ковры на полу. Картины на стенах. Пальма в кадке, словно привезенная непосредственно из аравийского оазиса. Среди этого маниакального великолепия почти терялись полтора десятка человек, собравшихся здесь.

Отчего всяческого рода революционеры обожают заседать круглые сутки? Нормальные правители работают по утрам, остальное время отдыхают и развлекаются, а такие вот — по крайней мере, с времен французского Конвента функционируют круглые сутки. У нас тоже, помнится, большевики Зимний дворец занимали в полночь, Всероссийский съезд Советов собрался в четыре утра и так далее.

Эти тоже, не зная еще, что контрнаступление русских войск вот-вот начнется (Уваров глянул на часы. Да,

через сорок минут), обсуждают какие-то декреты, декларации, обращения «Urbi et orbi»¹.

На председательском месте, во главе стола, рубит воздух взмахами руки мужчина с пышной шевелюрой и резкими чертами лица. Во внешности, несмотря на всю европеоидность, отчетливо чувствуется нечто восточное. Остальные внимают, лишь один, по левую руку, время от времени пытается то ли возражать, то ли просто комментирует речь. До Уварова доносились только обрывки фраз. Да оно ему и не нужно. Все понятно и так. Оратор, судя по всему, вот-вот собирается покинуть собрание и раздает последние руководящие указания: «Из Берлина я немедленно...», «Стойкость, стойкость и решительность...», «Что сегодня рано, завтра будет поздно...», «Только немедленная и всеобщая мобилизация позволит...».

Что ж, господа, дозаседались вы, похоже. До самого упора. И стойкость, и решительность, и мобилизация — это все правильно, конечно. Но уже — без вас.

Ни в чем не ошиблись операторы Бубнова, писавшие резюме по личности поручика Уварова. Способен он был к самостоятельным действиям в условиях дефицита информации, умел принимать нестандартные, кратчайшим путем ведущие к успеху решения. Не любил и не умел перекладывать ответственность на чужие плечи.

Валерий, изогнувшись, вытащил из сумки на поясе четыре гранаты. Жестом показал Ресовскому: давай, мол, и твои. Те, что у Константинова, пусть будут в резерве. Половину взрывателей он поставил «на удар», остальные — на стандартное, четырехсекундное замедление. Аккуратно, чтобы не скрипнуло, не лязгнуло, начал отгибать ножом железные, по счастью, мягкие лапки, держащие раму решетки. Получилось легко и быстро.

¹ К городу и миру (лат.).

В угол под потолком, где размещалось вентиляционное окно, смотрел только один из сидевших за столом. Да и тот — без всякой цели, от нечего делать. Уваров все равно, на всякий случай, слегка отодвинулся. Неприятно встречаться взглядом с человеком, которого сейчас убьешь. Дождался, когда и он опустил глаза на лежавший перед ним лист бумаги, выдернул решетку из проема и с мстительным удовольствием швырнул четыре гранаты, целясь в середину стола. Места для замаха не было, он бросал их от груди, как шары кегельбана. Первая громко стукнула о полированную доску, еще не успев взорваться, и остальные были в полете, а он уже отсунулся назад, пряча голову за край проема.

Взрывы прозвучали, как очередь «василька»¹, легшая в одно место. Волна горячего воздуха хлестнула вдоль трубы. Шлепнул над ухом об стену шальной осколок. «Нашел же дырку... Так вот и убивает ни с того ни с сего», — мельком подумал поручик.

На секунду выглянул, чтобы убедиться. А в чем убеждаться? Разбросало вождей восстания по всему кабинету. Крышка стола топорщилась вывернутыми, размоchalенными обломками досок, тротильовый дым расплзался слоями, продолжали рушиться витринные стекла из громадных окон. Кровь, крики, стоны пока еще не до смерти убитых.

Любое дело следует доводить до конца. Остальные гранаты Уваров выбросил в кабинет широким веером. Пока они не успели сработать, вставил решетку на место.

Опять рвануло серией. В вентиляцию бросило новую порцию воняющего горячей кинопленькой горячего дыма. Крики внизу стихли, от тишины и контузии заложило уши.

Сейчас сюда хлынет толпа охранников, соратников, просто любопытных. Не нужно облегчать им стандарт-

¹ Станковый автоматический гранатомет.

ную детективную загадку — «Смерть в запертой комнате». Да какая тут загадка? Стекла в окнах и балконной двери вынесло напрочь, вот и сообразят, что артиллерийский снаряд залетел... Или один из участников совещания принес с собой бомбу в портфеле.

То, что будет внизу сейчас и дальше, Уварова не интересовало. Паника начнется точно, и полная потеря управляемости. Самое время его парням, увидев и услышав взрыв, вступить в бой.

Он велел Ресовскому двигаться вперед. До первого подходящего укромного места, где можно будет выбраться наружу, хотя бы того же дамского туалета, связаться с отрядом и начать опустошительный рейд по тылам деморализованного противника.

...Как жаль, что только в фантастических романах, вроде известного «Патруля времени» Пола Андерсона, герои имеют возможность изучать и анализировать результаты своих сиюминутных поступков в масштабе исторического процесса. Поручик же Уваров так никогда и не узнал, каким образом повлияла его безупречная с чисто военной точки зрения акция на судьбы России, Европы и мира. Что могло случиться, останься в живых Фарид-бек Насибов, пан Станислав, члены комитета «Свободная Польша». Какие новые интриги и остроумные стратегические концепции завертел бы через них и с их помощью генерал Чекменев? Пожалел ли генерал о том, что появились в рядах Гвардии такие вот, чересчур самостоятельные поручики?

Увы! Давным-давно людьми, не знавшими диалектики и теории исторического материализма, были отлиты чеканные фразы на «золотой латыни»:

«Делай, что должен, свершится, чему суждено».

«Все будет так, как должно быть, даже если будет иначе!»

«Я сделал все, что мог, кто может, пусть сделает лучше!»

...Все. Бесконечное путешествие, похоже, закончилось. Тысячи километров пешком, на колесах и гусеницах, морем, реками, снова на колесах. Когда интересное, когда мучительно страшное, но закончилось. Разумеется, миллионы землян до них — кто волею судьбы, кто из собственного интереса, выгоды или просто удовольствия — совершали и не такие вояжи. Сопряженные с куда большими трудностями, испытаниями, жертвами. Кто искал Эльдорадо, кто — истоки Нила, Беловодье, северо-западный проход или короткий путь в Индию.

Доходили до цели, а бывало, и не доходили. Но о тех, кто не доходил, — разговор особый, а чаще всего — вообще никакого разговора.

Но каждого волнуют прежде всего собственные трудности и заботы. Ляхов и остальные — дошли. С достаточным запасом времени по Днепру поднялись до самого Смоленска, где с глубоким сожалением пришвартовали в речном порту верный катер. С обычной у людей надеждой когда-нибудь к нему еще вернуться. При благоприятном развитии событий. Если ничего не получится, они тоже к нему вернутся, но совсем с другими чувствами.

В городе нашли подходящую машину и вот — приехали. В то самое место, к которому стремились, и приблизительно в нужное время. Если память, хронометры и сочетание мировых линий не обманывали.

Остановились на опушке древнего елового бора, вплотную примыкавшего к ограде базы «печенегов».

Вадим помнил вопрос, заданный им примерно здесь же Тарханову, но полугодом раньше. Почему хозяева базы не озаботились тем, что гигантские, в телеграфный столб толщиной, черные от времени ветви перекрывают трехметровый бетонный забор и при должной подготовке вполне позволяют проникнуть на ту сторону. А с подходящей, языком охотников выражаясь, «засидки», устроенной в развилке сучьев, можно взять под снайпер-

ский обстрел чуть ли не каждый дом на территории и любую дорожку, ведущую к штабным коттеджам.

И ответ помнил: «Не считай пехоту глупее себя. Мы не все еще книжки на свете прочитали, а вот сделать по ту сторону елок запретку и еще одно заграждение в три кола — сообразили. А на елку — попробуй, влезь. Я бы не советовал».

Ляхов тогда еще огорчился: «Неужто Сергей все-таки обиделся? А и делов-то было», — без всякой задней мысли он накануне выразил изумление, что Тарханов Джека Лондона не читал. В гимназических еще кругах общения Вадима знание подобных текстов подразумевалось настолько самоочевидным, будь то Лондон, Гашек или Ремарк, что сослался он на цитату из «Смирительной рубашки», будто на таблицу умножения. Не задумываясь. А оказалось, Сергея это зацепило. Что в принципе было странно. Он ведь сам никогда не комплексовал по поводу того, что не знает наизусть многочисленные уставы — боевой, караульной, внутренней и гарнизонной службы, а также те справочники, благодаря которым Тарханов управлялся с любой военно-транспортной техникой.

Значит, подумал тогда Вадим, даже такого класса ребята на подкорковом уровне все-таки признают литературную эрудированность явлением несколько высшего порядка. Что, по большому счету, обнадеживает.

Но это дело прошлое. Сейчас они все заграждения прошли свободно. Тарханов знал, где и как они располагаются, а по эту сторону жизни охрана на вышках не стояла и системы сигнализации звенели и гудели ни для кого. До наступления «момента истины» оставалось около полутора часов. Они это все обсуждали многократно.

Ляхов, например, считал, что, когда наступит момент открытия окна, в которое их выбросило предыдущим августом, им нужно, находясь прямо напротив окон виллы, среагировать мгновенно. Наверняка это хронофи-

зический катаклизм хоть как-то себя проявит. Вот тогда и сразу — вперед! Навстречу. Глядишь, и выйдет. Розенцвейг же проявил обычный скепсис. Что, мол, если как раз в этот момент и случится аннигиляция? Замкнемся мы с теми «друг на друга», вот и выйдет нам полный карачун.

— Ежели бы это могло случиться, оно бы уже случилось с нашими аналогами. Разве не понятно — «они» (тогда еще «мы») вылетели туда, в качестве нас совершили наш же круг и снова вышли сюда же. Следовательно...

— Майя, он опять бред несет! — возмутилась Татьяна. — Это же получается замкнутое кольцо. Они туда, мы сюда. Потом они снова сюда, а мы — куда? — в голове ее звучали изумление и обида.

— В чем и заключается парадокс, описанный в сотнях умных и не слишком книг. Который мы, просто для собственного удовольствия, призваны разорвать, — с прежней мефистофелевской улыбкой ответил Ляхов. — Иначе зачем вообще все?

Лично он сейчас развлекался. Таким именно способом подавляя нервную дрожь в самой сердцевине своего организма. Понятно ведь, что никакой он не супермен, подвержен тем же самым слабостям, эмоциям, страхам. Только способ выхода из стрессов у каждого — разный. В должности капитана Вадим до последнего соблюдал вытекающие из нее обязанности, стиль и манеру поведения. А вот обратился в рядового члена группы — и может вести себя, как хочется. Зато Тарханов теперь собран, напряжен, мрачен. По чину и обстановке.

Розенцвейг, он и есть Розенцвейг. Его иудейскую сущность, сопряженную с профессией неизвестно какие цели преследующего разведчика, попробуй, пойми. В какой-то книжонке, правильной или, наоборот, антисемитской, Ляхову некогда довелось прочесть, что еврейская философия запрещает анализировать прошлое и задаваться мыслями о будущем. Мол, веди себя дос-

тойно сегодня, соблюдая предписанные 650 рекомендаций и 383 запрета, а субботу — в особенности, все остальное будет определено не тобой, а тем, чье имя не называется. Отчего-то же он демонстративно отстранился от контактов с тем, кто был ему в «неведомых землях», по определению, ближе всех.

Наверное, так тоже надо.

С девушками и так все понятно. У них биология превалирует над логикой и даже благоприобретенными свойствами характера. И это — хорошо, как говорил один политический деятель.

Вот, например, только что Майя удалилась в заросли за пределы видимости. Вроде бы понятно зачем. Ляхова это не насторожило. Сделала бы то же самое Татьяна — сама собой возникла бы мысль, а вдруг опять ее позвало неведомое...

Но, вопреки чисто бытовому предположению, Майя вернулась через короткое время, сделав то, что Вадиму и в голову не пришло бы предположить. Она переоделась в те вещи, что были на ней в момент кратковременного, по словам Чекменева, заезда сюда, по пути с рыбалки домой. Узкие голубые джинсы, коричневые сапожки, лайковая курточка светло-кофейного цвета, под ней тонкий свитерок в цвет брюк. Аккуратная девушка. Как сложила тогда на израильской погранзаставе свои вещи в рюкзачок, так и достала их, целые и чистенькие.

Они же все за минувшие семь месяцев уже и забыть успели, на ком что было надето в тот роковой день.

Розенцвейгу, понятно, в его городском кремовом костюме совсем неуместно было по горам и пустыням бродить, так и остальные, не задумываясь, переодевались по обстановке сначала в армейские камуфляжи, потом во флотские «синие рабочие» и утепленные кожаные костюмы, идеально подходящие для вахт в открытом море и работы на палубе. А собственные, для случайной рыбал-

ки предназначенные одежды разбросаны по частям где-то там, от сирийской границы до Одессы.

Не сказать, что Майя отличалась скупостью, чего нет, того нет, Ляхов успел в этом убедиться, но к нравящимся ей вещам она относилась с любовью, и расставалась с ними неохотно. Казалось бы — мелочь. А в итоге получается, что мелочей не бывает. Сотню раз это подтверждалось, даже и на личном опыте Ляхова, но все каждый раз воображается, что те, прошлые мелочи, ими на самом деле не были, но уж вот эти — действительно...

И это тоже по большому счету правильно. Стань думать иначе — так и шагу ступить нельзя будет, пять раз не перекрестившись и не перебрав все приходящие в голову варианты.

В ответ на молчаливо приподнятую бровь Ляхова — мол, что бы такое это переоблачение значило — Майя улыбнулась широко и открыто, присела рядом, коснулась ладонью плеча:

— А захотелось мне вернуться такой, как ушла, вот и все.

С такой постановкой вопроса не поспоришь. Пришлось кивнуть, соглашаясь, и продолжить мысль, более подходящую для внешнего, чем для собственного, внутреннего употребления.

— Так вот, судари мои. Если в природе вообще существует хоть какая-то логика, сообразная нашим представлениям (вспомните известное: «Мир как воля и представление»¹), то через час мы будем дома. Я так вижу.

— А если нет? — безразличным голосом спросил Розенцвейг, забавлявшийся тем, что палочкой руководил движением колонны муравьев, тащивших одни грузы из внешнего мира в муравейник, другие же — наоборот.

Захотелось Ляхову использовать его забаву в качест-

¹ Название одного из трудов Шопенгауэра.

ве очередной, весьма наглядной аллегории, но он отчего-то воздержался. Ответил проще.

— Вы хоть и не араб, Григорий Львович, но расово и исторически к ним куда ближе, чем мы, отставшие в развитии славяне. А некий «кто-то ибн чей-то» еще до разрушения Второго храма¹ догадался, что все будет так, как должно быть. Даже если будет иначе. Поэтому совету исходить именно из этой истины. Поскольку в трудных ситуациях наш брат предпочитает куда менее остроумные формулировки. «Кто с мечом к нам придет...» — это еще из наиболее политкорректных. Все остальные удобнее писать не в сборнике мудрых афоризмов, а на заборах.

— М-да... Ну в чем-то вы, Вадим, наверное, правы. И ваши предки тоже. Бытие определяет сознание...

В этом нескучном разговоре время ожидания истекло почти незаметно.

В момент начала эксперимента «по уточнению параметров «каппа ритма» было где-то 13.30—13.35. По офицерской привычке и Ляхов и Тарханов, входя в дверь коттеджа, взглянули на ручные часы. А потом, уже в комнате, у Вадима перед глазами оказались большие, настенные, мерно взмахивавшие маятником. И он несколько раз на них поглядывал, соображая, как скоро девушкам надоест их ждать.

За пятнадцать минут до срока, чтобы иметь некоторый запас, они подтянулись к цоколю веранды, через остекление которой их и вынесло в иномир.

Теперь, собравшись, как спринтер перед стартом на стометровку, остается только наблюдать и не упустить звука стартового пистолета.

Все вокруг было совершенно так, как запомнилось. Вот и автомобиль Тарханова стоит возле беседки, там,

¹ Храм царя Соломона в Иерусалиме, фундамент и стена которого сейчас называются «Стеной плача» — место поклонения православных иудеев и всех любителей их отечественной истории.

где развернул его Сергей и где девушки ждали их возвращения после собеседования с Чекменевым, которое обещало быть недолгим.

А в комнате на первом этаже виллы через окна виднеется аппаратура, тоже та самая, над которой колдовал Маштаков.

— Наверное, пора нам войти внутрь, — сказал Розенцвейг. — И будем ждать того знамения или знака, на который вы, Вадим, так уповаете...

Если же такового они уловить не сумеют — это тоже допускалось, как вариант, и по мнению Тарханова, куда более вероятный — останется одно: самостоятельно крутить верньеры установки в надежде, что удастся создать пробой в ту сторону. Или, например, попав в резонанс, миры совместятся просто так, по факту. В этом варианте утешало то, что в любом случае они дома, и жить есть где, Москва недалеко, и после сколь угодно большого количества попыток они чего-нибудь, да добьются. Ну, попросту, Маштаков сообразит, что с его приборами что-то непонятное происходит, займется поиском источника помех, и так далее...

В школьные еще годы в журнале «Всемирный следопыт» Ляхов прочитал рассказ некоего В. Михайлова под названием «Глубокий минус», как путешественники в прошлое, застряв в мезозойской эре, нашли способ связаться со своей научной станцией в реале, избыточной нагрузкой хронополья сжигая радиомаяки в ритме азбуки Морзе. Или что-то в этом роде.

Чем и хороша фантастика. Не давая прогнозов и рецептов, она в своих лучших проявлениях очень эффективно способствует выходу мысли за пределы стереотипов. Но пока (еще целых семь минут) они могли надеяться, что сработает самый надежный, по их мнению, вариант.

Вошли в коттедж, осмотрелись настороженно. Нервное напряжение возрастало независимо от наличия или отсутствия привычки держать себя в руках.

Вот и часы те самые, и стол, и стулья, где они сидели. Здесь Ляхов с Тархановым, здесь Розенцвейг. Чекменев с Маштаковым — с той стороны стола.

На своем месте — пресловутый хроногенератор. Зона созданного им поля (или луча), чтобы захватить их троих и девушек на улице в машине, должна иметь такой примерно раствор, почти полные девяносто градусов.

— Так, становимся все в фокус, — командовал Ляхов, будто был здесь главным специалистом-хронофизиком. На самом же деле он просто считал себя обладающим самым развитым и раскованным воображением. И самыми крепкими в такой ситуации нервами. Именно в такой. На фронте Тарханов его превосходил безусловно, и Розенцвейг в своих сферах деятельности — тоже. А вот подчиняются же, почти беспреслововно.

Хотя Григорий Львович, по своей обычной хитрости, вроде бы даже усмехается уголками рта и глаз. Но — не возражает. Что вполне укладывается в философию того давнего разговора в машине, по пути из одного Израиля в другой, когда генерал предложил ему принять на себя роль хорошо замаскированного серого кардинала их маленького сообщества.

Минутная стрелка прыгнула на деление. Счет пошел на секунды. Девушки совсем сникли. И страшно им было, и страстно они надеялись, что сейчас волшебным образом все кончится, и боялись чего-то неизмеримо худшего, чем то, что с ними уже случилось.

Тарханов произвольно, похоже, сцепил пальцы поднятых на уровень груди рук. И зубы сжал так, что резко обозначились мышцы на углах нижней челюсти.

— Господа! — высоким голосом вдруг выкрикнул Розенцвейг. — Я вспомнил, буквально за минуту до вашего появления Маштаков при мне говорил Чекменеву, что вы способны без всяких приборов управлять хроно-

полем. Что вы как бы сами себе генератор... А ну, соберитесь, настройтесь, представьте себе...

— Так что ж ты раньше мол... — Тарханов не успел закончить фразу. А Ляхов успел сообразить, что от них хочет Розенцвейг.

«Генератор... поле... пробой... Туда, в это же место, через стенку, пленку времени...» Вадим зажмурил глаза, почти абсолютно уверенный, что сейчас по глазам ударит то самое черное пламя. Как на перевале, как в этой самой гостинной...

И, похоже, ударило, потому что в следующее мгновение он услышал слитный визг-вскрик девушек, головокружение, толчок пола в пятки. Но на ногах устоял. И сразу же ощутил странное, пока еще непонятное неудобство.

Пришел он в себя первым, именно потому, что успел закрыть глаза. Что принесло выигрыш в несколько секунд перед остальными.

Нужно понимать, что получилось. Хроногенератор ли сработал, его индивидуальный посыл или Сергей успел добавить собственного импульса, но они стояли в той же комнате и в тех же практически местах и позах, только абсолютно голые. За исключением Майи. Она как была, так и осталась в своем земном костюме. Розенцвейг и Татьяна оказались в полном смысле «в чем мама родила». На самом Ляхове из одежды был только его офицерский ремень с кобурой и подаренным Розенцвейгом «Дезерт Адлером» в ней, и у Тарханова такой же пистолет висел под мышкой в наплечной кобуре. Все.

Впрочем, не совсем все.

На полу вокруг них рассыпались ключи, служебные удостоверения, зажигалка, патрончик губной помады, маленький пузырек духов, еще какая-то мелочь, бережно сохраненная ими в «той» (теперь уже) жизни, в надежде на возвращение в «эту». То, что перекадывалось из кармана в карман при сменах одежды. Но ни одного

предмета, подобранного «там», через рубеж «бокового времени», пронести не удалось.

Майя несколько аффектированно расхохоталась, Татьяна растерянно вскрикнула и, прикрываясь руками, метнулась к ближайшей портъере. Мужчинам, хотя и без излишней паники, пришлось сделать то же самое.

Впрочем, из трехметровых полотнищ светло-коричневой ткани в полоску получились неплохие римские тоги. Разумеется, по сравнению с тем, что они все-таки вернулись, столь незначительный побочный эффект можно было во внимание и не принимать.

А насчет положения, в котором они оказались, Тарханов сообщил, несколько нервно усмехаясь:

— Это как раз не проблема. До моего дома всего пара сотен метров. Там и для нас одежда найдется, и у Та-ни весь ее гардероб. Но само по себе — забавно.

— Домой вернулись — и радуйтесь, — заявила Майя. Села в кресло, закинув ногу за ногу. — Угощайтесь. — В кармане ее куртки нашлась и забытая с прошлой жизни пачка сигарет.

— Спасибо, я предпочитаю сигары, — церемонно приложил ладонь к сердцу Розенцвейг, указав на коробку, из которой они с Чекменевым угощались, ожидая приглашенных для эксперимента товарищей.

Все они здесь испытывали одновременно радость, шок и смущение и выходили из них каждый по-своему.

— А где же группа встречающих? Где генерал, где профессор, репортеры, наконец? — Ляхов свой выход нашел в продолжении ерничества. Не переходить же прямо сразу к очередному симпозиуму. Тем более что этот вопрос его все равно волновал. Остальных же интересовали несколько другие моменты.

Тарханов искренне горевал о пропаже коллекционного израильского автомата «узи», Розенцвейг тоже не с пустыми руками пришел к точке возврата, хотя кто может угадать, что он с собой нес? Бриллианты, о кото-

рых не то в шутку, не то всерьез говорил Ляхову, или кое-что более ему профессионально близкое? Но он же произнес первые осмысленные слова.

— Увы, коллеги, придется распрощаться с главной нашей мечтой и надеждой... Рухнули надежды использовать параллельный мир в качестве неисчерпаемого источника материальных ресурсов. Вторую Землю, практически. А как все хорошо начиналось...

— Бросьте, Григорий Львович, — прервала его Майя. — Мой дед, помнится, говорил — за что не допла-тишь, того не доносишь. Ну, не вышло с халявой, так и слава богу. Неизвестно еще, во что все это могло обер-нуться. Зато все остальные варианты использования на-шего Тридевятого царства остаются в силе. А вот куда на самом деле скрылись ваши начальники и пациенты, которым следовало бы находиться здесь, действительно интересно. Свою половину программы мы выполнили, а вот с их стороны...

— Может быть, мы опять попали не туда? — подала голос Татьяна.

— Ага, очередной предбанник между миром и ми-ром, — по-прежнему шутливым тоном согласился Ля-хов, но про себя подумал, что мысль-то сама по себе здравая. Если они выскочили оттуда, лишившись всех материальных ценностей, которые там приобрели, вы-скочили в единственный, давно и точно просчитанный момент и не увидели здесь тех, кто руководил процес-сом с этой стороны, так что еще это может значить? Не то ли, что это действительно аналог чистилища, где им предстоит подвергнуться неким малопонятным проце-дурам или остаться здесь вообще навсегда? Или, по крайней мере, на срок, который может быть сравним с продолжительностью их нормального земного сущест-вования?

А чему удивляться? Пусть и выглядит такая перспек-тива страшненько. Так ведь, пошатавшись по загробно-

му миру, с какой радости вдруг можешь претендовать, чтобы все стало так, будто ничего подобного не было?

На подобную тему Ляхов, кстати, не раз и не два задумывался, стоя у штурвала на бесконечно длинных вахтах, особенно ночных.

— Так сейчас пойдем и посмотрим, — поднялся со своего стула Тарханов. — Идти совсем недалеко. Сначала ко мне домой, а потом по территории. Здесь я все знаю. И в Москву съездить можно...

— Не надо никуда вам ездить, — раздался с веранды знакомый голос.

Поскрипывая новыми, еще не разношенными высокими сапогами, в полевой форме с генерал-лейтенантскими погонами, в зал вошел Чекменев собственной персоной. Почти совсем такой, как раньше, только вид у него был донельзя усталый, осунувшийся, будто это он пробирался сюда восемь месяцев через два континента, а не провел час или два в привычной обстановке. И в чине успел повыситься, и похудел на несколько килограммов. Совсем не тот человек, что в январской Хайфе или августовской Москве.

Порывисто обнял каждого из друзей. Девушкам — вежливо поклонился.

— Игорь Викторович, какое сегодня число? — не вступая в иные разговоры, первым делом спросил Тарханов.

— И какого года, — добавил Розенцвейг, словно пресловутый Эдмон Дантес, оказавшись на палубе тартаны славного Джакопо.

— Год все тот же, господа, две тысячи пятый от Рождества, число же — пятое октября...

— То-то я и подумала, слишком уж много опавших листьев за окном, а на той стороне — совсем почти нет, — тихо сказала Майя.

Чекменев, в отличие от друзей переживший немало больше событий, имеющих государственное значе-

ние, среди которых печаль и тревога об их личной судьбе занимала далеко не первое место, несколько удивились эмоциям, отразившимся на лице своих подчиненных.

Где бы они там ни были последний месяц, но оставались именно и только подчиненными офицерами. Как он и предполагал, временно пропавшими без вести, но вернувшимися в собственное расположение без потерь. Что им, безусловно, зачтется.

— Я, конечно, очень прошу прощения, господин генерал-лейтенант, с каковым чином, безусловно, вас поздравляю, — манерами и усмешкой не выражая абсолютно никакой субординации, заявил Ляхов, который Чекменеву был не подчинен, а за последнее время избавился от последних остатков интеллигентности и ложно понимаемой скромности. — Только интересно узнать, чего вы с господином Маштаковым над нами совершить изволили, и за каким, простите, хреном? И каким, соответственно, образом у нас целых полтора месяца текущей жизни украли, поскольку, как мне помнится, сюда, по вашему приглашению, мы явились двадцать четвертого августа. А девять месяцев неизвестно в какой зачет, наоборот, прибавили?

Чекменев смотрел на него со сложным чувством удивления и где-то даже восхищения. Тоже понятно. Каким, грубо говоря, сопляком ему этот доктор встретился зимой и каким нахально-независимым выглядит сейчас. Кутаясь в тогу и кем-то вроде римского легата себя воображая. Оно и понятно, если по собственному счету провел девять месяцев неизвестно где, в «полной отвязке», как говорится, успел подзабыть субординацию.

А и Ляхову наблюдать реакцию здешнего Малюты Скуратова было интересно. Ну, неплохой парень, тогда в Хайфе они очень даже сдружились, в Москве же до последнего момента и не встречались. И никаким начальником его для себя Вадим не считал. Мало ли что он сейчас генерал, а прицепив на погоны третью звездочку,

еще и «лейтенант»... Что же с этого? Он и сам давно уже полковник. А повидать довелось столько... И друг сердечный, капитан Шлиман, в случае чего, меня ждет не дожидется. А прибудешь туда по новой, так и он там каким-нибудь генералом станет или серафимом третьего ранга!

— Вы уж меня простите, Вадим Петрович, только вот в этом вопросе я вам совершенно ничего ответить не могу. Поскольку сам ничегошеньки не понимаю в математиках и физиках. Почти два месяца потеряли, говорите? Сочувствую. Выражаясь научно — бывает. А вам не кажется, что я за эти два месяца, что вы безвестно отсутствовали, массу седых волос заработал и страдал совершенно в духе пьес Шекспира или же — Антона Павловича Чехова? И работу, что вам по должности исполнять полагалось, делали другие, не слишком к ней приспособленные люди.

Хорошо. Если вас вопросы теории по-прежнему занимают, я предоставляю вам возможность пообщаться с лучшими специалистами, начиная от Маштакова и той компании, которую он вокруг себя собрал. С утра на занятия будете ходить, потому что учебный год в вашем заведении уже начался. Справку насчет вынужденных прогулов я вам выдам. В остальное же время будете теорией заниматься.

Вас, Майя Кирилловна, — обратился он в другую сторону, — тоже имею возможность утешить. С вашим родителем мы достигли полнейшего взаимопонимания по интересующим нас вопросам, а о вас он имеет наилучшие характеристики и уверения в том, что вы исполняли сложное, но вполне безопасное задание в некотором отдалении от столицы. Позвоните ему прямо сейчас, успокойте. Заодно это еще раз ему подтвердит, что наша контора играет честно.

Майя ответила ему почти лучезарной улыбкой. Кивнула, не произнеся ни слова. Однако надо было знать ее получше, чем генерал, который, возможно, выучил наи-

зусть досье, но вживую, тем более в острых ситуациях, он эту девушку не видел. Потому трудно ему было понять, сколько яда в той улыбке содержалось.

Розенцвейг смотрел вообще в сторону, реплик не подавал.

Один Тарханов переводил глаза поочередно — то на Чекменева, то на каждого из друзей. Для него суть происходящего, похоже, оставалась ясной не до конца. Как это на старом театре — у каждого актера свое, жестко определенное амплуа. Так он здесь что — пресловутый «простак»? Быть не может. Сергей — совсем не такой. Кому же и знать, как не ему.

И Ляхову так вдруг отчетливо вообразилось, что он присутствует на репетиции некоей странной пьесы. Вспоминая «Театральный роман» Булгакова, он подумал, что такая могла получиться, если бы ее, помирившись после сорокалетнего конфликта, взялись бы совместно ставить Иван Васильевич с Аристархом Платоновичем¹.

То есть вполне абсурдистская при взаимоналожении их творческих методов. Ионеско² отдыхает. Но, поскольку оба великих режиссера отошли в мир иной полвека с лишним назад, кто-то другой претендует на их место в истории и творческий метод.

Да нет, конечно, все гораздо проще. Девять месяцев, проведенных в отрыве от человеческого общества, да и вообще за пределами реального мира, способны подвинуть крышу кому угодно. Сергей просто отвык от общения с обычными армейскими начальниками.

— Мы вас искали. Со всем возможным старанием. С первой же секунды. О подробностях лично вам, Вадим Петрович, расскажет ваш друг доктор Бубнов. К сожалению, не нашли сразу. Но это вряд ли было в силах человеческих. Зато к вашему возвращению я все равно

¹ См. указанное сочинение. Имеются в виду основатели МХАТ Станиславский и Немирович-Данченко.

² Ионеско, Эжен — один из основоположников театра абсурда.

успел. Это — заслуга опять-таки Маштакова. Поэтому мы его не только простим, но и наградим, пожалуй. А сейчас... — Чекменев тоже взял из коробки сигару, щелкнул пальцами в воздухе, и неизвестно откуда взявшийся адъютант с подносом выставил на стол целых три бутылки Голицынского шампанского «Новый свет».

— Первую — за счастливое возвращение, друзья, — провозгласил Игорь Викторович.

— А вторую... Дело в том, что у нас тут сейчас происходит небольшая война. Пока — гражданская, но может плавно перетечь и в мировую, как уже случилось. Посему — вам, Сергей Васильевич, — кивком головы он обратился к Тарханову, — после короткого отдыха и подробного доклада предстоит присоединиться к нашим отрядам. Там вас сейчас заменяет Стрельников, он справляется, но только в пределах своей компетенции. От вас же я жду большего.

Тарханов и рад бы был вскочить, щелкнуть каблуками, совершить все прочие, предписанные уставом действия. Но не босиком же и не завернутым в портьеру. Осталось только кивнуть.

— Вот и хорошо, — облегченно вздохнул Чекменев. — Так и я вас порадую. Их высочество повелеть соизволил, что в случае если ваше возвращение на самом деле состоится, доставить вас для приватного ужина в его охотничий домик «Берендеевка», где он выслушает историю ваших походов... От себя добавлю, если Олег Константинович (тут генерал тонко улыбнулся и словно бы подмигнул) будет беседою удовлетворен, награды и милости воспоследствуют незамедлительно. Так что подходящую к аудиенции одежду вам вскорости подвезут, пока же у вас есть... — Чекменев взглянул на настенные часы, по-прежнему меланхолически размахивающие маятником, — ровно пять часов. Баня, брильян, короткий сон, если желаете. К услугам прекрасных

дам — парикмахеры, маникюрщицы, визажисты. Вас проводят...

Коллизия разрешилась к полному удовольствию всех занятых в ней персон. Совершенно, как принято в текстах эпохи романтизма. Зло более-менее наказано, благодетель торжествует. Здесь бы самое время поставить точку, попутно оговорив, кто на ком женился и насколько счастливым было дальнейшее совместное проживание.

Только вот несносный полковник Ляхов, по своему обыкновению, опошил чистоту жанра. Не только не смущаясь античной простотой своего облика, а старательно ее утрируя, он встал, выдвинулся на середину комнаты, великолепным жестом бросил через плечо край импровизированной тоги.

— ...Позвольте доложить, господин генерал, перед тем как мы будем предъявлены его высочеству, что вся прилегающая за рубежом времени территория нами подробнейшим образом исследована, признана подходящей для внедрения и освоения, а также заложены основы для сотрудничества с местными жителями. А поскольку, как я понял, война на западных пределах державы все-таки разгорается, свободное от неприятеля операционное направление открыто...

Чекменев в очередной раз ощутил себя шокированным. Вчера вечером — сообщением о невозможной, несвоевременной, трагической, по большому счету, гибели Фариды. Сейчас — словами Ляхова. За которыми крылось куда как больше, чем в их буквальном звучании.

— Спасибо, Вадим Петрович, это я непременно учту. Только... Откуда вы про войну-то знали?

— Так, — не стал скромничать Ляхов. — Исключительно путем размышлений. Разве чем-нибудь другим ваши труды могли закончиться?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	48
Глава 4	68
Глава 5	90
Глава 6	109
Глава 7	130
Глава 8	155
Глава 9	191
Глава 10	223
Глава 11	246
Глава 12	273
Глава 13	295
Глава 14	313
Глава 15	335
Глава 16	380
Глава 17	412
Глава 18	432
Глава 19	449
Глава 20	467
Глава 21	491

Литературно-художественное издание

Звягинцев Василий Дмитриевич

БРЕМЯ ЖИВЫХ

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Е. Самойлова*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Художник *С. Атрошенко*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *А. Колесников*
Корректор *В. Авдеева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

*По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.*

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрябина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (095) 745-89-15, 780-58-34.

www.eksmo-kanc.ru e-mail: kanc@eksmo-sale.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве
в сети магазинов «Новый книжный»:**

Центральный магазин — Москва, Сухарева пл., 12

(м. «Суарева», ТЦ «Садовая галерея»). Тел. 937-85-81.

Москва, ул. Ярцевская, 25 (м. «Молодежная», ТЦ «Трамплин»). Тел. 710-72-32.

Москва, ул. Декабристов, 12 (м. «Отрадное», ТЦ «Золотой Вавилон»). Тел. 745-85-94.

Москва, ул. Профсоюзная, 61 (м. «Калужская», ТЦ «Калужский»). Тел. 727-43-16.

Информация о других магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

ООО Дистрибуторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksmo.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЗКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг
издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 13.07.2004
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88. Уч.-изд. л. 23,4.
Тираж 30 100 экз. Заказ № 3953

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

МИР ФАНТАСТИКИ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОЛНОЦВЕТНЫЙ ЖУРНАЛ О ФЭНТЕЗИ
И ФАНТАСТИКЕ ВО ВСЕХ ПРОЯВЛЕНИЯХ

ФОРМАТ ИЗДАНИЯ: А4

**СПРАШИВАЙТЕ ЖУРНАЛ "МИР ФАНТАСТИКИ"
ПОВСЕМЕСТНО В ОТКРЫТОЙ ПРОДАЖЕ!**

Книжный ряд: Рецензии на фантастические книги, обзоры жанров и грандиозных авторских вселенных.

Контакт: Интереснейшие беседы с писателями-фантастами, редакторами издательств и другими деятелями фантастической культуры.

Машина времени: Популярные статьи о средневековом быте, оружии, о передовых технологиях и науке завтрашнего дня.

Бестиарий: Чудовища и разумные расы фэнтези и научной фантастики.

А также: Рассказы известных авторов, Видеоотряд, Игровой клуб, Врата миров, В центре вселенных, Комната смеха и другие рубрики!

Часть тиража журнала комплектуется компакт-дискom с оригинальными материалами.

www.mirf.ru

СТРАНА ИГР

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

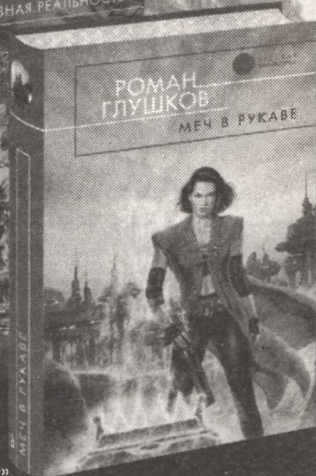
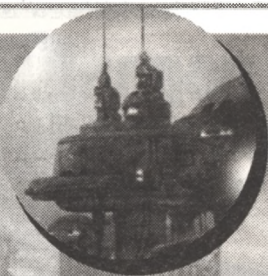
В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.

МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

СЕРИЯ

«РУССКАЯ ФАНТАСТИКА»

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

В. Звягинцев

«Андреевское братство»,

«Бои местного значения»

В. Бурцев «Алмазный дождь»

А. Орлов «База 24»

А. Селецкий «Древняя кровь»

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ВРЕМЯ ЖИВЫХ

Бои «на том свете», в мире «бокового времени», не проходят даром для их участников. Только Вадиму Ляхову и в меньшей степени Сергею Тарханову удастся сохранить самообладание и разработать план действий, цель которых – вернуться в свою реальность со славой для себя и пользой для Отечества, где, в свою очередь, начинают набирать темп драматические события. Беспорядки в Польше грозят перерасти в Мировую войну, двоевластие в России доживает последние часы, и тем, кто взял на себя ответственность за судьбу страны, предстоит выбор: демократия или монархия, поражение или победа. Времени до часа икс остается все меньше.

